

Джон Ле Карре

Верный садовник

*Нам выпало — стремиться за пределы.
Зря, что ли, существуют небеса?!*
«Андреа дель Сарто», Роберт Браунинг

Иветт Пьернаоли, которая жила и умерла не зазря.

Глава 1

Новость эта достигла посольства Великобритании в Найроби в понедельник, в половине десятого утра. Сэнди Вудроу воспринял ее как мужчину, расправив грудь, с закаменевшей челюстью, не согнувшись под ударом. Стоя. Другого в памяти не осталось. Он стоял, когда ожил телефон внутренней связи. К чему-то тянулся, когда услышал его, поэтому развернулся, наклонился и снял с рычага трубку, чтобы сказать: «Вудроу». А может: «Вудроу слушает». Не сказал — рявкнул, это тоже зафиксировала память. Словно не он, а кто-то другой бросил в трубку: «Вудроу слушает». То есть ограничился только фамилией, опустив смягчающее прозвище Сэнди, а рявкал потому, что через тридцать минут начиналось обычное еженедельное «молитвенное собрание», на котором Вудроу, начальнику «канцелярии» [1], отводилась роль посредника между различными отделами посольства, каждый из которых желал полностью завладеть душой и сердцем посла.

Короче, этот паршивый понедельник ничем не отличался от любого другого. Заканчивался январь, самый жаркий месяц в Найроби, время пылевых бурь, нехватки воды, пожухлой травы и воспаленных глаз, когда на солнце раскаляются мостовые, а палисандровые деревья, да и все живое с нетерпением ожидают сезона дождей.

Почему он стоял, так и осталось для него тайной за семью печатями. По всем раскладам ему полагалось сидеть за столом, щелкая пальцами по клавиатуре, вызывая на дисплей руководящие материалы, поступившие из Лондона, и доклады посольств соседних африканских стран. Вместо этого он стоял перед столом и занимался чем-то совершенно неуместным. Возможно, поправлял фотографию Глории, его жены, и двух маленьких сыновей, сделанную прошлым летом, когда они ездили в отпуск в Англию. Посла фотоаппарат запечатлел на склоне, и приводило это к тому, что за уик-энд фотографии, предоставленные сами себе, перекашивались.

А может, вооружившись баллончиком с инсектицидом, он сражался с каким-то кенийским насекомым, не признававшим дипломатического иммунитета. Несколько месяцев тому назад они едва отбились от какой-то мушки, которая, если ее давили на коже, вызывала фурункулы и язвы, а в отдельных случаях дело доходило до слепоты. Он опрыскивал помещение, услышал звонок, поставил баллончик на стол и схватил трубку. Вполне возможный вариант, потому что где-то на задворках памяти остался красный баллончик, стоящий на папке с исходящими бумагами. Короче, он рявкнул: «Вудроу слушает» — в прижатую к уху трубку.

— О, Сэнди, это Майк Милдрен. Доброе утро. Ты один?

Лоснящийся, полноватый двадцатичетырехлетний Милдрен, личный секретарь посла, эссекский акцент [2], первое место службы за пределами Англии, младшими чинами, само собой, прозванный Милдредом.

— Да, — признался Вудроу. — Один. А что?

— К сожалению, есть новости, Сэнди. Я вот подумал, а не можешь ли ты заглянуть ко

мне на минуту-другую?

— До совещания подождать нельзя?

— Думаю, что нет... нет, нельзя, — в голосе Милдрена зазвучали более решительные нотки. — Дело касается Тессы Куэйл, Сэнди.

Отношение Вудроу к разговору разом переменилось. Нервы натянулись, как струны. Тесса.

— Что с ней? — голос остался бесстрастным, но мысли помчались, наскაკивая друг на друга. О Тесса. О господи. Что же делать?

— Полиция Найроби сообщает, что ее убили, — буднично, словно говорил такое каждый день, ответил Милдрен.

— Полнейшая чушь! — вырвалось у Вудроу, прежде чем он успел о чем-то подумать. — Это же нелепо. Где? Когда?

— На озере Туркана [3]. На восточном берегу. В этот уик-энд. О деталях они говорят очень дипломатично. В ее автомобиле. По их информации, несчастный случай, — в голосе Майка послышались извиняющиеся нотки. — У меня такое впечатление, что они пытались пощадить наши чувства.

— В чьем автомобиле? — выкрикнул Вудроу, всеми силами отторгая от себя это безумие... кто? как? где?., но все мысли и чувства заталкивались куда-то в глубины сознания, вместе с тайными, сладостными воспоминаниями, а их место занимал выжженный солнцем ландшафт Турканы. Он побывал там шесть месяцев тому назад в не слишком приятной компании военного атташе. — Оставайся у себя, я уже иду. И никому ничего не говори, слышишь меня?

Как на автопилоте, Вудроу положил трубку на рычаг, обошел стол, взял со спинки стула пиджак, надел его. Обычно, поднимаясь наверх, он обходился без пиджака. На совещания по понедельникам надевать пиджак не требовалось, и уж тем более не требовался он для того, чтобы поболтать с толстяком Милдреном в его кабинете. Но профессионализм подсказывал Вудроу, что ему предстоит долгое путешествие. Тем не менее, поднимаясь по лестнице, немалым усилием воли он сумел взять себя в руки, напомнил себе, что в любом кризисе главное — сохранять спокойствие и хладнокровие, и даже убедил себя, как только что убеждал Милдрена, что все это скорее всего полнейшая чушь. Убежденность эта основывалась на случае с молодым англичанином, которого десять лет тому назад вроде бы разрубили на куски в африканском буше. Конечно же, все оказалось чистой выдумкой. Просто какой-то местный полицейский решил привлечь к себе внимание, чтобы ему прибавили жалованье.

Новое здание, по лестнице которого Вудроу сейчас поднимался, отличалось строгостью и продуманностью планировки. Стиль этот ему нравился, возможно, потому, что по тем же принципам он пытался строить и свою жизнь. Огражденный участок, столовая, магазин, заправочная станция, чистые коридоры — создавали ощущение самодостаточности. Это важное качество отличало и Вудроу. Возраст — сорок лет, счастливый брак с Глорией (если сие не соответствовало действительности, то знал об этом только он), должность начальника «канцелярии», небезосновательная надежда на то, что следующей ступенью его карьеры станет пост посла в какой-нибудь маленькой стране, потом — в стране покрупнее и, наконец, рыцарский титул. Он не придавал этому ровно никакого значения, но знал, что Глория будет довольна. Что-то в нем было от солдата, но он и происходил из семьи военных. За семнадцать лет службы в Министерстве иностранных дел ему довелось поработать в полдюжине посольств. Но наибольшее впечатление произвела на него полная опасностей, распадающаяся, разграбленная, обанкротившаяся, когда-то принадлежащая Британии Кения. Наверное, во многом благодаря Тессе, но в этом он не решался признаться даже самому себе.

— Выкладывай, — решительно заявил он Милдрену, плотно закрыв за собой и заперев на задвижку дверь.

Природа наградила Милдрена вечно надутыми губками. Сидя за столом, он более всего напоминал капризного, толстого ребенка, отказавшегося доедать овсянку.

— Она останавливалась в «Оазисе», — начал Майк.

— Каким оазисе? Если можно, точнее.

Но Милдрен, при всей его молодости, не тушевался перед начальством. Он владел стенографией и, прежде чем ответить, просмотрел свои записи. «Должно быть, их теперь учат стенографии, — пренебрежительно подумал Вудроу. — Иначе как такой выскочка, как Милдрен, смог найти для этого время».

— На восточном берегу озера Туркана, в южной части, есть отель, — Милдрен не отрывал глаз от листка. — Он называется «Оазис». Тесса провела там ночь и наутро уехала на внедорожнике, который принадлежал владельцу отеля. Сказала, что хочет посмотреть на то место, где зародилась цивилизация, в двухстах милях к северу. На раскопки Лики [4]. На раскопки, проведенные экспедицией Ричарда Лики. В Сибилонском национальном парке, — уточнил он.

— Одна?

— Вольфганг дал ей шофера. Его тело нашли во внедорожнике рядом с ней.

— Вольфганг?

— Владелец отеля. Такое у него прозвище. Все зовут его Вольфганг. Должно быть, немец. Неординарная личность. Согласно сообщению полиции, водителя жестоко убили.

— Как?

— Обезглавили. Отсутствует.

— Кто отсутствует? Ты сказал, его нашли в машине вместе с ней.

— Голова отсутствует.

«Я мог бы и догадаться сам, не так ли?» — подумал Вудроу.

— Как, по сообщению полиции, умерла Тесса?

— Несчастный случай. Это все, что они говорят.

— Ее ограбили?

— Полиция утверждает, что нет.

Водителя убили, Тессу не ограбили, Вудроу не знал, что и думать.

— Доложи все, что тебе известно, — приказал он. Милдрен уперся локтями в стол, обхватил ладонями толстые щеки, вновь сверился с записями.

— В девять двадцать девять позвонили из полицейского управления Найроби, попросили соединить с послом. Я объяснил, что посол в городе, наносит визиты в министерства, должен появиться в посольстве самое позднее в десять утра. Дежурный, очень деловой офицер, назвал свою фамилию. Сообщил, что из Лодвара поступило донесение.

— Лодвара? Это же далеко! [5]

— Там расположен ближайший полицейский участок, — ответил Милдрен. — Внедорожник, принадлежащий владельцу «Оазис-лодж», Туркана, найден на восточном берегу озера, неподалеку от Аллиа-Бэй, по пути к раскопкам Лики. Тела белой женщины, причина смерти не указана, и обезглавленного африканца, в котором опознали Ноя, водителя, у него остались жена и четверо детей, пролежали не менее тридцати шести часов. В кабине найдены: один сапожок фирмы «Мефисто», размер семь, и синяя охотничья куртка, размер XL, в пятнах крови. Женщине около тридцати лет, темноволосая, одно золотое кольцо на среднем пальце левой руки. Одно золотое ожерелье на полу внедорожника.

«Роскошное у тебя ожерелье», — услышал Вудроу свой голос. Тогда он танцевал с Тессой.

«Бабушка подарила его моей матери в день ее свадьбы, — ответила она. — Я ношу его всегда, даже если надеваю водолазку».

«И в постели?»

«В зависимости от ситуации».

— Кто их нашел? — спросил Вудроу.

— Вольфганг. По радио он сообщил о случившемся в полицию и поставил в известность свой офис в Найроби. Тоже по радио. Телефона в «Оазисе» нет.

— Если водителю отрубили голову, как его смогли опознать?

— По сломанной руке. Поэтому, собственно, он и пошел в водители. Вольфганг говорит, что Тесса уехала с Ноем в субботу, в половине пятого утра, в компании Арнольда Блюма. После этого живыми он их не видел.

Майк то ли цитировал свои записи, то ли прикидывался, что цитирует. Но ладони по-прежнему обжимали щеки, и он не собирался поднимать глаза на Вудроу.

— Повтори последнее еще раз, — приказал Вудроу, когда у него вновь забилось сердце.

— Тессу сопровождал Арнольд Блюм. Они вместе зарегистрировались в отеле «Оазис-лодж», провели там ночь с пятницы на субботу и утром, в половине шестого, покинули отель на джипе Ноя, — терпеливо повторил Милдрен. — Тело Блюма в кабине внедорожника не нашли, он бесследно исчез. Никакой новой информации о нем нет. Полиция Лодвара и «летучий отряд» находятся на месте преступления, но полицейское управление в Найроби хочет знать, оплатим ли мы вертолет.

— Где сейчас тела? — сухо, четко, как и полагалось сыну военного, спросил Вудроу.

— Неизвестно. Полиция хотела отвезти их в «Оазис», но Вольфганг отказался. Сказал, что его персонал разбежится, как, впрочем, и гости. — Милдрен помялся. — Она зарегистрировалась как Тесса Эбботт.

— Эбботт?

— Ее девичья фамилия. «Тесса Эбботт, абонентный ящик на почтамте Найроби». Наш ящик. У нас Эбботт нет, но проверка показала, что есть Тесса Куэйл, в девичестве Эбботт. Я полагаю, эту фамилию она использует в своей благотворительной деятельности, — Майк уже смотрел на последний листок своих записей. — Я попытался найти посла, но он ездит по министерствам, а сейчас час пик, — в Найроби президента Мои сие означало, что на местный звонок уйдет как минимум полчаса, в течение которого придется выслушивать самодовольный голос женщины средних лет: «Извините, все линии заняты, пожалуйста, позвоните позже».

Вудроу уже стоял у двери.

— Ты кому-нибудь говорил?

— Ни единой душе.

— Полиция?

— Они заявляют, что нет. Но они не могут отвечать за Лодвар, и я сомневаюсь, что они могут отвечать за себя.

— И, насколько тебе известно, Джастин не в курсе?

— Совершенно верно.

— Где он?

— Полагаю, в своем кабинете.

— Пусть там и сидит.

— Он пришел рано. Так бывает всегда, если Тесса куда-то уезжает. Ты хочешь, чтобы я отменил совещание?

— Подожди.

Теперь-то у Вудроу отпали последние сомнения в том, что ему придется иметь дело с двенадцатибалльным скандалом, не говоря уже о трагедии. Он метнулся к двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен», поднялся по лестнице и полутемным коридором прошел к другой двери, стальной, с глазком и кнопкой звонка. Пока он жал на кнопку, на него нацелилась камера внешнего наблюдения. Дверь открыла стройная рыжеволосая женщина в джинсах и цветастой блузке. «Шейла, номер два в рейтинге красавиц, знаток суахили», — автоматически подумал Вудроу.

— Где Тим? — спросил он.

Шейла нажала кнопку на аппарате внутренней связи.

— Это Сэнди, и он спешит.

— Мне нужна одна минута, — ответил мужской голос. Они подождали.

— Путь свободен, — вновь послышался тот же голос, открылась еще одна дверь.

Шейла посторонилась, Вудроу прошел мимо нее в комнату. Перед столом стоял,

вытянувшись во все свои шесть футов и шесть дюймов, Тим Донохью, начальник коммуникационного центра. Должно быть, он убрал все со стола, потому что полированную поверхность не пятнала ни одна бумажка. Выглядел Донохью даже более больным, чем всегда. Глория, жена Вудроу, утверждала, что он умирает. Провалившиеся, бесцветные щеки, собравшаяся в морщинки кожа у уголков пожелтевших глаз. Обвисшие усы.

— Сэнди! Привет. Чем мы можем тебе помочь? — он щурился, всматриваясь в Вудроу через бифокальные стекла, улыбался костлявой улыбкой.

«Он слишком быстро до всего доходит, — вспомнил Вудроу. — Накрывает твою территорию и перехватывает сигналы до того, как ты их подаешь».

— Похоже, Тессу Куэйл убили неподалеку от озера Туркана, — ответил Вудроу, испытывая мстительное желание шокировать. — Там есть отель, который называется «Оазис-лодж». Мне нужно поговорить с владельцем по радио.

«Так уж их готовили, — думал Сэнди. — Правило первое: никогда не выдавай своих чувств, если они есть». Веснушчатое лицо Шейлы напоминало маску. На лице Тима Донохью застыла та же глупая улыбка, только теперь она выражала совсем не то, что при встрече с Вудроу.

— Тессу что, старина? Повтори?

— Убили. Как — неизвестно или полиция не говорит. Водителю ее джипа отрезали голову. Вот и вся история.

— Убили и ограбили?

— Просто убили.

— Около озера Туркана?

— Да.

— А что она там делала?

— Понятия не имею. Вроде бы хотела съездить на раскопки Лики.

— Джастин в курсе?

— Еще нет.

— Замешан в этом кто-то еще, из тех, кого мы знаем?

— Среди прочего я хочу выяснить и это.

Донохью первым прошел в рабочее помещение коммуникационного центра, в которое Вудроу попал впервые. Цветные телефонные аппараты с щелью для ввода ромбовидной пластины-ключа. Факс, установленный на подставке, очень уж напоминающей нефтяную бочку. Радиопередатчик — несколько металлических коробов. На них — раскрытый справочник. «Вот, значит, как и откуда наши шпионы шепчутся друг с другом, — подумал Вудроу. — Под землей или над землей? Этого не узнать». Донохью сел за радиопередатчик, полистал справочник, затем трясущимися белыми пальцами взялся за контрольные диски, монотонно бубня в микрофон: «Зэ-эн-би 85, Зэ-эн-би 85 вызывает Тэ-эн-ка 60, — совсем как в фильме про войну. — Тэ-эн-ка 60, вы меня слышите? Прием. „Оазис“, вы меня слышите? „Оазис“? Прием».

В комнату ворвался шум статических помех, потом мужской голос с сильным немецким акцентом: «Оазис» на связи. Слышу вас отлично, мистер. Кто вы? Прием».

— «Оазис», это посольство Великобритании в Найроби, соединяю вас с Сэнди Вудроу. Прием.

Вудроу уперся обеими руками в стол Донохью, наклонился вперед, к микрофону.

— Говорит Вудроу, начальник «канцелярии». Я разговариваю с Вольфгангом? Прием.

— Такой же канцелярии, как была у Гитлера?

— Мы занимаемся только политическими вопросами. Прием.

— Понятно, мистер Канцелярия. Я — Вольфганг. Что вас интересует? Прием.

— Я хочу, чтобы вы своими словами описали приметы женщины, которая зарегистрировалась в вашем отеле как мисс Тесса Эбботт. Я все говорю правильно? Она зарегистрировалась под этим именем? Прием.

— Темные волосы, никакой косметики, около тридцати лет, не англичанка. Мне так

показалось. Уроженка Южной Германии, Австрии или Италии. Я — хозяин отеля. Вижу много людей. И красавица. Я еще и мужчина. Очень сексуальная, особенно когда двигается. Одевается так, что хочется тут же ее раздеть... Похоже на вашу Эбботт или это кто-то еще? Прием.

Голова Донохью находилась в нескольких дюймах от его. Шейла стояла с другой стороны. Все трое не отрывали глаз от микрофона.

— Да. Похоже на мисс Эбботт. Можете вы сказать мне, если вас это не затруднит, когда она заказала место в вашем отеле и каким способом? Как я понимаю, у вас есть офис в Найроби. Прием.

— Она не заказывала.

— Извините?

— Заказывал доктор Блюм. Два бунгало, у бассейна, на одну ночь. У нас свободным было только одно бунгало, я так ему и сказал. Его это устроило. Такой мужчина. Вау! Все только на них и смотрели. Гости, персонал. Одна красивая белая женщина, один красивый африканский доктор. Приятное зрелище. Прием.

— Сколько комнат в бунгало? — спросил Вудроу, в последней надежде, что скандала удастся избежать.

— Одна спальня, две кровати, совсем не жесткие, удобные и пружинистые. Одна гостиная. В отеле регистрируются все. И никаких вымышленных фамилий, говорю я им. Люди иногда исчезают, я должен знать, кто они. Вот она и назвала свою фамилию. Эбботт. Прием.

— Ее девичью фамилию. И абонентский ящик посольства.

— Где ее муж?

— Здесь, в Найроби.

— Однако...

— Так когда доктор Блюм забронировал бунгало? Прием.

— В четверг. В четверг вечером. Радирует мне из Локи. Говорит, что они собираются выехать в пятницу с рассветом. Локи — сокращение от Локикоджио. На северной границе. Столица благотворительных организаций, работающих в Южном Судане. Прием.

— Я знаю, где находится Локикоджио. Они сказали, что там делали?

— Занимались организацией помощи. Иначе в Локи делать нечего. Блюм, как он мне сказал, работает в каком-то бельгийском госпитале. Прием.

— Итак, он забронировал бунгало из Локи, и в пятницу утром они выехали из Локи. Прием.

— Говорит, что они доберутся до западного берега озера около полудня. Просит прислать лодку, чтобы перевезти их через озеро в «Оазис». "Послушайте, — отвечаю я ему. — Поездка от Локикоджио до Турканы не для слабонервных. Лучше всего присоединиться к какому-нибудь конвою с продовольствием. В холмах полно бандитов, племена крадут друг у друга скот. В принципе, это нормально, только десять лет тому назад у них были копья, а теперь у всех «АК-47». Он смеется. Говорит, что с этим он справится. И справился. До озера они добрались без проблем. Прием.

— Они приехали. Зарегистрировались. Что потом? Прием.

— Блюм говорит, что им нужен джип и водитель, чтобы ранним утром уехать на раскопки Лики. Не спрашивайте меня, почему он не упомянул об этом, когда бронировал бунгало. Я ему этого вопроса не задавал. Может, они решили по дороге. Может, не хотели обсуждать свои планы по радио. «Хорошо, — говорю я ему. — Вам повезло. С вами может поехать Ной». Блюм обрадовался. Она обрадовалась. Они погуляли по саду, вместе поплавали, вместе посидели в баре, вместе пообедали, сказали всем спокойной ночи и ушли в свое бунгало. Утром вместе уехали. Я их провожал. Хотите знать, что они ели на завтрак?

— Кто еще видел их отъезд? Прием.

— Все, кто не спал, видели их. Взяли с собой ленч, канистру воды, две канистры бензина, сухие пайки, медикаменты. Все трое разместились на переднем сиденье, Эбботт

посередине, как одна счастливая семья. Это же оазис, понимаете? У меня двадцать гостей, большинство спали. У меня сорок сотрудников, большинство бодрствовали. У меня сотня парней, которые мне совершенно не нужны, но они болтаются около автостоянки, продают звериные шкуры, трости, охотничьи ножи. Все, кто видел Блюма и Эбботт, на прощание помахали им рукой. Я помахал, продавцы шкур помахали. Ной помахал нам рукой. Блюм и Эбботт помахали нам рукой. Они не улыбались. Они уезжали с серьезными лицами. Словно их ждали большие дела, словно им предстояло принимать важные решения. Откуда мне знать? Что вы от меня хотите, мистер Канцелярия? Убить свидетелей? Послушайте, я — Галилей. Посадите меня в тюрьму, я поклянусь, что она никогда не приезжала в «Оазис». Прием.

Вудроу словно парализовало. То ли вопросы у него закончились, то ли их было слишком много. «Я уже в тюрьме, — думал он. — Мой пожизненный срок начался пять минут тому назад». Он провел рукой по глазам, а когда убрал руку, увидел, что Донохью и Шейла наблюдают за ним и лица их начисто лишены эмоций, так же, как в тот момент, когда он сообщил им о смерти Тессы.

— Когда у вас возникла мысль, что у них могло что-то случиться? Прием, — устало спросил Сэнди. Тем же тоном он мог и задать другие вопросы. «Вы живете там круглый год? Прием» или «Давно вы хозяйничаете в этом отеле? Прием».

— Внедорожник оснащен рацией. Если Ной куда-то везет гостей, он должен связаться со мной и сообщить, что все в порядке. Ной не связался. Ладно, рации выходят из строя, водители забывают. Связываться по рации — занятие скучное. Надо остановить автомобиль, выйти из кабины, развернуть антенну. Вы меня слышите? Прием.

— Ясно и четко. Прием.

— Только Ной ничего и никогда не забывает. Поэтому я и держу его в шоферах. Но он не связался со мной. Ни во второй половине дня, ни вечером. Ладно, думаю я. Может, они где-то встали лагерем, дали Ною слишком много выпить. Перед тем как лечь спать, я связался с ранчерами, которые живут неподалеку от раскопа Лики. Никто не видел ни джипа, ни Ноя, ни его пассажиров. Наутро я первым делом еду в Лодвар, чтобы сообщить о случившемся. Это мой джип, понимаете? Мой водитель. Мне не разрешено сообщать по радио, я должен явиться в полицейский участок лично. Это долгая поездка, но таков закон. Полиция Лодвара всегда готова помочь тем гражданам, у которых что-то случилось. У меня пропал джип? Тяжелое дело. Вместе с двумя моими гостями и водителем? Тогда почему я их не ищу? Сегодня воскресенье, сегодня они работать не собирались. Им надо идти в церковь. «Дай нам денег, одолжи нам машину, тогда мы, возможно, тебе поможем», — говорят они мне. Я возвращаюсь домой, организую поисковую команду. Прием.

— Кто входил в поисковую команду? — Вудроу начал приходить в себя.

— Две группы. Мои люди, два грузовика, вода, горючее, медикаменты, продукты, шотландское, на случай, что придется что-то дезинфицировать. Прием. — В разговор влез кто-то еще. Вольфганг велел ему убираться из эфира ко всем чертям. К изумлению Вудроу, тот убрался. — Здесь у нас довольно-таки жарко, мистер Канцелярия. Сто пятнадцать градусов по Фаренгейту [6], плюс шакалы и гиены, которых никак не меньше, чем у вас мышей. Прием.

Пауза, наверное, в ожидании комментария Вудроу.

— Я слушаю, — выдал он из себя.

— Джип лежал на боку. Не спрашивайте почему. С запертыми дверцами. Не спрашивайте почему. С одним окном, приоткрытым на пять сантиметров. Кто-то закрыл дверцы, запер их и унес с собой ключи. Из щелочки шел жуткий запах. Гиены исцарапали дверцы, на железе остались вмятины от зубов. Бегали вокруг, сходя с ума. Хорошая гиена чует кровь за десять километров. Если они могут добраться до тела, перекусывают кости с маху, чтобы полакомиться мозгом. Но тут у них ничего не вышло. Кто-то запер дверцы и оставил лишь щелочку в окне. Вот они и бегали вокруг, обезумев. Вы бы делали то же самое. Прием.

Вудроу изо всех пытался складывать слова в связные фразы.

— Полиция говорит, что Ноя обезглавили. Это так? Прием.

— Точно. Он был отличным парнем. Семья стоит на ушах. Все племя ищет его голову. Если они не найдут голову, то не смогут похоронить Ноя как положено, и тогда его душа не даст им покоя. Прием.

— А что с мисс Эбботт? Прием... — Перед его мысленным взором возникла обезглавленная Тесса.

— Они вам не сказали?

— Нет. Прием.

— Ей перерезали горло. Прием.

Вновь видение: убийца срывает с ее шеи ожерелье, чтобы ножу ничего не мешало. А Вольфганг уже рассказывал о своих дальнейших действиях:

— Прежде всего я приказал парням не открывать дверцы. Живых в кабине не было. А того, кто открыл бы дверцу, ждали неприятные ощущения. Я оставил одну группу жечь костер и приглядывать за джипом. А сам со второй группой вернулся в «Оазис». Прием.

— Вопрос. Прием, — Вудроу изо всех сил пытался не терять нить.

— Какой вопрос, мистер Канцелярия? Пожалуйста, задавайте. Прием.

— Кто открыл дверцы джипа? Прием.

— Полиция. Как только приехала полиция, мои парни ретировались. Никто не любит полицию. Никому не охота сидеть в тюрьме. Во всяком случае, в местной. Первыми появились полицейские из Лодвара, теперь там вертолет «летучего отряда» из Найроби плюс крутые ребята из личного гестапо президента. Мои парни, само собой, попрятались. Прием.

Вновь пауза, Вудроу все с большим трудом удавалось сохранять самообладание.

— Блюм был в охотничьей куртке, когда они уезжали к раскопу Лики? Прием.

— Конечно. В старой. Синей. Прием.

— Кто-нибудь нашел нож на месте преступления? Прием.

— Нет. А нож был что надо, можете мне поверить. Панга [7] с лезвием от «Уилкинсона» [8]. Голову Ноя отсекли одним ударом. С женщиной та же история. Раз, и готово. Ее раздели догола. Множество синяков. Я это уже говорил? Прием.

«Нет, ты этого еще не говорил, — молча ответил ему Вудроу. — Не упомянул ни про наготу, ни про синяки».

— Панга была во внедорожнике, когда они уезжали из вашего отеля?

— Я еще не встречал африканца, который не брал бы с собой пангу, отправляясь в путь, мистер Канцелярия.

— Где сейчас тела?

— Ноя, вернее, то, что от него осталось, отдали племени. За мисс Эбботт полиция прислала моторный катер. На джипе пришлось срезать крышу. Оборудование для резки металла позаимствовали у нас. Потом привязали тело на палубе. Внутри для него не хватило бы места. Прием.

— Почему? — Вудроу тут же пожалел о том, что задал этот вопрос.

— Призовите на помощь ваше воображение, мистер Канцелярия. Вы знаете, что происходит с трупами на жаре? Если вы захотите перевезти ее в Найроби, то лучше разрежьте на части, потому что в багажном отсеке вертолета она не уместится.

Мозг Вудроу на какое-то время парализовало, а пришел он в себя, услышав ответ Вольфганга: «Да, я один раз уже видел доктора Блюма». Из этого следовало, что он задал вопрос, которого сам не слышал.

— Девять месяцев тому назад. Он сопровождал группу «жирных котов» из агентств по оказанию помощи. Продовольственной, медицинской и всякой разной. Мерзавцы потратили прорву денег, а потому пожелали получить чеки на сумму, в два раза большую. Я послал их куда подальше. Блюму это понравилось. Прием.

— Каким вы нашли его на этот раз? Прием.

— Вы о чем?

— Вел он себя иначе? Заметили вы в нем что-то необычное? Может, он нервничал?

— Что вы хотите этим сказать, мистер Канцелярия?

— Я хочу... Может, он что-то принимал? Нанюхался, обкурился, — Вудроу сам не понимал, зачем он все это говорит. — Ну... я не знаю... кокаин, там, марихуана. Прием.

— Он ухаживал, — ответил Вольфганг и отключил связь.

Вудроу вновь почувствовал на себе изучающий взгляд Донохью. Шейла испарилась. Вудроу чувствовал, что ушла она по какому-то срочному делу. Но по какому? Почему смерть Тессы потребовала от разведчиков резких телодвижений? Его бросило в холод, он пожалел, что не надел чего-то теплого, но при этом пот катился с него градом.

— Больше мы ничем не можем тебе помочь, старина? — в вопросе слышалась чрезмерная заботливость, а большие, с пожелтевшими белками глаза Донохью не отрывались от лица Вудроу. — Налить чего-нибудь крепкого?

— Спасибо. Не сейчас.

«Они знали, — кипит от ярости, говорил себе Вудроу, спускаясь по лестнице. — Они раньше меня узнали, что она мертва». Но, с другой стороны, они всегда пытаются создать именно такое впечатление: мы, шпионы, обо всем знаем больше и сведения эти получаем раньше остальных.

— Посол еще не вернулся? — спросил он, заглянув в кабинет Милдрена.

— Ждем с минуты на минуту.

— Отмени совещание.

Вудроу не сразу пошел к Джастину. Сначала отыскал Гиту Пирсон, подругу и доверенное лицо Тессы, занимавшую в «канцелярии» самую низшую должность. Черноглазая, светловолосая, индоангличанка, с кастовым кружочком на лбу, принятая на службу в Найроби. Гита Пирсон, Вудроу это знал, намеревалась делать карьеру в системе Министерства иностранных дел. Когда он вошел в кабинет и закрыл за собой дверь, Гита встретила его недоверчивым взглядом.

— Гита, этот разговор должен остаться между нами, понимаешь? — Она молча смотрела на него. — Речь пойдет о Блюме. Докторе Арнольде Блюме.

— Что вас интересует?

— Ваш приятель? — Никакой реакции. — Я хочу сказать, вы с ним в дружеских отношениях?

— Он — наш контакт, — в обязанности Гиты входило поддержание связи с агентствами, занятыми обеспечением населения гуманитарной помощью.

— И, очевидно, он — приятель Тессы. — Черные глаза Гиты никак не прокомментировали его слова. — Вы знаете кого-то еще в организации Блюма?

— Я время от времени звоню Шарлотте. Она — его секретарь. Остальные люди работают на местах. А что? — Раньше он находил очень волнительной индоанглийскую напевность ее голоса. Но теперь все. Никаких увлечений.

— На прошлой неделе Блюм был в Локикоджио. Не один.

Кивок, медленный, потом Гита опустила глаза.

— Я хочу знать, что он там делал. Из Локи он поехал к озеру Туркана. Я хочу знать, вернулся ли он в Найроби. А может, в Локи. Сможете вы это выяснить, не привлекая к себе излишнего внимания?

— Сомневаюсь.

— Во всяком случае, попробуйте. — Внезапно возникла необходимость задать еще один вопрос. За все месяцы знакомства с Тессой эта мысль как-то не приходила ему в голову. — Вы не знаете, Блюм женат?

— Полагаю, что да. Скорее всего. Обычно они женаты, не так ли?

Они — в смысле африканцы? Или они — в смысле любовники? Все любовники?

— Но здесь у него жены нет? В Найроби. Или, насколько вам известно, нет? Блюм приехал в Кению без жены?

— Почему вы... — и тут же торопливое добавление: — С Тессой что-то случилось?

— Возможно. Мы выясняем.

Подойдя к кабинету Джастина, Вудроу постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа. На этот раз он не стал запирает за собой дверь, но, сунув руки в карманы, привалился к ней широкими плечами: пока он так стоял, никакого замка и не требовалось.

Он видел перед собой спину Джастина, обтянутую элегантно пиджаком, и аккуратно подстриженный затылок. Джастин изучал один из развешенных по стенам графиков, по которым змеились разноцветные линии. Тот, что привлек его внимание, назывался: «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ПЕРИОД 2005-2010 гг.» и, насколько мог сказать стоящий у двери Вудроу, предсказывал грядущее процветание африканских стран. На подоконнике, по левую руку Джастина, стояли горшочки с растениями, которые он выращивал. Вудроу опознал жасмин и бальзамин, и лишь потому, что Джастин подарил эти растения Глории.

— Привет, Сэнди, — поздоровался Джастин.

— Привет.

— Как я понимаю, этим утром мы не собираемся. Возникли проблемы?

«Знаменитый прекрасный голос, — подумал Вудроу, — отмечающий все нюансы, словно каждый ему внове. Поблекший от времени, но по-прежнему очаровывающий, если обращать внимание на тональность, а не сущность. Почему я так презираю тебя, собираясь кардинально изменить твою жизнь? С этого момента и до конца дней твоя жизнь разделится на два периода, до того как и после того, точно так же, как уже разделилась моя. И почему ты не снимаешь своего гребаного пиджака? Ты, должно быть, единственный сотрудник Министерства иностранных дел, который заказывает летние костюмы у портного». Тут Вудроу вспомнил, что и сам в пиджаке.

— Полагаю, у тебя все в порядке? — спросил Джастин. — Глория не жалуется на эту жуткую жару? Мальчишки здоровы?

— У нас все хорошо. — Пауза. — И Тесса на севере? — предположил он, все еще надеясь, что произошла чудовищная ошибка.

Джастин сразу растаял, так случалось всегда, если кто-то упоминал Тессу в его присутствии.

— Да, она в отъезде. Ее работа в благотворительных организациях не прекращается ни на минуту, — Джастин словно благодарил за это и ООН, и все прочие учреждения, спешащие на помощь голодным и несчастным. — Ко дню нашего отъезда она спасет всю Африку, если и дальше будет работать в таком темпе.

— А чего она поехала на север? — Сэнди все хватался за соломинку. — Я думал, что у нее хватает дел в Найроби. В трущобных районах. В Кибере, не так ли?

— Да, она трудится не покладая рук, — с гордостью ответил Джастин. — Ночью и днем, бедняжка. Делает все. Подтирает младенцам задницы и объясняет заключенным их гражданские права. Большинство из ее клиентов, разумеется, женщины. Им она, конечно, очень помогает, а вот их мужчинам ее помощь определенно не нравится, — мудрая улыбка. — Права на собственность, развод, причинение физического вреда, принуждение к выполнению супружеских обязанностей, обрезание девочек, безопасный секс. Полный набор, изо дня в день. Теперь ты понимаешь, почему их мужья немного нервничают, не так ли? Я бы тоже нервничал, если бы принуждал жену к выполнению супружеских обязанностей.

— А что она делает на севере? — настаивал Вудроу.

— Это известно одному богу. Спроси дока Арнольда, — добавил Джастин подчеркнуто небрежно. — Арнольд — ее гид и наставник в здешних делах.

«Так, значит, он разыгрывает эту партию, — думал Вудроу. — Легенда, которая устраивает всех троих. Арнольд Блум, доктор медицины, духовный наставник, черный рыцарь, защитник в джунглях гуманитарной помощи. Кто угодно, но не любовник, о котором знают, но терпят».

— Куда именно она уехала?

— Локи. Локикоджио, — Джастин устроился на краешке стола, возможно,

подсознательно имитируя беззаботную позу Вудроу у двери. — Сотрудники «Мировой продовольственной программы» устроили там курсы по проблемам взаимодействия личности, семьи и общества. Можешь себе такое представить? Вертолетами привозят ничего не подозревающих деревенских женщин из Южного Судана, наскоро знакомят с принципами Джона Стюарта Милла [9] и отправляют обратно. Арнольд и Тесса поехали поглядеть на это действо. Везунчики.

— Где она сейчас?

Вопрос этот Джастину определенно не понравился. Возможно, именно в тот момент он понял, что болтовня Вудроу чем-то обусловлена. «А может, — подумал Вудроу, — не жаловал он вопросы о Тессе, на которые сам не знал ответа».

— Наверное, возвращается в Найроби. А что?

— С Арнольдом?

— Скорее всего. Он бы не оставил ее там.

— Она связывалась с тобой?

— Со мной? Из Локи? Каким образом? Телефонов там нет.

— Я подумал, что она могла воспользоваться радиопередатчиком какого-нибудь агентства. Другие так делают.

— Тесса — не другие, — Джастин нахмурился. — У нее принципы. Она не будет тратить без надобности деньги доноров. Что происходит, Сэнди?

Джастин соскользнул со стола, вышел на середину комнаты, заложив руки за спину. А Вудроу, глядя на симпатичное лицо и седеющие черные волосы, на которые теперь падал солнечный свет, вспомнил волосы Тессы, тоже черные, но без седины и гораздо более длинные. Вспомнил, как впервые увидел их вдвоем, Тессу и Джастина, только что поженившихся, почетных гостей на вечеринке, устроенной послом по случаю их прибытия в Найроби. Вспомнил, как вообразил, шагнув навстречу, чтобы поздороваться, что они — отец и дочь, а он сам — претендент на ее руку и сердце.

— Когда ты говорил с ней в последний раз? — спросил Вудроу.

— Во вторник, когда отвез их в аэропорт. В чем дело, Сэнди? Если Арнольд с ней, беспокоиться не о чем. Она будет делать все, что ей скажут.

— Как, по-твоему, они могли поехать на озеро Туркана, она и Блюм... Арнольд?

— Если они достали машину и у них возникло такое желание, почему нет? Тесса любит дикую природу, очень уважает Ричарда Лики, и как археолога, и как достойного белого африканца. Лики открыл там клинику. Возможно, Арнольд поехал туда по делам и взял с собой Тессу. Сэнди, с чего такие вопросы? — в голосе Джастина слышалось негодование.

Когда он наносил смертельный удар, Вудроу не оставалось ничего другого, как наблюдать за изменениями выражения лица Джастина, причиной которых были его слова. И он увидел, как исчезли последние остатки юности, а симпатичное лицо скукожилось и затвердело.

— Нам сообщили о том, что белая женщина и шофер-африканец найдены на восточном берегу озера Туркана. Мертвыми, — начал Вудроу, сознательно не употребив слово «убитыми». — Автомобиль принадлежал владельцу отеля «Оазис-лодж». Он же предоставил и водителя. Владелец отеля утверждает, что опознал в женщине Тессу. Он говорит, что она и Блюм провели ночь в «Оазисе», а утром отправились на раскоп Ричарда Лики. Блюм исчез. Они нашли ее ожерелье. Которое она всегда носила.

«Как я мог это знать? Почему я выбрал именно этот момент, чтобы показать, что в курсе таких интимных подробностей ее жизни!»

Вудроу продолжал наблюдать за Джестином. Живущий в нем трус хотел отвести взгляд, но для сына военного подобное было немислимо, все равно что приговорить человека к смерти, а потом не явиться на его казнь. Он наблюдал, как широко раскрылись глаза Джастина, от обиды и разочарования, так, будто верный друг ударил его в спину, потом закрылись, словно тот же друг вышиб из него дух. Он наблюдал, как красиво очерченные губы разошлись в беззвучном крике боли, затем плотно сжались, превратившись в узкую

бледную полоску.

— Как хорошо, что ты сказал мне, Сэнди. Премного тебе благодарен. Портер знает? — так звали посла.

— Милдрен пытается его разыскать. Они нашли сапожок «Мефисто». Седьмого размера. Это ее?

В организме Джастина что-то разладилось. Сначала он долго ждал, пока до него дойдет смысл слов Вудроу, потом с трудом формулировал ответ, короткими, отрывочными предложениями.

— Есть магазин около Пиккадилли. Она купила там три пары. Когда мы в последний раз были в Лондоне. Никогда не видел, чтобы она так сорила деньгами. Обычно она тратит мало. Дорогие вещи ее не интересуют. Готова одеваться хоть в магазинах Армии спасения. Ей без разницы.

— И какую-то охотничью куртку. Синюю.

— О, вот эти вещи она терпеть не могла, — дар речи полностью восстановился, слова хлынули потоком. — Говорила, если я увижу на ней одно из этих страшилищ цвета хаки, то должен сжечь или отдать Мустафе.

«Мустафа, ее слуга», — вспомнил Вудроу.

— Полиция говорит, куртка синяя.

— Она ненавидела синее, — Джастин чуть не кричал. — Как и все армейские тона. — Уже прошлое время, отметил Вудроу. — Когда-то у нее была зеленая куртка. Она купила ее в «Фарбелоуз» на Стэнли-стрит. Я привел ее туда, уж не помню почему. Она надела куртку и залилась смехом. «Посмотри на меня, — сказала она. — Генерал Паттон в юбке». «Нет, дорогая, — ответил я ей, — ты — не генерал Паттон. Ты — очень красивая женщина, надевшая чертовски уродливую зеленую куртку».

Джастин начал разбирать стол. Точными движениями. Готовясь к отъезду. Выдвигая и задвигая ящики. Сложил папки с документами в сейф, запер его. По ходу рассеянно проводя рукой по волосам, эта его привычка всегда раздражала Вудроу. Робко выключил ненавистный компьютер. Ткнул кнопку указательным пальцем, словно боялся, что она укусит его. Ходили слухи, что по утрам компьютер включала ему Гита Пирсон. Вудроу наблюдал, как он последний раз обводит кабинет невидящим взглядом. Конец службы. Конец жизни. Пожалуйста, наведите порядок, чтобы следующий хозяин кабинета мог сразу включиться в работу. У двери Джастин обернулся, посмотрел на растения на подоконнике. Должно быть, раздумывал, то ли взять их с собой, то ли оставить инструкции по уходу за ними. Не сделал ни первого, ни второго.

Шагая рядом с Джестином по коридору, Вудроу хотел коснуться его руки, но внезапно возникшее чувство отвращения в последний момент заставило отдернуть пальцы. Однако он держался рядом, чтобы в любой момент подхватить Джастина, если тот вдруг начнет оседать на пол или споткнется, потому что теперь Джастин напоминал хорошо одетого лунатика, у которого разладился встроенный в него радар. Шли они медленно, тихо, но Гита, должно быть, их услышала, потому что появилась на пороге, когда они проходили мимо ее кабинета, и пристроилась к Вудроу, шепча на ухо, придерживая золотистые волосы, чтобы они не касались щеки собеседника.

— Он исчез. Его все ищут.

Слух у Джастина оказался лучше, чем они ожидали. А может, шок от случившегося привел к обострению всех чувств.

— Как я понимаю, вы тревожитесь из-за Арнольда, — сказал он Гите сочувственным тоном незнакомца.

Посла отличал острый ум и неумная тяга к знаниям. Его старший сын работал в торговом банке, маленькая дочь, Роза, родилась слабоумной, а жена, когда они жили в Англии, была мировым судьей. Он обожал их всех и проводил уик-энды с Розой, сидящей у него на животе. Но при этом Коулриджу удалось обмануть возраст, задержаться на грани, переступив которую юноша становится мужчиной. Этому способствовал и выбор одежды:

молодежные подтяжки и мешковатые оксфордские штаны [10]. На вешалке за дверью, с надписью на ней: "П. Коулридж, Бейллиол [11]" — висел соответствующий пиджак. Посол стоял посреди своего большого кабинета, изредка кивал, слушая Вудроу. В глазах и на щеках блестели слезы.

— Гребаный засранец! — яростно выкрикнул он, словно с нетерпением ждал возможности выругаться.

— Я понимаю, — кивнул Вудроу.

— Эта бедная девочка. Сколько ей лет? Совсем молоденькая!

— Двадцать пять. — «Разве мне положено это знать?» — Плюс-минус, — добавил он на всякий случай.

— Она выглядела на восемнадцать. И этот бедолага Джастин со своими цветами.

— Я понимаю, — повторил Вудроу.

— Гита знает?

— По мелочам.

— Что он теперь будет делать? У него нет даже работы. Его хотели вышвырнуть, как только завершится срок службы в нашем посольстве. Если б Тесса не потеряла ребенка, его тут уже не было бы, — стоять на одном месте Коулриджу надоело, он переместился в другое. — В субботу Роза поймала форель весом в два фунта. Что ты на это скажешь?

Коулридж выигрывал время для раздумий, вдруг переводя разговор на пустяки.

— Великолечно, — пробормотал Вудроу.

— Тесса была бы в восторге. Всегда говорила, что Роза выправится. И Роза ее обожала.

— Безусловно.

— Есть рыбеху, правда, не стали. Весь уик-энд продержали в аквариуме, потом похоронили в саду. — Коул расправил плечи. Показывая тем самым, что готов вновь вернуться к делам. — Есть же подтекст, Сэнди. Чертовски неприятный подтекст.

— Я более чем в курсе.

— Этот говнюк Пеллегрин уже звонил, требуя свести урон к минимуму, — имелся в виду сэр Бернард Пеллегрин, директор департамента Африки в Форин-оффис и заклятый враг Коулриджа. — Как мы можем свести ущерб к минимуму, если не знаем, о каком гребаном ущербе идет речь? Полагаю, сегодня ему будет не до тенниса.

— Последние четыре дня и четыре ночи перед смертью она провела с Блюмом, — Вудроу покосился на дверь, чтобы еще раз убедиться, что та закрыта. — Если это ущерб. Они были в Локи. Потом поехали на озеро Туркана. Ночевали в одном бунгало. Их видели вместе десятки людей.

— Спасибо. Большое тебе спасибо. Именно это я и хотел услышать, — глубоко засунув руки в карманы, Коулридж закружил по комнате. — А где этот гребаный Блюм?

— Его все ищут, а он словно провалился сквозь землю. Последний раз его видели рядом с Тессой в джипе, когда они поехали на раскоп Лики.

Коулридж обошел стол, плюхнулся в кресло, откинулся назад, широко развел руки.

— Значит, это работа Блюма, — объявил он. — Забыл о своем образовании, обезумел, убил обоих, прихватил голову Ноя в качестве сувенира, перевернул джип набок, запер дверцы и удрал. А разве мы не удрали бы? Гребаный засранец!

— Ты знаешь его так же хорошо, как я.

— Нет, я не знаю. Я держался от него подальше. Не люблю кинозвезд, активно занимающихся гуманитарной помощью. Куда он уехал? Где он?

Перед мысленным взором Вудроу замелькали образы. Блюм — африканец западного разлива, бородатый Аполлон коктейль-пати Найроби, с неотразимой харизмой, остроумный, красивый. Блюм и Тесса бок о бок, очаровывающие гостей, тогда как Джастин, мурлыкающий от удовольствия, улыбается, наполняет и раздает стаканы. Арнольд Блюм, доктор медицины, герой войны в Алжире, заявляющий с трибуны лекционного зала ООН о приоритете медицины в катастрофических ситуациях. Блюм после вечеринки, в кресле, уставший, потерянный, замкнувшийся в себе.

— Я не мог отослать их домой, — голос Коулриджа посуровел, словно у человека, навевшего свою совесть и вернувшегося обратно в полной уверенности, что она чиста. — Я не считал возможным губить карьеру бедолаги только потому, что его жене нравится раздвигать ноги. На дворе новое тысячелетие. Люди имеют полное право портить себе жизнь, если их это вполне устраивает.

— Разумеется.

— Она приносила чертовски много пользы в трущобных районах, что бы о ней ни говорили. Конечно, парни Мои косились на нее, но простые африканцы любили.

— Несомненно, — согласился Вудроу.

— Ладно, она очень уж упирала на равноправие. И правильно. Отдайте Африку женщинам, и здесь, возможно, заживут по-человечески.

Без стука вошел Милдрен.

— Звонят из службы протокола, сэр. Тело Тессы только что прибыло в морг больницы, и они просят немедленно провести опознание. И информационные агентства требуют текст заявления.

— Как им удалось так быстро доставить ее в Найроби?

— На вертолете, — ответил Вудроу, вспомнив слова Вольфганга о том, что ее придется разрезать, чтобы втиснуть в багажный отсек.

— Никаких заявлений до опознания! — рявкнул Коулридж.

Вудроу и Джастин поехали вместе, в посольском минивэне-"Фольксвагене" с тонированными стеклами. За рулем сидел Ливингстон, рядом с ним — Джексон, здоровяк-кикуйю, которого взяли на тот случай, если вдруг понадобится грубая сила. Кондиционер работал на полную мощность, но кабина температурой не слишком отличалась от духовки. Конечно же, они попали в пробку, в Найроби днем по-другому бывало крайне редко. Заполненные пассажирами микроавтобусы «матуту», изрыгавшие клубы выхлопных газов, зажали минивэн с двух сторон. Их водители непрерывно жали на клаксон. Ливингстон сумел таки свернуть с магистрали и по боковым улочкам добрался до морга. У каменной арки толпились мужчины и женщины, что-то то ли пели, то ли скандировали. Вудроу сердито выругался, приняв их за демонстрантов, но потом сообразил, что это пришедшие за усопшими родственники. Вдоль тротуара выстроились побитые временем и тронутые ржавчиной пикапы, легковушки, минивэны.

— Тебе нет никакого резона идти туда, Сэнди, — сказал Джастин.

— Разумеется, резон есть, — решительно возразил сын военного.

На лестнице за аркой их поджидали полицейские и медики в не слишком уж чистых белых халатах. Встретили их крайне радушно. Старший из полицейских, который представился им как инспектор Мурамба, широко улыбаясь, пожал руки обоим высокопоставленным джентльменам из британского посольства. Азиат в черном костюме, доктор Банда Сингх, сказал, что он в полном их распоряжении. И повел бетонным коридором, под потолком которого тянулись трубы, а у стен лежали перевернутые урны. «Трубы, — подумал Вудроу, — должны подавать хладагент к холодильникам, но холодильники не работали из-за отключения электроэнергии, а автономных генераторов в больнице, само собой, нет». Доктор Банда показывал дорогу, но Вудроу полагал, что нашел бы ее и сам. Налево — никакого запаха. Направо — хоть святых выноси. Но про неудобства пришлось забыть. Долг солдата — быть здесь, а не становиться рабом собственного носа. Долг. «Почему она всегда заставляет меня думать о долге?» Он задался вопросом, а не ложится ли какое-

нибудь заклятье на прелюбодеев, когда те смотрят на мертвых женщин, с которыми грешили? Доктор Банда подвел их к лестнице. По ней они спустились в лишенное вентиляции небольшое помещение, в котором запах смерти буквально валил с ног.

Тронутая ржавчиной стальная дверь преградила им путь, но Банда требовательно забарабанил по ней кулаком, потом выдержал паузу и стукнул четыре или пять раз в заранее условленном ритме. Дверь приоткрылась, в проеме появились головы трех молодых парней.

При виде хирурга они посторонились, позволив ему войти. Вудроу, оставшийся за дверью, заглянул внутрь, и увиденное почему-то напомнило ему школьное общежитие. Истощенные трупы лежали на кроватях по двое. Еще больше трупов — между кроватями на полу, одетые и голые, на боку и на спине. Хватало и тех, кто свернулся в клубок, подтянув колени к груди, защищая внутренние органы не пойми от чего. А над ними, словно туман, висели мухи, жужжащие на одной ноте.

В центре этого «общежития», в проходе между кроватями, стояла огромная, обитая железом платформа на колесах. И на этой платформе, из-под белой простыни, высовывались две чудовищно раздувшиеся человеческие ступни. Ступни эти вызвали у Вудроу мысли о шлепанцах-утятах, которые на Рождество Глория подарила их сыну Гарри. Выскользнула из-под простыни и одна кисть. Пальцы покрывала черная кровь, больше всего ее скопилось на суставах. А подушечки пальцев цветом соперничали с аквамаринном. «Призовите на помощь ваше воображение, мистер Канцелярия. Вы знаете, что происходит с трупами на жаре!»

— Мистер Джастин Куэйл, пожалуйста, — позвал доктор Банда Сингх, совсем как дворецкий на королевском приеме.

— Я иду с тобой, — пробормотал Вудроу, не отставая от Джастина ни на шаг. Увидел, как доктор Банда отвернул простыню, чтобы открыть карикатурно искаженное лицо Тессы. Шею, в том месте где она носила ожерелье, прикрывала грязная тряпка. Как утопающий, последний раз вынырнувший из воды, Вудроу жадно вбирал в себя открывшееся его глазам. Черные волосы, прилипшие к черепу. Раздутые, словно у херувима, набравшего полный рот воздуха, щеки. Закрытые глаза, поднятые брови, полуоткрытый, словно в недоумении, рот, черная кровь, запекающаяся внутри, будто ей сразу вырвали все зубы. " Ты? — казалось, в изумлении вопрошала она, когда ее убивали, и губы даже образовали букву "о". — Ты!" Но к кому обращала она этот вопрос? На кого смотрела перед тем, как ее веки окончательно опустились на глаза?

— Вы узнаете эту даму, сэр? — деликатно осведомился у Джастина инспектор Мурамба.

— Да. Да, узнаю, благодарю вас, — ответил Джастин, тщательно взвешивая каждое слово, прежде чем произнести его. — Это моя жена, Тесса. Мы должны как можно скорее похоронить ее, Сэнди. Ей хотелось лечь в землю Африки. Она — единственный ребенок. Родителей у нее нет. Кроме меня, консультироваться насчет похорон ни с кем не нужно. Так что давайте как можно скорее предадим ее земле.

— Боюсь, дата похорон будет зависеть от полиции, — успел просипеть Вудроу и метнулся к раковине, чтобы выплевать свое сердце, тогда как Джастин стоял рядом, обнимая его за плечи и бормоча что-то успокаивающее.

Из святилища, личного кабинета посла, Милдрен медленно зачитывал заявление для прессы молодому человеку с невыразительным голосом, внимательно слушающему его на другом конце провода:

«Посол с прискорбием сообщает о смерти от рук убийцы миссис Тессы Куэйл, жены Джастина Куэйла, первого секретаря „канцелярии“. Миссис Куэйл умерла на берегу озера Туркана, неподалеку от Аллиа-Бэй. Был убит и ее водитель, мистер Ной Катанга. Миссис Куэйл будут помнить как страстного борца за права женщин в Африке, а также за ее молодость и красоту. Мы выражаем глубокое сочувствие мужу миссис Куэйл, Джастину, и ее многочисленным друзьям. Флаг посольства будет приспущен до последующего уведомления. Книга соболезнований выставлена в приемной посольства».

— Вы это передадите?

— Уже передал, — ответил молодой человек.

Глава 2

Вудроу жили в каменном доме с элементами тюдоровского стиля, каких хватало в большой английской колонии, расположенной на склоне холма в закрытом для посторонних

пригородном районе Мутайга, на расстоянии вытянутой руки от «Мутайга-клуб», резиденции британского посла и резиденций послов других государств, о существовании которых многие узнавали впервые, проехавшись по тщательно охраняемым улицам и увидев таблички с их названиями среди других, на суахили, предупреждавших о наличии злых собак. После нападения на посольство США в Найроби Министерство иностранных дел выделило необходимые средства для того, чтобы снабдить дома сотрудников посольства, такого же ранга, как Вудроу, и выше, прочными металлическими воротами, которые могли выдержать удар грузовика. Ворота эти днем и ночью охранялись живописными гвардейцами и их многочисленными друзьями и родственниками. Проволоку забора, окружавшего сад, держали под напряжением. На заборе крепились кольца колючей проволоки. С наступлением темноты включались мощные прожектора, освещающие и забор, и подступы к нему. В Мутайге забота о собственной безопасности считалась хорошим тоном. Более бедный люд посыпал каменные заборы битым стеклом, средний класс мог позволить себе колючую проволоку, а уж безопасность дипломатов обеспечивали железные ворота, заборы под напряжением, датчики системы сигнализации на окнах и дверях и прожектора.

Вудроу жили в трехэтажном доме. Два верхних этажа дополнительно охраняла металлическая сдвижная перегородка, установленная на первой лестничной площадке. Ключ от нее был только у старших Вудроу. Архитектор использовал рельеф местности: дом стоял на склоне, и под первым этажом располагались две комнаты для гостей, отдаленно напоминающие тюремную камеру: выкрашенные белой краской стены, окна без занавесок, зато забранные стальными решетками. Но Глория, в ожидании гостя, украсила комнаты розами из сада, торшером из малой гостиной, телевизором и радиоприемником, справедливо рассудив, что сами они какое-то время смогут обходиться без оных. Конечно, это не номер в пятизвездочном отеле, доверительно сообщила она Элен, своей лучшей подруге, англичанке, которая вышла замуж за грека, работавшего в миссии ООН, но, по крайней мере, бедняжке будет где побыть одному. А тому, кто потерял близкого человека, побыть одному абсолютно необходимо. Глория испытала это на себе, когда умерла мама, но, разумеется, семейные отношения Тессы и Джастина несколько отличались от, скажем, традиционных, однако она, Глория, никогда не сомневалась, что любовь, во всяком случае со стороны Джастина, имела место быть, а вот что испытывала к мужу Тесса... откровенно говоря, Эл, дорогая, это знает только господь, а никто из нас уже никогда не узнает.

На что Элен, не раз разведившаяся и умудренная опытом, недоступным Глории, ответила: «Что ж, придется тебе приглядывать за кормой, сладенькая. Как бы кто не пристроился. Новоиспеченные вдовцы иной раз очень охочи до женщин».

Глория Вудроу относилась к тем редким женам дипломатов, которые стремились всегда и во всем видеть светлую сторону. А если светлая сторона никак не просматривалась, с губ ее срывался добродушный смешок и восклицание: «Ага, а вот и мы!» — означавшее, что все заинтересованные лица должны сплотиться и без единой жалобы принять жизненные неудобства. Она постоянно помнила о частных школах, в которых прошла ее юность и сформировалось мировоззрение, регулярно посылала туда сообщения о своих успехах, живо интересовалась новостями соучеников. В День основания школы обязательно посылала поздравительную телеграмму, в последние годы, спасибо техническому прогрессу, остроумное письмо по электронной почте, обычно в стихах, дабы никто не забыл о том, что она когда-то заняла первое место на конкурсе школьных поэтов. Симпатичная, красноречивая, особенно если разговор шел ни о чем, она выделялась ковыляющей, на редкость некрасивой походкой, свойственной женщинам английских королевских кровей.

Но при этом никто не мог сказать, что природа наградила Глорию Вудроу глупостью. Восемнадцать лет тому назад, в Эдинбургском университете, она считалась одной из лучших студенток, и многие сходились во мнении, что она достигла бы немалых успехов в политике или философии, если бы не вышла замуж за Вудроу. Но за прошедшие годы замужество, воспитание детей и переменчивость жизни дипломатов полностью вытеснили честолюбивые замыслы, которые она, возможно, питала. Иной раз Вудроу с легкой грустью отмечал, что

Глория пожертвовала своим интеллектуальным потенциалом ради того, чтобы выполнять роль жены. Но эта жертва вызывала у него и чувство благодарности. Уважал он жену и за то, что она словно отказывалась читать его тайные мысли, но при этом гибко подстраивалась под его интересы. «Когда я захочу жить собственной жизнью, я тебе обязательно об этом скажу, — как-то заверила она Вудроу, когда тот, обуреваемый то ли чувством вины, то ли скуки, предложил ей продолжить образование, совершенствовать свои знания в юриспруденции, в медицине, в чем угодно, но совершенствовать. — Если, конечно, я не нравлюсь тебе такой, какая есть, это другое дело», — добавила она, переводя разговор с частных на общее. «Да нет же, нравишься, нравишься, я очень люблю тебя», — запротестовал он, крепко прижав жену к груди. И более-менее поверил самому себе.

Джастин стал тайным узником комнат для гостей на нижнем этаже дома Вудроу вечером того же черного понедельника, когда ему сообщили о смерти Тессы, в тот час, когда на подъездные дорожки резиденций послов вкатывались лимузины, чтобы чуть позже отвезти их в один из соседских домов. День Лумумбы? Мердеки? Взятия Бастилии? Один праздник ничем не отличался от другого. Национальный флаг развевался на флагштоке, на лужайке выключались разбрызгиватели, стелился красный ковер. Черные слуги в белых перчатках роились вокруг, совсем как в колониальные времена, которые мы все так решительно осуждаем. А из шатра хозяина доносилась патриотическая музыка.

Вудроу приехал с Джестином все на том же черном посольском минивэне с тонированными стеклами. Из морга они отправились в полицейское управление, где Джастин безупречным академическим почерком написал заявление о том, что он опознал свою жену. Из полицейского управления Вудроу позвонил жене, чтобы сообщить, что через пятнадцать минут, если они не попадут в пробку, приедет со своим гостем и... «ему надо лечь на дно, дорогая, и мы должны ему в этом помочь». Спешка не помешала Глории позвонить Элен, номер она набирала неоднократно, пока та не взяла трубку, чтобы обсудить обеденное меню... любит бедняга Джастин рыбу или ненавидит ее? Она забыла, но вроде бы в отношении еды у него есть пунктик... и, «господи, Эл, о чем мне с ним говорить, когда Вудроу уедет в посольство, а меня оставит с ним? Я хочу сказать, о многих темах придется забыть».

— Ты что-нибудь придумаешь, не волнуйся, дорогая, — заверила ее Элен, в ее голосе слышались нотки сарказма.

Нашла Глория время и для того, чтобы рассказать об абсолютно раздражающих, если она брала трубку, телефонных звонках журналистов и о других, на которые отвечал Джума, ее слуга из племени вакамба, говоря, что мистер и миссис Вудроу в настоящий момент не могут подойти к телефону. Она жалела только о том, что не смогла поговорить со сладкоголосым мальчиком из «Телеграф», она просто млела от звуков его голоса, но Сэнди строго-настрого запретил ей отвечать на вопросы газетчиков.

— Возможно, он тебе напишет, дорогая, — сочувственно предположила Элен.

«Фольксваген» с тонированными стеклами свернул на подъездную дорожку, Вудроу вылез из кабины первым, чтобы убедиться, что репортеров поблизости нет, и тут же Глория удостоилась чести впервые увидеть Джастина-вдовца, человека, который за последние шесть месяцев потерял сына и жену. Джастин — обманутый муж, которого больше никто не обманывал, Джастин с мягким взглядом и в отлично сшитом костюме, Джастин — тайный гость, которому предстояло укрыться от прессы в ее доме, снял соломенную шляпу, выбираясь из минивэна, поблагодарил всех, то есть Ливингстона — водителя, Джексона — охранника, и Джуму, который, само собой, отирался поблизости, и, склонив голову, направился к входной двери. Лицо его Глория увидела сначала в густой тени, потом в коротких африканских сумерках.

— Добрый вечер, Глория, — поздоровался он, приблизившись. — Как хорошо, что ты позволила мне пожить у вас, — голос его звучал так мужественно, что она чуть не расплакалась. Но в тот момент сдержалась и поплакала позже, после обеда.

— Джастин, дорогой, мы так рады, что можем хоть чем-то помочь тебе, —

пробормотала она и нежно чмокнула гостя в щеку.

— Об Арнольде никаких новостей, не так ли? В наше отсутствие никто не звонил?

— К сожалению, дорогой, ничего нового нет. Мы все, разумеется, очень переживаем.

«Он хорошо держится, — отметила про себя Глория. — Очень хорошо. Как герой».

Откуда-то издалека до нее донесся скорбный голос Вудроу. Ему надо в посольство, всего лишь на час, он позвонит, но Глория его не слушала. Правда, возникла мысль: «А кого потерял он?» Хлопнула дверца «Фольксвагена», черный минивэн задним ходом выкатился на дорогу, но Глория даже не повернула головы. Все ее внимание занимал Джастин, ее гость и трагический герой. Джастин, теперь она это понимала, был такой же жертвой этой трагедии, как Тесса, только Тесса умерла, а Джастину на плечи легла тяжелая ноша горя, которую ему предстояло нести до конца своих дней. Уже щеки его посерели, походка изменилась, и по сторонам он смотрел не тем взглядом, что прежде. Не обратил ни малейшего внимания на цветочные бордюры, высаженные по его рекомендациям, которые так тщательно соблюдала Глория. Даже не посмотрел на два кофейных деревца, которые вырастил для нее из зернышек и отказался взять за них деньги. Что в Джастине не переставало удивлять Глорию (это уже из телефонного разговора с Элен, состоявшегося в тот же вечер, с подробным отчетом о происшедшем), так это его энциклопедические знания о растениях, цветах и садах. «И откуда это взялось, Эл? Наверное, от матери. Она же наполовину Дадли. А все Дадли — превосходные садовники, у них это в крови. Мы говорим о классической английской ботанике, Эл, а не о тех советах садоводу, которые публикуются в воскресных газетах».

Вместе с дорогим гостем она поднялась по ступеням к входной двери, пересекла холл и уже по другой лестнице спустилась в темницу, в которой Джастину предстояло отбыть положенный срок, где и выступила в роли экскурсовода. Показала гардероб с облупившимся лаком (ну почему она не дала Эбедяху пятьдесят шиллингов, чтобы тот покрасил его), куда Джастин мог вешать костюмы, изъеденные древоточцем полки (ну почему она не застелила их простыней), куда Джастин мог положить рубашки и носки.

Но извинялся, как обычно, Джастин.

— К сожалению, у меня практически нет одежды, которую я мог бы повесить в гардероб или положить на полки. Мой дом осаждают газетчики, и Мустафа, должно быть, снял трубку с рычага. Сэнди пообещал снабжать меня всем необходимым до той поры, пока страсти не улягутся и не удастся привезти мою одежду.

— О, Джастин, как же я об этом не подумала! — покраснев, воскликнула Глория.

А потом, то ли потому, что не хотела оставлять его одного, то ли не знала, как это сделать, настояла на том, чтобы показать ему старый холодильник, заставленный бутылками с питьевой водой (ну почему она не удосужилась заменить потрескавшуюся резину), контейнер со льдом («Джастин, подставь его под кран, кубик сразу и выскочит»), пластиковый электрический чайник, который ненавидела, бумажную коробочку с пакетиками чая «Тетли», жестянку с сахарным печеньем, на случай, если гостю захочется заморить червячка ночью, с Сэнди такое бывает, хотя врачи и говорят, что ему надо худеть. И, наконец (слава богу, хоть что-то она сделала правильно), вазу с великолепным разноцветным львиным зевом, цветами, которые она вырастила, следуя его инструкциям.

— Вот и славненько, оставляю тебя, чтобы ты мог немного отдохнуть, — и уже у самой двери, к своему стыду, осознала, что не сказала ни слова о его утрате. — Джастин, дорогой...

— Спасибо, Глория, вот этого не надо, — с неожиданной твердостью прервал ее Джастин.

Лишенная возможности выразить сочувствие, Глория попыталась перейти к более практичным делам.

— Наверх поднимайся, когда у тебя возникнет такое желание, дорогой. Обед в восемь, теоретически. Если раньше захочется выпить, не стесняйся. Делай, что тебе заблагорассудится. Или ничего. Одному богу известно, когда появится Сэнди.

Выполнив свой долг, она поднялась в спальню, приняла душ, переоделась, нарядилась, заглянула к детям, которые готовили уроки. Испуганные близостью смерти, они

демонстрировали крайнее усердие, а может, притворялись.

— Он выглядит ужасно грустным? — спросил Гарри, младший из сыновей.

— Вы встретитесь с ним завтра. Пожалуйста, будьте вежливыми и серьезными. Матильда сделает вам гамбургеры. Есть будете в игровой комнате, а не на кухне, понятно? — и тут же добавила: — Он очень милый, мужественный человек, так что отнеситесь к нему с уважением.

Спустившись в гостиную, она, к своему удивлению, обнаружила там Джастина. Он согласился выпить виски с содовой, себе она налила белого вина и опустилась в кресло, в котором обычно сидел Сэнди, только о муже она сейчас не думала. Какое-то время, она понятия не имела, сколько именно, оба молчали, и Глория чувствовала, как окружающая их тишина становится все звонче и звонче. Джастин маленькими глотками пил виски. Глория, к своему облегчению, отметила, что он не подхватил новую привычку, которая так раздражала ее в Сэнди: пить виски закрыв глаза и надувая губы, словно его дали на пробу. Со стаканом в руке Джастин отошел к французскому окну, выходящему в залитый светом сад: освещали его двадцать ламп мощностью в 150 ватт каждая. Их блеск подсветил и одну щеку Джастина.

— Может, так все и думают, — внезапно произнес он, продолжив разговор, которой они не вели.

— Ты о чем, дорогой? — спросила Глория, не зная, обращается ли он к ней. Но не удержалась от вопроса, поскольку понимала, что ему надо с кем-то поговорить.

— О том, что тебя любят, каким ты кажешься, а не таким, какой ты на самом деле. Что ты мошенничаешь. Воруешь любовь.

Глория и представить себе не могла, что кто-то так о нем думал, наоборот, не сомневалась, что такие мысли никому не приходили в голову.

— Не говори глупостей, Джастин, — отчеканила она. — Ты — один из самых искренних людей, которых я знаю. И всегда был таким. Тесса обожала тебя, и по-другому просто быть не могло. Ей очень повезло в том, что она встретила тебя.

«Что же касается воровства любви, — подумала она, — то не требуется семь пядей во лбу для того, чтобы догадаться, кто в этом дуэте подворовывал любовь».

Джастин не отреагировал на ее эмоциональный выплеск, а может, она не увидела его реакции, потому что ее отвлек собачий лай: одна начала, а остальные подхватили, по всей Мутайге.

— Она видела от тебя только добро, Джастин, и ты это знаешь. Негоже тебе корить себя за преступления, которые ты не совершал. Так поступает множество людей, теряя близкого человека, но они несправедливы по отношению к самим себе. Мы не можем относиться к нашим близким так, словно они могут умереть в любую минуту. Из этого ничего путного не выйдет. Не правда ли? Ты был ей верен. Всегда, — добавила Глория, случайно намекнув на то, что о Тессе она такого сказать не может. И ее намек не остался незамеченным, она могла в этом поклясться, он уже собрался рассказать о том, каким мерзавцем оказался этот Арнольд Блюм, но тут же услышала, как повернулся в замке ключ ее мужа, и поняла, что момент откровенности безвозвратно утерян.

— Джастин, старина, как дела? — воскликнул Вудроу, плеснул себе чуть-чуть вина, хотя обычно отдавал предпочтение виски, и плюхнулся на диван. — К сожалению, больше никаких новостей. Ни плохих, ни хороших. Никаких зацепок, никаких подозреваемых, пока ничего. Никаких следов Арнольда. Бельгийцы дают вертолет, Лондон — второй. Деньги, деньги. Наша общая беда. Однако он — гражданин Бельгии, так почему нет. Ты сегодня очень красивая, сладенькая. Что у нас на обед?

«Он выпил, — раздраженно подумала Глория. — Делает вид, что работает допоздна, а сам пьет в кабинете, тогда как я должна заниматься с детьми». Тут она уловила какое-то движение у окна и к еще большему своему неудовольствию поняла, что Джастин решил откланяться, вспугнутый слоновьей бестактностью ее мужа.

— А как же обед? — запротестовал Вудроу. — Старина, силы тебе еще понадобятся.

— Вы очень добры, но, боюсь, у меня нет аппетита. Спасибо тебе за все, Глория. Сэнди,

спокойной ночи.

— И Пеллегрин шлет телеграммы с выражением поддержки. Говорит, что горюет весь Форин-оффис. Не звонит только потому, чтобы не обременять тебя.

— Бернарда всегда отличал особый такт.

Глория наблюдала, как закрылась дверь, услышала шаги по бетонной лестнице, посмотрела на пустой стакан на бамбуковом столике у французского окна, и в голове ее вдруг сверкнула пугающая мысль: она больше никогда не увидит его.

За обедом Вудроу, как обычно, ел неряшливо, насыщался, а не получал удовольствие от еды. Глория, у которой, как и у Джастина, пропал аппетит, наблюдала за мужем. То же проделывал и Джума, их слуга, на цыпочках кружащий вокруг стола.

— Как у нас дела? — заговорщически прошептал Вудроу, ткнув пальцем в пол и предлагая ей понизить голос.

— Нормально, — она приняла условия игры. — С учетом обстоятельств.

«Что ты сейчас делаешь внизу? — гадала она. — Лежишь на кровати, уставившись в темноту? Или стоишь у окна, смотришь через прутья решетки в сад, говоришь с ее призраком?»

— Ничего важного не выяснилось? — спросил Вудроу. Имен он, учитывая присутствие Джумы, избегал.

— Насчет чего?

— Насчет нашего мальчика-побегунчика, — он похотливо заулыбался, ткнул пальцем в бегонии и беззвучно произнес: «Блюм». Его телодвижения Джума истолковал по-своему, поспешив к нему с графином воды.

Не один час Глория лежала без сна рядом с похрапывающим мужем, а когда ей вдруг послышался донесшийся снизу звук, выбралась из кровати, подошла к окну, выглянула в сад. В город подали электричество, и он сиял россыпью огней. Но призрак Тессы не скользил по залитому светом саду. Не увидела она и Джастина. Вернувшись к кровати, обнаружила в ней Гарри, который спал, сунув большой палец одной руки в рот и положив вторую на грудь отца.

Семья, как обычно, поднялась рано, но Джастин их опередил. Все в том же мятом костюме, он буквально не находил себе места. Глория отметила, что его щеки залиты румянцем. Мальчики, как их и учили, важно пожали ему руку, он меланхолично ответил на их приветствие.

— О, Сэнди, доброе утро! — воскликнул он, как только появился Вудроу. — Не мог бы ты уделить мне пару минут?

Мужчины удалились на залитую солнцем веранду.

— Я насчет своего дома, — начал Джастин, как только они оказались наедине.

— Здешнего или лондонского, старина? — вопросом на вопрос ответил Вудроу, изображая веселье. И Глория, которая слышала каждое слово через раздаточное окошко, соединяющее веранду с кухней, с радостью хрюкнула бы его по голове чем-то тяжелым.

— Здешнего, в Найроби. Ее личные бумаги, письма адвокатов. Материалы семейного трастового фонда. Документы, которые дороги нам обоим. Я не могу оставить без надзора ее личную документацию. Она не предназначена для глаз кенийских полицейских.

— И какой же выход, старина?

— Я бы хотел поехать туда. Прямо сейчас. Как твердо и решительно! У Глории пела душа. Как решительно, несмотря ни на что!

— Мой дорогой друг, это невозможно. Эти писаки сожрут тебя живьем.

— Откровенно говоря, я в это не верю. Полагаю, они могут попытаться сфотографировать меня. Они будут выкрикивать свои вопросы. Если я им не отвечу, на большее они не пойдут. Поймаем их, пока они бредутся.

Глория прекрасно знала, чем на это ответит Вудроу. Через минуту он будет звонить в Лондон Бернарду Пеллегрину. Так он поступал всегда, если хотел действовать через голову Портера Коулриджа и получить нужное ему указание.

— Вот что я тебе скажу, старина. А почему бы тебе не написать список нужных

документов? Я как-нибудь передам его Мустафе, он их подберет и привезет сюда.

«Типичная реакция, — в ярости подумала Глория. — Уйти от прямого ответа, потянуть время, найти самый легкий путь».

— Мустафа понятия не имеет, как отбирать документы, — услышала она ответ Джастина, голос его оставался таким же твердым. — А от списка толку не будет. Его ставит в тупик даже список продуктов, которые надо купить в магазине. Это мой долг перед ней, Сэнди. Долг чести, и я обязан его отдать. Поможешь ты мне в этом или нет.

«Класс, он обязательно скажется, — мысленно заплотировала Глория. — Здорово сыграно, старина». Но даже тогда ей не пришло в голову, пусть она просматривала самые неожиданные варианты, что у ее мужа могут быть личные причины для визита в дом Тессы.

Пресса не брилась. Джастин ошибся. А если кто и решил поутру привести себя в порядок, то проделывал это на травке перед домом Джастина, где репортеры и провели ночь во взятых напрокат автомобилях, выбрасывая мусор в кусты гортензии. Два африканца в полосатых, цветов американского флага брюках и цилиндрах продавали с лотка чай. Другие жарили кукурузу на углях. Сонные полицейские кучковались около побитой временем патрульной машины, зевали и курили. Их босс, внушительных размеров толстяк, с коричневым кожаным ремнем на животе и золотым «Ролексом» на руке, закрыв глаза, развалился на переднем пассажирском сиденье. Часы показывали половину восьмого. Над городом плыли низкие облака. Большие черные птицы то и дело менялись местами на проводах, выжидая момент, чтобы спикировать за едой.

— Проезжай мимо, потом остановись, — из глубины минивена командовал Вудроу, сын военного.

Они сохранили ту же диспозицию, что и днем раньше: Ливингстон и Джексон на переднем сиденье, Вудроу и Джастин — позади. На номерных знаках черного «Фольксвагена» стояли буквы CD, как, впрочем, и на половине автомобилей, разъезжающих по улицам Мутайги. Опытный глаз мог бы разглядеть на тех же номерных знаках символику британского посольства, но репортерам такого опыта, похоже, не доставало, поэтому никто не обратил внимания на «Фольксваген», проехавший мимо ворот и остановившийся чуть выше по склону. Ливингстон остановил минивэн, поставил его на ручник.

— Джексон, выйдешь из машины, медленным шагом вернешься к воротам дома мистера Куэйла. Как зовут твоего привратника? — последний вопрос относился к Джастину.

— Омари.

— Скажешь Омари, когда наш минивэн вкатится на подъездную дорожку, он должен открыть их в самую последнюю минуту и закрыть, как только мы въедем во двор.

Останься с ним и проследи, чтобы он сделал все, как я сказал. Давай.

Сразу войдя в роль, Джексон вылез из кабины, потянулся, поправил ремень и наконец направился вниз по склону к железным воротам. Под пристальными взглядами репортеров и полицейских встал рядом с Омари.

— Подавай назад, — приказал Вудроу Ливингстону. — Очень медленно. Пусть все поймут, что мы никуда не торопимся.

Ливингстон отпустил ручник, оставил нейтральную передачу. Минивэн медленно покатился вниз по склону, заехал задом на подъездную дорожку. Присутствующие могли подумать, что водитель собирается развернуться. Если и подумали, то очень скоро поняли, что ошиблись, потому что мгновением позже Ливингстон включил заднюю передачу, нажал на педаль газа и минивэн надвинулся на ворота, заставив изумленных репортеров, толпящихся на подъездной дорожке, броситься вправо и влево. Ворота распахнулись, Омари открывал одну створку, Джексон — другую. «Фольксваген» закатился во двор, ворота захлопнулись. Джексон запрыгнул в кабину, а Ливингстон подъехал к самому крыльцу, две нижних ступеньки даже остались под задним торцом. Мустафа, слуга Джастина, открыл входную дверь, Вудроу — заднюю дверцу, вытолкнул Джастина вперед, выскочил следом за ним. В следующее мгновение они уже были в холле, а входная дверь за их спинами закрылась.

В доме царил сумрак. Из уважения к Тессе, а может, для того, чтобы отгородиться от нескромных взглядов газетчиков, слуги задвинули все портьеры. Трое мужчин стояли в холле, Джастин, Вудроу, Мустафа. Мустафа молча плакал. Вудроу различал перекошенное лицо, полоску белых зубов, текущие по щекам слезы. Джастин сжимал плечи Мустафы, успокаивая его. Столь несвойственная англичанам демонстрация чувств со стороны Джастина удивила Вудроу, а где-то и оскорбила. Джастин прижимал Мустафу к себе, пока сжатые зубы последнего не упокоились на его плече. Вудроу раздраженно отвернулся. В коридоре, который вел в помещения для слуг, возникли новые тени: однорукий парнишка из племени шамба, незаконно проникший в Кению из Уганды, его имя Вудроу никак не мог запомнить, законно проникшая в Кению беженка из Южного Судана, Эсмеральда, у которой постоянно возникали проблемы из-за мужчин. Тесса не могла устоять перед душещипательной историей, а местные законы она ни в грош не ставила. Иногда ее дом напоминал панафриканский хостел [12] для увечных и несчастных. Не раз и не два Вудроу пытался поговорить с Джастином на эту тему, но всякий раз наткнулся на полное непонимание. Только Эсмеральда не плакала. Наоборот, лицо ее превратилось в деревянную маску. Зачастую белые ошибочно предполагали, что маска эта — выражение неблагодарности или безразличия. Вудроу знал, что это не так. Она свидетельствовала лишь о знании жизни, переполненной горем и ненавистью, жизни, в которой люди постоянно убивали друг друга. Это, мол, повседневные реалии, с которыми мы сталкиваемся с рождения, а вы, вазунгу [13], — нет.

Мягко отстранив Мустафу, Джастин взял Эсмеральду за обе руки, а она прижалась лбом к его лбу. У Вудроу возникло ощущение, что его допустили в круг любви, о которой он не мог и мечтать. Плакал бы Джума, если бы Глории перерезали горло? Черта с два. Эбедьях? Новая служанка Глории? Вудроу не помнил, как ее зовут. Джастин прижал к себе угандийского парнишку, погладил его по щеке, потом повернулся спиной ко всем троим, взялся рукой за перила лестницы, ведущей на второй этаж. На мгновение превратился в глубокого старика, каким ему вскорости суждено было стать, потом начал медленно подниматься по ступеням. Вудроу провожал его взглядом, пока он не скрылся в спальне. Туда Вудроу никогда не входил, но не раз пытался представить себе, как она выглядит.

Оставшись один, Вудроу внутренне сжался, чувствуя смутную угрозу. Так случалось с ним всякий раз, когда он переступал порог ее дома. Он вдруг превратился в деревенского подростка, попавшего в большой город. Если это коктейль-пати, почему я не знаю этих людей? «По какой причине нас пригласили сюда этим вечером? В какой комнате будет она? Где Блюм? Скорее всего рядом с ней. Или на кухне, рассказывая истории, от которых слуги покатывались со смеху». Вспомнив о цели своего приезда, Вудроу прошел по полутемному коридору к двери в гостиную. Открыл ее. Лезвия утреннего солнечного света, прорубившиеся сквозь зазоры между портьерами, освещали связанные вручную инвалидами щиты, маски, коврики и покрывала, которыми Тесса оживляла полученную от государства мебель. И ведь создавала уют! «Такой же камин, как у нас, такие же стальные балки, обшитые деревом, имитирующие дуб старой Англии. Все, как у нас, только поменьше, потому что детей у Куэйлов не было и Джастин занимал более низкую должность. Тогда почему жилище Тессы всегда выглядело как настоящий дом, а по нашему сразу чувствовалось, что мы — временщики?»

На середине комнаты он замер, охваченный воспоминаниями. «Здесь я стоял и читал ей мораль, ей, дочери графини. Рядом с инкрустированным столиком, который, по ее словам, очень любила мать. Я опирался на спинку этого непрочного стула из атласного дерева и вещал, словно папаша из викторианских времен. Тесса стояла у окна, в падавшем сзади солнечном свете ее платье из тонкой хлопчатобумажной материи стало прозрачным. Знала ли она, что обращался я к ее обнаженному силуэту? Что, глядя на нее, я видел мою мечту, ставшую реальностью, мою девушку на пляже, мою незнакомку в поезде?»

— Я подумал, что будет лучше, если я заеду к тебе и все выскажу сам, — сурово начал он.

— Почему ты так подумал, Сэнди? — спросила она.

Одиннадцать утра. Совещание в «канцелярии» закончено, Джастин отправлен в Кампалу, на трехдневную, никому не нужную конференцию, посвященную вопросам повышения эффективности распределения гуманитарной помощи. Я приехал по официальному делу, но оставил автомобиль на соседней улице, как чувствующий свою вину любовник, навещающий жену сослуживца. Господи, как же она красива! И молода! Какая у нее высокая, упругая грудь. Как только Джастин позволяет ей покидать их дом! Большие серые глаза, улыбка, говорящая о том, что ее обладательница, несмотря на юный возраст, много чего повидала. Вудроу не видит улыбки, потому что падающий в окно свет слепит глаза. Но он слышит ее в голосе Тессы. Дразнящем, пьянящем, аристократическом голосе. Который он в любой момент может оживить в памяти. Так же, как линии талии и бедер обнаженного силуэта, ее сводящую с ума походку. Неудивительно, что она и Джастин нашли друг друга: выходцы из одной конюшни, пусть их и разделяли двадцать лет.

— Тесс, честное слово, так продолжаться не может.

— Не зови меня Тесс.

— Почему?

— Это имя зарезервировано для других.

«Для кого? — задается вопросом он. — Для Блюма? Еще для кого-нибудь из ее любовников?» Куэйл никогда не называл ее Тесс. Гита, насколько знал Вудроу, тоже.

— Ты просто не должна так свободно выражать свои взгляды. Свое мнение.

Следующую фразу он приготовил заранее. Речь в ней шла о том, как положено вести себя жене дипломата, в чем она должна видеть свой долг. Но ему не удастся произнести ее до конца. Слово «долг» вызывает мгновенную ответную реакцию.

— Сэнди, мой долг — это Африка. А твой? Он удивлен, что должен отвечать не только ей, но и себе.

— Мой долг — служить своей стране, пусть это и звучит помпезно. И Джастина тоже. Выполнять задачи, поставленные Министерством иностранных дел и послом. Я ответил на твой вопрос?

— Ты знаешь, что нет. Совсем не ответил. Я спрашивала совсем о другом.

— Что-то я тебя не понимаю.

— Я думала, ты можешь прийти, чтобы поговорить о тех документах, которые я тебе передала.

— Нет, Тесса, разумеется, нет. Я пришел, чтобы попросить тебя не рассказывать всем и каждому Тому, Дику и Гарри об ошибках и неправильных действиях правительства президента Мои. Я пришел, чтобы попросить тебя играть за команду, вместо того чтобы... ты знаешь, о чем речь, — грубо закончил он.

Говорил бы я с ней так сурово, если бы знал, что она беременна? Наверное, смягчил бы тон. Но поговорил бы обязательно. Гадал я о том, беременна ли она, когда пытался не замечать ее обнаженного силуэта? Нет. Я ужасно ее хотел, и она могла это понять по моему изменившемуся голосу и по неестественности движений.

— Сие означает, что ты их не прочитал? — Она определенно старалась свести разговор исключительно к содержанию документов. — Ты собираешься сказать, что у тебя не нашлось времени.

— Разумеется, я их прочитал.

— И какие мысли возникли у тебя после того, как ты их прочитал, Сэнди?

— Я не нашел в них ничего такого, чего бы не знал раньше, а что-либо изменить я не в силах.

— Такой ответ характеризует тебя не с лучшей стороны, Сэнди. Более того, свидетельствует о малодушии. Почему ты не можешь ничего сделать?

— Потому что мы — дипломаты, а не полисмены, Тесса, — Вудроу ненавидел свой голос. — Ты говоришь мне, что государство Мои насквозь коррумпировано. Я никогда в этом не сомневался. Страна умирает, она обанкротилась, все, от организации туризма до заботы о

диких животных, от образования до транспорта, от системы социального обеспечения до средств коммуникации, разваливается из-за воровства, некомпетентности, пренебрежения к исполнению обязанностей. Точно подмечено. Ты говоришь, что министры и чиновники грузовиками воруют продукты и медикаменты, предназначенные голодающим и больным беженцам, иногда проделывая это по договоренности с сотрудниками агентств, занимающихся распределением гуманитарной помощи. Разумеется, воруют. Расходы на здравоохранение в Кении составляют пять долларов на человека, и это до того, как все чиновники, сверху донизу, урвут свой кусок. Полиция избивает тех, кто по глупости привлекает к этим вопросам внимание общественности. Тоже правда. Ты изучала их методы. Говоришь, что они используют водную пытку. Держат людей в воде, потом избивают, но следов не остается. Ты права. Они избивают. Всех, кто попадет под руку, без разбора. А мы не протестуем. Они также сдают оружие в аренду знакомым бандитам, с условием, что те вернут его до восхода солнца, иначе о залоге придется забыть. Посол разделяет твое возмущение, но мы не протестуем. Почему нет? Потому что находимся здесь, и слава богу, чтобы представлять свою страну, а не их. В Кении живет тридцать пять тысяч британцев, родившихся на этой земле, и их существование целиком зависит от прихоти президента Мои. Посол здесь не для того, чтобы усложнять им жизнь.

— И еще вы представляете интересы британского бизнеса, — игриво напомнила она.

— Это не грех, Тесса, — он старался отвести взгляд от ее манящей груди. — Коммерция — не грех. Торговля с развивающимися странами — не грех. Торговля, между прочим, и помогает им развиваться. Торговля оставляет надежду на реформы. Те реформы, к которым мы стремимся. Торговля приводит их в современный мир. Позволяет нам помочь им. Как мы можем помочь бедной стране, если мы сами не будем богаты?

— Чушь собачья.

— Не понял?

— Лицемерная, чистейшая, напыщенная собачья чушь, если тебе нужна развернутая характеристика, которой потчует всех Министерство иностранных дел вообще и Пеллегрин в частности. Оглянись вокруг. От торговли бедные не становятся богаче. Прибыли не идут на реформы. Они идут на подкуп продажных государственных чиновников и на пополнение счетов в швейцарских банках.

— Я абсолютно не согласен с такой... Но Тесса прервала его:

— Значит, в архив и забыть. Так? Никаких действий в настоящий момент не предпринимать. И подпись: Сэнди. Великолепно. Прародительница демократии в очередной раз показывает себя лицемерной лгуньей, проповедуя свободу и права человека для всех, кроме тех мест, где у нее есть возможность заработать бабки!

— Это несправедливо! Да, приспешники Мои — преступники, и старик будет править до ближайших выборов, то есть еще пару лет. Но нельзя все рисовать в черных красках. Слово, сказанное в нужное ухо, коллективное решение стран-доноров о прекращении помощи, тихая дипломатия приносят результат. И Ричард Лики вошел в состав кабинета, чтобы поставить заслон коррупции и убедить доноров, что их помощь больше не пойдет на обогащение ближайшего круга Мои, — он почувствовал, что чуть ли не цитирует депеши, приходящие из Форин-оффис. Хуже того, она тоже это почувствовала, потому что ее губы разошлись в широкой усмешке. — Настоящее у Кении, конечно, не очень, но у нее есть будущее, — оптимистично добавил он. И замолчал, в надежде, что она то ли знаком, то ли словом покажет: да, они движутся к некоему подобию перемирия.

Но Тесса, он вспомнит это позже, не годится в миротворцы, так же, как ее ближайшая подруга Гита. По молодости они еще верят в существование такого понятия, как простые истины.

— В документах, которые я тебе передала, есть фамилии, даты и номера банковских счетов, — гнет она свою линию. — Компромат собран на конкретных министров. Может, об этом тоже стоит шепнуть в нужное ухо? Или никто не будет слушать?

— Тесса.

Она уходила от него, хотя он пришел, чтобы быть к ней ближе.

— Сэнди.

— Твоя позиция мне понятна. Я тебя слышу. Но, ради бога, во имя благоразумия, не можешь же ты серьезно предполагать, что высокопоставленный чиновник, в нашем случае Бернард Пеллегрин, начнет охоту на ведьм, в качестве которых выступят поименованные тобой министры кенийского правительства! Кстати, и мы, британцы, не сумели полностью изжить коррупцию. Так что, посол Кении в Лондоне должен указывать нам, каким образом очистить наши ряды?

— Все это — жалкие отговорки, и ты это знаешь, — сверкнула глазами Тесса.

Он не замечает появления Мустафы. Тот входит бесшумно, ставит на ковер между ними маленький столик, с серебряным подносом, серебряным кофейником и серебряной вазочкой (сервиз принадлежал ее матери), наполненной песочным печеньем. Смена декораций стимулирует воображение Тессы, в своем поведении не чуждой театральности. Она опускается на колени у столика, разводит плечи, выпячивает грудь так, что платье едва не лопается, и перемежает речь колкими вопросами о его вкусах.

— Тебе черный, Сэнди, или с капелькой сливок... я забыла, — спрашивает она с насмешкой в голосе. — Такая уж у нас фарисейская жизнь, — говорит она ему. — За нашей дверью континент гибнет, а мы стоим, на ногах или на коленях, у столика, пьем кофе с серебряного подноса, тогда как совсем рядом голодают дети, умирают больные, а продажные политики грабят нацию, которая их и избирала. Охота на ведьм, твои слова, прекрасное начало. Назовите их, заклейте позором, отрубите им головы, выставьте их на кольях над городскими воротами, говорю я. Беда в том, что толку от этого нет. Газеты Найроби каждый год публикуют «Список позора», и всякий раз в нем фигурируют одни и те же кенийские политики. Никто не уволен, никого не волокут в суд. — Она протягивает ему полную чашку, для этого приподнимается с колен. — Но тебя это не волнует, не так ли? Ты выступаешь за статус-кво. Ты принял такое решение. На тебя никто не давил, Оно твое. Твое, Сэнди. Как-то раз ты посмотрел на свое отражение в зеркале и подумал: "Привет, я, отныне я принимаю мир таким, как он есть. Я делаю все, что могу, для Британии, и называю это своим долгом. И неважно, что долг этот включает в себя и поддержку одного из самых отвратительных правительств на этом свете. Я все равно буду его выполнять. — Она предлагает ему сахар. Он молча отказывается. — Так что, боюсь, нам не найти взаимопонимания, не так ли? Я хочу высказывать свое мнение. Ты хочешь, чтобы я зарыла голову в песок, радом с твоей. Женщина и мужчина по-разному понимают свой долг. Обычное дело.

— А Джастин? — спрашивает Вудроу, разыгрывая последнюю карту и заранее зная, что это не козырной туз. — Как он вписывается в этот расклад?

Тесса замирает, чувствуя ловушку.

— Джастин — это Джастин, — устало отвечает она. — Он сделал свой выбор, как я — свой.

— А Блюм, полагаю, это Блюм! — фыркает Вудроу. Движимый ревностью и злостью, он таки произносит фамилию, хотя давал себе зарок обойтись без этого. Она же не раскрывает рта, ждет, чтобы он показал себя еще большим дураком. Что он и делает. Без малейшей запинки. — Ты не думаешь, к примеру, что ставишь под угрозу карьеру Джастина? — осведомляется он.

— Поэтому ты и пришел ко мне?

— Главным образом да.

— Я-то думала, что ты пришел, чтобы спасти меня от меня самой. Теперь выясняется, что ты пришел спасать от меня Джастина. Как благородно с твоей стороны.

— Я полагал, что интересы Джастина не расходятся с твоими.

Резкий, невеселый смех, ее злоба возвращается. Но, в отличие от Вудроу, Тесса не теряет самоконтроля.

— Святой боже, Сэнди, ты, должно быть, единственный человек в Найроби, который может себе такое представить! — Она встает, игра окончена. — Я думаю, тебе лучше уйти.

Люди начнут говорить о нас. Я больше не буду посылать тебе никаких документов, надеюсь, тебя это обрадует. Мы не можем допустить, чтобы ты потерял благорасположение посла, не так ли? А не то ты можешь остаться без повышения...

Прокручивая в памяти эту сцену, как он прокручивал ее двенадцать последних месяцев, вновь испытывая унижение и раздражение, чувствуя спиной тот презрительный взгляд, которым она его проводила, Вудроу выдвинул ящик инкрустированного столика, который так любила мать Тессы, и сунул в него руку, чтобы выгрести все содержимое. «Я напился, я обезумел, — говорил он себе, объясняя тот поступок. — Я хотел совершить что-то отчаянное. Пытался обрушить крышу над головой, чтобы увидеть чистое небо».

Один листок бумаги, более ничего он не просил у судьбы, лихорадочно обшаривая ящики и полки, один синий листок издательства Ее Величества [14], с несколькими строчками, написанными на одной стороне, его почерком, смысл которых отступал от исповедуемого им правила: «С одной стороны, все обстоит именно так, но, с другой, я ничем не могу помочь». И подписал он эти строчки не "С" или «СВ», а «Сэнди Вудроу», большими буквами, чтобы показать всему миру и Тессе Куэйл, что на пять минут, проведенных в кабинете, когда перед глазами стоял ее обнаженный силуэт, а содержимое большого стакана с виски уже перекечевало в желудок, у некоего Сэнди Вудроу, главы «канцелярии» британского посольства в Найроби, снесло башню, и он рискнул карьерой, женой и детьми в обреченной на неудачу попытке сблизить свою жизнь и свои чувства.

И, написав то, что написал, вложил листок в конверт Ее Величества и запечатал его, смочив клей слюной с привкусом виски. Аккуратно вывел адрес и, игнорируя все внутренние голоса, предлагающие подождать час, день, жизнь, вновь наполнить стакан виски, попроситься в отпуск, в самом крайнем случае отправить письмо утром, проспавшись, отнес конверт в комнату писем посольства, где клерк из местных, кикуйю по имени Джомо, названный в честь великого Кениаты, не удосужившись спросить, а почему глава «канцелярии» посылает письмо с пометкой «личное» обнаженному силуэту молодой жены коллеги и подчиненного, бросил его в большой мешок с маркировкой: «МЕСТНАЯ НЕСЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА» и подобострастно проворковал в удаляющуюся спину: «До свидания, мистер Вудроу».

Старые рождественские открытки.

Старые приглашения, помеченные крестом, то есть «нет», поставленным рукой Тессы. И другие, с более эмоциональной пометкой: «Никогда».

Открытка с наилучшими пожеланиями от Гиты Пирсон, с индийскими птичками на оборотной стороне.

Кусок ленты, пробка от бутылки, схваченные большой скрепкой визитные карточки дипломатов.

Но не единственный синий листок с торжествующей записью: «Я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю. Сэнди Вудроу».

Он скользил вдоль полок, наугад открывая книги, шкатулки, признавая свое поражение. «Возьми себя в руки, парень», — приказал он себе, пытаясь обратить плохую новость в хорошую. Все ясно: письма нет. А почему оно должно быть? У Тессы? После двенадцати месяцев? Возможно, она со смехом бросила его в мусорную корзину, как только получила. К такой женщине, не чуждой флирта, с безвольным мужем, подкатывались дважды в месяц. Трижды! Каждую неделю! Каждый день! Он потел. В Африке пот вдруг начинал лить с него градом, потом высыхал. Вудроу постоял, не мешая капелькам скатываться, прислушиваясь.

Что этот человек делает наверху? Чего ходит взад-вперед? Личные бумаги, сказал он. Письма адвокатов. Какие бумаги она держала наверху, полагая, что они слишком личные, чтобы лежать на первом этаже? Телефон звонил и звонил. Звонил без перерыва с того самого момента, едва они вошли в дом, но Вудроу только сейчас обратил внимание на этот трезвон. Журналисты? Любовники? Какая разница? Пусть звонит. Он нарисовал в голове план второго этажа собственного дома, приложил к этому. Джастин находился прямо над ним, слева от лестницы. Там гардеробная, ванная и большая спальня. Вудроу вспомнил слова Тессы о том,

что она превратила свою гардеробную в кабинет. «Теперь кабинеты есть не только у мужчин, Сэнди. Мы, девушки, тоже обзаводимся ими», — соблазняющим тоном сообщила она ему, словно делясь интимными подробностями своей жизни. Звуки, доносящиеся сверху, изменились. Теперь Джастин куда-то все складывал. Что именно? «Документы, которые дороги нам обоим». «Для меня, возможно, тоже», — подумал Вудроу, и у него засосало под ложечкой.

Обнаружив, что он стоит у окна, выходящего в сад, Вудроу раздвинул занавески и увидел цветущие кусты, которыми так гордился Джастин, когда устраивал для сотрудников «канцелярии» экскурсии по своему Элезиуму и угощал их клубникой со сливками и холодным белым вином. «Один год садоводства в Кении равен десяти в Англии», — говорил он, проходя по кабинетам «канцелярии» и даря цветы мужчинам и женщинам. Собственно, и похвалиться-то он мог лишь своими знаниями по садоводству. Вудроу оглядел склон. Дом Куэйлов находился совсем рядом с его. По ночам они могли видеть огни друг друга. Вот и сейчас он видел окно, из которого так часто смотрел на дом Куэйлов. Внезапно он почувствовал, что вот-вот расплачется. Ее волосы касались его лица. Он мог плавать в ее глазах, вдыхать аромат ее духов и запах теплой травы, который исходил от нее, когда он танцевал с ней на Рождество в «Мутайга-клуб» и случайно ткнулся носом в ее волосы. "Это занавески, — осознал он, ожидая, когда желание расплакаться сойдет на нет. -

Они сохранили ее запах, а я стою совсем рядом". Импульсивно он схватил занавеску обеими руками, чтобы зарыться в нее лицом.

— Спасибо, Сэнди. Извини, что заставил тебя ждать.

Он обернулся, отбросив занавеску. Джастин стоял в дверном проеме, вроде бы раскрасневшийся, как и Вудроу, с длинным, желто-оранжевым, похожим на сардельку, кожаным саквояжем «гладстон» [15], туго набитым, с медными заклепками, углами, замками.

— Все в порядке, старина? Долг чести уплачен? — спросил Вудроу, захваченный врасплох, но, как и положено хорошему дипломату, быстро пришедший в себя. — Вот и отлично. Тогда в путь. Ты взял все, что хотел?

— Полагаю, что да. Да. Вроде бы все.

— Твоему голосу недостает уверенности.

— Правда? Да нет, забрал все. Это ее отца, — он указал на саквояж.

— Такой больше подходит незаконно практикующему акушеру, — дружелюбно заметил Вудроу.

Предложил помочь, но Джастин предпочел нести свою добычу сам. Вудроу залез в минивэн, Джастин последовал за ним, сел, не выпуская из руки потертые кожаные ручки саквояжа. Сквозь тонкие стены до них долетали выкрики журналистов:

— Вы полагаете, Блум прикончил ее, мистер Куэйл?

— Эй, Джастин, мой босс готов заплатить кучу баксов.

Из дома, перекрывая телефонные звонки, доносился детский плач. Вудроу не сразу понял, что слышит рыдания Мустафы.

Глава 3

Первоначальная реакция газет на убийство Тессы не оправдала страхов Вудроу и посла. «Эти засранцы, которые без труда могли раздуть из мухи слона, — осторожно заметил Коулридж, — в равной степени оказались способны не увидеть за деревьями леса». И действительно, поначалу они и не увидели. «Жена английского дипломата гибнет от рук убийц из буша». Именно так откликнулись на происшедшее и влиятельные издания, и таблоиды. Основной упор делался на то, что во всем мире растет опасность, которой подвергаются сотрудники агентств, занятых доставкой и распределением гуманитарной помощи. Передовицы клеймили ООН за неспособность защитить своих сотрудников и все возрастающую цену, которую приходится платить за эту самую гуманитарную помощь. Читающая публика много чего узнала о племенах, которые не признают законов, практикуют

ритуальные убийства и колдовство и даже торгуют человеческой кожей. Немало было написано о бандах головорезов, состоящих из нелегальных иммигрантов из Судана, Сомали и Эфиопии. Но никто не упомянул о том, что последнюю свою ночь Тесса провела в одном бунгало с Блюмом, куда они удалились после ужина на глазах всех работников и гостей «Оазис-лодж». Блюм проходил в статьях как сотрудник «бельгийской благотворительной организации», что соответствовало действительности, «медицинский консультант ООН», не соответствовало, или «эксперт по тропическим болезням», к которым он не имел ни малейшего отношения. Высказывались предположения, что его взяли в заложники, чтобы потребовать за него выкуп или убить.

Между многоопытным доктором Блюмом и его прекрасной юной протеже пресса усматривала только одну связь: они занимались организацией гуманитарной помощи страждущим африканцам. И все. Ной попал только в первые издания, а потом умер вторично. Черная кровь, это знал каждый новобранец Флит-стрит [16], на сенсацию не тянула, но отрубленная голова стоила упоминания. В центр внимания, само собой, попала Тесса, девушка из высшего общества, ставшая оксбриджским [17] адвокатом, принцесса Диана африканских бедняков, мать Тереза найробийских трущоб и ангел Форин-оффис, которая близко к сердцу принимала судьбу каждого человека. В передовой статье «Гардиан» делался упор на то, что женщина-дипломат, символ нового тысячелетия (sic [18]), встретила смерть в обнаруженной Лики колыбели человечества. Из этого следовал вывод о том, что, несмотря на изменяющиеся к лучшему отношения между расами, мы не можем заглушить скважины дикости, которые имеют место быть в глубинах сердца каждого человека. Передовица произвела бы очень сильное впечатление, но, к сожалению, ведущий редактор номера, плохо знакомый с географией африканского континента, указал, что Тессу убили на берегах озера Танганьика, а не Туркана.

И, конечно же, страницы газет пестрели ее фотографиями. Крохотная Тесса на руках отца-судьи, в те дни, когда Его честь был никому не известным барристером, пытающимся прожить на годовой доход в полмиллиона фунтов стерлингов. Десятилетняя Тесса с косичками и в джодпурах [19] в частной школе, с послушным пони на заднем плане (хотя мать Тессы была итальянской графиней, родители, одобрительно отмечала пресса, решили дать ей британское образование). Золотая девушка Тесса в бикини, с грациозной, еще не перерезанной шеей. Тесса в дерзко сдвинутой набок академической шапке, мантии и мини-юбке. Тесса в нелепом одеянии британского барристера, идущая по стопам своего отца. Тесса в день свадьбы, рядом с итонцем [20] Джастинном, улыбающимся мудрой итонской улыбкой.

В отношении Джастина пресса вела себя на удивление сдержанно, и потому, что журналисты не хотели бросать тень на сверкающий образ своей новой героини, и потому, что говорить было особенно нечего. Джастина называли «одним из надежных сотрудников среднего эшелона Форин-оффис», «рабочей лошадкой», «карьерным дипломатом», «стойким холостяком, который до свадьбы успел поработать в самых горячих точках, включая Аден и Бейрут». Коллеги в один голос отмечали его хладнокровие в кризисных ситуациях. В Найроби он председательствовал на «международном форуме по использованию новейших технологий в организации гуманитарной помощи». Никто не употребил слова «неудачник». Как ни странно, в распоряжении газет оказалось множество фотографий Джастина, как до, так и после свадьбы. На фото из семейного альбома на губах юноши играла туманная улыбка, словно он уже тогда предчувствовал, что останется вдовцом. Под давлением Глории Джастин признался, что его фотографию вырезали из группового снимка итонской команды по регби.

— Я и не знала, что ты играл в регби, Джастин! — воскликнула она, взявшая за правило каждое утро, после завтрака, приносить ему письма с соболезнованиями и газетные вырезки, присылаемые из посольства. — Так ты у нас спортсмен.

— Никакой я не спортсмен, — с жаром, который так нравился в нем Глории, возразил Джастин. — Меня загнал в команду заведующий пансионом, настоящий бандит, который считал, что мы не станем мужчинами, если не изувечим друг друга. Школа не имела права

разрешать публикацию этой фотографии, — а, поостыв, добавил: — Я очень тебе благодарен, Глория.

Впрочем, как докладывала она Элен, Джастин благодарил ее за все: за еду и питье, за тюремную камеру, за прогулки по саду и маленькие семинары о грунтовых растениях (особо похвалил ее за бурачок, белый и пурпурный, который она, после долгих уговоров с его стороны, рассадила под хлопковым деревом), за ее помощь в организации приближающихся похорон, в том числе и за поездку с Джексонном на кладбище и в похоронное бюро, поскольку по приказу из Лондона Джастину запретили появляться на людях до тех пор, пока не уляжется шум, вызванный этим громким убийством. Соответствующее письмо, полученное из Форин-оффис по факсу и подписанное Элисон Лендсбюри, начальником управления по кадрам, вызвало крайнее возмущение Глории. Потом она не могла припомнить другого случая, когда тоже едва не вышла из себя.

— Джастин, они же просто издеваются над тобой. «Сдайте ключи от вашего дома, пока властями не будут приняты соответствующие меры». Надо же до такого дойти! Какими властями? Кенийскими? Или этими детективами из Скотленд-Ярда, которые до сих пор не удосужились позвонить тебе?

— Но, Глория, я уже побывал в моем доме, — напомнил Джастин, пытаясь ее успокоить. — Зачем ввязываться в сражение, которое уже выиграно? Когда нас ждут на кладбище?

— В половине третьего. В два мы должны быть в похоронном бюро Ли. Сообщение для прессы уйдет в газеты завтра.

— И она ляжет рядом с Гартом... — Их сына, родившегося мертвым, назвали в честь отца Тессы, судьи.

— Насколько это возможно. Под тем же палисандровым деревом.

— Ты очень добра, — в какой уж раз поблагодарил он ее и ретировался в свои комнаты, к саквоюжу «гладстон».

Саквоюж служил ему утешением. Уже дважды, заглянув в окно сквозь прутья решетки, Глория видела, как Джастин сидит на кровати, уперев локти в колени, положив подбородок на руки, и смотрит на стоящий у ног саквоюж. Она несколько не сомневалась в том и поделилась своими мыслями с Элен, что в саквоюже хранятся любовные письма Блюма. Он спас их от посторонних глаз, пусть Сэнди всячески этому и противился, и теперь ждал, когда же ему достанет сил, чтобы прочитать их или сжечь. Элен соглашалась, но заметила, что Тессе, этой глупой шлюшке, конечно же, не следовало их хранить. «У меня с этим принцип простой, дорогая. Прочитала — сожги». Заметив, что Джастин с неохотой покидает свои комнаты из опасения за саквоюж, Глория предложила поставить его в винный погреб, с железной решеткой вместо двери, которая добавляла комнатам Джастина сходство с тюрьмой.

— И ключ будет только у тебя, Джастин, — она сунула ключ ему в руку. — Вот. Если Сэнди захочет взять бутылку, ему придется обратиться к тебе. Возможно, он станет меньше пить.

Один выпуск газет сменял другой, и, читая заголовки, Вудроу и Коулридж уже убедили себя в том, что им удалось уберечься от самого худшего. То ли Вольфганг сумел заткнуть рты своим работникам и гостям, то ли пресса так увлеклась самим преступлением, что никто не удосужился заглянуть в «Оазис», говорили они друг другу. Коулридж обратился к членам «Мутайга-клуб» с личной просьбой: во имя англо-кенийской дружбы не распространять сплетни. Вудроу настоятельно попросил о том же сотрудников посольства. «Какие бы у нас ни возникали мысли, мы не должны раздувать пожар», — говорил он, и его мудрые советы, идущие от души, похоже, произвели должный эффект.

Но все их надежды рухнули, и Вудроу, спасибо врожденному рационализму, в глубине души всегда знал, что эта история не могла закончиться иначе. Именно в тот момент, когда интерес к убийству начал спадать, бельгийская ежедневная газета на первой полосе опубликовала статью о любовной связи Тессы и Блюма, проиллюстрировав ее фотоснимком

страницы регистрационной книги отеля «Оазис» и показаниями свидетелей, видевших, как влюбленная парочка ворковала за столиком накануне убийства Тессы. Тут уж британская пресса дала себе волю. За одну ночь для Флит-стрит Блюм превратился в козла отпущения, пнуть которого не отказывался и самый ленивый. Ранее он был Арнольдом Блюмом, доктором медицины, приемным конголезским сыном богатой бельгийской семьи, получившим образование в Киншасе, Брюсселе и Сорбонне, медиком-монахом, завсегдаем горячих точек, бесстрашным целителем Алжира. Отныне стал Блюмом-соблазнителем, Блюмом-прелюбодеем, Блюмом-маньяком. Статья о докторрах-убийцах сопровождалась фотографиями Блюма и О.Дж.Симпсона [21], в которых действительно улавливалась некая схожесть, с подписью: «Который из близнецов наш доктор?» Блюма характеризовали как архитипичного черного убийцу. Он вкрался в доверие к жене белого человека, перерезал ей горло, отрубил голову водителю и удрал в буш, дабы подстергать новую жертву или строить какие-то другие козни. Чтобы подчеркнуть схожесть Блюма и Симпсона, первого с помощью компьютерной графики лишили бороды.

Весь долгий день Глория скрывала худшее от Джастина, опасаясь, что эти новости вызовут у него нервный срыв. Но он настаивал на том, чтобы видеть все, от первой и до последней строчки. Поэтому ближе к вечеру, перед возвращением Вудроу, она с неохотой принесла Джастину виски и эти, далеко не самые приятные новости. Войдя в его «тюрьму», рассердилась, увидев Гарри, сидящего напротив Джастина. Оба в глубокой задумчивости смотрели на шахматную доску, стоявшую на шатком столике. Глория почувствовала укол ревности.

— Гарри, дорогой, как ты можешь докучать бедному мистеру Куэйлу шахматами, когда...

Но Джастин перебил ее, прежде чем она успела договорить первое предложение.

— У твоего сына очень изощренный ум, Глория. Поверь мне, скоро он начнет обыгрывать Сэнди, — он взял у нее пачку газетных вырезок, сел на кровать, пролистал их и спокойно заметил: — При наших предрассудках лучшей цели, чем Арнольд, не найти. Если он жив, его все это не удивит. Если мертв, ему без разницы, не так ли?

Но пресса держала за пазухой куда более тяжелый камень. Даже Глория, при всем ее пессимизме, и представить себе не могла, что их еще ждет.

Среди десятка или около того диссидентских информационных листков, которые так или иначе попадали в посольство, на цветной бумаге, в одну страницу, подписанные исключительно вымышленными фамилиями, отпечатанные «на коленке», один демонстрировал удивительную способность к выживанию. Назывался он, без лишней скромности, «КОРРУМПИРОВАННАЯ АФРИКА», и его политика, если у подобного издания могла быть политика, заключалась в изобличении всех и вся, независимо от цвета кожи, должности и последствий. Листок этот сообщал не только о преступлениях министров и бюрократов администрации Мои, но и рассказывал о «взятничестве, воровстве и свинском образе жизни» чиновников международных организаций, ведающих гуманитарной помощью.

Но в этом выпуске информационного листка под номером 64 ни о коррупции, ни о «свинском образе жизни» не было сказано ни слова. Отпечатали листок на шокирующе-розовой бумаге размером в квадратный ярд. Сложенный в несколько раз, он легко умещался в кармане пиджака. Широкая черная полоса по периметру выпуска 64 указывала на то, что анонимные издатели пребывали в трауре. Заголовок содержал одно слово «ТЕССА», набранное черными буквами высотой в три дюйма, и один экземпляр этого выпуска в субботу, во второй половине дня, принес Вудроу не кто иной, как болезненного вида, едва передвигающий ноги, очкастый, усатый, высоченный (шесть футов и шесть дюймов) Тим Донохью собственной персоной. Когда зазвонили во входную дверь, Вудроу в саду играл с мальчиками в крикет. Глория, которая обычно ловила мяч за калиткой, на этот раз лежала в спальне с головной болью. Вудроу через дом прошел к двери и, подозревая, что появился кто-то из журналистов, посмотрел в глазок. На пороге стоял Донохью, с глупой улыбкой на

длинном грустном лице, размахивая, как показалось Вудроу, розовой салфеткой.

— Чертовски сожалею, что пришлось побеспокоить тебя, старина. Священная суббота и все такое. Но, похоже, грянул гром.

Не скрывая неудовольствия, Вудроу пригласил его в гостиную. Что привело сюда этого типа? Что ему от него надо? Вудроу всегда недолюбливал «друзей», как звали шпионов в Форин-оффис. Донохью не мог похвастаться ни внешним лоском, ни лингвистическими способностями, ни обаянием. Целыми днями он играл в гольф в «Мутайга-клуб» с толстяками-бизнесменами, вечера отдавал бриджу. Однако жил припеваючи, с четырьмя слугами и увядшей красоткой Мод, по виду такой же больной, как он сам. Работа в Найроби была для него синекурой? Прощальным подарком в финале блистательной карьеры? Вудроу слышал, что у «друзей» такое практикуется. Сам Вудроу полагал, что Донохью — балласт. Впрочем, всех шпионов он считал паразитами, которым нет места в современном обществе.

— Одного из моих парней занесло сегодня на рынок. Там двое мальчишек бесплатно раздавали эту газету, вот он и решил взять экземпляр.

Первую страницу занимали три некролога, написанные тремя различными африканками. В типично афро-английской манере. Чуть-чуть проповеди, чуть-чуть демагогии, а в основном — эмоции. Тесса, заявляла каждая, пусть и по-своему, совершила подвиг. С ее богатством, происхождением, образованием, внешностью она могла бы танцевать и развлекаться с самыми отвратительными представителями белой верхушки Кении. Вместо этого она выступила против них. Подняла мятеж против своего класса, своей расы, всего того, что, как она считала, связывало ее по рукам и ногам: цвета кожи, предвзятого мнения высшего света, к которому она принадлежала, ограничений, которые налагало на нее наличие мужа-дипломата.

— Как держится Джастин? — спросил Донохью, пока Вудроу читал.

— Спасибо, неплохо.

— Я слышал, он на днях заезжал в свой дом.

— Ты хочешь, чтобы я прочитал это, или нет?

— Должен сказать, ловко ты все проделал, старина, учитывая всех этих рептилий. Тебе следует присоединиться к нам. Он здесь?

— Да, но не принимает.

Если Африка стала приемной страной Тессы Куэйл, читал Вудроу, то африканские женщины — ее обретенной религией.

«Тесса боролась за нас, где бы ни находилось поле битвы, какие бы ни противостояли ей табу. Она боролась за нас на приемах с шампанским, на званых обедах, на всех закрытых для простых смертных вечеринках, куда ее приглашали, и везде говорила об одном и том же. Только эмансипация африканских женщин может спасти нас от ошибок и продажности наших мужчин. И, обнаружив, что забеременела, Тесса настояла на том, чтобы родить своего африканского ребенка среди африканских женщин, которых любила».

— Боже мой, — вырвалось у Вудроу.

— Мои слова, — покивал Донохью. Последний абзац набрали заглавными буквами. Механически Вудроу прочитал и его.

«ПРОЩАЙ, МАМА ТЕССА. МЫ — ДЕТИ ТВОЕЙ ХРАБРОСТИ. СПАСИБО ТЕБЕ, СПАСИБО ТЕБЕ, МАМА ТЕССА, ЗА ТВОЮ ЖИЗНЬ. АРНОЛЬД БЛЮМ, ВОЗМОЖНО, ЖИВ, НО ТЫ ТОЧНО МЕРТВА. ЕСЛИ БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА НАГРАЖДАЕТ ПОСМЕРТНО, ТОГДА ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ ВОЗВОДИТЬ В РЫЦАРИ МИСТЕРА ПОРТЕРА КОУЛРИДЖА ЗА ЕГО ЗАСЛУГИ ПЕРЕД БРИТАНСКОЙ САМОДОВОЛЬНОСТЬЮ, БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ОНА ДАСТ ТЕБЕ КРЕСТ ВИКТОРИИ, МАМА ТЕССА, НАША ПОДРУГА, ЗА ТВОЕ ВЫДАЮЩЕЕСЯ МУЖЕСТВО В БОРЬБЕ С ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫМ ФАНАТИЗМОМ».

— Самое главное на обороте, — заметил Донохью. Вудроу перевернул листок.

"АФРИКАНСКИЙ РЕБЕНОК МАМЫ ТЕССЫ

Тесса верила, что жизнь, которую она вела, должна полностью соответствовать ее

убеждениям. Она ожидала того же и от остальных. Когда Тессу поместили в больницу Ухуру в Найроби, ее очень близкий друг, доктор Арнольд Блюм, бывал там каждый день и, согласно имеющимся свидетельствам, проводил с ней большинство ночей, приносил с собой раскладушку, чтобы спать рядом в ее палате".

Вудроу сложил листок и сунул в карман.

— Думаю, надо показать это Портеру, если ты не возражаешь. Я могу оставить его у себя?

— Разумеется, старина. Фирма всегда готова помочь. Вудроу двинулся к двери, но Донохью не последовал за ним.

— Идешь? — спросил Вудроу.

— Если ты не возражаешь, я задержусь. Выражу свои соболезнования старине Джастину. Где он? Наверху?

— Я думал, мы согласились в том, что делать этого не следует.

— Согласились, старина? Нет проблем. В другой раз. Твой дом, твой гость. Блюма ты у себя, надеюсь, не прячешь?

— Не говори чушь.

Донохью пристроился к Вудроу, нисколько не обидевшись.

— Хочешь, подвезу? Машина за углом. Тебе не придется выгонять из гаража свою. Для прогулки пешком жарковато.

Опасаясь, что Донохью вернется, чтобы в его отсутствие попытаться увидеться с Джастином, Вудроу принял приглашение и оставил свою машину в гараже. Портера и Веронику Коулридж он нашел в саду. Особняк посла возвышался среди лужаек и ухоженных, без единого сорняка, клумб. Коулридж сидел на качелях и читал какие-то документы. Его светловолосая жена Вероника в васильковой юбке и широкополой соломенной шляпе расположилась на траве рядом с манежем. В манеже их дочь Роза лежала на спине, глядя на листву большого дуба. Вероника что-то ей напевала. Вудроу протянул Коулриджу информационный листок и приготовился к взрыву эмоций. Не дождался.

— Кто читает эту газетенку?

— Полагаю, все журналисты этого города, — бесстрастно ответил Вудроу.

— Их следующий шаг?

— Больница, — тяжело вздохнул Вудроу.

Сидя в кресле кабинета Коулриджа, слушая вполуха его разговор с Пеллегрином по телефону спецсвязи, который Коулридж держал закрытым в ящике стола, Вудроу погрузился в воспоминания. Он знал, что ему до конца жизни не забыть тот день, когда он, белый, шагал по кишащим черными коридорам больницы, останавливаясь только затем, чтобы спросить у сестры или врача, как пройти на нужный этаж, в нужную палату, к нужному пациенту.

— Этот говнюк Пеллегрин требует, чтобы мы не допустили распространения этой информации, — объявил Портер Коулридж, швырнув трубку.

Через окно кабинета Вудроу наблюдал, как Вероника вынимает Розу из манежа и несет к дому.

— Мы и пытались, — откликнулся Вудроу, не в силах вырваться из воспоминаний.

— Чем занималась Тесса в свое свободное время — это ее дело. В том числе общение с Блюмом и борьба за идеи, которые она исповедовала. Не для цитирования и только если спросят, мы уважали борьбу, которую она вела, но полагали ее недостаточно информированной и слишком эксцентричной. Мы не комментируем безответственные заявления паршивых газетенок. — Пауза: Коулридж боролся с отвращением к себе. — И должны намекнуть, что она сошла с ума.

— Почему мы должны это делать? — Вудроу вышвырнуло из воспоминаний.

— Почему — разбираться нет нужды. На нее сильно подействовала смерть ребенка, она и раньше не отличалась уравновешенностью. Она посещала психоаналитика в Лондоне, что к лучшему. Мерзко, конечно, и я это ненавижу. Когда похороны?

— Не раньше середины следующей недели.

— Быстрее нельзя?

— Нет.

— Почему?

— Мы ждем вскрытия. О похоронах надо договариваться заранее. Очередь.

— Херес?

— Нет, благодарю. Пожалуй, пора на ранчо.

— Форин-оффис ожидает, что мучиться нам придется долго. Она — наш крест, но мы мужественно несем его. Способен ты на долгие страдания?

— Думаю, что нет.

— Я тоже. Меня от всего этого просто тошнит. Слова эти посол произнес такой скороговоркой, что у Вудроу поначалу возникли сомнения, а слышал ли он их.

— Этот говнюк Пеллегрин говорит, что мы должны заткнуть все дыры, — продолжил Коулридж сочащимся презрением голосом. — Чтобы не было у нас ни сомневающихся, ни предателей. Ты можешь с этим согласиться?

— Полагаю, что да.

— Это хорошо. А я не уверен, что могу. Все, что она выделявала вне стен посольства, одна или с Блюмом, вместе или по отдельности, все, что говорила... любому, включая тебя и меня... о чем угодно, растениях, животных, политике, фармацевтике... — долгая пауза, в течение которой глаза Коулриджа не отрывались от Вудроу, -...все это лежит вне сферы нашей юрисдикции, и мы абсолютно ничего об этом не знаем. Я выразился достаточно ясно, или ты хочешь, чтобы я все это написал на стене гребаными секретными чернилами?

— Ты выразился ясно.

— Потому что Пеллегрин выразился ясно, видишь ли. По-другому он не выражается.

— Нет. По-другому — нет.

— Мы оставили копии тех материалов, которые она никогда не давала тебе? Материалов, которые мы никогда не видели, никогда не касались, которыми не марали свои белоснежные, чистейшие совести?

— Все, что она давала, улетело к Пеллегрину.

— Какие мы умные. Ты в хорошем настроении, не так ли, Сэнди? Держишь хвост пистолетом и все такое, учитывая, что времена сейчас нелегкие и ее муж живет в твоей комнате для гостей?

— Думаю, что да. А ты? — спросил Вудроу, который, не без подзуживания Глории, с одобрением воспринимал углубление пропасти между Коулриджем и Лондоном, полагая, что лично ему от этого хуже не будет.

— Не уверен, что у меня хорошее настроение, — в голосе Коулриджа слышалось больше искренности, чем раньше. — Совсем не уверен. Более того, я чертовски не уверен, что смогу подписаться под его указаниями. Куда там, просто не смогу. Отказываюсь. Утопить бы этого Бернарда гребаного Пеллегрин, вместе со всеми его указаниями. Размазать по стенке. И в теннис он играет хреново. Надо ему об этом сказать.

В любой другой день Вудроу с радостью бы встретил подобные проявления инакомыслия и даже постарался бы, в меру своих скромных способностей, раздуть из искры пламя, но воспоминания о больнице, такие яркие, такие живые, не отпускали, наполняя ненавистью к миру, который, помимо воли, зажимал его в очень уж жесткие рамки. Прогулка от резиденции посла до дома заняла у Вудроу не больше десяти минут. Он превратился в движущуюся мишень для лающих собак, нищих-мальчишек, выпрашивающих пять шиллингов, и добросердечных водителей автомобилей, которые притормаживали и предлагали подвезти. Но и за столь короткое время он со всеми подробностями прокрутил в памяти самый ужасный час своей жизни.

В палате больницы Ухуру стояло шесть кроватей, по три у стены. Ни простыней, ни подушек. Бетонный пол. Окна есть, но закрыты. На улице зима, в палате — ни дуновения воздуха, запах экскрементов и дезинфицирующих средств столь силен, что ощущается не только носом, но и желудком. Тесса сидит на средней кровати по левую руку, кормит ребенка

грудью. Его взгляд выхватывает ее последней, сознательно. Кровати по обе стороны пусты. Матрасы покрыты тонкой, непрочной клеенкой. У противоположной стены очень молодая африканка лежит на боку, головой на матрасе, со свешивающейся голой рукой. Подросток сидит на корточках на полу, тревожно вглядывается в ее лицо, обмахивает его куском картона. Рядом с ними величественная старуха с седыми волосами и в очках с роговой оправой читает Библию. Одета она в кангу, национальную женскую одежду, по существу кусок хлопчатобумажной материи, какие продают туристам. Еще одна женщина, в наушниках, хмурится. Должно быть, ей не нравится то, что она слышит. Лицо ее прорезано морщинами боли. Все это Вудроу видит, как шпион, уголком глаза, потому что смотрит на Тессу и гадает, знает ли она о его присутствии.

Но Блюм точно замечает его. Поднимает голову, как только Вудроу входит в палату. Блюм поднимается с кровати Тессы, наклоняется, чтобы что-то шепнуть ей в ухо, потом идет к нему, протягивает руку, шепчет: «Добро пожаловать», — как мужчина — мужчине. Добро пожаловать куда? К Тессе, чтобы убедиться в хороших манерах ее любовника? Или в этот ад человеческого страдания? Но ответ Вудроу предельно вежлив: «Рад видеть тебя, Арнольд», — и Блюм скромно ретируется в коридор.

«Английские женщины кормят детей, соблюдая рамки приличий», — подумал Вудроу, хоть и не считал себя экспертом в этом вопросе. Глория определенно их соблюдала. Да, они расстегивали блузку, но при этом искусно скрывали то, что находилось под ней. Но Тесса в спертom африканском воздухе не скромничает. Она обнажена до талии, прикрытой все той же кангой, аналогичной наряду старухи, и пока она прижимает младенца к левой груди, правая висит у всех на виду и ждет. Выше талии Тесса очень худенькая, чуть ли не прозрачная. Грудь ее, даже после родов, небольшие и идеальной формы, какими он себе их и представлял. Младенец черный. Иссиня-черный на фоне мраморной белизны ее тела. Одна крохотная черная ручка нашла грудь, которая его кормит, и Тесса смотрит, как миниатюрные пальчики медленно перебирают кожу. Потом она поднимает огромные серые глаза и встречается взглядом с Вудроу. Он пытается что-то сказать, но не находит слов. Наклоняется и, взявшись рукой за левую от нее спинку кровати, целует в бровь. При этом с удивлением замечает блокнот с той стороны кровати, где сидел Блюм. Блокнот лежит на столике, рядом со стаканом воды и двумя шариковыми ручками. Он открыт, и она что-то писала в нем, знакомым ему неровным почерком. Он садится на кровать, все еще в поиске приличествующих слов. Но молчание нарушает Тесса. Голос у нее слабый, натужный от боли, которую ей пришлось перетерпеть, но в этом голосе слышатся насмешливые нотки, какие всегда присутствовали в разговорах с ним.

— Его зовут Барака. Это означает угодный богу. Но ты это знаешь.

— Хорошее имя.

— Ребенок не мой. — Вудроу молчит. — Мать не может его кормить, — поясняет Тесса. Говорит медленно, словно в глубокой задумчивости: еще сказываются последствия анестезии.

— В таком случае ему повезло, что у него есть ты, — отвечает Вудроу. — Как твое самочувствие, Тесса? Ты и представить себе не можешь, как я за тебя тревожился. Ужасно жаль, что все так вышло. Кто приглядывает за тобой, кроме Джастина? Гита, кто еще?

— Арнольд.

— Я хотел сказать, помимо Арнольда.

— Ты как-то говорил мне, что я привлекаю к себе случайные стечения обстоятельств, — его вопрос она проигнорировала. — Выходя на линию огня, я вызываю его на себя.

— Я восхищался тобой за это.

— По-прежнему восхищаешься?

— Разумеется.

— Она умирает, — взгляд переместился к противоположной стене. — Его мать. Ванза, — она смотрела на женщину со свешивающейся рукой и молчаливого подростка,

сидевшего рядом. — Давай, Сэнди. Разве ты не собираешься спросить об этом?

— О чем?

— О жизни. Которая, как говорят нам буддисты, и есть первая причина смерти. Перенаселении. Недоедании. Ужасной антисанитарии, — она обращалась к младенцу. — И жадности. В конкретном случае жадных людей. Это чудо, что они не убили и тебя. Но они не убили, не так ли? Поначалу они приходили к ней дважды в день. Они были в ужасе.

— Кто они?

— Обстоятельства. Жадные обстоятельства. В чистейших белых халатах. Они наблюдали за ней, щупали, что-то назначали, говорили с сестрами. Теперь перестали приходить. — Ребенок причиняет Тессе боль. Она перекладывает его поудобнее и продолжает: — Для Христа это нормальное дело. Христос может сесть у кровати умирающих, произнести магические слова, люди оживают, и все аплодируют. Обстоятельства сделать этого не могут. Вот почему они уходят. Они убили ее, а магических слов не знают.

— Бедняги, — говорит Вудроу в надежде рассмешить.

— Нет, — Тесса поворачивается к нему, кривится от боли, мотает головой в сторону противоположной стены. — Бедняги — они. Ванза. И мальчишка, сидящий на полу. Киоко, ее брат. Твой дядя прошел восемьдесят километров от своей деревни, чтобы отгонять от тебя мух, не так ли? — говорит она младенцу, приподнимает его, легонько постукивает по спине, пока он не отрыгивает, потом перекладывает к другой груди.

— Тесса, послушай меня, — Вудроу наблюдает, как она меряет его взглядом. Она знает этот голос. Она знает все его голоса. Он видит тень подозрительности, пробегающую по ее лицу, и не продолжает. «Она послала за мной, потому что я ей понадобился, но теперь вспомнила, кто я такой». — Тесса, пожалуйста, выслушай меня. Никто не умирает. Никто никого не убивал. У тебя жар, все это плоды твоего воображения. Ты страшно утомлена. Отдохни, Тесса. Позволь себе отдохнуть. Пожалуйста.

Она вновь сосредоточивается на младенце, подушечкой пальца легонько касается его щеки.

— Ты — самое прекрасное существо, к которому я прикасалась в своей жизни, — шепчет она. — И, пожалуйста, не забывай об этом.

— Я уверен, что он не забудет, — вставляет Вудроу, и его голос напоминает ей, что она не одна.

— Как теплица? — спрашивает Тесса. Так она называет посольство.

— Цветет и пахнет.

— Вы можете собрать вещички и завтра отправиться домой. Разницы никто не заметит.

— Ты всегда мне это говоришь.

— Африка здесь. Вы — там.

— Давай поспорим об этом, когда ты наберешься сил, — миролюбиво предлагает Вудроу.

— А мы сможем?

— Конечно.

— И ты будешь слушать?

— Каждое слово.

— И тогда мы сможем сказать тебе о жадных обстоятельствах в белых халатах. И ты нам поверишь. Договорились?

— Нам?

— Арнольду.

Упоминание Блюма возвращает Вудроу на землю.

— Я сделаю все, что в моих силах. О чем бы ты ни попросила. В рамках разумного. Я обещаю. А теперь попытайся отдохнуть. Пожалуйста.

Она обдумывает его слова.

— Он обещает сделать все, что в его силах, — говорит Тесса младенцу. — В рамках разумного. Да, настоящий мужчина. Как Глория?

— Очень волнуется за тебя. Посылает наилучшие пожелания.

Тесса шумно выдыхает, с ребенком у груди откидывается на подушки, закрывает глаза.

— Тогда иди к ней домой. И не пиши мне больше писем. И оставь Гиту в покое. Она тоже в эти игры не играет.

Он поднимается и поворачивается, подсознательно ожидая увидеть Блюма у двери, в той позе, которая ему особенно противна: Блюма, привалившегося к косяку, с большими пальцами, по-ковбойски засунутыми за ремень, белозубой улыбкой, сверкающей в черной бороде. Но дверной проем пуст, коридор темен и без окон, освещен, как бомбоубежище, тусклыми лампочками. Вудроу идет мимо сломанных каталок, на которых лежат недвижимые тела, вдыхая запахи крови и экскрементов, смешанные со сладковатым, конским запахом Африки. Идет и думает, а не из-за всей ли этой мерзости его так влечет к ней. «Я провел всю жизнь, убегая от реальности, но эта реальность притягивает меня обратно».

Он спускается в заполненный толпой вестибюль и видит Блюма, который что-то горячо доказывает другому мужчине. Сначала слышит только голос — не слова, резкий, обвиняющий, эхом отражающийся от стальных балок. Потом приходит черед мужчины. Некоторые люди, даже увиденные однажды, застревают в памяти. Таким и становится для Вудроу второй мужчина, крепкого сложения, с большим животом, мясистым, блестящим от пота лицом, на котором написано отчаяние. Его светлые волосы заметно поредели. У него ротик бантиком, в круглых глазах — обида. Руки в веснушках и очень сильные. Рубашка цвета хаки у воротника потемнела от пота. Остальное тело скрывает белый медицинский халат.

И тогда мы сможем сказать тебе о жадных обстоятельствах в белых халатах.

Вудроу движется к ним. Подходит чуть ли не вплотную, но ни одна голова не поворачивается. Они слишком увлечены спором. Он широкими шагами проходит мимо незамеченным. Их громкие голоса тают вдали.

Глава 4

Автомобиль Донохью стоял на подъездной дорожке. Увидев его, Вудроу пришел в ярость. Взлетел на второй этаж, принял душ, надел чистую рубашку, но ничуть не успокоился. В доме стояла необычная для субботы тишина, но, выглянув в окно ванной, Вудроу понял, в чем дело. Донохью, Джастин, Глория и дети сидели за столом в саду и играли в «Монополию» [22]. Вудроу терпеть не мог все настольные игры, но к «Монополии» питал особую, ничем не объяснимую неприязнь, в чем-то схожую с неприязнью к «друзьям» и другим членам непомерно раздутой общины разведчиков. «Какого дьявола он посмел вернуться сюда, когда я настоятельно просил его держаться подальше от моего дома? И что это за муж, если он садится играть в такую веселую игру, как „Монополия“, буквально через несколько дней после того, как убили его жену?» Гости, как Вудроу и Глория частенько говорили друг другу, цитируя китайскую поговорку, подобны рыбе: на третий день начинают пованивать. Но Глория с каждым днем проникалась к Джастину все большим сочувствием.

Вудроу спустился вниз, постоял на кухне, выглянул в окно. После полудня, само собой, никаких слуг не просматривалось. «До чего приятно побыть одним, дорогой». «Только сейчас ты не со мной, а с ними. И выглядишь куда более счастливой в компании этих двух мужчин среднего возраста, которые, словно ласковые собачки, виляют перед тобой хвостом, чем в моей».

На столе Джастин посягнул на чью-то улицу и из своих фишек заплатил за аренду. Глория и мальчишки визжали от удовольствия, а Донохью протестовал, требуя оговорить время аренды. Джастин был в этой дурацкой соломенной шляпе, которая, как и все, что он надевал, идеально ему шла. Вудроу наполнил чайник водой, поставил на плиту, включил газ. «Приготовлю им чай, дам знать, что я вернулся... при условии, что они не слишком увлечены друг другом и таки заметят меня». Но вдруг передумал, вышел в сад, напрямик направился к столу.

— Джастин. Извини, что помешал. Но не могли бы мы перекинуться парой слов? — Повернулся к остальным, своей собственной семье, члены которой смотрели на него так, словно он на их глазах изнасиловал горничную: — Продолжайте игру. Мы вернемся через несколько минут. Кто выигрывает?

— Никто, — фыркнула Глория, а Донохью усмехнулся в усы.

Мужчины стояли в «камере» Джастина. Вудроу предпочел бы поговорить в саду, но сад, к сожалению, уже оккупировали. Так что им осталось лишь стоять напротив друг друга в неудобной спальне для гостей, в компании саквояжа «гладстон» Тессы, точнее, саквояжа «гладстон» отца Тессы, упрятого за решетку. «Мой винный погреб. Его гребаный ключ. И саквояж ее знаменитого отца». Но, едва Вудроу начал говорить, как, к своему ужасу, обнаружил, что вокруг все разительным образом переменялось. Вместо кровати появился инкрустированный столик, который так любила ее мать. За ним — камин с приглашениями на каминной доске. А у противоположной стены, где от стальных балок отошла обшивка, возник обнаженный силуэт Тессы на фоне французского окна. Усилием воли он вернул себя в настоящее, и видение исчезло.

— Джастин.

— Да, Сэнди.

Но и во второй раз он попытался уйти от, казалось бы, неизбежной конфронтации.

— Одна из местных газетенок посвятила целый выпуск Тессе. Опубликовала воспоминания друзей.

— Как мило с их стороны.

— Там довольно недвусмысленно говорится о роли Блюма. Высказано предположение, что он лично принимал роды. Есть намек, что и ребенок, возможно, его. Извини.

— Ты про Гарта.

— Да.

Вудроу показалось, что голос Джастина звенит от напряжения.

— Да, конечно, в последние месяцы время от времени люди высказывали подобное предположение, а теперь, без сомнения, мы будем слышать его гораздо чаще.

И хотя Вудроу предоставил Джастину такую возможность, тот не заявил, что предположение это далеко от истины. Вот Вудроу и пришлось усилить напор. Наверное, где-то его подталкивало чувство вины.

— Они также утверждают, что Блум поставил в ее палате раскладушку, чтобы спать рядом.

— Мы спали на ней вместе.

— Не понял.

— Иногда спал Арнольд, иногда — я. Менялись, в зависимости от рабочего графика.

— Ты не возражал?

— Возражал против чего?

— Того, что о них могли сказать, учитывая внимание, которое он ей оказывал... как выясняется, с твоего согласия, при том, что она вела себя здесь, в Найроби, как твоя жена.

— Вела? Она была моей женой, черт побери!

Вудроу не ожидал, что ему придется столкнуться с яростью Джастина, точно так же, как для него полной неожиданностью стала ярость Коулриджа. Ему хватало забот с собственной яростью, которую он пытался удержать под контролем. В саду ему удалось не повысить голос, потому что еще на кухне он снял часть напряжения, навалившегося на плечи. Но вспышка Джастина стала для него сюрпризом, громом с ясного неба. Он рассчитывал увидеть в глазах Джастина раскаяние, точнее, унижение, но никак не думал, что нарвется на вооруженное сопротивление.

— О чем ты меня, собственно, спрашиваешь? — полюбопытствовал Джастин. — Что-то я тебя не понимаю.

— Я должен знать, Джастин. Ничего больше.

— Знать что? Контролировал ли я свою жену? Вудроу и хотел получить ответ, и давал

задний ход.

— Послушай, Джастин... я хочу сказать, взгляни на происходящее с моей колокольни... хотя бы на мгновение, хорошо? Мировая пресса вцепится в это, как бульдог. Я имею право знать.

— Знать что?

— Чем еще занимались Тесса и Блюм? Что еще мы увидим в заголовках... завтра или в ближайшие шесть недель, — закончил он, с ноткой жалости к самому себе.

— Например?

— Блюм был ее гуру. Не так ли? Помимо всего прочего.

— И что?

— А то, что они разделяли идеи. Вынюхивали нарушения. Скажем, прав человека. Блюм стоял на страже... так? Или его люди. А Тесса... — он терял нить разговора, в чем Джастин совершенно ему не мешал, — ...помогала ему. Вполне естественно. В сложившихся обстоятельствах. С ее блестящим юридическим образованием.

— Будь любезен уточнить, куда ты клонишь.

— Ее бумаги. Вот и все. Те самые, что ты собрал. Которые мы привезли сюда.

— А при чем тут они?

Вудроу взял себя в руки. «Я — твой начальник, слава богу, а не какой-то жалкий проситель. И нам пора уяснить, кто есть кто, не так ли?»

— Мне нужна твоя гарантия в том, что документы, которые она собрала... будучи твоей женой... с дипломатическим статусом... под крылышком посольства., будут переданы в Оффис. Собственно, исходя из этого в прошлый вторник я и повез тебя в твой дом. Иначе ноги бы, твоей или моей, там не было.

Джастин застыл. Пока Вудроу говорил, не шевельнул и пальцем, не моргнул. Подсвеченный сзади, оставался недвижим, как обнаженный силуэт Тессы.

— Другая гарантия, которую я хочу получить от тебя, самоочевидна.

— Какая другая гарантия?

— Твое молчание в этом деле. Что бы ты ни знал о ее действиях... проводимой ею агитации... ее так называемой гуманитарной миссии, которая вырвалась из-под контроля.

— Чьего контроля?

— Я говорю вот о чем. Если она рискнула задеть легитимную власть, на тебя распространяются те же правила конфиденциальности, что и на нас всех. Боюсь, это приказ с самого верха, — он хотел, чтобы фраза эта прозвучала шутливо, но они оба обошлись без улыбок. — Приказ Пеллегрини.

«Ты в хорошем настроении, не так ли, Сэнди? Учитывая, что времена сейчас нелегкие и ее муж живет в твоей комнате для гостей!»

Джастин наконец заговорил:

— Спасибо тебе, Сэнди. Я признателен за все то, что ты для меня сделал. Благодарен за то, что позволил пожить в твоём доме. Но теперь я должен собрать ренту на Пиккадилли, где мне принадлежит дорогой отель.

И, к полному изумлению Вудроу, Джастин вернулся в сад, сел за стол рядом с Донохью и продолжил игру.

Общение это началось предельно вежливо. Полицейские сразу признали деликатность своей миссии, они не собирались будоражить белую общину Найроби. Вудроу в свою очередь пообещал всяческое содействие своих сотрудников и, по возможности, обеспечение всем необходимым, в частности транспортом и помещением для работы. Полицейские сказали, что будут держать его в курсе расследования, насколько позволят полученные ими инструкции. Вудроу не преминул указать, что все они служат одной королеве. И если Ее Величество предпочитает имена фамилиям, то почему бы им не последовать ее примеру?

— Мистер Вудроу, если вас не затруднит, охарактеризуйте в общих чертах работу, которую выполняет в вашем посольстве Джастин, — вежливо попросил Роб-мальчик, игнорируя предложение Вудроу.

Роб напоминал участника Лондонского марафона: ничего лишнего, одни только уши, колени, локти и колоссальная выносливость, решимость пробежать всю дистанцию до конца. Лесли представлялась Вудроу его старшей, более умной сестрой. Сама не бегала, но имела при себе сумку со всем необходимым, что могло понадобиться Робу на дистанции: йодом, таблетками соли, запасными шнурками для кроссовок. Впрочем, на самом деле в сумке лежали диктофон, запасные кассеты и блокноты для стенографирования.

Вудроу глубоко задумался. Сразу ставшее серьезным, его лицо указывало собеседникам на то, что они имеют дело с профессионалом.

— Ну прежде всего он — наш старый добрый итонец, — и все, само собой, улыбнулись шутке. — Основная его работа представлять Британию в Комитете повышения эффективности донорской помощи странам Восточной Африки, сокращенно КПЭДП.

— И чем он занимается, этот комитет?

— КПЭДП — относительно новый консультативный орган, базирующийся здесь, в Найроби. Состоит из представителей всех стран-доноров, которые оказывают помощь — гуманитарную, продовольственную, медицинскую — странам Восточной Африки, в той или иной форме. Формируется из работников посольств стран-доноров. Комитет собирается еженедельно и два раза в месяц рассылает отчет.

— Кому? — спросил Роб, записывая.

— Странам-донорам, разумеется.

— О чем?

— О том, что указано в его названии, — терпеливо разъяснил Вудроу, предпочитая не обращать внимания на манеры молодого человека. — Задача комитета — повышение эффективности помощи, оказываемой странами-донорами. Когда речь идет о помощи, эффективность — своего рода золотой стандарт. КПЭДП занимается очень щекотливыми вопросами: какая часть каждого доллара, выделенного страной-донором, доходит до конечной цели и какой вред приносит ненужная конкуренция между различными агентствами, занимающимися доставкой и распределением помощи. Комитет особо интересуют дублирование, соперничество и рационализм. Он пытается выявить лишние затраты и... — улыбка, показывающая, сколь тщетны эти усилия, — и выработывает рекомендации, не имея, в отличие от вас, друзья мои, полномочий что-либо сделать или изменить, — тут Вудроу печально покачал головой. — Но комитет этот — детище нашего дорогого министра иностранных дел, его создание находится в русле призывов к более прозрачной и высоконравственной внешней политике и других, достаточно спорных панацей нынешнего времени, поэтому мы всячески содействуем его работе. Некоторые говорят, что заниматься этим должна ООН. Другие — что ООН этим уже занимается. Третьи — что от ООН все беды. Решайте сами, — пожатие плеч.

— Какие беды? — переспросил Роб.

— У КПЭДП нет ни людских, ни финансовых ресурсов для того, чтобы непосредственно контролировать распределение помощи. Тем не менее коррупция — это главный фактор, который должен учитываться, когда начинаешь сравнивать, сколько потрачено и сколько дошло до адресата. Конечно, что-то нужно списывать на естественные потери и некомпетентность, но в принципе это мелочи. — Он прибегнул к аналогии, доступной простому смертному: — Возьмите наш старый британский водопровод, построенный где-то в 1890 году. Вода уходит из резервуара. Часть ее, если повезет, доходит до крана. Но в основном она утекает через дыры в трубах. Когда же вода — это подарок, жест доброй воли, с пониманием воспринимаемый широкой общественностью, ей не позволительно утекать неизвестно куда, не так ли? Определенно нет, если ваша должность зависит от переменчивой воли избирателя.

— Кто входит в этот комитет?

— Дипломаты достаточно высокого ранга. Из числа сотрудников здешних посольств. Главным образом советники и выше. Есть даже первые секретари, но их можно пересчитать по пальцам, — Вудроу решил, что необходимы более подробные объяснения. — По моему

разумению, статус КПЭДП следует повысить. Он должен парить в облаках. Как только он позволит вовлечь себя в непосредственное распределение гуманитарной помощи, он потеряет статус высшей негосударственной организации, сокращенно НГО, Роб, и сам потребует дополнительного контроля. Я решительно возражал против этого. Хорошо, пусть КПЭДП располагается в Найроби, близость к тем районам, где раздается помощь, не помешает. Вероятно, не помешает. Но это прежде всего мозговой центр. Он должен сохранять беспристрастность. Абсолютно необходимо, подчеркиваю, абсолютно, чтобы в работе комитета напрочь отсутствовали эмоции. Джастин — секретарь комитета. Не потому, что выделяется среди остальных его членов. Просто в этом году наша очередь. Он ведет заседания, сопоставляет полученные результаты, готовит отчеты.

— У Тессы как раз эмоций хватало, — заметил Роб после короткого раздумья. — Из того, что мы слышали, эмоции у нее били через край.

— Боюсь, вы прочитали слишком много газет, Роб.

— Нет. Я видел ее отчеты. Она работала там, где распределялась гуманитарная помощь. Засучив рукава. По локти в дерьме, днем и ночью.

— И, несомненно, выполняла необходимую работу. Очень важную. Но едва ли могла дать объективную оценку. А вот от комитета, международного консультативного органа, именно такая оценка и требовалась.

— Значит, они шли разными путями, — заключил Роб, откинувшись на спинку стула и постучал карандашом по зубу. — Он — объективным, она — эмоциональным. Он играл роль безопасного центра, она действовала на флангах, где могло случиться всякое. Я это понял. Более того, думаю, что знал это и раньше. Но как в этот расклад вписывается Блюм?

— В каком смысле?

— Блюм. Арнольд Блюм. Как он вписывается в образ жизни Тессы и ваш?

Вудроу позволил себе улыбнуться, простив Робу эту странную формулировку. «Мой образ жизни? Какое отношение ее жизнь имела к моей?»

— Вы, конечно, знаете, что у нас много организаций, занимающихся доставкой и распределением помощи. Их поддерживают разные страны, финансируют различные фонды. Наш галантный президент терпеть их не может. Все скопом.

— Почему?

— Потому что они делают то, чем должна заниматься его государственная машина, если бы она функционировала. Они также находятся вне контролируемой им коррумпированной системы. Организация Блюма небольшая, базируется в Бельгии, финансируется частными лицами, медицинская. Это все, что я знаю. К сожалению, — добавил он с искренностью, предлагающей им извинить его за невежество в этих вопросах.

Но они полагали, что точка еще не поставлена.

— Это наблюдающая организация, — просветил его Роб. — Врачи, которые посещают другое НГО, больницы, проверяют диагнозы, корректируют их. К примеру: «Может, это не малярия, доктор. Может, это рак печени?» Проверяют лечение. Их интересует и эпидемическая обстановка. А что вы можете сказать насчет Лики?

— Лики?

— Блюм и Тесса ехали к месту его раскопок, не так ли?

— Предположительно.

— Кто он такой? Лики? Что у него за душой?

— Он, между прочим, белая легенда Африки. Антрополог и археолог, еще мальчиком участвовал в экспедициях его отца и матери, которые на восточном берегу озера Туркана искали останки первого человека. После смерти родителей продолжил их дело. В Найроби возглавлял Национальный музей, потом Департамент охраны живой природы и заповедников.

— Но ушел в отставку.

— Или его ушли. Это крайне запутанная история.

— Плюс для Мои он был источником постоянного раздражения, прямо-таки бельмом на

глазу, так?

— Он — политический оппонент Мои, и за это его однажды сильно избили. Но сейчас его политическое влияние усиливается, считается, что только он сможет обуздать кенийскую коррупцию. Всемирный валютный фонд и Мировой банк настоятельно требуют его вхождения в правительство.

На этом Роб отступил на задний план, передав инициативу Лесли. Она вела допрос по своему. Если по голосу Роба было заметно, что он с трудом сдерживает распирающие его чувства, то Лесли отличала бесстрастность.

— А что за человек этот Джастин? — полюбопытствовала она, словно речь шла об историческом персонаже. — Если отвлечься от его места работы и этого комитета? Какие у него интересы, увлечения, образ жизни, кто он?

— Господи, а кто мы? — воскликнул Вудроу, возможно, с излишней театральностью.

Роб отреагировал постукиванием карандаша по зубу, Лесли чуть улыбнулась, и Вудроу пришлось дать пространную характеристику своего подчиненного: страстный садовник, хотя, по правде говоря, после того, как Тесса потеряла ребенка, страсть эта несколько угасла, по субботам лучшее для него занятие — покопаться на цветочных клумбах, джентльмен, какой бы смысл ни вкладывался в это слово, истинный итонец, предельно вежлив со слугами, набранными из местных, всегда можно рассчитывать, что на ежегодном балу, устраиваемом посольством, он не оставит без внимания и потанцует с девушками, которые не пользовались успехом, с некоторыми привычками старого холостяка, какими именно, Вудроу уточнять не стал, не любитель сыграть в гольф или теннис, не охотник и не рыбак, вообще не жалуемый занятий на свежем воздухе, если не считать садоводства. И, разумеется, первоклассный, профессиональный дипломат, с огромным опытом, знающий два или три языка, надежнейший, проверенный работник, всегда и во всем следующий линии Лондона. Но, так уж получилось, Роб, без всякой его вины, в какой-то момент переставший продвигаться по служебной лестнице.

— Он не водился с дурной компанией? — спросила Лесли, заглянув в свой блокнот. — Не шнырял по сомнительным ночным клубам, когда Тесса уезжала из Найроби? — в вопросе чувствовалась шутка. — Как я понимаю, это не по его части?

— По ночным клубам? Джастин? Потрясающе! В «Аннабелз», возможно, он и хаживал. В Англии, лет двадцать пять тому назад. Откуда у вас такие идеи? — воскликнул Вудроу и добродушно рассмеялся.

Роб не преминул просветить его:

— От нашего супера [23]. Мистер Гридли побывал в Найроби, по обмену опытом. Он говорит, что именно в ночных клубах нанимают киллеров, если у кого возникает в этом необходимость. Тот, что на Ривер-роуд, в квартале от Нью-Стэнли, очень популярен у тех, кто живет здесь. Пятьсот американских долларов, и замочат любого. Половина — задаток, половина — по исполнению. По его словам, в других клубах ставки ниже, но и качество не то.

— Джастин любил Тессу? — спросила Лесли все еще улыбающегося Вудроу.

В складывающейся все более доверительной атмосфере Вудроу вскинул руки и обратил свой крик к небесам.

— О боже! Кто и кого любит в этом мире и почему? — Но, поскольку Лесли не сочла, что получила ответ на заданный вопрос, продолжил: — Она была красива. Остроумна. Молода. Когда они встретились, ему уже перевалило за сорок. Климактерический период, близость отставки, одиночество, влюбленность, желание остепениться. Любовь! Вы произнесли это слово — не я.

Если в его словах и прозвучало приглашение Лесли высказать собственное мнение, она им не воспользовалась. Ее, как и сидящего рядом Роба, больше заинтересовали едва заметные изменения, произошедшие с Вудроу: морщинки у скул стали глубже, на шее проступили красные пятна, нижняя челюсть словно затвердела.

— И Джастин не злился на нее? — спросил Роб. — Из-за ее работы, связанной с

оказанием гуманитарной помощи?

— А с чего ему было злиться?

— А его не коробило, когда она кричала на всех углах, что некоторые западные компании, включая британские, беззастенчиво грабят африканцев: завышают цену оказываемых услуг, спихивают им очень дорогие, устаревшие медицинские препараты? Используют африканцев в качестве подопытных кроликов, проверяя на них действие новых лекарств. Что зачастую справедливо, пусть и доказывается крайне редко.

— Я уверен, что Джастин гордился ее работой. Многие наши жены предпочитают сидеть сложа руки. Тесса уравнивала их безделье.

— Значит, он на нее не злился, — не унимался Роб.

— Джастин просто не способен злиться. В нормальных ситуациях. Если он что и мог выказать, так это раздражение.

— А вас это раздражало? Я хочу сказать, руководство посольства?

— Вы о чем?

— О Тессе и ее работе, связанной с гуманитарной помощью. Ее особых интересах. Они вступали в конфликт с интересами посольства?

Вудроу попытался изобразить недоумение.

— У государственных учреждений Ее Величества деяния, связанные с оказанием гуманитарной помощи, не могут вызвать раздражения. Вы должны это знать, Роб.

— Мы только знакомимся с ситуацией, мистер Вудроу, — мягко вставила Лесли. — Нам тут все внове, — и, не отрывая от его лица изучающего взгляда, по-прежнему улыбаясь, уложила в сумку диктофон и блокноты, после чего они оба откланялись, сославшись на неотложные дела в городе, предварительно договорившись встретиться на следующий день, в том же месте и в тот же час.

— Вы не знаете, Тесса доверяла кому-нибудь свои сокровенные мысли? — как бы мимоходом спросила Лесли, когда втроем они направлялись к двери кабинета Вудроу.

— Помимо Блюма?

— Я имела в виду ее подруг.

Вудроу у них на глазах порылся в памяти.

— Нет. Нет. Я так не думаю. Никого конкретно назвать не могу. Но я не могу этого знать, не так ли?

— Можете, если эта женщина работает у вас. Как Гита Пирсон или кто-то еще, — пришла ему на помощь Лесли.

— Гита? Да, пожалуй, да, Гита. Вы обеспечены всем необходимым, не так ли? Транспорт и остальным? Это хорошо.

Прошел целый день, а потом целая ночь, прежде чем они встретились внове.

На этот раз игру повела Лесли, а не Роб, и ее энергичность ясно указывала на то, что прошедшие сутки потрачены с пользой.

— Тесса недавно участвовала в половом акте, — радостно объявила она, выложив на стол все необходимое для плодотворной работы: карандаши, блокноты, диктофон, ластик. — Мы подозреваем изнасилование. Информация не для прессы, но, полагаю, мы прочитаем об этом в завтрашних газетах. На текущий момент они только сделали вагинальный соскоб и взглянули на него через микроскоп, чтобы выяснить, живая сперма или мертвая. Она мертвая, но эксперты все-таки думают, что принадлежит она не одному человеку. Возможно, там целый коктейль. По нашему разумению, они этого определить не смогут.

Вудроу закрыл лицо руками.

— Нам придется подождать результатов исследований наших экспертов, а потом уже делать выводы, — добавила Лесли, наблюдая за ним.

Роб, так же, как вчера, барабанил карандашом по своим крупным зубам.

— На куртке Блюма кровь Тессы, — Лесли выкладывала все новые подробности. — Заключение предварительное. Здесь могут определить только группу крови. Все остальное придется делать дома.

Вудроу поднялся, такое он часто проделывал на неформальных совещаниях, чтобы создать более непринужденную обстановку. Прошелся к окну у дальней стены, посмотрел на небо. Издалека доносился рокот грома, природа напряглась в ожидании магического африканского дождя. Он же, наоборот, выглядел очень расслабленным. Тем более что никто не мог видеть две или три капельки горячего пота, которые образовались под мышками и, как жирные насекомые, поползли по ребрам.

— Кто-нибудь сказал об этом Куэйлу? — спросил он и тут же подумал, как, возможно, подумали и они, а почему, собственно, вдовец изнасилованной женщины так внезапно превратился из Джастина в Куэйла.

— Мы подумали, что будет лучше, если об этом он узнает от друга, — ответила Лесли.

— От вас, — уточнил Роб.

— Разумеется.

— Вполне возможно, что она и Арнольд занимались сексом перед тем, как тронуться в путь. Если хотите, можете упомянуть об этом. На ваше усмотрение.

«Это последняя соломинка? — подумал Вудроу. — Что еще должно случиться, прежде чем я открою окно и выпрыгну из него? Возможно, именно этого я от нее и хотел: чтобы она вывела меня за пределы, которые я полагал допустимыми».

— Мы действительно любим Блюма, — в голос Лесли прорвалась озлобленность, словно она хотела, чтобы Вудроу тоже любил Блюма. — Да, конечно, мы должны искать другого Блюма, чудовище в образе человеческом. Но там, откуда мы приехали, самые мирные люди творят что-то ужасное, когда на них давят. Но кто давил на него... если и давил? Никто, только она.

Лесли выдержала паузу, ожидая комментария Вудроу, но тот воспользовался правом промолчать.

— К Блюму как ни к кому другому подходит определение хороший человек, — гнула свое Лесли, — если хоть одного Homo sapiens можно при жизни назвать хорошим человеком. Он действительно сделал много хорошего. Не ради показухи, а потому что этого хотел. Спасал жизни, рисковал своей, работал в ужасных местах не ради денег, прятал людей на чердаке своего дома. Вы не согласны со мной, сэр?

Чего она его достает? Или просто хочет получить информацию от взрослого, здравомыслящего свидетеля взаимоотношений Тессы и Блюма?

— Я уверен, что у него прекрасный послужной список, — согласился Вудроу.

Роб нетерпеливо фыркнул. Передернул плечами.

— Послушайте, забудьте про его послужной список. Лично вам нравился он или нет? Ничего больше, — и откинулся на спинку стула.

— Боже мой, — бросил Вудроу через плечо, стараясь не переиграть, но тем не менее с легким раздражением. — Вчера мы фокусировались на любви, сегодня хотим со всей ясностью разобраться, кто нам нравится, а кто — нет. Неужели в нашей хладнокровной Британии в моду входят абсолюты?

— Мы просто интересуемся вашим мнением, сэр, — ответил Роб.

Возможно, именно «сэр» Роба наконец-то расставил все точки над *i*. На их первой встрече они обращались к нему «мистер Вудроу» или, уж очень осмелев, Сэнди. А вот сегодняшний «сэр» окончательно убедил Вудроу, что эти двое полицейских ему не коллеги, не друзья, а выходцы из низов, посторонние, которые суют свои носы в закрытый клуб, оберегавший его все семнадцать лет, проведенных на дипломатической службе. Сцепив руки за спиной, расправив плечи, Вудроу повернулся к следователям лицом.

— Арнольд Блюм производит самое благоприятное впечатление, — начал он, не отходя от окна. — С приятной внешностью, обаятельный, остроумный, если вам нравится его юмор. Безусловно, обладает харизмой, этому способствует аккуратная борода. Для впечатлительных он — африканский народный герой, — и вновь отвернулся от них, словно ожидая, когда они соберут вещи и ретируются.

— А для невпечатлительных? — спросила Лесли, не сводя с него глаз, анализируя все

нюансы: сложенные за спиной руки, нога, приподнятая и согнутая в колене.

— О, я уверен, что мы в меньшинстве, — сладким голосом ответил Вудроу.

— Как я могу себе представить, все это вызывало у вас беспокойство, даже раздражение, учитывая, что вы занимаете столь ответственный пост, возглавляя «канцелярию»... Вы видели, что происходит у вас под носом, но ничего не могли с этим поделать. То есть не могли подойти к Джастину и сказать: «Посмотри на этого бородатого черного человека. У него роман с твоей женой». Не могли ведь? Или могли?

— Если скандал может запятнать репутацию посольства, я имею право... просто обязан... вмешаться.

— И вы вмешались? — спросила Лесли.

— По большому счету, да.

— Переговорили с Джастином? Или напрямую с Тессой?

— Проблема заключалась в том, что для ее отношений с Блюмом имелось, если можно так сказать, прикрытие, — заговорил Вудроу, проигнорировав вопрос. — Этот человек — известный врач. У него высокая репутация в организациях, занимающихся гуманитарной помощью. Тесса была его верной помощницей. Внешне все приличия соблюдались. Не мог же я или кто-то другой просто подойти к ним и обвинить в прелюбодеянии, не имея на то доказательств. Я мог лишь сказать: все это плохо пахнет, поэтому, пожалуйста, будьте поосторожнее.

— И кому вы это сказали? — спросила Лесли, что-то записывая в блокнот.

— Все не так просто. Одним эпизодом... диалогом, конечно, не обошлось.

Лесли наклонилась вперед, проследив при этом, идет ли запись на диктофон.

— Между вами и Тессой?

— Тесса была прекрасно спроектированным двигателем, у которого вышла из зацепления половина шестеренок. Она много чего себе позволяла и до того, как потеряла ребенка, — предавая Тессу, Вудроу вспоминал кипящего от ярости Портера Коулриджа, который цитировал указания Пеллегрини. — Но потом, я должен это сказать с огромным сожалением, у некоторых из нас создалось ощущение, что она просто пошла вразнос.

— Она была нимфоманкой? — спросил Роб.

— Если вам нужен компетентный ответ, боюсь, вы обратились не по адресу, — ледяным тоном ответил Вудроу.

— Давайте скажем, что она отчаянно флиртвала, — предложила свой вариант Лесли. — Со всеми.

— Если вы настаиваете... — с предельным безразличием произнес он. — Трудно это утверждать, знаете ли. Красавица, королева любого бала, старый муж... она флиртвала? Или вела себя естественно, развлекалась? Если женщина надевает короткое платье с большим декольте, люди говорят, что она слишком развязна. Если нет — называют синим чулком. Так обстоят дела в белом Найроби. Возможно, и в других местах. Не могу сказать, я — не эксперт.

— Она флиртвала с вами? — спросил Роб, вновь постукав карандашом себя по зубам.

— Я вам уже ответил. Невозможно сказать, то ли она флиртвала, то ли находилась в прекрасном расположении духа, — небрежно ответил Вудроу.

— А вы, сэр, часом не флиртвали с ней? — любопытствовал Роб. — Не смотрите на меня так, мистер Вудроу. Вам за сорок, климакс, близость отставки, совсем как у Джастина. Вас могло потянуть на нее, почему нет? Готов спорить, что тянуло.

Вудроу сориентировался очень быстро, можно сказать мгновенно, еще до того, как это понял.

— Мой дорогой друг, естественно. Не мог думать ни о чем другом. Тесса, Тесса, днем и ночью. Она стала моей навязчивой идеей. Спросите любого.

— Мы спрашивали, — мрачно ответил Роб.

Наутро, как показалось Вудроу, следователям просто не терпелось взяться за него. Роб поставил на стол и включил диктофон, Лесли открыла большой красный блокнот для

стенографии и приготовилась записывать. Она же и задала первый вопрос:

— У нас есть основания полагать, что вы навещали Тессу в найробийской больнице вскоре после того, как она потеряла ребенка. Это так, сэр?

Мир Вудроу как следует трянуло. Кто им мог об этом рассказать? Джастин? Он бы никогда не проболтался, это точно.

— Выкладывайте все, — резким тоном приказал он. Лесли вскинула голову. Роб начал потирать нос, глядя на Вудроу поверх ладони.

— Такова тема сегодняшнего разговора?

— Одна из, — признала Лесли.

— Тогда скажите мне, пожалуйста, учитывая, что время дорого и мне, и вам, какое отношение к поискам убийцы имеет мое посещение Тессы в больнице? Как я понимаю, вы прилетели в Найроби именно для того, чтобы найти его?

— Мы ищем мотив, — ответила Лесли.

— Вы говорили, что мотив у вас есть. Изнасилование.

— Изнасилование больше не мотив. Скорее побочный эффект. Может, сознательный ход, с тем чтобы мы увидели в произошедшем случайное, а не спланированное убийство.

— Преднамеренное, — уточнил Роб, не отрывая от Вудроу больших карих глаз. — Из тех, что мы называем корпоративной работой.

На какой-то пугающий момент голова Вудроу превратилась в чистый лист бумаги. Из нее ушли все мысли.

Потом всплыло слово: корпоративная. Почему он сказал корпоративная?

Корпоративная — значит выполненная корпорацией? Заказное убийство? Заговор? Это оскорбительно! И уж слишком притянута за уши, чтобы эту версию рассматривал уважаемый всеми дипломат!

Вновь из головы все вылетело. Ни слова, даже самого банального, не приходило на ум. Он видел себя компьютером, у которого сбились все программы.

О каком заговоре могла идти речь? Убийство случайное. Никто Тессу не заказывал. Кто-то решил отведать тела белой женщины, для Африки — обычное дело.

— Что привело вас в больницу? — услышал он голос Лесли. — Почему вы пошли туда и навестили Тессу после того, как она потеряла ребенка?

— Потому что она меня об этом попросила. Через мужа. Позвала как начальника Джастина.

— Кто еще удостоился приглашения?

— Не знаю.

— Может, Гита?

— Вы говорите про Гиту Пирсон?

— А вы знаете другую?

— Гита Пирсон при нашем разговоре не присутствовала.

— Значит, присутствовали только вы и Тесса, — отчеканила Лесли, что-то записывая в блокнот. — А почему она захотела увидеться с начальником мужа?

— Ее заботило благополучие Джастина, и она хотела удостовериться, что у него все в порядке, — многословием Вудроу сознательно затягивал ответ, чтобы сбить Лесли с ритма: быстрая череда вопросов и ответов могла заставить его сболтнуть лишнее. — Я пытался убедить Джастина взять отпуск, но он предпочел остаться на посту. Приближалась ежегодная конференция министров стран, входящих в КПЭДП, и он хотел как можно лучше подготовить ее. Я все это объяснил Тессе и пообещал приглядывать за ним.

— При ней был ее лэптоп? — вмешался Роб.

— Простите?

— Ну почему вы усложняете нам работу? Был при ней лэптоп? На кровати, на столике, под кроватью? Ее лэптоп. Тесса обожала свой лэптоп. Отправляла электронные письма. Блюму. Гите. Больному ребенку в Италии, за которым когда-то ухаживала, давней подруге в Лондон. Она переписывалась с половиной мира. Был при ней лэптоп?

— Благодарю за столь подробное объяснение. Нет, лэптопа я не видел.

— А как насчет блокнота?

Пауза: он рылся в памяти и облакал ложь в слова.

— Блокнота я тоже не видел.

— Чего еще вы не видели?

Вудроу не счел нужным отвечать. Роб откинулся на спинку стула и вроде бы принялся изучать потолок.

— А как выглядела Тесса? — наконец поинтересовался он.

— Едва ли кто может хорошо выглядеть, родив мертвого ребенка.

— И все-таки.

— Слабой. Растерянной. Депрессивной.

— И вы говорили только о Джастине. Ее любимом муже.

— Насколько я помню, да.

— Сколько вы пробыли у нее?

— Время я не засекал, но думаю, минут двадцать. Мне не хотелось утомлять ее.

— Значит, вы двадцать минут говорили о Джастине. Отрабатывает ли он свою овсянку и все такое.

— Разговор часто прерывался, — ответил Вудроу, краснея. — Когда у человека температура, он обессилен и только что лишился ребенка, трудно ожидать легкой, непринужденной беседы.

— Кто еще присутствовал?

— Я вам уже сказал. Я пришел один.

— Я спрашивал не об этом. Я спрашивал, кто еще присутствовал при вашем разговоре?

— Например?

— Например, тот, кто присутствовал. Медицинская сестра, врач. Еще посетитель, кто-то из ее друзей. Подруга. Друг. Африканец. Например, доктор Арнольд Блюм. Почему я должен все из вас вытягивать, сэр?

Демонстрируя свое раздражение, Роб рассек рукой воздух, перекинул ногу на ногу. Вудроу показал, что вновь роется в памяти: нахмурился, сведя брови к переносице.

— Раз уж вы упомянули об этом, Роб. Вы, конечно, правы. Как-то вылетело из головы. Когда я пришел, там был Блюм. Мы поздоровались, и он покинул палату. Полагаю, наше общение ограничилось двадцатью секундами. Если вам того хочется, двадцатью пятью.

Но наигранная беззаботность Вудроу давалась ему дорогой ценой. Кто сказал Робу о том, что Блюм сидел у ее кровати? И он чувствовал, чувствовал, что этим дело не закончится. Боялся, что придется вспоминать о том, что Портер Коулридж строго-настрого наказал забыть.

— И что, по вашему разумению, там делал Блюм, сэр?

— Он не объяснил, она — тоже. Он врач, не так ли? Помимо прочего.

— А что делала Тесса?

— Лежала на кровати. Что еще она могла делать? — фыркнул он, на мгновение потеряв голову. — Играть в блошки?

Роб вытянул ноги, явно наслаждаясь своими огромными ступнями.

— Не знаю. Что еще она могла делать, Лес? — спросил он свою напарницу. — В блошки она определенно бы играть не стала. Лежа на кровати. Что еще она могла делать, спрашиваем мы себя.

— Я бы подумала, кормить грудью черного младенца, — ответила Лесли. — Пока его мать умирала.

Какое-то время в кабинете слышались только шаги в коридоре, кто-то проходил мимо, да шум проезжающих по улице автомобилей. Роб протянул руку, выключил диктофон.

— Как вы сами указали, сэр, — вежливо заметил он, — времени у нас мало. Поэтому убедительно вас прошу, не тратьте его понапрасну, уходя от ответов на вопросы и относясь к нам, как к дерьму, — он включил диктофон. — Будьте любезны, если это не затруднит вас,

рассказать своими словами об умирающей в палате женщине и ее младенце, мистер Вудроу, сэр. Пожалуйста. От чего она умирала, кто пытался ее лечить и как, — словом, обо всем, что вам о ней известно.

Загнанный в угол, возмущаясь тем, что ему приходится в одиночку держать оборону, Вудроу потянулся к аппарату внутренней связи, чтобы заручиться поддержкой посла, да только вспомнил, что связаться с Коулриджем — трудное дело. Прошлым вечером, когда Вудроу пытался переговорить с ним наедине, Милдрен ответил, что босс беседует с американским послом и беспокоить его можно только при чрезвычайных обстоятельствах. А утром Коулридж «работал с документами в резиденции».

Глава 5

Вудроу никогда не терял самообладания. За свою дипломатическую карьеру ему случалось попадать в унижительные ситуации, и по собственному опыту он знал, что наилучший вариант — не подавать виду, будто что-то идет не так. Вот и теперь он воспользовался приобретенными навыками и короткими фразами обрисовал сцену, имевшую место быть в палате Тессы. Да, согласился он, выразив удивление, что их заинтересовали такие несущественные подробности, он вроде бы припоминает женщину, которая то ли спала, то ли лежала без сознания. И, раз она сама не могла кормить своего ребенка, Тесса взяла на себя роль кормилицы. Так как ребенок Тессы умер, у черного младенца появился источник еды.

— Вы помните, как звали больную женщину? — спросила Лесли.

— Нет, не припоминаю.

— С женщиной кто-то был... родственник или подруга?

— Ее брат. Мальчик-подросток из ее деревни. Так сказала Тесса, но, учитывая ее состояние, она не показалась мне надежным свидетелем.

— Вы знаете, как звали брата?

— Нет.

— Название деревни?

— Нет.

— Тесса говорила вам, что произошло с этой женщиной?

— Мысли, а соответственно, и слова у нее, по большей части, путались.

— Значит, по меньшей — не путались, — указал Роб. Он нашел удобную позу. Сидел расслабившись. Похоже, в этот день спешить ему было некуда. — И вот когда слова у Тессы не путались, мистер Вудроу, что она говорила вам о больной женщине, которая лежала напротив?

— Что она умирает. Что причина ее болезни, которую Тесса не назвала, в социальных условиях жизни.

— А жила она на гуманитарную помощь?

— Этого Тесса не говорила.

— Кто-нибудь лечил женщину от неназванной болезни?

— Скорее всего. Иначе что ей делать в больнице?

— Лорбир?

— Кто?

— Лорбир, — повторил Роб. — Голландский полукровка. Русые или светлые волосы. Лет пятидесяти пяти. Толстый.

— Я никогда не слышал об этом человеке, — ответил Вудроу. Лицо его оставалось непроницаемым, но желудок начало жечь.

— Вы видели, как кто-нибудь лечил ее?

— Нет.

— Вы знаете, как ее лечили? Чем?

— Нет.

— Вы не видели, чтобы кто-нибудь давал ей таблетку или делал укол?

— Я вам уже сказал: в моем присутствии никто из персонала больницы в палату не заходил.

Поскольку Роб никуда не торопился, он нашел время обдумать ответ Вудроу и следующий вопрос.

— А не из персонала больницы?

— В моем присутствии — нет.

— А вне вашего присутствия?

— Откуда мне это знать?

— От Тессы. Из того, что Тесса говорила вам, когда могла связывать слова в предложения, — объяснил Роб и широко улыбнулся, словно озвучил шутку, которая должна всем поднять настроение. — По словам Тессы, эту больную женщину... чьего младенца она кормила, кто-то лечил? К ней подходили... ее осматривали, ей назначали лечение белые или черные, мужчины или женщины, врачи, медсестры, неврачи, посторонние, непосторонние, санитарки, посетители, простые люди? — Он откинулся на спинку стула, предлагая Вудроу выпутываться.

Тому же оставалось только гадать, что еще им известно, о чем они еще не сказали. Фамилия Лорбир звучала в его голове, как похоронный колокол. Какие еще фамилии бросят они ему в лицо? Как долго он сможет стоять на своем и все отрицать? Что рассказал им Коулридж? Почему отказывается выработать общую линию защиты? Вдруг во всем признался, за его спиной?

— Она что-то говорила о том, что к этой женщине приходили маленькие люди в белых халатах, — с неохотой ответил он. — Я полагал, что она видела их в бреду. Или бредила, когда рассказывала об этом. Я не принял ее слова за чистую монету. — «И вам не следует», — как бы говорил он.

— Зачем белые халаты приходили к ней? Согласно рассказу Тессы. Или, по вашим словам, ее бреду.

— Потому что люди в белых халатах убили ее. В какой-то момент она назвала их обстоятельствами, — Вудроу решил сказать правду и поднять ее на смех. — Вроде бы она называла их жадными. Они хотели вылечить эту женщину, но не смогли. Все это полная ерунда.

— Вылечить как?

— Об этом не говорилось.

— Тогда каким образом они убили ее?

— Боюсь, ясного ответа я от Тессы не получил.

— Она все это записывала?

— Эту историю? Как?

— Она вела записи? Зачитывала их вам?

— Я вам сказал. Никакого блокнота я не видел.

Роб наклонил голову, словно для того, чтобы взглянуть на Вудроу в другом ракурсе, позволяющем открыть то, что скрывалось за маской.

— Доктор Арнольд Блюм не думает, что эта история — полная ерунда. Он не думает, что Тесса не знала, что говорит. Арнольд считает, что ее слова подкреплены вескими доказательствами. Так, Лес?

Вудроу чувствовал, как кровь отливает от его лица. Однако, как и положено дипломату, он умел держать удар. Не потерял дар речи. И даже изобразил негодование.

— Вы хотите сказать, что нашли Блюма? Это возмутительно!

— То есть вы не хотели, чтобы мы его нашли? — в недоумении осведомился Роб.

— Не надо искажать мои слова. Я хочу сказать, что вы были обязаны поставить посольство в известность, если вам удалось найти Блюма и переговорить с ним.

Но Роб уже качал головой:

— Нет, сэръ, мы его не нашли. Хотя и очень хотели. Но мы нашли некоторые его бумаги.

Блокноты, отдельные листочки, которые лежали в его квартире. К сожалению, ничего сенсационного. Но есть кое-что любопытное. Копия достаточно жесткого письма, которое доктор отправил в некую компанию, или лабораторию, или больницу на другом конце света. Не так ли, Лес?

— Лежали — это, разумеется, преувеличение, — признала Лесли. — Скорее были спрятаны. Одну пачку бумаг мы нашли на обратной стороне рамы картины, другую — под ванной. Поиски заняли у нас целый день. Во всяком случае, большую его часть, — она лизнула палец и перевернула страницу блокнота.

— А еще они забыли про его автомобиль, — напомнил ей Роб.

— Квартиру разгромили полностью, — согласилась Лесли. — Не пытались хоть что-то сохранить. Кружили все подряд. В Лондоне творится то же самое. Стоит газетам сообщить, что кто-то умер или пропал без вести, как мародеры заявляются в то же утро. Наш отдел, который занимается профилактикой правонарушений, очень этим обеспокоен. Не будете возражать, если мы назовем вам еще пару фамилий, мистер Вудроу?

— Будьте любезны, — ответил тот.

— Ковач, вроде бы венгерка... женщина... молодая, исследователь. Иссиня-черные волосы, длинные ноги... так он написал, не упомянув ее имени.

— Вы бы ее запомнили, — вставил Роб.

— Боюсь, никогда не видел и слышу о ней впервые.

— Эмрих, доктор медицины, женщина, ученый-исследователь, училась в Питерсбурге, получила немецкий диплом в Лейпциге, занималась исследованиями в Гданьске. Примет нет. Фамилия ничего вам не говорит?

— Никогда о ней не слышал.

— Понятно.

— И наш добрый давний друг Лорбир, — подала голос Лесли. — Имя неизвестно, место рождения неизвестно, наполовину голландец или бур, где получил образование, если и получил, неизвестно. Мы цитируем записи Блюма, это наш единственный источник информации. Он обвел каждую фамилию кружком и соединил кружки прямыми линиями. Лорбир и две женщины. Лорбир, Эмрих, Ковач. Любопытная компания. Мы бы принесли вам копию, но сейчас мы стараемся обходиться без копий. Вы же знаете местную полицию. А что касается копировальных салонов... им нельзя доверить даже страницу из Библии, не так ли, Роб?

— Воспользуйтесь нашим ксероксом, — предложил Вудроу, слишком уж быстро.

В кабинете повисла тишина, которую Вудроу охарактеризовал бы как мертвую, если бы не шум проезжающих автомобилей и пение птиц. А вот шагов в коридоре на этот раз не слышалось. Нарушила ее Лесли, заговорив о Лорбуре. Чувствовалось, что им более всего хочется допросить именно его.

— Лорбир — перекаати-поле. Вроде бы занимается фармацевтическим бизнесом. Вроде бы за последний год несколько раз побывал в Найроби, но кенийцы не могут найти его следов, что удивительно. Вроде бы виделся с Тессой, когда та лежала в больнице Ухуру. Бычий, еще одна характеристика. Я даже подумала, что речь идет о фондовой бирже [24]. Так вы уверены, что никогда не видели рыжеволосого медика, может, даже врача, по описанию похожего на Лорбура? В своих поездках?

— Никогда о нем не слышал. И не видел.

— Мы придаем этому большое значение, знаете ли, — вставил Роб.

— Тесса его знала. Блюм — тоже, — добавила Лесли.

— Это не означает, что его знал я. Они ушли так же, как раньше: поставив больше вопросов, чем получив ответов.

Как только за ними закрылась дверь, Вудроу позвонил по внутреннему телефону Коулриджу и, слава богу, услышал его голос.

— Есть минутка?

— Полагаю, что да.

Посол сидел за столом, подперев голову рукой. В желтых подтяжках с лошадьми. На лице отражались настороженность и воинственность.

— Мне нужны гарантии, что Лондон нас в этом поддерживает, — с порога начал Вудроу.

— Нас — это кого?

— Тебя и меня.

— А под Лондоном, я понимаю, подразумевается Пеллегрин.

— Да. Или что-нибудь изменилось?

— Насколько мне известно, нет.

— Изменится?

— Насколько мне известно, нет.

— Значит, Пеллегрин нас поддерживает? Так и скажи.

— О, Бернард всегда поддерживает.

— Так мы продолжаем или нет?

— Продолжаем лгать? Ты про это? Разумеется, продолжаем.

— Тогда почему бы нам не согласовать... что мы должны говорить?

— Дельная мысль. Не знаю. Будь я набожным человеком, я бы пошел в церковь и молился, молился, молился. Но не все так просто. Женщина мертва. Это одно. Мы живы. Это другое.

— Значит, скажем им правду?

— Нет, нет и нет. Господи, да нет же. Память у меня что решето. Ужасно жаль.

— Ты собираешься сказать им правду?

— Им? Нет, нет. Никогда. Говнюки.

— Тогда почему нам не согласовать наши версии?

— Вот-вот. Почему нет? Действительно. Почему. Ты попал в самую точку, Сэнди. Что нас останавливает?

— Вернемся к вашему визиту в больницу Ухуру, сэр, — по-деловому начала Лесли.

— Я думал, что при нашей последней встрече мы все подробно обговорили.

— Другому визиту. Второму. Чуть позже. Вернее, выполнению обещания.

— Какого обещания?

— Которое вы, вероятно, ей дали.

— О чем вы говорите? Я вас не понимаю.

А вот Роб очень даже хорошо ее понял. Так и сказал.

— Мне, кажется, Лесли изъясняется достаточно ясно. Слова у нее не путаются. Складываются в грамматически правильные предложения. Вы встречались с Тессой в больнице второй раз? Примерно через четыре недели после того, как ее выписали? Встречались в приемной послеродовой клиники, где ей назначили консультацию? В записках Арнольда указано, что встречались, а пока неточностей или лжи, при всей нашей невежественности, мы в них не обнаружили.

«Арнольд, — отметил Вудроу. — Уже не Блюм».

Сын военного дебатировал сам с собой, в поисках выхода из очередного кризиса, а в памяти прокрутился весь этот эпизод, как фильм, словно в больницу приходил кто-то другой, а он смотрел на происходящее со стороны. Тесса держала в руке матерчатую сумку с деревянными ручками. Он увидел ее впервые, но с того момента сумка эта стала частью образа Тессы, который сформировался у него в голове, когда он увидел ее в больничной палате, кормящей ребенка другой женщины, умирающей на кровати напротив, в то время как ее собственный ребенок лежал в морге. Она почти не накрасилась, подстригла волосы и чем-то напоминала Лесли, которая терпеливо ожидала, когда же он изложит собственную, отредактированную версию. Как и во всей больнице, падающие в окна полосы солнечного света не могли разогнать царящий в залах и коридорах сумрак. Маленькие птички порхали под потолком. Тесса стояла у стены, рядом с дверью в дурно пахнущий кафетерий с оранжевыми пластмассовыми стульями. В полосах света мельтешили люди, но Тессу он

заметил сразу. Она держала сумку обеими руками и позой напоминала проституток, которые стояли в подворотнях в те годы, когда он был молод и пуглив. Стена пряталась в тени, потому полосы света до нее не дотягивались. Возможно, поэтому Тесса и выбрала это место.

— Ты говорил, что выслушаешь меня, когда я наберусь сил, — напоминает она ему низким, хрипловатым голосом, который он едва узнает.

После визита в больничную палату он видит ее впервые. Видит губы, без помады такие бледные. Видит страсть в ее серых глазах, и его это пугает, как пугает любая страсть, в том числе и собственная.

— Встреча, о которой вы говорите, — ответил он Робу, игнорируя неумолимый взгляд Лесли, — не носила личного характера. Была сугубо деловой. Тесса заявляла, что в ее распоряжение попали некие документы, которые, при установлении их подлинности, могли иметь большой политический резонанс. Она попросила встретиться с ней в клинике, чтобы она могла передать мне эти документы.

— Попали от кого?

— Не от сотрудников посольства. Это все, что я знаю. Возможно, от друзей из агентств, занимающихся гуманитарной помощью.

— Таких, как Блюм?

— Не только. Должен добавить, что она не в первый раз сообщала посольству скандальные истории. Это вошло у нее в привычку.

— Под посольством вы подразумеваете себя?

— Если вы говорите обо мне как о начальнике «канцелярии», да.

— Почему она не передала документы через Джастина?

— По ее твердому убеждению, Джастин не должен был в этом участвовать. Вероятно, он придерживался того же мнения. — «Не слишком ли подробно я все объясняю, — подумал Вудроу. — Может, это тоже ошибка?» — Я ее за это уважал. Откровенно говоря, уважал за любое проявление благородства.

— Почему она не передала документы Гите?

— Гита — новенькая, молодая, местная. Она не подходила на роль посыльного.

— Итак, вы встретились, — резюмировала Лесли. — В больнице. В приемной послеродовой клиники. Не слишком ли бросающееся в глаза место: двое белых среди толпы африканцев?

«Они там были, — подумал Вудроу, борясь с накатывающей волной паники. — Они заезжали в больницу».

— Она боялась не африканцев. Белых. Не объясняла почему. Среди африканцев она чувствовала себя в полной безопасности.

— Она так говорила?

— Я сделал такой вывод.

— Из чего? — вырвалось у Роба.

— Из ее отношения в последние месяцы. После смерти ребенка. Ко мне, к белым. К Блюму. Блюм не мог сделать ничего плохого. Африканец, красавец, врач. Как и Гита, наполовину индианка.

— Ваша жена знала, что вы встречаетесь с Тессой?

— Мустафа передал записку моему слуге, тот отдал ее мне.

— И жене вы не сказали?

— Я считал нашу встречу конфиденциальной.

— Почему она вам не позвонила?

— Моя жена?

— Тесса.

— Она не доверяла телефонам посольства. Не без оснований. Мы все не доверяем.

— Почему она просто не передала документы через Мустафу?

— Она потребовала от меня определенных гарантий.

— Почему она не принесла документы сюда? — Роб опять все давил и давил.

— По причине, которую я уже указал. Она больше не доверяла посольству, не хотела иметь с ним дела, не хотела, чтобы ее видели входящей и выходящей из здания посольства. Вы говорите так, словно она действовала логично. К сожалению, никакой логики в действиях Тессы в последние месяцы ее жизни не просматривалось.

— А почему не Коулридж? Почему она все время выходила на вас? Вы в больничной палате. Вы в клинике. Неужели она здесь больше никого не знала?

Вот тут, пусть и на короткий момент, Вудроу объединил силы со своими инквизиторами. «Действительно, почему я? — спросил он Тессу в приступе жгучей жалости к самому себе. — Потому что твое чертово тщеславие не позволяло тебе отпустить меня. Потому что тебе нравилось слушать, как я обещаю отдать тебе душу, хотя мы оба знали, что в день расплаты я ее не принесу, а ты — не возьмешь. Потому что во мне ты видела ту Англию, которую ненавидела. Потому что я был для тебя ее типичным представителем („только ритуал, никакой веры“ — твои слова). Мы стояли лицом к лицу на расстоянии полуфута, и я никак не мог взять в толк, почему ты одного со мной роста, пока не понял, что вдоль стены идет приступка, на которую ты и взобралась, так же, как другие женщины, чтобы тебя сразу увидел твой мужчина. Наши лица находились на одном уровне и, пусть твое разительно изменилось, для меня вернулось Рождество, я вновь танцевал с тобой и вдыхал запах теплой травы, идущий от твоих волос».

— Значит, она передала вам документы, — услышал он голос Роба. — О чем в них шла речь?

«Я беру от тебя конверт и ощущаю, как от прикосновения твоих пальцев по моему телу разлетаются молнии. Ты сознательно разжигаешь во мне это пламя, ты это чувствуешь и ничего не хочешь с этим поделать, ты вновь толкаешь меня через край пропасти, хотя точно знаешь, что никогда не последуешь за мной. Я без пиджака. Ты наблюдаешь за мной, пока я расстегиваю пуговицы рубашки и засовываю конверт под ремень брюк. Ты наблюдаешь, как я застегиваю пуговицы, а меня мучает стыд, словно я только что занимался с тобой любовью. Как истинный дипломат, я предлагаю тебе выпить кофе. Ты отказываешься. Мы стоим лицом друг к другу, словно танцоры, ожидающие, когда вновь зазвучит музыка».

— Роб спросил вас, какие сведения содержались в документах, — голос Лесли ворвался в раздумья Вудроу.

— Они могли привести к грандиозному скандалу.

— Здесь, в Кении?

— Документы засекречены.

— Тессой?

— Что вы такое говорите? Как она могла что-то засекретить?! — рявкнул Вудроу и тут же пожалел о собственной горячности.

"Ты должен заставить их действовать, убеждаешь ты меня. Твое лицо бледно от страданий и смелости. Ты не забыла о случившейся трагедии. Твои глаза блестят от слез, которые после смерти ребенка могут политься в любую секунду. Твой голос требует, но при этом ласкает и, как всегда, превращает меня в мягкий воск. Нам нужен защитник, Сэнди. Человек, не входящий в наш круг. Занимающий важный пост, способный помочь. Обещай мне. Если я могу довериться тебе, ты можешь довериться мне.

Вот я и произнес те слова, которые ты хотела услышать. Наверное, в состоянии аффекта. Я верую. В бога. В любовь. В Тессу. Когда мы на сцене вместе, я верую. Могу поклясться в чем угодно, что и делаю всякий раз, когда прихожу к тебе, но и от твоей просьбы отдает театральностью. Ты не можешь не понимать, что в реальной жизни такое невозможно. Обещаю, говорю я, и ты заставляешь меня повторить. Обещаю, обещаю. Люблю тебя и обещаю. И тут же ты целуешь губы, которые вымолвили это постыдное обещание: один поцелуй, чтобы закрыть мне рот и скрепить контракт; одно короткое объятие, чтобы связать меня и дать возможность вдохнуть запах твоих волос".

— Документы отправлены дипломатической почтой соответствующему заместителю министра в Лондон, — объяснил Вудроу Робу. — На текущий момент они засекречены.

- Почему?
- Потому что в них содержались очень серьезные обвинения.
- Против кого?
- Извините, ответить не могу.
- Компании, конкретного человека?
- Извините.
- Сколько она передала вам страниц?
- Пятнадцать, возможно, двадцать. С приложением.
- Фотографии, иллюстрации?
- Извините.
- Магнитофонные записи? Дискеты... отпечатанные признания, заявления?
- Извините.
- Какому заместителю министра вы отправили документы?
- Сэру Бернаруд Пеллегрину.
- Вы оставили себе копию?
- Наша политика — держать в посольстве минимум важных документов.
- Осталась у вас копия или нет?
- Нет.
- Текст был отпечатан?
- Кем?
- Отпечатан или написан от руки?
- Отпечатан.
- На чем?
- Я не специалист по отпечатанным текстам.
- Его отпечатали на пишущей машинке или на принтере? С компьютера. Вы помните, какой шрифт? Какая гарнитура?
- Вудроу раздраженно повел плечами.
- Может, курсив? — не унимался Роб.
- Нет.
- Или стилизация под почерк?
- Обычный латинский шрифт.
- Компьютерный?
- Да.
- Хоть это вы помните. Приложение было отпечатано?
- Вероятно.
- Тем же шрифтом?
- Вероятно.
- Значит, пятнадцать или двадцать страниц, напечатанные обычным латинским шрифтом. Благодарю вас. Лондон отреагировал?
- Естественно.
- Ответ вам дал Пеллегрин?
- Пеллегрин или один из его помощников.
- И что вам ответили?
- Ничего не предпринимать.
- Без объяснения причин? — вопросы сыпались, словно удары.
- Так называемые доказательства, приведенные в документе, были признаны тенденциозными. Тщательное расследование не привело бы ни к каким результатам и лишь ухудшило бы наши отношения с правительством Кении.
- Вы познакомили Тессу с ответом: ничего не предпринимать?
- В общих словах.
- И что вы ей сказали? — спросила Лесли.
- Я сказал то, что считал наиболее приемлемым, учитывая ее состояние: смерть

ребенка, значимость, которую она придавала документам.

Лесли выключила диктофон, начала собирать блокноты.

— То есть сочли, что ложь наиболее приемлема для нее, сэр? По вашему разумению?

— Лондон взял расследование на себя. Принял определенные меры.

На какое-то мгновение Вудроу поверил, что допрос закончен. Но Роб придерживался иного мнения.

— Еще один момент, мистер Вудроу, если вы не возражаете. «Белл, Баркер и Бенджамин». Более известные как «Три Биз» [25].

На лице Вудроу не дрогнул ни единый мускул.

— Реклама по всему городу. «Три Биз» работают на Африку". "Жужжат для меня, сладенький! Я люблю «Три Биз». Штаб-квартира на этой же улице. Большое новое стеклянное здание. Выглядит как Далек [26].

— При чем тут они?

— Прошлым вечером мы нарисовали профиль компании, не так ли, Лес? Очень любопытная контора, вы, должно быть, об этом и не знаете. Везде у них есть своя доля. Отели, туристические агентства, газеты, страховые компании, банки, месторождения золота, угля, меди, импорт легковых автомобилей, судов, грузовиков... я могу продолжать до бесконечности. Плюс лекарства. «Три Биз» жужжат для вашего здоровья". Этот рекламный щит мы увидели, когда ехали сюда, не так ли, Лес?

— Совсем рядом с посольством, — подтвердила Лес.

— И они на короткой ноге с ближайшим окружением Мои, насколько нам известно. Частные самолеты, длинноногие девицы в любом количестве.

— Полагаю, за этим последует какой-то вывод.

— Да нет. Мне просто хотелось видеть выражение вашего лица, когда я о них упомянул. Вы доставили мне такое удовольствие. Благодарим вас за ваше долготерпение.

Лесли все собирала свою сумку. Если судить по ее реакции, она пропускала мужской разговор мимо ушей.

— Таких, как вы, следует останавливать, — вдруг сказала она, покачав головой. — Вы думаете, что решаете мировые проблемы, но в действительности сами являетесь проблемой для мира.

— Она говорит, что вы гребаный лжец, — пояснил Роб.

На этот раз Вудроу не стал провожать их до двери. Остался на своем посту за столом, вслушиваясь в удаляющиеся шаги своих гостей, потом позвонил дежурному и попросил, самым небрежным тоном, сообщить ему, когда эти господа покинут посольство. Узнав, что покинули, незамедлительно направился в кабинет Коулриджа. Он знал, что в данный момент посла на месте нет, потому что с самого утра Коулридж поехал на встречу с министром иностранных дел Кении. Милдрен, расслабившись, с кем-то болтал по внутреннему телефону.

— Это срочно, — бросил Вудроу, показывая Милдрену, что он, в отличие от секретаря, не тратит рабочее время на пустопорожние разговоры.

Сев за стол Коулриджа, Вудроу наблюдал, как Милдрен достает из личного сейфа посла белую ромбовидную пластину-ключ и недовольно вставляет ее в телефонный аппарат спецсвязи.

— С кем хотите поговорить? — с наглостью, свойственной секретарям, спросил Милдрен.

— Вон отсюда! — ответил Вудроу. И, как только за ним закрылась дверь, набрал прямой номер сэра Бернарда Пеллегрини.

Они сидели на веранде, двое коллег-дипломатов, после плотного обеда наслаждающихся перед сном капелькой коньяка. Глория осталась в гостинной.

— То, что я сейчас скажу, ужасно, Джастин, — начал Вудроу, — но я вынужден это сказать. Велика вероятность того, что ее изнасиловали. Мне очень, очень жаль. И ее, и тебя.

И Вудроу действительно сожалел, не мог не сожалеть. По-другому и быть не могло,

— Конечно, официальных результатов вскрытия еще нет, информация предварительная, — продолжал он, избегая взгляда Джастина. — Но сомнений у них практически нет, — он решил чуть подсластить пилюлю. — Полиция полагает, что теперь у них хотя бы есть мотив. Им это поможет в раскрытии преступления, пусть пока у них нет даже подозреваемых.

Джастин замер, обеими руками вцепившись в бокал для коньяка, держал его, словно врученный ему кубок.

— Только вероятность? — наконец вымолвил он. — Это очень странно. Как такое может быть?

Вудроу и представить себе не мог, что его вновь будут допрашивать, но почему-то, объяснить он не мог, вопросы Джастина порадовали его. В него словно вселился дьявол.

— Ну, очевидно, они должны спросить себя, не имело ли места обоюдное согласие. Таков порядок.

— Согласие кого с кем? — в недоумении спросил Джастин.

— Ну, того... кого они имеют в виду. Не можем же мы брать на себя их обязанности, не так ли?

— Нет. Не можем. Тебе крепко достается, Сэнди. Вся грязная работа легла на тебя. А теперь, полагаю, нам надо вернуться к Глории. Как благоразумно она поступила, оставив нас вдвоем. Ее светлая английская кожа не выдержала бы контакта с царством африканских насекомых. — Он поднялся, открыл дверь. — Глория, дорогая, мы совсем про тебя забыли.

Глава 6

Джастин Куэйл похоронил свою убиенную жену на прекрасном африканском кладбище, которое называлось Лангата, под палисандровым деревом, между ее мертворожденным сыном Гартом и пятилетним мальчиком-кикуйю, за которым приглядывал отлитый из пластмассы коленапоклоненный ангел со щитом. Надпись на щите сообщала о том, что мальчик присоединился к святым. Чуть дальше лежал Горацио Джон Уильяме из Дорсета, покоящийся с богом, у ног Тессы — Миранда К. Соупер, вечно любимая. Но Гарт и маленький африканский мальчик, Гитау Каранджа, стали ее ближайшими соседями. Тесса легла с ними плечом к плечу, как хотел Джастин и чего, затратив немало его денег, добилась Глория. Во время церемонии Джастин стоял отдельно от всех, с могилой Тессы по левую руку, Гарта — по правую. Вудроу и Глория держались в двух шагах позади, хотя раньше все время находились рядом, чтобы поддержать и хоть как-то прикрыть его от репортеров и фотокоров, которые прежде всего старались выполнить профессиональный долг и донести до своих читателей комментарии и фотографии «рогатого» английского дипломата и несостоявшегося отца, убитая жена которого выносила (это уже из таблоидов) ребенка своего африканского любовника. Конечно же, в объективы фотоаппаратов попала и могила Гарта.

В стороне от четы Вудроу стояла Гита Пирсон, в сари, наклонив голову и в печали сцепив руки перед собой. Позади нее — смертельно бледный Портер Коулридж и его жена Вероника, и Вудроу показалось, что они словно оберегают Гиту, как оберегали бы свою дочь Розу.

Кладбище Лангата — большой участок высокой травы, красной глины и цветущих декоративных деревьев, одновременно грустных и веселых, расположенный в двух милях от городского центра, вплотную к Кибере, одному из самых больших трущобных районов Найроби. Над жестяными лачугами, налезавшими друг на друга и жмущимися к берегу реки, постоянно висит облако дыма и пыли. Население Киберы составляет полмиллиона человек и непрерывно растет. Чего в Кибере хватает, так это мусора: пустых пластиковых бутылок, старой рваной одежды, банановых и апельсиновых шкурок, вылуценных кукурузных початков и прочих отходов, которые город отправляет на свалку. Дорога отделяет кладбище от обшарпанных зданий Кенийского управления по туризму и входных ворот в Найробийский зоопарк. За зоопарком расположен аэропорт Уилсона, старейший в Кении.

И чета Вудроу, и многие из тех, кто пришел проводить Тессу в последний путь, увидели в спокойствии Джастина не только героизм, но и что-то зловещее. Он, похоже, прощался не только с Тессой, но и с карьерой, с Найроби, с мертворожденным сыном, с прежней жизнью. Об этом свидетельствовало его стремление подойти как можно ближе к краю могилы. И поневоле напрашивалась мысль, что Джастин, которого они знали, по большей части, а то и совсем, уходил вместе с Тессой. Из всех присутствующих на похоронах лишь один человек удостоился особого внимания Вудроу. Не священник, не застывшая, как статуя, Гита Пирсон, не бледный и печальный Портер Коулридж, посол Ее Величества, не фотокоры, отталкивающие друг друга с тем, чтобы найти лучший ракурс, не большезубые английские жены, скорбящие о своей ушедшей сестре, чью судьбу они могли разделить в любой момент, не десяток разбегшихся кенийских полицейских, лениво поправляющих кожаные ремни.

Киоко. Тот самый мальчик, что сидел на полу в палате Тессы в больнице Ухуру и наблюдал, как умирает его сестра; который десять часов шел от своей деревни, чтобы быть рядом с сестрой в ее последний миг на этом свете; который отшагал еще десять часов, чтобы сегодня быть рядом с Тессой. Джастин и Киоко увидели друг друга одновременно. Их взгляды встретились и долго не расходились. Вудроу заметил, что Киоко был самым молодым из всех, кто пришел на кладбище: Джастин настоятельно просил, чтобы детей на похороны не приводили.

Похоронный кортеж Тессы медленно прополз мимо белых ворот кладбища. Гигантские кактусы, следы от колес в красной глине, тихие продавцы бананов, воды и мороженого выстроились вдоль тропы к ее могиле. Священник был черен и стар. Вудроу вспомнил, что пожимал ему руку на одной из вечеринок Тессы. Но, пусть священник истово любил Тессу и абсолютно верил в загробную жизнь, не приходилось удивляться тому, что из-за рева городского и воздушного транспорта, не упоминая о других похоронах, духовной музыки, гремящей с грузовиков, голосов других священников, усиленных мегафонами, редкое слово святого человека долетало до слушателей. Вот и Джастин если что и слышал, то не подавал вида. Мрачный, как туча, в темном двубортном костюме, который он надел по этому печальному поводу, он не отрывал взгляда от Киоко. Мальчик, как и Джастин, стоял отдельно от остальных, на длинных, тощих ногах, поникнув головой, с висящими, словно плети, руками.

Последнее путешествие Тессы оказалось не таким уж гладким, но ни Вудроу, ни Глория, пожалуй, и не хотели, чтобы это событие ничем им не запомнилось. Оба молчаливо полагали, что и здесь не должно обойтись без непредсказуемости, свойственной всей ее жизни. В доме Вудроу в тот день встали рано, хотя причин для раннего подъема не было никаких, разве что Глория глубокой ночью вспомнила об отсутствии у нее темной шляпки. Телефонный звонок на рассвете позволил выяснить, что у Элен их две, но обе в стиле ретро, из двадцатых годов, чем-то напоминающие шлемы летчиков. Глория пожелала взглянуть на одну из них, и вскоре «Мерседес» греческого посольства доставил черную шляпку в пластмассовом контейнере от «Харродза» [27]. Шляпку Глория возвратила, отдав предпочтение черному кружевному шарфу матери, который могла накинуть, как мантилью. В конце концов, указала она, Тесса была наполовину итальянкой.

— Это же Испания, дорогая, — возразила Элен.

— Отнюдь, — стояла на своем Глория. — В «Телеграф» написали, что ее мать — тосканская графиня.

— Я про мантилью, дорогая, — терпеливо поправила ее Элен. — Боюсь, их носят в Испании, а не в Италии.

— Все равно ее мать была чертовой итальянкой, — фыркнула Глория... чтобы перезвонить через пять минут и извиниться, списав взрыв эмоций на напряжение.

Потом мальчики Вудроу отправились в школу, сам Вудроу — в посольство, а Джастин, в темном костюме и при галстучке, болтался в столовой, твердя о том, что ему нужны цветы. Не из сада Глории, а из его собственного. Желтые пахучие фризии, которые он выращивал для Тессы круглый год и которые всегда ждали ее в гостиной, когда она возвращалась из поездок.

Он хотел, чтобы на гробе Тессы лежали как минимум две дюжины фризий. Дебаты о том, как их добыть, прервал звонок из найробийской газеты, собирающейся опубликовать сообщение о том, что тело Блюма найдено в русле сухой реки в пятидесяти милях к востоку от озера Туркана. Редактор спрашивал, знают ли об этом в посольстве. «Без комментариев!» — рывкнула Глория, швырнув трубку на рычаг. Но разволновалась и никак не могла решить, сказать ли об этом Джастину сразу или после похорон. Несколько успокоил ее звонок от Милдрена, раздавшийся пять минут спустя. Он сказал, что Вудроу сейчас на совещании, а слухи о найденном теле Блюма не подтвердились: тело, которое какие-то сомалийские бандиты хотели продать за десять тысяч долларов, пролежало в песке сто, а может, и тысячу лет, и не затруднит ли ее позвонить к телефону Джастина?

Глория подвела Джастина к телефону и оставалась рядом, пока он говорил: «Да... Меня это устроит... Вы очень добры... Я, конечно же, успею подготовиться... Нет, благодарю вас... Не надо встречать меня по прибытии (этим он совсем заинтриговал Глорию). Я сам обо всем договорюсь». А положив трубку, Джастин попросил разрешения, очень уж подчеркнуто, учитывая все, что она для него сделала, остаться в столовой одному, чтобы позвонить своему адвокату в Лондон. В последние дни он проделывал подобное дважды, не посвящая Глорию в подробности этих переговоров. Естественно, она тут же выполнила его просьбу, вышла из столовой, чтобы занять место у раздаточного окна на кухне, но обнаружила там убитого горем Мустафу, который по собственной инициативе принес корзину желтых фризий, сорванных в саду Джастина. Обрадованная тем, что у нее появился достойный предлог, Глория вернулась в столовую, надеясь ухватить хотя бы часть разговора, но Джастин, когда она открыла дверь, уже клал трубку на рычаг.

И внезапно, хотя времени прошло не так уж и много, начался жуткий цейтнот. Глория успела одеться, но не накрасилась, никто ничего не поел, про ленч все как-то забыли, Вудроу ждал на подъездной дорожке в «Фольксвагене», Джастин с охапкой фризий стоял в прихожей, Джума совал всем под нос тарелку с сэндвичами с сыром, а Глория никак не могла решить, завязать ли мантилью под подбородком или набросить концы на плечи, как делала ее мать.

Устроившись на заднем сиденье минивэна между Джестином и Вудроу, Глория наконец-то призналась себе в том, о чем Элен твердила ей несколько дней: она по уши влюбилась в Джестина. Такого не случалось с ней уже бог знает сколько лет, и сама мысль о его возможном отъезде причиняла жуткую боль. Но, с другой стороны, как Элен и указывала, с отбытием Джестина у нее определенно прояснится в голове и она сможет нормально выполнять супружеские обязанности. А если вдруг возникнет ощущение, что разлука только усиливает тоску, резонно заметила Элен, на этот счет Глория всегда могла что-то предпринять по приезде в Лондон.

По пути через город Глории показалось, что колдобин на дорогах в последнее время заметно прибавилось, и она очень уж отчетливо ощущала тепло бедра Джестина, прижатого к ее бедру. Поэтому, когда «Фольксваген» остановился у похоронного бюро, в горле Глории уже стоял комок, платочек, который она сжимала в ладони, намоченный от пота, и она более не знала, с кем прощается, Тессой или Джестином. Дверцы открыли снаружи, Вудроу и Джастин выпрыгнули из кабины, оставив ее на заднем сиденье одну, в компании с Ливингстоном за рулем. «Журналистов нет», — с облегчением отметила она, изо всех сил стараясь взять себя в руки. Или пока нет. Через ветровое стекло она наблюдала, как двое ее мужчин поднимаются по ступеням одноэтажного гранитного здания, в свесах крыши которого чувствовалось влияние тюдоровской эпохи. Джастин, в идеально сшитом костюме, с аккуратно причесанными черными, тронутыми сединой волосами, хотя она никогда не видела его с расческой, сжимая в руках фризий, шагал походкой кавалерийского офицера, чуть выставив правое плечо вперед. «Почему теперь Джастин всегда первый, а Сэнди плетется в кильватере? Почему в последние дни в поведении Сэнди столько раболепия, почему он так похож на вышколенного дворецкого? — печально спрашивала она себя. — Пора и ему купить новый костюм. В этом, из саржи, его могут принять за частного

детектива». Они исчезли в холле.

— Надо подписать бумаги, — командным голосом сообщил ей Сэнди, прежде чем прыгнуть с заднего сиденья. — Разрешение на предание тела земле и все такое.

«Почему он вдруг повел себя так, словно мое место на кухне? Или он забыл, что именно я устраивала эти чертовы похороны?» У бокового входа в похоронное бюро собрались одетые в черное носильщики. Ворота открылись, из них выкатился черный катафалк, с надписью «КАТАФАЛК», белыми буквами высотой в фут, на борту. Меж черных пиджаков мелькнули светло-коричневое полированное дерево и желтые фризии, и гроб исчез в чреве катафалка. Должно быть, они скотчем закрепили цветы на крышке, иначе как фризии могли бы удержаться на ней? Джастин все продумал. Катафалк выехал на дорогу, увозя и гроб, и носильщиков. Глория всхлипнула. Потом высморкалась.

— Это ужасно, мадам, — с переднего сиденья откликнулся Ливингстон. — Просто ужасно.

— Именно так, Ливингстон, — ответила Глория, довольная тем, что есть с кем перекинуться словом. «Скоро на тебя будут смотреть десятки глаз, женщина, — строго напомнила она себе. — Пора взбодриться и являть собой пример». Задние дверцы раскрылись.

— Все в порядке, девушка? — спросил Вудроу, усаживаясь рядом. — Они — молодцы, не так ли, Джастин? Такие участливые и настоящие профессионалы.

«Не смей называть меня девушкой», — в ярости ответила Глория, но не вслух.

Войдя в церковь Святого Андрея, Вудроу оглядел присутствующих. Бледные Коулриджи, за ними Донохью и его странная жена Мод, которая выглядела как бывшая хористка «Гейети» [28], переживающая не лучшие времена, рядом — Милдрен, он же Милдред, и худосочная блондинка, с которой он, по разговорам, делил квартиру. Присутствовали, разумеется, чуть ли не в полном составе и члены «Мутайга-клуб». По другую сторону прохода Вудроу увидел десант сотрудников «Мировой продовольственной программы» и еще один, африканских женщин, частью в шляпках, частью в джинсах, но все с воинственным блеском в глазах, фирменным знаком радикальных друзей Тессы. За ними стояла горстка печальных молодых людей и женщин, первые — с ухоженной трехдневной щетиной, вторые с покрытыми головами. Вудроу, после короткого раздумья, пришел к выводу, что они работали в той же бельгийской организации, что и Блюм. «Появятся ли они здесь неделю спустя, когда будут отпевать Блюма», — со злостью подумал он. К ним же жались слуги Куэйлов, незаконным путем проникшие в Кению. Мустафа, Эсмеральда из Южного Судана, однорукий угандиец, имени которого Вудроу не знал. А в первом ряду, горой возвышаясь над своим субтильным маленьким мужем, стояла разряженная, с волосами морковного цвета, «дорогая Элен», сверкающая бабушкиными драгоценностями.

— Как, по-твоему, дорогая, надевать мне драгоценности или это будет чересчур? — пожелала она узнать у Глории в восемь утра. Та, не без злорадства, посоветовала не скромничать.

— На других женщинах, честно, Эл, они бы, возможно, не смотрелись, но к твоим волосам, дорогая, очень даже пойдут.

«И ни одного полицейского, — с удовлетворением отметил Вудроу, — ни кенийского, ни английского. Бернارد Пеллегрин дернул за нужные ниточки? Скорее да, чем нет».

Вудроу бросил еще один взгляд на Коулриджа. На его смертельно бледное, искаженное мукой лицо. Вспомнил их странный разговор в резиденции посла, в прошлую субботу, мысленно обругал за нерешительность и ханжество.

Посмотрел на гроб Тессы перед алтарем, украшенный желтыми фризиями Джастина. Глаза наполнились слезами, которые волевым усилием тут же были осушены. Орган играл *Nunc dimittis!* [29], Глория пела, четко выводя каждое слово. "Вечерняя молитва в ее частной школе, — подумал Вудроу. — Или в моей, — он в равной мере ненавидел оба заведения. — Сэнди и Глория, рожденные несвободными. Разница лишь в том, что я это знаю, а она — нет. «Господь ныне разрешает тебе, Его слуге, уйти с миром». Иногда мне хочется именно этого.

Уйти и не возвращаться. Но где обрести этот мир? — Взгляд его вновь вернулся к гробу. — Я тебя любил. Насколько легче теперь это сказать, в прошедшем времени. Я тебя любил. Я был контролируемым выродком, который не мог контролировать себя сам, на что ты мне и раскрыла глаза. А теперь посмотри, что произошло с тобой. Прикинь, почему это произошло с тобой.

Нет, я никогда не слышал о Лорбуре. Я не знаю длинноногой венгерской красавицы по фамилии Ковач, и больше не стану прислушиваться к безрассудным, бездоказательным версиям, которые, как церковные колокола, гудят в моей голове, и теперь меня абсолютно не интересуют смуглые плечи хрупкой, одетой в сари Гиты Пирсон. Одно я знаю точно: после тебя никому не будет дано узнать, какой робкий ребенок обитает в теле солдата".

Чтобы отвлечься, Вудроу принялся изучать церковные витражи. Святые мужского пола, все белые, никаких Блюмов. Тесса пришла бы в ярость. Мемориальный витраж: белый мальчик в матросском костюмчике в окружении с обожанием смотрящих на него обитателей джунглей. «Хорошая гиена чует кровь за десять километров». Опять к глазам подступили слезы. Вудроу сосредоточил все внимание на стареньком святом Андрее, очень похожем на Макферсона, хозяина гостиницы, в которой они жили, когда возили мальчиков на Лох-О, половить лосося. Яростный шотландский взгляд, рыжеватая шотландская борода. «Что они о нас думают? — он обежал взглядом черные лица. — И что, по нашему разумению, делаем здесь мы, молясь нашему белому английскому богу и нашему белому шотландскому святому, одновременно превратив эту страну в испытательный полигон для высококлассных авантюристов?»

«Лично я пытаюсь что-то изменить», — ответила ты, когда я игриво задал тебе этот вопрос на танцевальной площадке «Мутайг-клуб». Но ты не просто ответила на вопрос, ты попыталась использовать его против меня. «А что делаете здесь вы, мистер Вудроу?» — пожелала знать ты. Оркестр играл очень громко, и нам приходилось прижиматься друг к другу, чтобы расслышать друг друга. Да, говорили твои груди, да, говорили твои глаза, когда я решался взглянуть в них. Да, говорили твои бедра, покачивающиеся под моей рукой. Ты можешь взглянуть и на них, насладиться ими. Многие мужчины наслаждались, незачем тебе ходить в исключениях.

«В основном помогаю кенийцам сберечь то, что мы же и дали», — прокричал я, перекрывая музыку, и почувствовал, как твое тело напряглось и отпрянуло еще до того, как я закончил фразу.

«Мы ничего им не дали! Они все взяли! Силой! Мы ничего им не дали... ничего!»

Вудроу резко обернулся. Как и Глория. Как и по другую сторону прохода Коулриджи. Снаружи донесся крик, послышался удар чем-то тяжелым, зазвенело разбитое стекло. Через открытую дверь Вудроу увидел, как два перепуганных церковных служки в черных костюмах закрывают ворота во двор, а полицейские в касках, с дубинками в руках образуют кордон. На улице, где собрались студенты, горело дерево, а два автомобиля лежали на крыше, колесами вверх. Перепуганные водители и пассажиры не решались вылезти из кабин. Поощряемые толпой, десятка полтора девушек и юношей облепили сверкающий черный лимузин «Вольво», на таком же ездил Вудроу. Общими усилиями приподняли его, завалили сначала набок, а потом, с громким «бам», на крышу. Вот тут полиция перешла в наступление. Если и ждала сигнала, то он поступил. Секундой раньше полицейские стояли, как изваяния, а тут рванулись вперед, останавливаясь лишь на пару мгновений, чтобы угостить еще несколькими ударами дубинок тех, кого им уже удалось сбить с ног. Подкатил броневик, в кузов покидали с полдюжины окровавленных тел.

— Университет — это пороховая бочка, старина, — объяснил Донохью, когда Вудроу поинтересовался его мнением. — В грантах отказано, преподаватели не получают жалованья, должности отдают богатым и глупым, общежития и аудитории переполнены, туалеты заколочены, двери сорваны с петель, вероятность пожара огромная, потому что еду они готовят на кострах, которые разжигают в коридорах. Нет света, при котором можно читать, нет книг, по которым можно учиться. Бедных студентов вышвыривают на улицу, потому что

государство приватизирует систему высшего образования, ни с кем не советуясь, и образование становится доступным только для богатых, плюс результаты экзаменов покупаются, а студентам настоятельно рекомендуют получать образование за рубежом. Да еще вчера полиция убила пару студентов, а их друзьям, по какой-то причине, это определенно не понравилось. Есть еще вопросы?

Церковные ворота опять открылись, заиграл орган. Служба возобновилась.

На кладбище властвовала жара. Старый священник замолчал, но шум не стихал, а солнце по-прежнему жарило немилосердно. По одну сторону мощный динамик обрушивал рок-версию «Аве Марии» на группу черных монашек в серых рясах. По другую — футбольная команда прощалась с одним из игроков. А в аэропорту Уилсона в этот день проходили какие-то соревнования: маленькие, ярко окрашенные самолетики взлетали каждые двадцать секунд и выписывали в небе фигуры высшего пилотажа. Старик-священник опустил молитвенник. Носильщики шагнули к гробу. Взялись за него. Джастин, по-прежнему стоявший один, вроде бы пошатнулся. Вудроу уже шагнул вперед, чтобы поддержать его, но Глория ухватила его за рукав затянутой в перчатку рукой.

— Он хочет побыть с ней наедине, идиот, — прошипела она сквозь слезы.

Пресса такой тактичности не проявила. То был снимок, которого они все ждали: черные носильщики, которые опускают гроб с убитой белой женщиной в африканскую землю, и наблюдающий за этим муж, которому она наставляла рога. Мужчина с изрытым оспинами лицом, короткой стрижкой и фотоаппаратами на пузе протянул Джастину садовый совок с землей, надеясь заснять вдовца, бросающего землю на гроб. Джастин отвел его руку. При этом его взгляд упал на двух оборванцев, которые подкатали деревянную тачку к краю могилы. В тачке бултыхался цементный раствор.

— Будьте любезны сказать, что вы тут делаете? — спросил он таким резким голосом, что все повернулись к нему. — Не затруднит кого-нибудь выяснить у этих господ, зачем они привезли сюда цемент? Сэнди, пожалуйста, мне нужен переводчик.

Забыв о Глории, Вудроу, генеральский сын, быстро подошел к Джастину. Тут же рядом оказалась Шейла, подчиненная Донохью. Обменялась несколькими фразами с оборванцами. Повернулась к Джастину.

— Они говорят, что делают это для всех богатых, Джастин.

— Делают что? Я тебя не понимаю. Пожалуйста, объясни.

— Цемент. Препятствует грабителям, которые разрывают могилы. Богатых хоронят с обручальными кольцами и в красивой одежде. Вазунгу — лакомый кусок. Они говорят, что залитые цементом гробы не вскрывают.

— Кто научил их это делать?

— Никто. Их услуги стоят пять тысяч шиллингов.

— Пожалуйста, пусть они уйдут. Попроси их об этом, Шейла, только вежливо. Мне не нужны их услуги, и я не собираюсь платить им деньги. Пусть забирают свою тачку и уходят, — а потом, возможно, не доверяя Шейле, не будучи уверенным, что она донесет до них точный смысл его слов, подошел к самой могиле, встал между ее краем и тачкой и, как Моисей, простер руку, указывая куда-то за головы собравшихся проводить Тессу в последний путь. — Пожалуйста, уходите, — приказал он. — Немедленно. Благодарю вас.

Люди расступились, освобождая тропу, указанную простертой рукой Джастина. Оборванцы покатали по ней тачку. Джастин наблюдал, пока они не скрылись из виду. В жарком мареве могло показаться, что уходят они прямо в бездонное небо. Джастин развернулся, обвел взглядом репортеров.

— Буду вам очень признателен, если вы уйдете. Вы были очень добры. Благодарю вас. Прощайте.

Без возражений, к удивлению остальных, репортеры убрали фотоаппараты и блокноты и ретировались, бормоча: «До встречи, Джастин». Он же вновь встал в изголовье могилы. И тут же к могиле протиснулись африканские женщины, образовав полукруг в ногах. Все, как одна, в платьях в синий цветочек с гофрированной юбкой и наброшенном на волосы шарфе

из того же материала. По отдельности они казались бы инородным телом, вместе — неотъемлемой частью общества. Они запели, поначалу очень тихо. Никто не руководил ими, не обеспечивал музыкального сопровождения, многие плакали, но они не позволяли слезам отражаться на голосах. Пели они в лад, на английском и суахили, голоса набирали силу: «Kwa heri, Tessa... Тесса, наша подруга, прощай... Ты пришла к нам, мама Тесса, маленькая мама, ты отдала нам свое сердце... Kwa heri, Tessa, прощай».

— Откуда они, черт побери, взялись? — спросил он Глорию, едва разжимая губы.

— Оттуда, — пробормотала Глория, мотнув головой в сторону Киберы.

Пение продолжалось, пока гроб опускали в могилу. Джастин не отрывал от него глаз. Его передернуло, когда гроб стукнулся о дно, еще передернуло, когда на гроб упала первая лопата земли, а вторая угодила прямо на фризии, запачкав нежные лепестки. Раздался резкий вскрик, словно скрипнули ржавые петли открывшейся двери, Вудроу успел повернуть голову, чтобы увидеть, как Гита Пирсон медленно опускается на колени, ложится на землю, закрыв лицо руками, а потом вновь поднимается, опираясь на руку Вероники Коулридж, и застывает, как все остальные скорбящие.

Позвал Джастин Киоко? Или Киоко проявил инициативу? Легкий, как тень, он проскользнул к Джастину и, не стыдясь проявления эмоций, взял его за руку. Сквозь пелену слез Глория видела, как переплелись их пальцы, белые и черные. Соединившись, лишившийся жены муж и потерявший сестру брат наблюдали, как гроб Тессы исчезает под слоем земли.

В тот же вечер Джастин покинул Найроби. Вудроу, навечно обидев Глорию, не сказал ей ни слова. Распорядившись накрыть обеденный стол на троих, Глория собственноручно открыла бутылку бордо и поставила в духовку утку, чтобы поднять всем настроение. Услышала шаги в холле, довольно улыбнулась, предположив, что Джастин решил пропустить стаканчик перед обедом, на пару с ней, пока Сэнди наверху читал мальчишкам детскую книгу. И внезапно он возник перед ней, в компании саквояжа «гладстон» и большого серого чемодана, который ему принес Мустафа, с плащом, переброшенным через руку, и дорожной сумкой на плече, с тем чтобы передать ей ключ от винного погреба.

— Но, Джастин, ты же не уезжаешь?

— Ты была ко мне бесконечно добра, Глория. Просто не знаю, как мне тебя за все отблагодарить.

— Извини, дорогая, — радостно воскликнул Вудроу, слетая с лестницы. — К сожалению, пришлось подпустить секретности. Хотелось обойтись без сплетен слуг. Иначе ничего не выходило.

В этот самый момент звякнул дверной звонок, вошел Ливингстон, прибывший на красном «Пежо», который занял у друга, чтобы не ехать в аэропорт на автомобиле с такими приметными дипломатическими номерами. И с переднего пассажирского сиденья появился опухший от слез Мустафа.

— Но мы должны поехать с тобой, Джастин! Мы должны тебя проводить! Я настаиваю! Я должна подарить тебе одну из моих акварелей! А кто будет встречать тебя по прилете? — Глория чуть не плакала. — Не можем же мы вот так выставить тебя из дома на ночь глядя... дорогой!...

Вроде бы «дорогой» относилось к Вудроу, но где-то, должно быть, включало и Джастина, потому что слово это она промямлила, а потом разразилась-таки слезами, последний раз за этот длинный и слезливый день. Всхлипывая, прижалась к груди Джастина, вцепилась пальцами в спину: «О не уезжай, о пожалуйста, о Джастин». Она пробормотала что-то еще, уже совершенно неразборчиво, потом оттолкнулась от Джастина, локтем отодвинула мужа с дороги, взлетела по лестнице, метнулась в спальню и с треском захлопнула дверь.

— Немного переволновалась, — с улыбкой объяснил Вудроу.

— Как все мы, — Джастин крепко пожал протянутую руку Вудроу. — Еще раз спасибо тебе за все, Сэнди.

— Будем держаться на связи.

— Обязательно.

— Ты действительно не хочешь, чтобы тебя встречали? Они рвутся в бой.

— Действительно, большое тебе спасибо. Адвокаты Тессы все организуют.

Минуту спустя Джастин уже спускался по ступеням к красному «Пежо». Мустафа нес «гладстон», Ливингстон — серый чемодан.

— Я оставил конверты для вас всех у мистера Вудроу, — по пути сказал Джастин Мустафе. — А вот это ты должен передать лично Гите Пирсон. И ты знаешь, что значит «лично».

— Мы знаем, что вы всегда будете хорошим человеком, господин, — пророчески ответил Мустафа, убирая конверт во внутренний карман пиджака. Но в голосе слышалось осуждение: отъезда из Африки Мустафа никак не одобрял.

В аэропорту, несмотря на недавнюю реконструкцию, царил хаос. Уставшие от путешествий, обожженные солнцем туристы выстроились в длинные очереди, следуя указаниям своих гидов, и лихорадочно пропихивали громадные рюкзаки через рентгеновские установки. Клерков ставил в тупик едва ли не каждый билет, и они с кем-то связывались по телефону. Противоречивые объявления по громкой связи сеяли панику, спокойствие сохраняли только носильщики и полицейские. Но Вудроу все устроил. Едва Джастин вылез из автомобиля, как представитель «Бритиш эруэйз» препроводил его в маленький кабинет, подальше от лишних глаз.

— Я бы хотел, чтобы мои друзья пошли со мной, пожалуйста, — попросил Джастин.

— Нет проблем.

В кабинетике, с Ливингстоном и Мустафой за спиной, он получил посадочный талон на имя Альфреда Брауна. Тут же на серый чемодан навесили соответствующую бирку.

— Это я возьму с собой, — указав на саквояж, объявил Джастин, не допускающим возражений голосом.

Представитель «Бритиш эруэйз», светловолосый новозеландец, приподнял «гладстон», прикидывая вес, хмыкнул.

— Столовое серебро, сэр?

— Моего хозяина, — ответил Джастин, показывая, что принимает шутку, но свое решение не изменит.

— Если вы можете нести его, сэр, мы тоже сможем, — блондин вернул ему саквояж. — Хорошего вам полета, мистер Браун. Если не возражаете, мы проведем вас через коридор для прибывающих пассажиров.

— Вы очень добры.

Повернувшись, чтобы попрощаться, Джастин крепко пожал обе огромные руки Ливингстона. Мустафа от волнения не нашел в себе сил прикоснуться к Джастину. Как всегда молчаливый, он выскользнул из кабинета. С «гладстоном» в руке, следом за провожатым, Джастин вошел в коридор для прибывающих пассажиров, чтобы наткнуться на гигантскую, двадцать футов в высоту и пять в ширину, грудастую женщину неопределенной национальности и расы, которая улыбалась ему со стены. Других рекламных плакатов в коридоре не было. Женщину обрядили в униформу медсестры, на каждом ее плече сверкали по три золотых пчелы. Еще три украшали нагрудный карман, и она предлагала поднос с фармакологическими деликатесами многонациональной семье счастливых детей и их родителей. Каждый из них мог найти на подносе что-то по душе: для отца — бутылки золотисто-коричневого лекарства, очень смахивающего на виски, для детей — покрытые шоколадом таблетки, а для мамы — средства ухода за телом, с изображением обнаженной богини, тянущейся к солнцу. По верху и по низу плаката яркие буквы сообщали всем, у кого есть глаза, из чьих рук счастливая семейка могла получить все это великолепие:

ТРИ БИЗ ЖУЖЖИМ РАДИ ЗДОРОВЬЯ АФРИКИ.

Джастин не мог оторвать глаз от плаката.

Точно так же, как раньше не могла оторвать от него глаз Тесса.

Глядя на плакат, Джастин вдруг услышал справа от себя ее игриво-возмущенный голос...

Уставшие после длительного перелета, нагруженные пакетами с покупками, сделанными в последние минуты перед посадкой в самолет, они только что прибыли из Лондона. И он, и Тесса прилетели в Африку впервые. Кения... вся Африка... дожидалась, чтобы раскрыть им свои объятия. Но именно этот постер приковал внимание Тессы.

— Джастин, посмотри! Ты не видишь.

— Как это не вижу? Разумеется, вижу.

— Они украли наших чертовых пчел! Кто-то полагает себя Наполеоном. Какое бесстыдство! Это отвратительно. Ты должен с этим что-то сделать!

Спорить не приходилось. Да, бесстыдство, да, отвратительно, но весело. Три наполеоновские пчелки, символы его славы, гордость любимого Тессой острова Эльба, где великий человек отбывал свою первую ссылку, депортировали в Кению и продали в коммерческое рабство...

Глядя на тот же постер, Джастин мог только изумляться бесстыдству совпадений, с которыми приходится сталкиваться по жизни.

Глава 7

Застыв в кресле салона первого класса с саквояжем «гладстон» в полке над головой, Джастин Куэйл смотрел сквозь свое отражение на черноту открывающегося за иллюминатором космоса. Свободен. Его не помиловали, не примирили с жизнью, он не мог найти покоя, решить, как жить дальше. Его мучили кошмары, в которых она умирала, а потом, просыпаясь, он осознавал, что она таки умерла. Никуда не ушла вина оставшегося в живых. Никуда не делась злость на Арнольда. Но он обрел свободу, дающую право скорбеть по Тессе, как ему того хотелось. Он освободился из своей ужасной камеры. От тюремщиков, которых давно уже презирал. От необходимости кружить по комнате, как заключенный, сходя с ума от распирающих голову мыслей и убожества окружающей обстановки. От необходимости заглушать собственный голос, вновь и вновь задавая себе молчаливый вопрос: «Почему?» Освободился от тех постыдных моментов, когда усталость и внутренняя опустошенность едва не подводили к мысли, что ему на все глубоко наплевать, что женитьба эта с самого начала отдавала безумием и надо благодарить судьбу за то, что все уже в прошлом. И если горе, как он где-то прочитал, есть разновидность праздности, тогда он обрел свободу от праздности, которой и являлось его горе.

В прошлом остались и допросы полиции, когда Джастин, сам того не подозревая, вышел на авансцену и в безупречно составленных и произнесенных на отличном английском предложениях выложил удивленным следователям свои подозрения, во всяком случае, многие из них. А поначалу следователи обвинили в убийстве его самого.

— Нам не дает покоя одна версия, Джастин, — в голосе Лесли слышатся извиняющиеся нотки, — и мы считаем необходимым сразу внести ясность, хотя и понимаем, что причиним вам боль. Версия эта называется «любовный треугольник». Вы — ревнивый муж и прибегли к помощи наемных убийц, чтобы те убили вашу жену и ее любовника где-нибудь подальше от вас, тем самым гарантируя ваше алиби. Вы приказали убить их из ревности. А потом тело Арнольда Блюма вытащили из джипа и спрятали, чтобы мы подумали, что убийца — Блюм, а не вы. В озере Туркана полно крокодилов, так что избавиться от тела Арнольда — пара пустяков. Плюс светящее вам очень неплохое наследство, вот и второй, не менее важный мотив.

Они не сводят с него глаз, он это заметил, в надежде увидеть признаки вины или невинности, ярости или отчаяния, признаки чего угодно, но усилия их пропадают даром, потому что, в отличие от Вудроу, Джастин поначалу никак не реагирует на слова Лесли. Сидит печальный, задумчивый, ушедший в себя, на стуле Вудроу, упираясь в стол подушечками пальцев, словно только что сыграл какое-то музыкальное произведение и

теперь слушает, как тают последние звуки. Обвинение Лесли не находит ответной реакции в его внутреннем мире.

— Насколько я понял из того немногого, что сообщил мне Вудроу о ходе вашего расследования, — отвечает Джастин, более похожий на теоретика, чем на скорбящего мужа, — ранее вы исходили из того, что это случайное убийство — не спланированное заранее.

— Вудроу битком набит дерьмом, — говорит Роб, очень тихо, чтобы его слова не долетели до ушей хозяйки.

Диктофона на столе еще нет. Блокноты лежат в сумке Лесли. Никто никуда не торопится, разговор неформальный. Глория принесла поднос с чаем и, рассказав о недавних шалостях ее бультерьера, с неохотой удалась.

— Мы нашли следы второго автомобиля, припаркованного в пяти милях от места преступления, — объясняет Лесли. — Он стоял в ложбине к юго-западу. Мы нашли масляное пятно и остатки костра. — Джастин мигает, словно дневной свет слишком ярок, потом кивает, чтобы показать, что внимательно слушает. — Плюс свежезарытые бутылки из-под пива и окурки, — продолжает она, вводя Джастина в курс дела. — Когда джип Тессы проехал мимо, таинственный автомобиль сел к ним на хвост. Потом они поравнялись. Одно из передних колес джипа Тессы прострелено выстрелом из охотничьего ружья. Так что теперь не придется говорить о случайном убийстве.

— Больше похоже на корпоративное убийство, как мы любим их называть, — добавляет Роб. — Спланированное и выполненное нанятыми профессионалами по приказу неизвестного человека или группы людей. Того или тех, кто знал о планах Тессы и познакомил с ними убийц.

— А изнасилование? — осведомляется Джастин, изображая безразличие, не отрывая глаз от сцепленных пальцев.

— Для отвода глаз или случайное, — чеканит Роб. — Убийцы сделали это намеренно или потеряли голову.

— То есть мы вновь возвращаемся к мотиву, Джастин, — говорит Лесли.

— Вашему мотиву, — уточняет Роб. — Если вы не предложите лучшую идею.

Их взгляды нацелены на Джастина, как камеры, с двух сторон, но Джастин не воспринимает их взгляды, как чуть раньше не воспринимал намеки. Лесли опускает руку к своей полезной во всех отношениях сумке, доя того чтобы выудить диктофон, но в последний момент меняет решение. Рука замирает в нерешительности, тогда как все остальные части ее тела нацелены на Джастина, человека, речь которого состоит из безупречно правильных предложений. С его губ как раз срывается очередная их порция.

— Но, видите ли, я не знаю никаких наемных убийц, — возражает он, указывая на явный недочет в их рассуждениях, всматривается в их глаза. — Я никого не нанимал, никого не инструктировал. Я не имел ничего общего с убийцей моей жены. В смысле подготовки ее убийства. Я этого не хотел, я этого не готовил, — голос подрагивает. — Я безмерно сожалею о случившемся.

И высказано это столь категорично, что на мгновение полицейские вроде бы и не знают, как продолжить разговор, поэтому предпочитают смотреть на акварели Глории, на которых изображен Сингапур. Они развешены над каминной доской, каждая оценена в 199 фунтов, изображает чистенькое небо, пальму, стаю птиц, с ее именем и датой, столь любимой коллекционерами.

Наконец Роб, со свойственной его возрасту решительностью, вскидывает длинную голову и выпаливает: «То есть вы не имели ничего против того, что ваша жена и Блюм спали вместе? Многие мужья в подобной ситуации выказывают недовольство» — и замолкает, в надежде, что сейчас Джастин оправдает его ожидания, поведет себя, как, по разумению Роба, полагалось вести себя обманутому мужу: заплачет, покраснеет, разъярится, вспоминая собственную неадекватность или насмешки друзей. Если так, то Джастин его разочаровывает.

— Это не имело никакого значения, — говорит он так уверенно, что удивляется сам, выпрямляется, оглаживается, словно доя того, чтобы посмотреть, кто это высказался не по чину, и отчитать нарушителя. — Это имело значение для газет. Возможно, имеет для вас. Но для меня — нет, ни тогда, ни теперь.

— А что же тогда имеет значение? — вопрошает Роб.

— Я ее подвел.

— Как? О чем вы? — Мужской смешок. — Не о том, что не оправдали ее надежд в спальне, не так ли? Джастин качает головой.

— Устранившись, — голос его опускается до шепота. — Позволив ей все делать в одиночку. В мыслях уйдя от нее. Заключив с ней вечный контракт. На который мне не следовало идти. Да и ей тоже.

— Что за контракт? — елеиным голоском спрашивает Лесли, компенсируя грубость Роба.

— Она следует своей совести. Я остаюсь на своей работе. Это совместить невозможно. Нечего было и пытаться. Я словно посылал ее в церковь, предлагая молиться за нас обоих. Я словно проводил в доме разделительную линию и говорил: «Увидимся в постели».

Не смущаясь откровенностью таких признаний, подразумевающих дни и ночи самобичевания, Роб продолжает напирать на него. На его мрачном лице написана все та же усмешка, круглый, приоткрытый рот напоминает дуло ружья большого калибра. Но Лесли сегодня быстрее Роба. Женщина в ней бодрствует и улавливает звуки, которые не слышит агрессивное мужское ухо Роба. Роб поворачивается к ней, испрашивая какого-то разрешения: возможно, вновь на вопросы об Арнольде Блюме, а может, совсем на другие вопросы, которые позволят изобличить в Джастине убийцу. Но Лесли качает головой, отводит руку от сумки, поглаживает ею воздух, как бы говоря: «Медленнее, медленнее, не гони».

— Как вы вообще оказались вместе? — спрашивает она Джастина, словно в разговоре со случайным попутчиком в долгой поездке.

Это идеальный маневр: предложить ему внимательное женское ухо и понимание незнакомца, положить конец противостоянию, увести его с нынешнего поля битвы на мирные луга прошлого. И маневр удачный. Напряжение покидает Джастина, он прикрывает глаза и начинает озвучивать воспоминания, те самые, что многократно прокручивались у него в голове после того, как пришла весть об убийстве Тессы.

— Так когда, по-вашему, мистер Куэйл, государство уже не является государством? — медовым голоском спросила Тесса четыре года тому назад, в Кембридже, в старой чердачной аудитории, меж колонн пыльного солнечного света, спускающихся из фонарей на крыше. То были первые слова, которые она адресовала ему, и они вызвали взрыв смеха у пятидесяти адвокатов, записавшихся, как и Тесса, на двухнедельный летний курс «Закон и государственное управление обществом». Джастин повторяет их. А причину того, что он, в сером фланелевом костюме-тройке от Хейуарда, оказался на возвышении, один, сжимая обеими руками кафедру, объясняет он Лесли и Робу, сидя в столовой Вудроу с тюдоровскими окнами, следовало искать в его прошлой жизни. "Куэйл справится! — воскликнул кто-то из помощников постоянного заместителя министра [30], поздно вечером, за одиннадцать часов до начала лекции. — Соедините меня с Куэйлом!" Куэйлом — убежденным холостяком, имел он в виду, Куэйлом — стареющей отрадой дебютанток, последним представителем вымирающей, слава тебе, господи, породы, только что вернувшимся из кровавой Боснии и получившим назначение в Африку, но еще не отправленным туда. Куэйлом — резервным мужчиной, которого следовало звать, если случается устраивать обед и вдруг выясняется, что одна дама остается без пары, с идеальными манерами, возможно, геем, только последним он никогда не был, о чем достоверно знали некоторые из симпатичных жен, пусть они и не распространялись об этом.

«Джастин, это ты? Хаггарти. Ты учился в колледже на пару лет раньше меня. Послушай, завтра ПЗМ должен выступить в Кембридже перед группой честолюбивых адвокатов, да только у него не получится. Через час он вылетает в Вашингтон...»

И Джастин, свой парень, конечно же, не может не помочь: «Ну, если текст уже написан, я полагаю... Если текст нужно только прочитать...»

Дальнейшее Хаггартти не интересует.

— Его машина и шофер будут у твоего дома ровно в девять, ни минутой позже. Лекция — туфта. Он написал ее сам. Сможешь ознакомиться по пути. Джастин, ты меня крепко выручил.

Вот так он, итонская палочка-выручалочка, прочитал самую скучную лекцию на свете, напыщенную и многословную, как и ее автор, расслабляющийся сейчас в роскошных апартаментах ПЗМ в Вашингтоне, округ Колумбия. Ему и в голову не приходило, что придется отвечать на вопросы, но, когда Тесса задала свой, у Джастина не возникло и мысли о том, чтобы оставить его без ответа. Она сидела в геометрическом центре аудитории. Когда Джастин нашел Тессу взглядом, ему показалось, что ее коллеги, из уважения к красоте женщины, оставили вокруг нее пустое пространство. Высокая стойка-воротник белой, словно у хористки, блузы, поднималась под самый подбородок. Бледностью и худобой, чуть ли не до прозрачности, Тесса напоминала бездомного ребенка. В падающих из фонарей колоннах солнечного света ее черные волосы так сверкали, что поначалу он не мог целиком разглядеть лицо. Видел разве что широкий бледный лоб, пару больших серьезных глаз да волевой подбородок бойца. Но на подбородок обратил внимание позже. Пока же ему явился ангел. Только он еще не знал, правда, сие недолго оставалось тайной, что ангел этот с дубиной.

— Ну... полагаю, на ваш вопрос можно ответить следующим образом... — начал Джастин, -...и, пожалуйста, поправьте меня, если вы придерживаетесь иного мнения, — он перебросил мостик и через возрастную пропасть, и пропасть между полами, одновременно вновь обретая вдруг утраченное красноречие. — Государство перестает быть таковым, когда перестает выполнять возложенные на него основные обязанности. А что думаете по этому поводу вы?

— Какие обязанности вы подразумеваете под основными? — ответила вопросом на вопрос ангел, она же бездомный ребенок.

— Ну... — Джастин не очень-то понимал, куда может привести эта дискуссия, а потому проявлял присущую дипломату осторожность. — Ну... — Итонский указательный палец коснулся тронутого сединой виска, вновь опустился. — Я мог бы сказать, что в наши дни, сугубо приблизительно, разумеется, к характеристикам цивилизованного государства можно отнести свободные выборы, э... охрану жизни и собственности, гм-м-м... правосудие, здравоохранение и образование для всех, во всяком случае, на определенном уровне... потом, поддержание действенной административной инфраструктуры, дорог, транспорта, канализации, et cetera [31] и... что там еще... ага, сбор налогов. Если государство не может выполнить хотя бы перечисленные выше функции, тогда можно сказать, что социальный контракт, заключенный между ним и гражданами, под угрозой, и, если он будет нарушен государством, значит, это рухнувшее государство, как мы говорим в эти дни. Негосударство, — шутка. — Экс-государство, — еще шутка, но опять никто не рассмеялся. — Я ответил на ваш вопрос?

Он надеялся, что ангелу потребуется какое-то время, чтобы обдумать столь глубокомысленный ответ, но, едва он закрыл рот, как Тесса ударила вновь:

— Можете вы представить себе ситуацию, когда вы лично почувствуете насущную потребность подрывать государство?

— Я лично? В этой стране? О боже, разумеется, нет, — ответил Джастин, шокированный вопросом. — Во всяком случае, сейчас, когда я только что вернулся домой, — и услышал пренебрежительный смех аудитории, принявшей сторону Тессы.

— Ни при каких обстоятельствах?

— Я и представить себе не могу, что такое возможно.

— А как насчет других стран?

— Но я не являюсь гражданином других стран, не так ли? — Опять смех, более благожелательный. — Поверьте мне, говорить даже за одну страну — нелегкий труд. —

Смех, совсем добродушный. — А уж за несколько, как мне представляется, никому не под силу.

Тесса и тут не дала ему передышки.

— А надо ли быть гражданином страны, чтобы судить о тамошнем государстве? Вы ведете переговоры с другими странами, не так ли? Вы заключаете с ними договоры. Вы узакониваете их через торговое партнерство. Вы говорите нам, что существует один этический стандарт для этой страны и другой — для остальных? Вы говорите нам именно это, не так ли?

Джастин поначалу смутился, потом разозлился. Он вспомнил, поздновато, конечно, что еще не отошел от стресса, вызванного пребыванием в залитой кровью Боснии, и теоретически находится на отдыхе. Он знал, что следующей точкой его карьеры станет Африка, и предполагал, особой радости новое назначение ему не принесет. И в добрую Англию он вернулся не для того, чтобы изображать мальчика для битья вместо отсутствующего ПЗМ, не говоря уж о том, что ему пришлось зачитывать эту паршивую речь. Но, как бы то ни было, Вечно Всем Нужный Джастин не мог допустить, чтобы его выставила на посмешище прекрасная ведьма, которая увидела в нем архитипичного слабовольного представителя английской дипломатии, привыкшего озвучивать исключительно чужие слова. Ее вопросы, конечно же, вызвали смех, но нейтральный, указывающий на то, что аудитория выжидала, готовая принять сторону любого. Очень хорошо: если она работала на публику, отчего же ему не последовать ее примеру? Он вскинул брови, как это принято у адвокатов, шагнул вперед, протер руки перед собой, ладонями вперед, словно в самозащите.

— Мадам, — начал он, и смех показал, что зрителей качнуло в его сторону. — Я думаю, мадам, я этого очень боюсь, что вы пытаетесь заманить меня в дискуссию о моих моральных принципах.

На эти слова аудитория ответила громом аплодисментов, вся, кроме Тессы. Колонна солнечного света, падавшая на нее, чуть сместилась, и теперь он ясно видел, какое прекрасное у нее лицо, но при этом ранимое и испуганное. И внезапно он понял состояние души девушки, ему вдруг показалось, что ее он знает лучше, чем себя. Осознал, сколь тяжела ноша красоты, как непросто всегда быть в центре внимания. И тут же выяснилось, что он одержал победу, которой не желал. Он знал преследующие его сомнения и видел, что они присущи и ей. Она полагала, что ее красота давала ей право быть услышанной. Перешла в наступление, но оно захлебнулось, и теперь она не знала, как вернуться на исходные позиции, где бы они ни находились. Джастин вспомнил, какой отвратительный текст он только что прочитал, какие уклончивые давал ответы, и подумал: «Она права, я — свинья, даже хуже, я — стареющий ловкач, восстановивший аудиторию против прекрасной юной девы, которая следовала велениям души и сердца». И, свалив ее на землю, он тут же поспешил на помощь, чтобы поставить на ноги.

— Однако, если мы вновь станем серьезными, — продолжил он совсем другим, строгим голосом, не отрывая глаз от Тессы, вокруг которой смех постепенно стихал, — нельзя не отметить, что вы затронули проблему, решение которой не может найти ни один из дипломатов. Кто у нас весь в белом? Что такое высококонравственная внешняя политика? Ладно. Давайте согласимся, что на текущий момент ведущие государства объединены идеями гуманитарного либерализма. Но вы задали другой вопрос — что конкретно нас разделяет? Когда вроде бы гуманистическое государство вдруг начинает подавлять права своих граждан, становится неприемлемым для мирового сообщества? Что происходит, когда все то же гуманистическое государство угрожает нашим национальным интересам? Кого тогда называть гуманистом? Когда, другими словами, мы нажимаем кнопку звонка, звенящего в ООН, при условии, что там откликнутся, а это уже совсем другая история? Возьмите Чечню... возьмите Бирму... возьмите Индонезию... возьмите три четверти стран так называемого развивающегося мира...

И так далее, и так далее. Пустословие, конечно, он первым бы это признал, но ему удалось снять ее с крючка. Разгорелись дебаты, сформировались позиции, пошел активный

обмен мнениями. Все остались довольны, то есть лекция, безусловно, удалась.

— Я бы хотела, чтобы вы пригласили меня на прогулку, — сказала ему Тесса, когда народ начал расходиться. — Вы сможете рассказать мне о Боснии, — добавила она, предлагая ему повод для приглашения.

Они гуляли в саду Клэр-Колледж [32], но вместо того чтобы рассказывать о залитой кровью Боснии, Джастин знакомил Тессу с растениями этой страны: как называются, какого вида, как и когда цветут или плодоносят, какую могут принести пользу. Тесса держала его за руку, слушала внимательно, изредка задавала вопросы: «Зачем это им?» или «Почему так происходит?» Вопросы эти задавались с тем, чтобы он мог продолжать говорить, и поначалу это его вполне устраивало или разговоры служили для него ширмой, которой он отгораживался от людей, да только с Тессой, державшей его за руку, думал он больше не о ширме, а о том, какие хрупкие у нее лодыжки, так резко контрастирующие с модными тяжелыми туфлями, которые она поочередно переставляла на узкой дорожке. Он не сомневался, что лодыжки переломаются, если она вдруг споткнется и упадет. После прогулки они зашли на ленч в итальянский ресторан, официанты флиртовали с ней, вызывая его недовольство, пока он не узнал, что Тесса — наполовину итальянка. Поведение официантов стало понятным, а у Джастина появилась возможность продемонстрировать владение итальянским языком, чем он всегда гордился. Но потом он заметил, какой серьезной она стала, какой задумчивой, с каким усилием двигались ее руки, словно нож и вилка стали для них так же тяжелы, как туфли — для тоненьких ножек.

— Ты защитил меня, — объяснила она, на том же итальянском, спрятав лицо среди волос. — Ты всегда будешь защищать меня, не так ли?

И Джастин, сама вежливость, ответил, что да, само собой, если возникнет такая необходимость, разумеется. И он, конечно же, сделает все, что в его силах. Насколько он помнил, за ленчем больше они ни о чем не говорили, хотя позже, к изумлению Джастина, Тесса заверила его, что он подробно рассказал ей об угрозе очередного конфликта в Ливане, стране, которая не приходила ему на ум много лет, демонизации ислама западными средствами массовой информации и нелепой позиции западных либералов, которые иной раз в силу своей невежественности проявляют излишнюю нетерпимость. Тесса заверила его, что на нее произвело впечатление то, с какой горячностью говорил он о последней, столь важной теме, что опять же поставило Джастина в тупик, потому что, по его разумению, эта проблема его никогда не интересовала.

А потом с Джастином начало что-то происходить, причем, в удивлении и тревоге, он понял, что не может контролировать этот процесс. Совершенно случайно он попал в прекрасную пьесу, которая разом захватила его. И досталась ему непривычная роль, та самая, которую он хотел играть в жизни, да только не удавалось. Раз или два в прошлом, что правда, то правда, он ощущал, что подобное чувство может овладеть им, но дальше дело не шло. Все это время внутренний, более трезвомыслящий голос одно за другим слал предупреждения: дай задний ход, ничего, кроме неприятностей, ты с ней не наживешь, она слишком молода для тебя, слишком естественна, слишком горяча, не знает, по каким правилам ведется игра.

Внутренний голос старался зазря. После ленча, под лучами еще плывущего по небу солнца, они пошли к реке, а Джастин повел себя в полном соответствии с кодексом, которым руководствуются местные кавалеры, желая во время прогулки по Кему преподнести себя своим дамам в лучшем свете: продемонстрировал, какой он ловкий, какой галантный, с какой легкостью балансирует на корме панта [33], отталкиваясь шестом и одновременно ведя остроумную беседу. Тесса потом клялась, что все так и было, но он помнил только ее длинное тело бездомного ребенка в белой блузке и черной юбке с разрезом и серьезные глаза, которые не отрывались от него и что-то ему говорили, но он никак не мог расшифровать их послания, потому что никогда в жизни не попадал под влияние столь сильных чар и не знал, как вырваться. Она спросила об источнике его обширных познаний о растительном мире, и он ответил, что почерпнул их от садовников. Она спросила, кто его родители, и ему пришлось признать, с неохотой, не хотелось оскорблять ее эгалитарные принципы [34], что

он родился и вырос в аристократической семье и получил блестящее образование, что садовникам платил его отец, отец же оплачивал няnek, гувернанток, частные школы, университеты, каникулы за рубежом и все прочее, необходимое для того, чтобы облегчить жизнь сына на «семейной ферме». Так его отец называл Форин-оффис.

Но, к его облегчению, Тесса весьма благожелательно восприняла информацию о его благородном происхождении и рассказала кое-что о себе. Ее семья тоже занимала заметное место в обществе, но в последние девять месяцев отец и мать умерли, оба от рака.

— Так что я — сирота, — с наигранной веселостью заявила она, — и жду, когда меня возьмут в хорошую семью, — после чего они помолчали, чувствуя, что становятся все ближе друг к другу.

— Я забыл про автомобиль! — воскликнул он в какой-то момент, словно в попытке уйти в сторону.

— И где ты его припарковал?

— Я не парковал. Он с водителем. Государственный автомобиль.

— А ты можешь ему позвонить?

В ее сумочке, конечно же, лежал сотовый телефон, а в его кармане нашелся номер мобильного водителя. Он направил лодку к берегу и, сев рядом с ней, сказал водителю, что тот может возвращаться в Лондон, то есть выбросил компас, который ранее вел его по жизни, твердо решив найти другой навигационный прибор. После прогулки по реке она привела его к себе и занялась с ним любовью. Почему она это сделала, кого она при этом видела в нем, кого — он в ней, кем каждый из них стал к концу уикэнда, осталось загадкой, как сказала она ему, покрывая поцелуями его лицо на железнодорожной станции, ответ на которую могли дать только время и практический опыт. Главное заключается в том, подчеркнула Тесса, что она любит его, а все остальное устаканится, когда они поженятся. И Джастин, в охватившем его безумии, делал аналогичные неосторожные заявления, повторял их, действовал, исходя из них, не отдавая себе отчета в происходящем с ним, пусть где-то в глубине души и осознавал: в конце концов за все придется платить.

Она не делала секрета из того, что отдавала предпочтение мужчинам более старшего возраста. Как и многих знакомых ему юных красавиц, ее тошнило от сверстников. Словами, которые вызывали у него внутреннее неприятие, она охарактеризовала себя как проститутку, шлюху с сердцем дьяволенка, а он, сраженный любовью, не смел поправить ее. Выражения эти, как он выяснил позже, шли от ее отца, к которому он из-за этого питал отвращение, но прилагал все силы, чтобы тщательно скрывать свои чувства, ибо она говорила об отце как о святом. Ее потребность в любви Джастина, объясняла она, вызывалась ненасытным аппетитом, и Джастин мог только сказать, что и с ним происходит то же самое, безо всяких сомнений. Тогда он и сам в это верил.

Бежать, настоятельно требовал от него инстинкт самосохранения после возвращения в Лондон. Он понимал, что угодил под торнадо, а торнадо, Джастин знал это по собственному опыту, оставляют за собой только разрушения, иногда сильные, иногда — не очень, и движутся дальше. И его новая должность в африканской дыре вдруг стала весьма желанной. Признаки влюбленности все больше тревожили его. «Это неправда, — убеждал он себя. — Я попал не в ту пьесу». У него случались романы, он полагал, что впереди его ждали новые, но зажатые в жесткие рамки, с женщинами, которые, как и он, ставили здравый смысл выше страсти. Но, что более жестоко, он боялся за свою веру: хорошо оплачиваемый пессимист, он знал, что таковой у него нет. Не верил он ни в человеческую природу, ни в бога, ни в будущее, ни в универсальную силу любви. Человек мерзок и останется таким навсегда. Во всем мире лишь несколько здравомыслящих душ, среди которых, волей случая, затесался и он, Джастин. Их работа, по его разумению, удерживать человечество от наиболее отвратительных крайностей, с учетом того, что здравомыслящая персона ничего не сможет поделаться, если обе стороны жаждут растерзать друг друга, к каким бы безжалостным методам ни прибегала она, чтобы противостоять безжалостности. В конце концов в нем заговорил нигилист, указавший, что ныне все цивилизованные люди — Canutes [35]. А

потому для Джастина, который более чем скептически воспринимал любую форму идеализма, совсем уж негоже строить серьезные отношения с молодой женщиной, которая, пусть махнула рукой на многие запреты, не могла пересечь дорогу, не дав моральной оценки своему поступку. Так что бегство казалось Джастину единственным разумным выходом.

Но по мере того, как неделя проходила за неделей и он вроде бы готовился к деликатному процессу разведения мостов, происходящее с ним приносило все больше и больше радости. Обеды, которые он планировал с тем, чтобы окончательно расстаться с Тессой, превращались в веселые пиры, за которыми следовали еще более приятные любовные утехы. Он начал стыдиться своей тайной измены. Его забавлял — не отпугивал, безумный идеализм Тессы, где-то даже воодушевлял. Кто-то ведь должен испытывать такие чувства и высказывать их. Ранее он полагал, что твердые убеждения — враг дипломатов, их следует игнорировать, высмеивать, направлять, как агрессивность, в русло, где они не смогут причинить невосполнимый урон. Теперь, к своему изумлению, он видел в них символы доблести, а Тессу — знаменосцем, несущим их высоко над головой.

С этим откровением пришло и новое восприятие собственной персоны. Канул в Лету стареющая надежда дебютанток, убежденный холостяк, ускользающий от уз Гименея. Он превратился в шутника, обожаемую фигуру отца для прекрасной юной женщины, потворствующего всем ее причудам, позволяющего делать все, что ей заблагорассудится. Но оставаясь при этом ее защитником, ее якорем, ее советником, ее любимым старым садовником в соломенной шляпе. В итоге вместо того, чтобы бежать, Джастин проложил новый курс, к ней и (очень хотелось, чтобы полицейские ему в этом поверили) ни разу не пожалел, ни разу не оглянулся.

— Не пожалели, даже когда ее поведение стало источником неприятностей? — выдержав долгую паузу, ситуация того требовала, спрашивает Лесли, как и Роб, потрясенная его откровенностью.

— Я вам сказал. По некоторым вопросам наши мнения не совпадали. Я ждал. Или она утомилась бы, или Форин-оффис нашла бы нам иные роли, на которых мы не оказывались бы по разные стороны баррикады. Статус жен дипломатов — вечная проблема. Они даже не могут работать в странах, где живут. Они обязаны ехать вслед за мужьями. Сегодня они пользуются всеми свободами. А завтра должны вести себя как дипломатические гейши.

— Это слова Тессы или ваши? — улыбается Лесли.

— Тесса никогда не ждала, пока ей дадут свободу. Она брала ее.

— И Блюм вас не раздражал? — грубо спрашивает Роб.

— Раздражал или нет — это неважно, потому что Арнольд Блюм не был ее любовником. Их объединяло совсем другое. Самым главным секретом Тессы было ее целомудрие. Она любила шокировать.

Роб не выдерживает:

— Четыре ночи в пути? Ночь в бунгало на озере Туркана? Такая женщина, как Тесса? И вы на полном серьезе просите нас поверить в то, что у них ничего не было?

— Вы можете верить во все, что хотите, — с апостольской убежденностью отвечает Джастин. — Лично у меня нет абсолютно никаких сомнений.

— Почему?

— Потому что она мне это сказала. Крыть им нечем. Но Джастин еще не выговорился и с помощью Лесли, мало-помалу, ему удается облегчить душу.

— Она заключила брачный союз, — чуть смутившись, начинает он. — Со мной. Не с каким-то возвышенным творцом добрых дел. Со мной. Не надо искать в ней что-то экзотическое. Я несколько не сомневался, да и она тоже, что по прибытии сюда она не вольется в команду дипломатических гейш. Но мы оба считали, что она не пойдет вразнос. — Несколько секунд он молчит, чувствуя на себе их недоверчивые взгляды. — После смерти родителей она сама себя напугала. И теперь, когда рядом появился я, надеялась в определенной степени ограничить свою свободу. Эту цену она соглашалась заплатить за то, чтобы больше не быть сиротой.

— И что изменило ее решение? — интересуется Лесли.

— Не что, а кто. Мы, — с жаром отвечает Джастин. Он говорит о других мы. О тех, кто ее пережил. О виновных. — С нашим самодовольством, — он понижает голос. — Вот с этим, — обводит рукой не только столовую с отвратительными акварелями Глории, развешанными над каминной доской, но весь дом со всеми его обитателями, другие дома на улице. — Мы. Те, кому платят за то, чтобы видеть происходящее вокруг, но которые предпочитают не смотреть. Те, кто идет по жизни, глядя исключительно себе под ноги.

— Она так говорила?

— Я говорил. Так она начала воспринимать нас. Она родилась богатой, но никогда не придавала этому особого значения. Деньги ее не интересовали. Она всегда обходилась малым. Но знала, что не может оставаться безразличной к тому, что видела и слышала. Знала, что за ней должок.

На этом Лесли просит прерваться до завтрашнего дня. «В это же время, если вы не возражаете, Джастин».

И «Бритиш эруэйз» приходит к тому же выводу, потому что свет в салоне первого класса меркнет и стюардессы спрашивают у пассажиров, не нужно ли им чего перед сном.

Глава 8

Роб тихонько сидит, пока Лесли распаковывает свои игрушки: блокноты с цветными обложками, карандаши, диктофон, который вчера так и остался в сумке, ластик. На лице Джастина — тюремная бледность и сетка морщинок у глаз, по утрам теперь по-другому и не бывает. Доктор прописал бы ему прогулки на свежем воздухе.

— Вы говорили, что не имеете никакого отношения к смерти жены, в том смысле, на который мы намекаем, Джастин, — напоминает Лесли. — Тогда позвольте спросить, а есть ли другой смысл? — и наклоняется вперед, чтобы лучше расслышать его ответ.

— Мне следовало поехать с ней.

— В Локикоджио? Он качает головой.

— На озеро Туркана?

— Ездить с ней везде.

— Она вам это говорила?

— Нет. Она ни в чем не упрекала меня. Мы никогда не говорили друг другу, кто что должен делать. Поспорили только раз, и то не по существу. Арнольд не был причиной наших разногласий.

— А о чем именно вы поспорили? — вмешивается Роб. Его, как всегда, интересует конкретика.

— После смерти ребенка я умолял Тессу позволить мне увезти ее в Англию или Италию. В любое место, которое она бы назвала. Она не желала об этом слышать. Она обрела цель, слава богу, причину жить, и во всем мире ее интересовал только один город, Найроби, только одна страна, Кения. Здесь она столкнулась с величайшей социальной несправедливостью. И величайшим преступлением. Так она говорила. Это все, что мне позволили узнать. В моей профессии дозированное знание имеет первостепенное значение, — он поворачивается к окну, смотрит в него невидящим взглядом. — Вы видели, как живут люди в здешних трущобах?

Лесли качает головой.

— Однажды она взяла меня с собой. В момент слабости, как потом призналась сама, хотела показать свое рабочее место. С нами поехала Гита Пирсон. Гита и Тесса очень быстро нашли общий язык. Иначе и быть не могло. У обеих матери были врачами, отцы — адвокатами, обе получили католическое воспитание. Мы пошли в медицинский центр. Четыре бетонных стены, жестяная крыша и тысяча людей, ждущих своей очереди, — на мгновение он забывает, где находится, с кем говорит. — Бедность такой степени — это целая наука. Ее не выучить за один день. Тем не менее потом я уже не мог идти по Стэнли-стрит, не

видя перед собой... другой образ, — после бесконечных уверток Вудроу его слова звучали как исповедь. — Величайшая несправедливость, величайшее преступление... вот что поддерживало ее. Наш ребенок лишь пять недель как умер. Оставаясь дома одна, Тесса тупо смотрела в стену. Мустафа звонил мне в посольство: «Приезжайте, Мзе, она больна, она больна». Но вернул ее к жизни не я. Арнольд. Арнольд все понимал. Арнольд поделился с ней секретом. Стоило ей услышать, как на подъездную дорожку сворачивает его автомобиль, она оживала. «Что ты привез? Что ты привез?» Она подразумевала новости. Информацию. Прогресс. Когда он уезжал, она поднималась в свой кабинет и работала до глубокой ночи.

— На компьютере?

Если Джастин и загнулся, то на мгновение.

— С бумагами. На компьютере. У нее был и телефон, но им она пользовалась с крайней осторожностью. И во всем ей помогал Арнольд, когда у него выдавалось свободное время.

— И вы ничего не имели против? — фыркает Роб, в привычной ему задиристой манере. — Я про то, что ваша жена сидела, как сомнамбула, в ожидании Прекрасного доктора?

— Тесса была несчастна. Если бы ей требовалась сотня Блюмов, я нисколько бы не возражал против того, чтобы она получила их всех и на ее условиях.

— И вы ничего не знаете о величайшем преступлении, — резюмировала Лесли, по тону чувствовалось, что Джастин ее не убедил. — Ничего. Ни в чем оно состояло, ни жертв, ни главных действующих лиц. Они вам ничего не рассказывали. Блюм и Тесса вели расследование, а вас держали в неведении.

— Я не лез в их дела, — упрямо гнул свое Джастин.

— Я просто не понимаю, как ваш союз мог сохраниться в такой ситуации, — Лесли кладет блокнот на стол, вскидывает руки. — Если исходить из того, что вы рассказываете... похоже, вы уже и не разговаривали друг с другом.

— Он и не сохранился, — напоминает ей Джастин. — Тесса мертва.

Тут они думают, что время признаний прошло, сменившись периодом недомолвок, уверток, даже отказа от своих слов. Но Джастин только начал рассказ. Он выпрямляется, руки его падают между колен и остаются там, голос крепнет, словно некая глубинная сила вырывается на поверхность.

— Она была такая порывистая, — гордо заявляет он, вновь цитируя одну из речей, с которыми выступал перед собой в последние часы. — Мне это понравилось в ней с самой первой встречи. Она так хотела сразу же зачать нашего ребенка. Как можно скорее компенсировать смерть родителей! Чего ждать свадьбы? Я сдерживал ее. Делать это не следовало. Я просил ее придерживаться общепринятых норм... Бог знает почему. «Очень хорошо, — ответила она, — если мы должны пожениться, чтобы завести ребенка, давай поженемся незамедлительно». Мы поехали в Италию и тут же поженились, вызвав немалый переполох среди моих коллег, — он улыбается. — «Куэйл сошел с ума! Старина Джастин женился на своей дочери! Закончила она хотя бы среднюю школу?» Забеременев три года спустя, Тесса плакала. Я тоже.

Он замолкает, но Лесли и Роб терпеливо ждут продолжения.

— Беременность ее изменила. И только к лучшему. Тесса готовилась стать матерью. Лишь внешне оставалась беззаботной. А внутри формировалось глубокое чувство ответственности. И ее работа по оказанию гуманитарной помощи обрела новый смысл. Мне говорили, что такое случается довольно часто. То, что казалось важным, стало призванием, более того, судьбой. Даже на восьмом месяце беременности она ухаживала за больными и умирающими, а потом шла на какой-нибудь занудный дипломатический обед. По мере приближения родов она прилагала все больше усилий к тому, чтобы улучшить мир, в котором предстояло жить нашему ребенку. Не только нашему ребенку. Всем детям. Тогда она уже приняла решение рожать в африканской больнице. Если бы я настоял на том, чтобы она рожала в частной клинике, она бы подчинилась, но тогда я бы предал ее.

— Как? — вырывается у Лесли.

— Тесса проводила черту между болью наблюдаемой и болью разделенной. Наблюдаемая боль — это боль журналистов. Боль дипломатов. Телевизионная боль, проходящая в тот самый момент, когда вы выключаете телевизор. Те, кто наблюдал страдания и ничего не делал для их облегчения, по ее разумению, ничем не отличались от мучителей, вызывавших эти страдания. Для нее они были плохими самаритянами.

— Но она старалась что-то сделать, — уточнила Лесли.

— Отсюда и африканская больница. Она даже говорила о том, чтобы родить в какой-нибудь из лачуг Киберы. К счастью, Арнольд и Гита на пару отговорили ее от этого, убедив в неадекватности такого решения. Арнольд мог судить о страданиях. Он не только лечил в Алжире людей, ставших жертвами пыток, но и сам им подвергался. Он заработал право говорить от лица несчастных. Я — нет.

Роб ухватывается за последние слова, словно вопрос этот уже не обсасывался с десятков раз.

— Как-то трудно понять, какую роль в этой истории играли вы, не так ли? Вроде пятого колеса в телеге. Сидели в облаках со своей дипломатической болью и высокопоставленным комитетом, не так ли?

Но выдержка Джастина беспредельна. Иной раз воспитание не позволяет ему возразить собеседнику.

— Она отстранила меня от активного участия, как Тесса это называла, — он понижает голос, в котором слышатся нотки стыда. — Придумывала массу аргументов, чтобы облегчить мою совесть. Настаивала, что миру нужны мы оба: я — внутри Системы, она — вне, в зоне непосредственных боевых действий. Так, мол, дело сдвинется с места. «Я из тех, кто верит в этическое государство, — говорила она. — Если ты не будешь делать свою работу, у нас не останется надежды». Но мы оба знали, что это софистика. Система не нуждалась в моей работе. Я — тоже. Так чего ради я держался за нее? Писал отчеты, в которые никто не заглядывал, предлагал меры, которые никто не предпринимал. Тесса не признавала обмана. За исключением моего случая. Когда дело касалось меня, она предпочитала обманывать себя на все сто процентов.

— Она чего-нибудь боялась? — спрашивает Лесли, мягко, чтобы не нарушить атмосферы исповедальни.

Джастин задумывается, позволяет себе улыбнуться, что-то вспомнив.

— Однажды она похвалилась жене американского посла, что страх — единственное ругательное слово, значения которого она не знает. Американка не нашла в этом ничего смешного.

Лесли тоже улыбается, но коротко.

— И это решение рожать в африканской больнице, — она смотрит в блокнот. — Можете вы сказать нам, когда и как она его приняла?

— В одном из трущобных поселков к северу отсюда, которые регулярно посещала Тесса, жила одна женщина по имени Ванза. Фамилии не знаю. Ванза страдала от какой-то загадочной болезни. Она получала какое-то специальное лечение. Совершенно случайно они оказались в одной палате в больнице Ухури, и Тесса с ней подружилась.

«Услышали они нотку осторожности, прозвучавшую в моем голосе?» — думает Джастин.

— Вы знаете, что это была за болезнь?

— Знаю только, что она болела и тяжело.

— Может, у нее был СПИД?

— Я понятия не имею, чем конкретно она болела, СПИДом или нет. Но, похоже, о СПИДе речь не шла.

— Это же необычно, не так ли, чтобы женщина из трущоб рожала в больнице?

— Она находилась под наблюдением.

— Чьим наблюдением?

Джастину потребовалась секунда, чтобы решить, что следует говорить, чего — нет.

Обманывать он не умел.

— Полагаю, одного из центров здоровья. В ее поселке. Или в ближайшем городке. Сами видите, я не в курсе. Меня теперь самого удивляет, как много мне удавалось не знать.

— И Ванза умерла, не так ли?

— Она умерла в последнюю ночь пребывания Тессы в больнице, — отвечает Джастин, чуть более эмоционально, чем раньше. — Я провел в палате весь вечер, но Тесса настояла, чтобы я пошел домой и поспал хотя бы несколько часов. То же самое она сказала Гите и Арнольду. Мы по очереди дежурили у нее. Арнольд принес раскладушку. Тесса позвонила мне в четыре утра. По телефону дежурной сестры, в палате его, естественно, не было. Я сразу понял, что она очень огорчена. Более того, в отчаянии. Дело в том, что Тесса никогда не повышала голоса. Ванза исчезла. Младенец тоже. Она проснулась и увидела, что кровать Ванзы пуста, а кроватки младенца нет вовсе. Я помчался в больницу Ухуру. Арнольд и Гита подъехали одновременно со мной. Тесса была безутешна. Казалось, что она потеряла второго ребенка. Втроем нам удалось убедить ее, что теперь выздоравливать лучше дома. Что со смертью Ванзы и исчезновением ребенка в больнице ей оставаться незачем.

— Тесса не видела тела?

— Она пожелала увидеть ее, но ей сказали, что не положено. Ванза умерла, а ее брат увез ребенка в деревню их матери. Больница посчитала вопрос закрытым. Мертвые не интересуют больницы, — добавляет он, вспомнив Гарта.

— Арнольд видел тело?

— Он опоздал. К тому времени тело уже отправили в морг и потеряли.

Глаза Лесли удивленно раскрываются. Роб, сидевший по другую сторону Джастина, наклоняется вперед, хватая диктофон, чтобы убедиться, что в маленьком окошечке движется пленка.

— Потеряли? Тела не теряются! — восклицает Роб.

— Наоборот, я уверен, что для Найроби это обычное дело.

— Как насчет свидетельства о смерти?

— Я могу сказать только то, что узнал от Арнольда и Тессы. Об этом свидетельстве мне ничего не известно. О нем никто не упоминал.

— И никакого вскрытия трупа? — Лесли вновь обрела голос.

— Насколько я знаю, нет.

— К Ванзе в больницу кто-нибудь приходил? Джастин задумывается, потом приходит к выводу, что скрывать тут нечего.

— Ее брат Киоко. Он спал рядом с ней на полу, когда не отгонял от нее мух. И Гита Пирсон обычно подсаживалась к ней, когда приходила навестить Тессу.

— Кто-нибудь еще?

— Белый мужчина-врач. Но я не уверен в этом.

— В том, что он — белый?

— В том, что врач. Белый мужчина в белом халате. Со стетоскопом.

— Один?

Голос Джастина чуть меняется.

— Его сопровождала группа студентов. А может быть, я решил, что они — студенты. Молодые. В белых халатах.

С тремя золотыми пчелками, вышитыми на нагрудном кармане, мог бы добавить он, но осторожность удержала его язык.

— Почему вы говорите, студенты? Тесса называла их студентами?

— Нет.

— Арнольд?

— Арнольд в моем присутствии ничего о них не говорил. Это мое предположение. Молодые ребята.

— А как насчет их руководителя? Врача, как вам показалось. Арнольд что-нибудь о нем говорил?

— Мне — нет. Если его что-то и тревожило, он обращался непосредственно к этому мужчине... со стетоскопом.

— В вашем присутствии?

— Да, но не в пределах слышимости. Скажем, на самом пределе.

Роб и Лесли наклоняются вперед, ловя каждое слово.

— Рассказывайте.

Джастин уже рассказывает. На короткое время он снова с ними заодно. Но осторожность не покидает голоса. Она же читается в его усталых глазах.

— Арнольд отвел мужчину в сторону. За руку. Мужчину со стетоскопом. Они поговорили, как принято у врачей. Очень тихо, не для посторонних ушей.

— На английском?

— По-моему, да. Когда Арнольд говорит на французском или суахили, у него иная мимика, — а когда говорит на английском, мог бы добавить Джастин, едва не срывается на фальцет.

— Опишите его — парня со стетоскопом, — командует Роб.

— Коренастый. Крупный. Полноватый. Неопрятный. Я запомнил замшевые туфли. Мне показалось странным, что врач носит замшевые туфли, уж не знаю почему. Но туфли в памяти остались. И халат, который давно следовало постирать. Замшевые туфли, грязный халат, красное лицо. Прямо-таки представитель шоу-бизнеса. Если б не белый халат, импресарио. — «И три золотые пчелки, выцветшие, но заметные, вышитые на нагрудном кармане, — как у медсестры на постере», — думает Джастин. — Похоже, ему было стыдно, — добавляет он вслух.

— За что?

— За его присутствие там. За то, что он делает.

— Почему вы так говорите?

— Он не решался посмотреть на Тессу. На нас. Смотрел куда угодно, только не на нас.

— Цвет волос?

— Светлый. Возможно, рыжеватый. По лицу чувствовалось, что он пьет. Вы его знаете? У Тессы он вызывал острое любопытство.

— Борода? Усы?

— Чисто выбрит. Нет. Как минимум однодневная щетина. Золотистого цвета. Тесса неоднократно спрашивала, как его зовут. Он так и не ответил.

Роб вновь нападает на него.

— Как они говорили? — спрашивает он. — Спорили? Дружелюбно беседовали? Или собирались пригласить друг друга на ленч? Ваши впечатления.

Осторожность возвращается. «Я ничего не слышал. Только видел».

— Арнольд то ли протестовал, то ли упрекал. Врач отрицал. У меня создалось ощущение... — Он выдерживает паузу, подбирая слова. «Никому не доверяй, — наказывала ему Тесса. — Никому, кроме Гиты и Арнольда. Обещай мне». Он обещал. — Мне показалось, что они не в первый раз расходились во мнениях. Что я стал свидетелем спора, который длился достаточно долго. Об этом я подумал позже. Чувствовалось, что в каких-то вопросах они занимают прямо противоположные позиции.

— Получается, вы много об этом думали.

— Да. Да, думал, — сразу же соглашается Джастин. — И вроде бы английский — неродной язык врача.

— Но вы не обсуждали этого с Арнольдом и Тессой?

— Когда мужчина ушел, Арнольд вернулся к кровати Тессы, посчитал ей пульс, что-то сказал на ухо.

— Вы опять ничего не слышали?

— Нет, и не собирался слушать. — «Слабовато, — думает он, — надо усилить». — Я уже смирился с этой ролью, — объясняет он, избегая их взглядов. — Оставаться вне их круга.

— Чем лечили Ванзу?

— Понятия не имею.

Понятие он имел. Ядом. Он привез Тессу из больницы и стоял двумя ступеньками ниже на лестнице в их спальню, держа в одной руке сумку с ее вещами, а в другой — с пеленками, распашонками и подгузниками для Гарта, но пристально наблюдал за ней, потому что Тесса всегда хотела все делать сама. Поэтому, как только она начала падать, он побросал сумки и подхватил ее, еще до того, как у нее подогнулись колени, почувствовал, какая же она легонькая, а она зарыдала, скорбя не о Гарте — Ванзе. «Они убили ее! — выдохнула она ему в лицо, потому что он прижимал ее к себе. — Эти мерзавцы убили Ванзу, Джастин! Убили ее своим ядом!» «Кто убил, дорогая? — спросил он, откидывая потные волосы со щек и лба. — Кто ее убил? Скажи мне, — поддерживая Тессу одной рукой, он осторожно вел ее по лестнице. — Какие мерзавцы, дорогая? Скажи мне, кто эти мерзавцы?» «Эти мерзавцы из „Три Биз“. Проклятые псевдоврачи. Которые не смели посмотреть на нас!» «О каких врачах ты говоришь? — Он уложил ее на кровать. — У них есть фамилии, у этих врачей? Скажи мне».

В его раздумья врывается голос Лесли. Она задает тот же вопрос, только наоборот.

— Фамилия Лорбир вам что-нибудь говорит, Джастин?

«Если сомневаешься — лги, — давно уже дал он себе зарок. — Если ты в аду — лги. Если никому не доверяешь, даже себе, и хочешь хранить верность мертвым, лги».

— Боюсь, что нет.

— Вы не могли случайно ее услышать? По телефону? В разговоре между Арнольдом и Тессой? Лорбир, немец, голландец... возможно, швейцарец?

— Фамилии Лорбир я никогда раньше не слышал.

— Ковач... венгерка? Темные волосы, по слухам, красавица?

— У нее есть имя? — Он хотел показать, что и на этот раз ответ будет отрицательным, но действительно впервые слышал об этой женщине.

— Ни у кого в этой истории нет имен, — в голосе Лесли слышатся нотки отчаяния. — Эмрих. Тоже женщина. Но блондинка, — она бросает карандаш на стол, словно признавая поражение. — Итак, Ванза умирает. Официально. Убитая мужчиной, который не смотрел на вас. И сегодня, шесть месяцев спустя, вы не знаете от чего. Умерла, и все.

— Мне причину смерти не сообщали. Если Тесса и Арнольд знали, то я — нет.

Роб и Лесли откидываются на спинки стульев, как два спортсмена, решившие прервать поединок. Роб потягивается, шумно вздыхает. Лесли, забрав подбородок в кулак, меланхолично смотрит на Джастина.

— Вы все это не выдумали? — спрашивает она. — Умирающую женщину Ванзу, ее ребенка, так называемого стыдливого доктора, так называемых студентов в белых халатах? Может, это ложь, от начала и до конца?

— Что за нелепое предположение? Зачем мне тратить ваше время, сочиняя истории?

— В больнице Ухуру нет никаких свидетельств о пребывании Ванзы, — объясняет Роб. — О Тессе запись есть, о бедном Гарте тоже. Но не о Ванзе. Она там не была, она туда не поступала, ее никто не пользовал, настоящий доктор или псевдо, никто ею не занимался, никто не прописывал ей лекарства или процедуры. Ее ребенок не родился, она не умирала, ее тело не пропадало, потому что его не существовало. Нашей Лес пришлось переговорить с несколькими медсестрами, но они ничего не знают, не так ли, Лес?

— Кто-то шепнул им на ушко пару слов до меня, — объясняет Лесли.

Услышав мужской голос за спиной, Джастин оборачивается. Но это всего лишь стюард, интересующийся, удобно ли пассажиру. Может, мистеру Брауну помочь разложить кресло? Благодарю, мистер Браун не хочет его раскладывать. Может, включить мистеру Брауну видео? Благодарю вас, нет, мистер Браун прекрасно без него обойдется. Может, мистер Браун хочет задернуть шторку иллюминатора? Нет, благодарю, эмоционально, мистер Браун хочет любоваться космосом. А как насчет теплого мягкого одеяла для мистера Брауна? Врожденная вежливость заставила Джастина согласиться на одеяло. Он вновь посмотрел в черный овал

иллюминатора и увидел Глорию, которая без стука входит в гостиную с подносом сэндвичей. Опуская его на стол, бросает короткий взгляд на раскрытый блокнот Лесли. Любопытство остается неутоленным: Лесли как раз перевернула страницу.

— Вы не переутомите моего гостя, дорогие? У него и так хватает проблем, не так ли, Джастин?

Чмокает в щечку Джастина, поворачивается, и все трое одновременно вскакивают, чтобы открыть дверь их тюремщице, выплывающей из столовой.

После ухода Глории какое-то время допрос перемежается жеванием бутербродов. Лесли открывает другой блокнот, с синей обложкой, а Роб, с полным ртом, начинает задавать вопросы, никоим боком не связанные с больницей Ухуру.

— Среди ваших знакомых есть люди, постоянно курящие сигареты «Спортсмен»? — по его тону понятно, что курение сигарет «Спортсмен» — тяжкое преступление.

— Нет... нет. Мы оба терпеть не могли сигаретный дым.

— Я говорю не только про тех, кто бывал у вас дома.

— Все равно, нет.

— Вы знаете человека, которому принадлежит зеленый большой вездеход для сафари с длинной колесной базой? Хорошее состояние, кенийские номера.

— В посольстве вроде бы есть бронированный джип, но я не знаю, о чем вы говорите.

— Знаете парней лет сорока, крепко сложенных, армейского типа, загорелых, с начищенными ботинками?

— Боюсь, никто не приходит на ум, — признается Джастин и облегченно улыбается, потому что говорит правду.

— Слышали о местечке под названием Марсабит, не так ли?

— Да, думаю, что да. Да, Марсабит. Разумеется. А что?

— Ага. Хорошо. Отлично. Вы слышали о нем. Где этот Марсабит находится?

— Рядом с пустыней Чалби.

— То есть к востоку от озера Туркана?

— Если не обманывает память, да. Какой-то административный центр. Место встречи для путешественников в северном регионе.

— Бывали там?

— Увы, нет.

— Знаете кого-нибудь из тех, кто бывал?

— Нет, полагаю, что нет.

— Представляете себе, что ждет усталого путника в Марсабите?

— Насколько мне известно, гостиница там есть. И полицейский пост. И заповедник.

— Но вы там никогда не были. — Джастин не был. — И никого не посылали туда? К примеру двух крепких парней? — Джастин не посылал. — Тогда откуда вам все известно об этом городке? Вы, надеюсь, не экстрасенс?

— Когда я получаю назначение в какую-то страну, то считаю необходимым взглянуть на карту.

— Мы располагаем информацией о том, что за два дня до убийства в Марсабите появлялся зеленый большой вездеход для сафари, Джастин, — спокойно объясняет Лесли, останавливая агрессивный напор своего напарника. — На нем приехали двое белых. Их приняли за охотников. Крепкие, подтянутые, вашего возраста, одеты в хаки, начищенные ботинки, как и сказал уже Роб. Ни с кем не разговаривали, только между собой. Не флиртовали со шведками, группа которых сидела в баре. Отоварились в магазине. Горючее, сигареты, вода, пиво, продукты. Сигареты — «Спортсмен». Пиво — «Уайткэп», в бутылках. «Уайткэп» продается только в бутылках. Они уехали утром, на запад, в пустыню. Следуя тем же курсом, могли бы к вечеру добраться до озера Туркана. Аккурат в районе Аллиа-Бэй. Пивные бутылки, которые мы нашли неподалеку от места преступления, были из-под «Уайткэп». Окурки — «Спортсмен».

— Наверное, мне следует задать вопрос, ведут ли в отеле в Марсабите

регистрационную книгу? — любопытствует Джастин.

— Страница отсутствует! — с триумфом заявляет Роб. — Ее вырвали. Плюс сотрудники отеля ничего и никого не помнят. Они так запуганы, что забыли собственные имена. Мы полагаем, кто-то шепнул им на ухо пару тихих слов. Наверняка те же самые люди, которые разговаривали с персоналом больницы.

Но это была лебединая песня Роба в его роли палача Джастина, истина, которую он сам, пусть с неохотой, но, похоже, признал, ибо он хмурится, дергает себя за ухо, а с губ едва не срываются извинения, но у Джастина на это нет времени. Он переводит взгляд с Роба на Лесли и обратно. Ждет следующего вопроса и, не дождавшись, задает свой:

— Как насчет службы регистрации автомобилей? Горький смешок сорвался с губ полицейских.

— В Кении? — в унисон спросили они.

— Тогда компании по страхованию транспортных средств. Импортёры, поставщики. Во всей Кении не так уж много зеленых больших вездеходов для сафари с длинной колесной базой. Поиск займет не так уж много времени.

— Местная полиция этим занимается, — отвечает Роб. — К концу следующего тысячелетия, если мы будем хорошо себя вести, возможно, нам дадут ответ. Импортёры, откровенно говоря, идея не из лучших, — продолжает он, коротко глянув на Лесли. — Есть тут фирма, «Белл, Баркер и Бенджамин», известная также как «Три Биз»... слышали о ней? И о ее пожизненном президенте, сэре Кеннете К. Куртиссе, гольфисте и преступнике, для друзей — Кеннете К.?

— В Африке все слышали о «Три Биз», — Джастин мгновенно перестраивается. Если сомневаешься — лги. — И, очевидно, о сэре Кеннете. Он — личность.

— Его любят?

— Я бы сказал, восхищаются. Ему принадлежит популярная кенийская футбольная команда. И он носит бейсболку козырьком назад, — добавляет Джастин с такой неприязнью, что полицейские смеются.

— Я могу только сказать, что «Три Биз» не откажешь в рвении, да только результат нулевой, — резюмирует Роб. — Служащие просто горят желанием помочь, но не помогают. «Нет проблем! К полудню вы все получите». Да только с того полудня прошла неделя.

— Боюсь, такое случается здесь повсеместно, — Джастин кисло улыбается. — Вы обращались в страховые компании?

— «Три Биз» среди прочего страхует и транспортные средства. А почему, собственно, нет? Если вы покупаете один из их автомобилей, страховой полис выдает «Фри тед пати». Однако и там нам особо не помогли. В розыске зеленого вездехода для сафари.

— Понятно, — кивает Джастин.

— Тесса никогда не брала их на прицел? — как бы между прочим спрашивает Роб. — «Три Биз»? Кенни К. сидит достаточно близко к трону Мои, а этого вполне хватало для того, чтобы вызвать ее гнев, не так ли? Были у нее претензии к «Три Биз»?

— Полагаю, что да, — с той же небрежностью отвечает Джастин. — Время от времени возникали.

— Возможно, поэтому мы и не можем получить никакой информации от «Три Биз». Как касательно загадочного вездехода, так и еще по двум-трем вопросам, напрямую с ним связанным. А ведь сфера их интересов очень широка, не правда ли? От сироба против кашля до реактивных самолетов бизнес-класса, сказали они нам, не так ли, Лес?

Джастин улыбается, но удерживается от желания продолжить тему, рассказать о заимствованной славе Наполеона, о подмеченном Тессой абсурдном совпадении с островом Эльба. Молчит и о том, что в тот вечер, когда привез Тессу из больницы, она прямо обвинила этих мерзавцев из «Три Биз» в убийстве Ванзы.

— Так вы утверждаете, что они не входили в черный список Тессы? — продолжает Роб. — Это тем более удивительно, учитывая, что говорят про них другие критики. «Железный кулак в железной перчатке», — так охарактеризовал их недавно один член

парламента, в связи с каким-то уже забытым скандалом. Не думаю, что ему организуют бесплатное сафари, не так ли, Лес? — Лес ответила, что бесплатного сафари ему не видать как своих ушей. — Кенни К. и его «Три Биз». Прямо-таки название рок-группы. Но Тесса, насколько вам известно, не объявляла им одну из своих fatwas [36]?

— Насколько мне известно, нет, — отвечает Джастин. Fatwa вызывает у него улыбку.

Роб, однако, продолжает тему:

— Причины-то были... Она и Арнольд сталкивались с, мягко говоря, неправильным использованием медикаментозных средств. Ее ведь интересовала медицина, не так ли? Интересует она и Кеннета К., когда он не играет в гольф с приближенными Мои и не летает по миру на своем «Гольфстриме», чтобы прикупить тройку-другую компаний.

— Да, конечно, — отвечает Джастин, но без малейшего интереса, не поощряя дальнейшего развития темы.

— Поэтому, если бы я сказал вам, что за последние недели Тесса и Арнольд неоднократно обращались в различные компании многоотраслевого холдинга «Три Биз», писали письма, звонили, встречались, вы бы ответили, что вам об этом ну совершенно ничего не известно. Это вопрос.

— Боюсь, что другого ответа у меня нет.

— Тесса завалила Кенни К. возмущенными письмами. С уведомлением о вручении или заказными. Звонила его секретарю трижды в день, постоянно посылала письма по электронной почте. Пыталась перехватить его у ворот поместья на озере Найваша и у входа в их новое административное здание, но охрана вовремя предупредила Кенни К. и он воспользовался служебным входом, к немалому удовольствию подчиненных. Все это для вас новости, помощи вам господи.

— С помощью господи или нет, для меня это новости.

— Однако вы, похоже, не удивлены.

— Не удивлен? Как странно. Я-то думал, что просто потрясен. Возможно, сказывается привычка сдерживать эмоции, — фыркает Джастин. Чем определенно застаёт полицейских врасплох. Оба вскидывают головы, словно собираясь отдать честь.

Но Джастину их реакция безразлична. У него и Вудроу причины для обмана разные. Если Вудроу старался все забыть, то Джастина со всех сторон осаждают обрывки воспоминаний: обрывки разговоров Тессы и Арнольда, к которым он давал зарок не прислушиваться, облепляют со всех сторон; ее раздражение, замаскированное молчанием, когда кто-то при ней упоминал Кенни К., скажем, говорил о его скором избрании в палату лордов (в «Мутайга-клуб» сие считали делом решенным) или о слиянии «Три Биз» с транснациональным конгломератом, превосходящим по размерам холдинг Кенни К. Он помнил о ее бойкоте продукции «Три Биз», ее антинаполеоновском крестовом походе, как Тесса иронически его называла: под страхом смерти слугам запрещалось покупать что-либо с тремя золотыми пчелками, от продуктов до стиральных порошков, а Джастину, когда они ехали вместе, заправлять автомобиль бензином и перекусывать в кафетериях, принадлежащих холдингу. И она всенепременно ругалась, если видела рекламный щит с украденной эмблемой Наполеона.

— Нам постоянно твердят о радикализме, Джастин, — сообщает ему Лесли, оторвавшись от своих заметок. — Тесса была радикалом? В Англии это синоним воинствующего бунтаря. «Если тебе что-то не нравится — разбомби», — такой у них лозунг. Тесса была не из этой когорты, не так ли? Арнольд тоже. Или наоборот?

Джастин отвечает предельно сухо.

— Тесса верила, что безответственная погоня корпораций за прибылью уничтожает всю планету, а особенно развивающиеся страны. Назвавшись инвестициями, западный капитал губит среду обитания, способствует возвышению клептократий. В своих действиях она исходила из этого. Радикальной в наши дни такую позицию не назовешь. Об этом же говорят в коридорах любой международной организации. Даже в моем комитете.

Он замолкает, вдруг вспомнив тушу Кенни К., отъезжающего от первой лунки поля для

гольфа «Мутайга-клуб» в компании Тома Донохью, престарелого главного шпиона посольства Великобритании.

— Она также полагала, что гуманитарная помощь странам «третьего мира» — та же эксплуатация, названная другим именем. «В плюсе — страны, которые ссужают деньги под проценты, местные африканские политики и чиновники, получающие громадные взятки, западные подрядчики и поставщики, наваривающие гигантскую прибыль. В минусе — простые люди, бедные и очень бедные. И дети, у которых не будет будущего», — добавляет он, цитируя Тессу и вспоминая Гарта.

— Вы в это верите? — спрашивает Лесли.

— Поздновато мне во что-то верить, — смиренно отвечает Джастин и какое-то время молчит, прежде чем продолжить, уже с вызовом: — Тесса была необычным человеком: адвокатом, верящим в справедливость.

— Почему они поехали на раскопки Лики? — спрашивает Лесли, переварив последнюю фразу.

— Может, у Арнольда там были какие-то дела. Лики из тех, кого действительно заботит благосостояние простых африканцев.

— Возможно, — соглашается Лесли, что-то записывая в блокнот с зеленой обложкой. — Она с ним встречалась?

— Насколько мне известно, нет.

— Арнольд?

— Понятия не имею. Полагаю, вам следует задать этот вопрос Лики.

— Мистер Лики никогда о них не слышал, пока не включил телевизор на прошлой неделе, — мрачно отвечает Лесли. — Мистер Лики в эти дни проводит большую часть своего времени в Найроби, пытаясь «отмыть» режим Мои, и ему очень непросто донести свои аргументы до Запада.

Роб смотрит на Лесли, должно быть, ждет команды. Та чуть заметно кивает. Он наклоняется к столу, пододвигает диктофон к Джастину: говори, мол, сюда.

— А что вы можете сказать о белой чуме? — сурово спрашивает он, словно обвиняя Джастина в распространении этой болезни. — Белая чума, — повторяет он, поскольку Джастин медлит с ответом. — Что это? Мы вас слушаем.

Лицо Джастина превращается в непроницаемую маску. Голос становится дипломатически бесстрастным. Ему есть о чем сказать, но он не считает нужным делиться тем, что ему известно.

— Белой чумой когда-то называли туберкулез, — отвечает он. — Дед Тессы умер от этой болезни. Ребенком она стала свидетелем его смерти. У Тессы была книга под таким названием, — он не добавляет, что книга эта лежала на ее ночном столике, пока он не переложил ее в саквояж «гладстон».

Теперь уже Лесли проявляет осторожность:

— По этой причине она проявляла особый интерес к туберкулезу?

— Насчет особого сказать не могу. Как вы и сами указали, работая в трущобах, она проявляла интерес ко многим медицинским проблемам. В том числе и к туберкулезу.

— Но, Джастин, если ее дед умер от туберкулеза...

— Тессе особенно претила сентиментальность, которой была овеяна эта болезнь в литературе, — чеканит Джастин. — Ките, Стивенсон, Колридж, Томас Манн... она говорила, что людям, которые находили что-то романтическое в туберкулезе, следовало посидеть у кровати ее деда.

Роб вновь взглядом консультируется с Лесли, получает согласие-кивок.

— Тогда вы, наверное, удивитесь, узнав о том, что в ходе несанкционированного обыска квартиры Арнольда Блюма мы нашли копию старого письма, которое он отправил главе маркетингового отдела «Три Биз», предупреждая о побочных эффектах нового быстродействующего противотуберкулезного препарата, который продвигала «Три Биз»?

Джастин отвечает без малейшей паузы. Новое, опасное, связанное с лекарствами

направление допроса активировало его дипломатические навыки.

— Почему я должен удивляться? НГО Блюма уделяло особое внимание лекарствам «третьего мира». Лекарства — это беда Африки. Если хоть что-то и говорит о безразличии Запада к страданиям Африки, так это отсутствие хороших лекарств и неприлично высокие цены, по которым фармакологические фирмы продают свой товар в последние тридцать лет... — на Тессу он не ссылается, но, по существу, цитирует ее. — Я уверен, что Арнольд отправил десятки таких писем.

— Копию этого он спрятал отдельно, — поясняет Роб. — Вместе с множеством технических данных, которые недоступны нашему пониманию.

— Что ж, будем надеяться, что вы сможете попросить Арнольда расшифровать их, когда он вернется, — отвечает Джастин, не пытаясь скрыть неудовольствия, которое вызвали полицейские, признавшись, что рылись в вещах Блюма и читали его корреспонденцию без разрешения хозяина.

Лесли берет инициативу на себя:

— У Тессы был лэптоп, не правда ли?

— Действительно, был.

— Какой фирмы?

— Название не помню. Маленький, серый, японский, это все, что я могу вам сказать.

Он лжет. Не слишком искусно. Он это знает, они — тоже. Судя по лицам, их отношение к нему меняется, атмосфера дружелюбия испаряется. Но не со стороны Джастина. Его упрямый отказ пойти им навстречу аккуратно скрыт ширмой дипломатической любезности. К этой схватке он готовился дни и ночи, втайне надеясь, что до нее так и не дойдет.

— Она держала лэптоп в своем кабинете, так? Вместе с доской для заметок, документами и материалами, связанными с ее работой.

— Если не брала с собой, да.

— Она использовала его, когда писала письма... готовила документы?

— Полагаю, что да.

— Для электронной почты?

— Постоянно.

— И делала с него распечатки?

— Иногда.

— Пять или шесть месяцев тому назад она подготовила большой документ, примерно восемнадцать страниц основного текста и приложений. Протестовала против злоупотреблений, то ли в медицине, то ли в фармакологии, а возможно, и там, и там. Расследование чего-то серьезного, творящегося здесь, в Кении. Она показывала вам этот документ?

— Нет.

— И вы не прочитали его сами, без ее ведома?

— Нет.

— Вы ничего о нем не знаете. Правильно мы вас поняли?

— Боюсь, что да, — извиняющаяся улыбка.

— Только мы вот гадаем, а не связан ли этот документ с величайшим преступлением, с которым она столкнулась?

— Я понимаю.

— И не имеет ли «Три Биз» отношения к этому преступлению.

— Такое всегда возможно.

— Но вам она документ не показывала? — настаивает Лесли.

— Как я уже и говорил вам несколько раз, Лесли, нет, — и чуть не добавляет: «милая дама».

— Но вы думаете, что документ этот мог как-то затрагивать «Три Биз».

— Увы, не имею ни малейшего представления.

Но он имеет. То было ужасное время. Время, когда он боялся, что может ее потерять.

Когда ее лицо каменело с каждым днем, а в юных глазах горело пламя фанатизма. Когда ночь за ночью она проводила у своего ноутбука, окруженная кипами исчерканной бумаги. Когда ела, не замечая, что кладет в рот, а потом мчалась наверх, даже не сказав спасибо. Когда скромные крестьяне из окрестных деревень входили в дом через дверь черного хода, сидели с ней на веранде, ели еду, которую приносил им Мустафа.

— Так она никогда не обсуждала с вами этот документ? — Лесли изображает изумление.

— Боюсь, никогда.

— А в вашем присутствии... скажем, с Арнольдом или Гитой?

— В последние месяцы Тесса и Арнольд держали Гиту на расстоянии вытянутой руки, я полагаю, для ее же блага. Что же касается меня, думаю, они мне просто не доверяли. Они полагали, что при возникновении конфликта интересов я прежде всего сохраню верность королеве.

— И вы сохранили бы?

«Ни в коем разе», — думает он. Но ответ дает двусмысленный, чего они от него и ждут.

— Поскольку я не знаком с упомянутым вами документом, к сожалению, это вопрос, на который я не могу ответить.

— Документ могли распечатать с ее ноутбука, так? Этот восемнадцатистраничный документ, даже если она его вам и не показывала.

— Почему нет? Или с компьютера Блюма. Или какого-то другого.

— И где он сейчас... ноутбук? В эту самую минуту? Лицо остается непроницаемым. Вудроу мог у него поучиться.

Ни лишнего жеста, ни дрожи в голосе, ни паузы перед ответом.

— Я искал ноутбук в списке ее вещей, представленном полицией Кении, но он и кое-что еще, как это ни печально, исчез.

— В Локи никто не видел ее с ноутбуком, — говорит Лесли.

— Но едва ли они просматривали ее багаж.

— В «Оазисе» никто не видел у нее ноутбук. Она взяла его с собой, когда вы повезли ее в аэропорт?

— У нее был рюкзак, который она всегда берет в экспедиции. Он тоже исчез. И дорожная сумка, в которой мог лежать ноутбук. Иногда она его туда клала. Кения — не та страна, где женщина, путешествующая одна, может выставлять напоказ дорогую электронику.

— Но она путешествовала не одна, не так ли? — напоминает ему Роб после долгой паузы, такой долгой, словно все трое поставили задачу выяснить, у кого первого сдадут нервы.

— Джастин, — добавляет Лесли, не дожидаясь его ответа, — что вы увезли с собой, когда во вторник утром побывали с Вудроу в своем доме?

Джастин вроде бы роется в памяти, составляя список.

— Э... личные бумаги... частную корреспонденцию, имеющую отношение с семейному фонду Тессы... несколько рубашек, носки... темный костюм для похорон... несколько безделушек, напоминающих о Тессе... пару галстуков.

— Больше ничего?

— Ничего такого, что моментально приходит на ум. Нет.

— А из того, что не приходит? — спрашивает Роб. Джастин улыбается и молчит.

— Мы говорили с Мустафой, — сообщает ему Лесли. — Мы спросили его: «Мустафа, где ноутбук мисс Тессы?» Он дал нам противоречивые ответы. Сначала сказал, что она взяла его с собой. Потом — нет. Наконец — его украли журналисты. Кто его точно не брал, так это вы. Мы подумали, что он пытался вас прикрыть, да только получилось у него не очень.

— Боюсь, так случается всегда, если слишком напирать на слуг.

— Мы на него не напирали, — в голос Лесли так и врываются злые нотки. — Мы спросили его о ее доске для заметок. Почему на ней полно булавок и дыр от булавок, но нет

ни одной бумажки. Он сказал, что навел порядок. Сам, без чьей-либо помощи. На английском он не читает, ему не дозволено притрагиваться к ее вещам и к чему-либо в комнате, но он навел порядок на доске для записок. И что он сделал с листочками, спросили мы. Сжег, ответил он. Кто велел ему их сжечь? Никто. Кто велел навести порядок на доске для записок? Никто. И уж, во всяком случае, не мистер Джастин. Мы думаем, что он и тут прикрывал вас, в меру своих способностей. Мы думаем, что все листочки с доски взяли вы — не Мустафа. Мы думаем, он прикрывает вас и с ноутбуком.

Джастин вновь изобразил полную безмятежность, проклятие и достоинство избранной им профессии.

— Боюсь, вы не учитываете наши культурные различия, Лесли. Гораздо более вероятное объяснение — лэптоп отправился с ней на озеро Туркана.

— Вместе с листочками, которые она крепила к доске? Я так не думаю, Джастин. Во время визита домой вы не брали дискеты?

И тут на мгновение, только на мгновение, Джастин сбрасывает маску. С одной стороны, продолжает все отрицать, с другой — не меньше следователей озабочен получением ответов.

— Нет, но, признаюсь, я их искал. На них хранилась значительная часть юридической переписки. Она постоянно переписывалась со своим адвокатом по электронной почте.

— И вы их не нашли.

— Они всегда лежали на ее столе, — протестует Джастин, демонстрируя стремление помочь в разрешении возникших проблем. — В красивой лакированной шкатулке, подаренной тем самым адвокатом на прошлое Рождество. Они не только кузены, но и давние друзья. Шкатулка с надписью на китайском. Тесса попросила перевести надпись китайца, работающего в одном из агентств гуманитарной помощи. К ее радости, надпись за что-то клеймила проклятый Запад. Я могу только предположить, что шкатулка разделила судьбу лэптопа. Может, она увезла в Локи и дискеты.

— Но зачем? — голос Лесли переполнен скептицизмом.

— Я не владею информационными технологиями. Следовало бы, но не владею. В полицейском списке дискет тоже нет, — добавляет он, рассчитывая на их помощь.

Роб откликается.

— То, что хранилось на дискетах, наверняка есть и в ноутбуке. Если только она не стирала с жесткого диска все перенесенные на дискеты файлы. Но обычно этого никто не делает.

— Как я вам уже говорил, Тесса придавала секретности первостепенное значение. Вновь долгая пауза.

— Так где сейчас ее бумаги? — грубо спрашивает Роб.

— На пути в Лондон.

— В мешке с дипломатической почтой?

— Я отправил их, как считал нужным. Форин-оффис всегда готов помочь своим сотрудникам.

Возможно, воспоминания о допросе Вудроу заставляют Лесли в крайнем раздражении сдвинуться на краешек стула.

— Джастин.

— Да, Лесли.

— Тесса проводила какое-то расследование. Так? Забудьте про дискеты. Забудьте про лэптоп. Где ее бумаги... все ее бумаги... в этот самый момент? — желает знать она. — И где листочки с доски?

Укрывшись за дипломатической маской, Джастин хмурится, показывая, что всеми силами старается помочь, пусть она и ведет себя неразумно.

— Среди моих вещей, без всяких сомнений. Если вы спросите, в каком именно чемодане, я скорее всего затруднюсь с ответом.

Лесли ждет, пока дыхание придет в норму.

— Мы бы хотели, чтобы вы открыли нам все свои чемоданы, пожалуйста. Мы бы

хотели, чтобы вы отвели нас вниз и показали все, что вы взяли из вашего дома во вторник утром.

Она встает. Роб следует ее примеру, даже отходит к двери, готовый открыть ее. Джастин сидит.

— Боюсь, это невозможно.

— Почему? — рывкает Лесли.

— По той же причине, которая заставила меня взять бумаги. Они — личные и не предназначены для чужих глаз. Я не собираюсь показывать бумаги вам или кому-то еще, пока не получу возможности прочитать их сам. Лесли багровеет.

— Если б мы были в Англии, я бы уже вручила вам ордер на обыск.

— Но мы не в Англии, увы. У вас нет ордера, и здешняя территория не подпадает под вашу юрисдикцию. Лесли пропускает его слова мимо ушей.

— В Англии я бы перерыла этот дом с подвала до чердака. И конфисковала бы каждую безделушку, каждый клочок бумаги, каждую дискету, которые вы унесли из кабинета Тессы. И лэптоп.

— Но вы уже обыскали мой дом, Лесли, — спокойно замечает Джастин, не поднимаясь со стула. — Я не думаю, что Вудроу понравился бы обыск в его доме, не так ли? И я определенно не разрешу вам проделать со мной то, что вы проделали с Арнольдом без его согласия.

Лесли, красная, злая, не сводит с него глаз. Роб, очень бледный, смотрит на свои сжатые кулаки.

— Насчет этого поговорим завтра, — уходя, зловеще бросает Лесли.

Но завтра не приходит. Вернее, не реализуется ее обещание вернуться и поговорить. Всю ночь и утро Джастин сидит на краю кровати, ожидая появления Лесли и Роба с ордерами на обыск и когортой местных полицейских, которые и будут выполнять за них всю грязную работу. Так же, как в прошлые дни, думает о том, что ему делать, куда что спрятать. Потолок, пол, стены: куда? Привлечь Глорию? Пустой номер. Мустафу и слугу Глории? То же самое. Использовать Гиту? Но Лесли и Роб так и не появляются. Зато звонит Милдрен, чтобы сообщить, что они срочно понадобились в другом месте. А вот об Арнольде ничего нового сказать не может. Потом подходит черед похорон, а полицейские все заняты где-то еще. Во всяком случае, на кладбище, среди друзей, пришедших проводить Тессу в последний путь, Джастин их не видит.

Самолет влетел в предрассветный сумрак. За иллюминатором Джастин уже мог различить застывшие под крылом облака. Вокруг, укрытые одеялами-саванами, в неестественных позах мертвых спали пассажиры. Одна женщина вскинула руку, словно кому-то махала ею, когда ее застрелили. Мужчина распахнул рот в молчаливом крике, положив мертвую руку на сердце. Джастин, бодрствующий в полном одиночестве, повернулся к иллюминатору. Его лицо плыло в нем рядом с лицом Тессы, как маски когда-то знакомых ему людей.

Глава 9

Это же чертовски отвратительно! — воскликнул лысеющий мужчина в необъятном коричневом пальто, оттеснив Джастина от багажной тележки и заключив в медвежьи объятия. — Это абсолютно мерзко, ужасно несправедливо и чертовски отвратительно. Сначала Гарт, потом Тесс.

— Спасибо тебе, Хэм, — Джастин тоже попытался обнять его, с учетом того, что едва мог шевельнуть руками. — И спасибо, что встретил меня в столь неудобное время. Нет, это я возьму сам. Ты носи чемодан.

— Я бы прилетел на похороны, если бы ты мне позволил! Господи, Джастин!

— Я решил, что здесь ты принесешь больше пользы, — мягко ответил Джастин.

— Костюм у тебя теплый? После солнечной Африки здесь прохладно, не так ли?

Артур Луиджи Хэммонд был единственным старшим партнером юридической фирмы «Хэммонд и Манцини» с регистрацией в Лондоне и Турине. Отец Хэма учился с отцом Тессы в юридической школе Оксфорда, а потом в юридической школе Милана. Одновременно, под высокими сводами туринской церкви, они обвенчались с двумя итальянскими аристократками, сестрами, писаными красавицами. У одной родилась Тесса, у второй, чуть ли не в тот же день — Хэм. Дети проводили каникулы на острове Эльба, катались на лыжах в Кортине [37] и, фактически брат и сестра, вместе окончили университет, Хэм — членом сборной команды по регби Оксфорда и с трудом добытой степенью бакалавра с отличием третьего класса, Тесса — первого. После смерти родителей Тессы Хэм отвел себе роль мудрого дядюшки, управлял доверительным семейным фондом, отдавая предпочтение исключительно консервативным инвестициям, пусть они и приносили минимальный доход, всюду использовал авторитет своей преждевременно полысевшей головы, подавляя излишние порывы щедрости своей кузины, и забывал при этом брать вознаграждение за оказанные услуги. Поблескивающие глаза и толстые щеки этого крупного, розового, цветущего мужчины пребывали в постоянном движении, мгновенно переходя от радости к грусти и обратно. Тесса, бывало, говорила, что играть с Хэмом в карты одно удовольствие. По широте улыбки сразу становилось понятно, что у него на руках.

— Почему бы тебе не положить саквояж в багажник? — прогремел Хэм, когда они втиснулись в его маленький автомобильчик. — Ладно, тогда ставь на пол. Что у тебя в нем? Героин?

— Кокаин, — ответил Джастин, ненавязчиво оглядывая припаркованные автомобили. На паспортном контроле две женщины с подчеркнутым безразличием пропустили его. В багажном отделении двое мужчин со скучающими лицами интересовались кем угодно, но только не Джастином. За три машины от них мужчина и женщина застыли на первом сиденье бежевого «Форда», склонив головы вроде бы над картой. «В цивилизованной стране не скажешь, кто есть кто, — любил говорить инструктор курса основ безопасности при работе в зарубежных странах. — Наиболее оптимальный вариант — исходить из того, что шпионы всегда рядом».

— Можем ехать? — спросил Хэм, пристегнувшись.

Англия, как всегда, восхитила Джастина. Низкие лучи утреннего солнца скользили по схваченной морозцем сассекской пашне. Хэм вел машину в привычной ему манере, на скорости шестьдесят пять миль в час при разрешенных семидесяти, пристроившись в десяти ярдах за дымком выхлопа грузовика.

— Мэг шлет тебе наилучшие пожелания, — пробурчал Хэм, упомянув о своей беременной жене. — Раздувается, как пузырь. Я тоже. Скоро лопну, если не возьмусь за ум.

— Мне очень жаль, что так вышло, Хэм, — вздохнул Джастин, понимая, что тот скорбит о Тессе ничуть не меньше, чем он сам.

— Мне очень хочется, чтобы они нашли этого говнюка, вот и все! — взорвался Хэм несколько минут спустя. — А вздернув его, покидали в Темзу этих мерзавцев с Флит-стрит. Они того заслуживают. Мэг сейчас у ее чертовой матери, — добавил он.

Какое-то время они ехали молча, Хэм смотрел на выхлоп едущего впереди грузовика, Джастин — на незнакомую страну, интересы которой он представлял половину своей жизни. Бежевый «Форд» обогнал их, его заменил мотоциклист в черной коже. «В цивилизованной стране не скажешь, кто есть кто».

— Ты, между прочим, богат, — сообщил Хэм, когда поля уступили место окраинам. — Не то чтобы ты и раньше нуждался в деньгах, но теперь ты в них просто купаешься. Наследство ее отца, ее матери, семейный фонд, все твое. Плюс ты — единственное доверенное лицо, ведающее ее благотворительными программами. Она сказала, ты знаешь, что с ними надо делать.

— Сказала когда?

— За месяц до того, как потеряла ребенка. Хотела уладить все дела, на случай, если умрет в родах. А что мне оставалось, скажи на милость? — воскликнул Хэм, приняв

молчание Джастина за упрек. — Она была моей клиенткой, Джастин. Я — ее адвокатом. Мне следовало отговорить ее? Позвонить тебе?

Не отрывая глаз от бокового зеркала, Джастин нашел успокаивающие слова.

— И Блюм — второй чертов душеприказчик, — голос Хэма звенел от негодования. — Скорее палач.

Юридическая фирма господ Хэммонда и Манчини располагалась в перегородженном металлическими воротами тупике, звался он Эли-Плейс, на двух верхних этажах одного из зданий. Их встретили забранные деревянными панелями стены с портретами умерших знаменитостей. Через два часа помещения фирмы наполнял бы негромкий гул голосов клерков, говорящих на двух языках, но в семь утра на Эли-Плейс царили тишина и покой. Лишь с десяток автомобилей стояли у тротуара да горела лампада в часовне Святой Этелдреды. Сгибаясь под тяжестью чемоданов, мужчины поднялись сначала на пятый этаж, где находился кабинет Хэма, потом на шестой, в его монастырскую квартиру-мансарду. В крошечной гостиной-столовой-кухне висела фотография куда более стройного Хэма, забивающего гол под рев трибун. В миниатюрной спальне, куда Джастин прошел, чтобы переодеться, фотография Хэма и его невесты Мэг, разрезающих трехъярусный свадебный торт под фанфары итальянских музыкантов в трико. А в совсем уж маленькой ванной, где Джастин принял душ, — написанная маслом картина с родовым домом Хэма в холодной Нортумбрии [38] на первом плане.

— Ветром с северного крыла снесло чертову крышу! — прокричал Хэм через кухонную стену, разбивая яйца и гремя сковородками. — С печными трубами, черепицей, флюгером, все подчистую. Мэг, к счастью, была у Розанн. Окажись она в огороде, ее бы раздавило.

Джастин включил горячую воду, отдернул руку, прямо-таки кипятком, добавил холодной воды.

— Только этого еще и не хватало.

— Она прислала мне эту экстраординарную маленькую книжицу на Рождество, — голос Хэма перекрыл шкварчание жарящегося бекона. — Не Мэг. Тесс. Она тебе показывала? Маленькую книжицу, которую прислала мне? На Рождество?

— Нет, Хэм. Насколько я помню, нет... — Не обнаружив шампуня, он воспользовался мылом.

— Какого-то индийского мистика. Рахми Какипуки. Ничего не напоминает? Фамилию я сейчас вспомню.

— Боюсь, что нет.

— Насчет того, что мы должны любить друг друга без преданности. Мне кажется, что все это чушь.

Ослепленный мылом, Джастин пробурчал что-то сочувственное.

— «Свобода, любовь и действие», так она называлась. Черт, чего она хотела от меня с этими свободой, любовью и действием? Я, в конце концов, женат. Вот-вот стану отцом. Плюс я — католик. Тесс тоже была католичкой, пока не открестилась от церкви. И напрасно.

— Думаю, она хотела бы, чтобы я поблагодарил тебя за все то, что ты для нее сделал, — сменил тему Джастин, стараясь, чтобы в голосе не слышалось заинтересованности.

С другой стороны стены что-то стукнуло, зашипело, запахло горелым.

— Ты насчет чего? — крикнул в ответ Хэм. — Вроде бы тебе не полагалось знать о том, что я для нее что-то делал. Согласно Тесс, все мои действия проходили под грифом «особой важности». «Джастину об этом знать не нужно». Фраза эта присутствовала в каждом письме, которое я получал по электронной почте.

Джастин нашел полотенце, начал вытирать волосы.

— Я не знал, что именно ты делаешь, Хэм, — объяснил он с подчеркнутой небрежностью. — Чего она от тебя хотела? Взорвать парламент? Отравить водопровод? — Молчание по другую сторону стены. Хэм слишком увлекся готовкой. Джастин потянулся за чистой рубашкой. — Только не говори мне, что она просила тебя раздавать листовки с требованием списания долгов странам «третьего мира».

— Чертовы регистрационные документы компаний, — услышал он. После очередного грохота сковородок. — Тебе два яйца или одно? Куры у нас свои.

— Одного хватит, благодарю. Какие документы?

— Они интересовали ее, как ничто другое. Стоило ей прийти к выводу, что я маюсь бездельем, и она отправляла мне очередное письмо насчет регистрационных документов. — Грохот сковородок. — Она жульничала, когда играла в теннис, знаешь ли. В Турине. Да, да. Нам противостояли очень серьезные противники. Так она врала, как могла. Попадание в линию, она — аут. Попадание на ярд в площадку, она — аут. «Я — итальянка, — сказала она мне. — Мне можно». «Никакая ты не итальянка, — ответил я ей. — Ты — англичанка до мозга костей, как и я». Уж не знаю, что бы я сделал, если б мы выиграли. Наверное, отдал бы приз. Нет, не отдал бы. Она бы меня убила. О господи. Извини.

Джастин вышел в гостиную, чтобы занять место перед яичницей с беконом, не слишком аппетитного вида, сосисками, гренками и помидорами. Хэм стоял, прижав руку ко рту, кляня себя за не к месту вырвавшееся слово.

— Каких компаний, Хэм? Не смотри на меня так. Ты отобьешь у меня аппетит.

— Владельцы, — ответил Хэм сквозь пальцы и сел напротив Джастина. — Ее интересовали владельцы. Кому принадлежали две маленькие паршивые компании на острове Мэн. Кто-нибудь звал ее Тесс, не знаешь? — спросил он. Потом добавил: — Кроме меня?

— В моем присутствии — нет. И в ее, несомненно, тоже. Право так называть ее принадлежало только тебе.

— Ужасно ее любил, знаешь ли.

— И она любила тебя. Что за компании?

— Интеллектуальная собственность. У нас с ней никогда ничего не было, будь уверен. Мы были слишком близки.

— На случай, что ты сомневаешься, то же можно сказать про Блюма.

— Ты серьезно?

— И он ее не убивал. Он такой же убийца, как ты или я.

— Ты уверен?

— Уверен. Хэм просиял.

— А вот у Мэг такой уверенности не было. Не знала она Тесс так хорошо, как я. Удивительный человек. Второго такого не сыскать. «У Тесс были приятели, — говорил я ей. — Друзья. О сексе речь не шла». Я передам ей то, что ты мне рассказал, если ты не возражаешь. Чтобы подбодрить ее. Вся эта грязь в прессе расстроит кого угодно.

— Где зарегистрированы эти компании? Как называются? Ты помнишь?

— Разумеется, помню. Как не помнить, если Тесс доставала меня с ними каждый божий день.

Хэм разлил чай. Чайник он держал двумя руками, одной за ручку, второй — за крышку, чтобы не упала. Наполнив чашки, сел, не выпуская чайник из рук, наклонил голову, словно изготовился к рывку через все поле.

— Хорошо, — в голосе звучали агрессивные нотки, — назови мне, в какой области работают самые засекреченные, самые двуличные, самые загребушие, самые лицемерные компании, с которыми мне, к моему несчастью, приходится сталкиваться?

— В военно-промышленном комплексе, — без запинки предположил Джастин.

— Нет. В фармакологии. Бьют ВПК по всем статьям. Теперь я это точно знаю. Готов дать голову на отсечение. «Лорфарма» и «Фармабир».

— Как?

— Речь идет о каком-то лекарстве. «Лорфарма» открыла молекулу, а «Фармабир» владеет процессом. Хотелось бы знать почему. И откуда они взяли такие названия.

— Каким процессом?

— Производства этой самой молекулы, каким же еще?

— Какой молекулы?

— Бог знает. Та же юриспруденция, только хуже. Слова, которых я никогда не видел

раньше и надеюсь не увидеть вновь. В этой науке черт ногу сломит.

После завтрака они спустились вниз и поставили «гладстон» в сейф Хэма, размером с небольшую комнату, примыкающую к его кабинету. Хэм набрал комбинацию на замке, открыл стальную дверь. В сейф Джастин вошел один. Опустил саквояж на пол рядом с обитыми кожей сундуками, формой похожими на коробки для шляп, с вытесненным на крышках названием туринской фирмы.

— И это было только начало, уверяю тебя, — мрачно предупредил Хэм. — Пробежка вокруг поля перед игрой. Потом потребовались фамилии директоров всех компаний, принадлежащих господам Карелу, Вита и Хадсону, с регистрацией в Ванкувере, Сиэтле, Базеле плюс в каждом городе от Ошкоша до Ист-Пиннера. Или «Что можно сказать о широко циркулирующих слухах о скором коллапсе почтенного и уважаемого холдинга „Боллз, Бирмингем и Бамфлафф, лимитед“, или как его там, он же „Три Биз“, возглавляемого пожизненным президентом и повелителем вселенной, неким Кеннетом К. Куртиссом, рыцарем?» Оставалось только гадать, иссякнут ли на этом ее вопросы. Не иссякли. Я сказал ей, чтобы она взяла все, что ее интересует, из Интернета, но она заявила, что половина этой информации засекречена или по крайней мере не афишируется. Я ей сказал: «Тесс, дорогая, ради бога, у меня на это уйдут недели. Милая моя, месяцы». Думаешь, ее это проняло? Черта с два. Так уж она была устроена, Тесс. Если б она сказала, я бы выпрыгнул из самолета без парашюта.

— И что ты выяснил? Хэм уже сиял от гордости.

— «KBX Ванкувер и Базель» владеют 51 процентом акций этих паршивых биотехнологических компаний с острова Мэн, «Лор-херли» и «Фарма-жопа». «Три Биз Найроби» принадлежат эксклюзивные права на импорт и продажу этой самой молекулы плюс всех ее производных на африканском континенте.

— Хэм, ты просто чудо!

— «Лорфарма» и «Фармабир» принадлежит одной и той же банде троих. Или принадлежали, пока они не продали пятьдесят один процент акций. Один парень, две телки. Фамилия парня — Лорбир. Лор плюс Вир плюс Фарма и дают тебе «Лорфарму» и «Фармабир». Женщины — врачи. Переписка через швейцарского гнома, который живет в почтовом ящике в Лихтенштейне.

— Фамилии?

— Лара Какая-то. В записях есть. Лара Эмрих. Вспомнил.

— А вторая?

— Забыл. Нет, не забыл. Ковач. Имени нет. А вот Лара — мое любимое. Из песни. Как она мне нравилась. Из «Живаго». Тессе тогда тоже нравилась эта песня. Черт! — Пауза, Хэм сморкался и вытирал глаза. Джастин ждал.

— И что ты сделал с этими сведениями, когда добыл их, Хэм? — тактично полюбопытствовал Джастин.

— Зачитал ей по телефону в Найроби. Она так радовалась. Назвала меня героем... — Он замолчал, встревоженный выражением лица Джастина. — Не по твоему телефону, идиот. Она говорила из дома кого-то из ее друзей. «Ты должен пойти в телефон-автомат, Хэм, и оттуда позвонить мне по следующему номеру. Ручка есть?» Привычка командовать у нее в крови. И к телефонным разговорам она относилась очень уж подозрительно. Иногда мне казалось, что у нее паранойя. Однако даже у параноиков бывают настоящие враги, не так ли?

— У Тессы были, — согласился Джастин, и Хэм как-то странно посмотрел на него.

— Ты же не думаешь, что из-за этого все и случилось? — понизив голос, спросил он.

— Ты о чем?

— Из-за того, что Тесс прихватила за одно место этих фармакологов?

— Это можно предположить.

— Но... я хочу сказать... Господи... ты же не думаешь... что они заткнули ей рот, не так ли? Я, конечно, знаю, что они — не бойскауты.

— Я уверен, что все они — убежденные филантропы, Хэм. Готовы отдать свой

последний миллион. Долгое, очень долгое молчание нарушил Хэм:

— Мать божья. Господи Иисусе. Да, тут нельзя дергаться.

— Совершенно верно.

— Я ей все это устроил своим звонком в Найроби?

— Нет, Хэм. Ради нее ты отдал бы и руку, и ногу, и она любила тебя.

— Да. Господи Иисусе. Могу я что-нибудь сделать?

— Да. Добудь мне коробку. Подойдет даже картонная. Найдется у тебя такая?

Довольный тем, что есть чем заняться, Хэм ушел и вскоре вернулся с пластмассовым ящиком. Присев на корточки рядом с «гладстоном», Джастин открыл замки, растянул ремни и, спиной прикрывая саквояж от Хэма, переложил его содержимое в пластиковый ящик.

— А теперь, если тебя не затруднит, принеси мне документы по наследству Манцини. Старые и ненужные. Которые ты хранишь, но никогда в них не заглядываешь. Ровно столько, чтобы заполнить саквояж.

Хэм принес документы, старые и затертые, как и хотелось Джастину. И наблюдал, как тот затягивает ремни, закрывает замки. Потом из окна наблюдал, как Джастин выходит из тупика, с саквояжем в руке, останавливает такси.

— Мать божья! — только и выдохнул Хэм, когда такси скрылось из виду.

— Доброе утро, мистер Куэйл, сэр. Позвольте взять ваш саквояж, сэр? Я должен просветить его рентгеновскими лучами, если вы не возражаете. Новые правила. В ваши дни такого не бывало, не так ли? Или при вашем отце. Благодарю вас, сэр. И вот ваш пропуск, прошу на борт, как раньше говорили, — голос становится тише и мягче. — Мы очень сожалеем, сэр. Мы все потрясены.

— Доброе утро, сэр! Рады вновь видеть вас с нами, — вновь голос становится тише и мягче. — Глубокие соболезнования, сэр. От жены тоже.

— Наши глубочайшие соболезнования, мистер Куэйл, — еще голос, обдавший ухо пивными парами. — Мисс Лендс-бюри просит пройти к ней, сэр. Добро пожаловать домой, сэр.

Но Форин-оффис более не дом. Его нелепый холл, построенный с тем, чтобы вселить ужас в сердца индийских царьков, теперь словно расписывается в собственном бессилии. Портреты надменных пиратов в пудренных париках больше не встречают его улыбкой старых знакомцев.

— Джастин. Я — Элисон. Мы не встречались. Как жаль, ужасно жаль, что поводом стало такое трагическое событие. Как вы? — Элисон Лендсбюри появилась в высоких, в двенадцать футов, дверях своего кабинета, сжала его правую руку своими, чуть тряхнула, отпустила. — Мы очень, очень огорчены, Джастин. Расстроены до предела. А вы такой мужественный. Так быстро приехали. Неужели вы действительно пришли в себя? Я даже представить такого не могу.

— Меня интересовало, нет ли новостей об Арнольде.

— Арнольде?... А, загадочном мистере Блюме. К сожалению, ничего нет. Мы должны опасаться самого худшего, — объяснять, что подразумевалось под худшим, она не стала. — Однако он — не британский гражданин, не так ли? — голос повеселел. — Мы должны позволить нашим добрым бельгийцам приглядывать за своими согражданами.

Кабинет Элисон производил впечатление. Высоченные, в два этажа, потолки, золоченые фризы, черные, со времен войны, батареи центрального отопления, балкон с видом на закрытый для посторонних глаз сад. У стола два кресла, на одно Элисон положила свой кардиган, чтобы Джастин по ошибке не занял его. Термос с кофе позволял им не прерывать беседу, если кому-то вдруг захочется пить. И у Джастина создалось ощущение, что из кабинета Элисон только что вышли другие люди. Четыре года посол в Брюсселе, три — советник по оборонным проблемам в Вашингтоне, вспоминал он. Еще три в Лондоне — представитель Форин-оффис в Объединенном разведывательном комитете. Назначена начальником Управления по кадрам шесть месяцев тому назад. Дала знать о себе дважды. Одно письмо с просьбой обрезать Тессе крылышки — проигнорировано. Один факс,

запрещающий ему посещение собственного дома, — опоздал. Он попытался представить себе, а в каком доме живет Элисон, и поселил ее в особняке из красного кирпича неподалеку от «Харродза», откуда по уик-эндам удобно добираться до бридж-клуба. Пятидесяти шести лет от роду, худощавая, она, в память о Тессе, оделась в черное. На среднем пальце левой руки Джастин заметил мужской перстень с печаткой. Предположил, что принадлежал перстень ее отцу. Фотография на стене запечатлела Элисон в начале игры на «Мур-парк» [39]. На другой, по разумению Джастина ее давно следовало снять, Элисон пожимала руку Гельмуту Колю. «Скоро тебя наградят орденом Британской империи, ты станешь дейм Элисон и отправишься руководить женским колледжем», — подумал он.

— Я провела все утро, думая, о чем мне не следует с вами говорить, — начала она громовым голосом, чтобы каждое слово долетело до тех, кому нашлось место только у дальней стены. — И о том, в чем мы на данный момент просто не сможем прийти к общему знаменателю. Я не собиралась спрашивать, каким вы видите собственное будущее. Или говорить, каким его видим мы. Для этого мы все еще слишком расстроены, — чувствовалось, что ей нравится себя слушать. — Между прочим, я — что бисквит «мадера» [40]. Не ищите многослойности ни во мне, ни в моих словах. Я одинаковая, как меня ни режь.

Перед ней на столе стоял лэптоп, совсем как у Тессы. Говоря, она тыкала в экран серой палочкой, загнутой на конце, словно тамбурный крючок.

— Но кое-что я должна вам сказать, и скажу незамедлительно. — Тычок. — Ага. Во-первых, у вас бессрочный отпуск по болезни. Пока бессрочный, потому что решение остается за врачами. По болезни, потому что у вас серьезная травма, ощущаете вы это или нет. — Тычок. — Мы покажем вас специалистам, а далее будем действовать в соответствии с их выводами, — грустная улыбка и тычок. — Доктор Шэнд. Эмили в приемной даст вам координаты доктора Шэнд. Ориентировочно вам назначено на завтра, в одиннадцать утра, но, если есть такая необходимость, вы можете договориться на другое время. Она принимает на Харли-стрит [41], где же еще? Вас не смущает, что она — женщина?

— Отнюдь, — любезно ответил Джастин.

— Где вы остановитесь?

— В нашем доме. Моем доме. В Челси. Скорее всего. Она нахмурилась.

— Но это не фамильный дом?

— Дом семьи Тессы.

— Ага. Но у вашего отца дом на Лорд-Нот-стрит. Как я помню, очень красивый.

— Он продал его незадолго до смерти.

— Вы собираетесь жить в Челси?

— На текущий момент.

— Тогда оставьте Эмили координаты этого дома, пожалуйста.

Элисон вновь уставилась в экран. Читает она с него или что-то в нем прячет?

— Встреча с доктором Шэнд не разовая, вы пройдете у нее полный курс. Она консультирует как индивидуально, так и в группе. И поощряет общение пациентов с одинаковыми проблемами. Насколько, разумеется, допускает режим секретности. — Тычок. — А если вы предпочитаете священника, вместо или параллельно, у нас есть представители всех конфессий, так что вы только скажите. Наше мнение — ни от чего нельзя отказываться, если не будет допущена утечка информации. Если доктор Шэнд вам не подойдет, приходите, и мы подберем кого-нибудь еще.

«Скорее всего у вас есть специалист и по иглоукаливанию», — подумал Джастин. Но занимал его совсем другой вопрос: почему она предлагает ему проверенных службой безопасности духовников, когда у него нет секретов, которыми он мог бы поделиться с ними на исповеди.

— Ага. Нужно вам убежище, Джастин? — Тычок.

— Простите?

— Тихий домик, — упор на «тихий». — Где вам никто не будет докучать, пока не сойдет на нет весь этот шум. Где вам будет гарантирована полная анонимность, вы сможете

восстановить душевный покой, будете много гулять, приезжать к нам в Лондон, когда у вас или у нас возникнет такая необходимость. Таково наше предложение. В вашем случае не бесплатное, но большую часть расходов возьмет на себя ПЕВ [42]. Переговорите с доктором Шэнд, прежде чем принимать решение.

— Если вам это угодно.

— Да. — Тычок. — Вы подверглись публичному унижению. Как это на вас отразилось?

— Боюсь, в последнее время я не бывал на публике. Вы же меня и спрятали, не так ли?

— Все равно вы страдали. Никому не нравится, чтобы его изображали в роли обманутого мужа, никто не любит, чтобы пресса выставляла напоказ его сексуальную жизнь. Но к нам ненависти вы не испытываете. Не чувствуете злости, негодования. Не собираетесь мстить. Вы это переживете. Разумеется, переживете. Вы — человек старой школы.

Не зная, вопрос это, жалоба или просто утверждение, Джастин промолчал, сосредоточив внимание на нежно-розовой бегонии, горшок с которой поставили слишком близко к батарее военных времен.

— Я получила служебную записку из финансового управления. Хотите знать, что в ней, или вам сейчас не до этого? — Но все равно сказала: — Вы продолжаете получать полное жалованье. Пособие на жену, к сожалению, снято с того самого дня, как вы перешли в разряд одиноких. Эти вопросы приходится решать, Джастин, и, по моему опыту, лучше разбираться с ними сразу. Разумеется, вы получаете пособие в связи с возвращением в Англию, но тоже только на одного. Джастин, этого достаточно?

— Достаточно денег?

— Достаточно информации для того, чтобы вы могли ее переварить?

— А что? Есть и другая информация?

Она положила палочку, оторвалась от ноутбука, пристально посмотрела на него. Однажды, в далеком прошлом, Джастину хватило безрассудства пожаловаться на что-то в одном из больших универмагов на Пиккадилли, и его одарили таким вот суровым менеджерским взглядом.

— Есть, Джастин. Есть. Мы сидим как на иголках. С Блюмом еще ничего не ясно, и пресса будет мусолить эту историю, пока не выдоит ее досуха. У вас сегодня ленч с Пеллегрином.

— Знаю.

— Он очень хороший человек. Вы проявили мужество, Джастин, вы не согнулись под ударом, и это не осталось незамеченным. Я уверена, вы выдержали ужасное напряжение. Не только после смерти Тессы, но и до. Нам следовало проявить твердость и вернуть вас обоих домой, пока еще была такая возможность. В перспективе долготерпение выходит боком, к сожалению. — Тычок, неодобрительный взгляд на дисплей. — Вы не давали никаких интервью прессе, не так ли? Не говорили с ними вообще?

— Только с полицией.

Она пропустила шпильку мимо ушей.

— Продолжайте в том же духе. Не говорите даже: «Без комментариев». В вашем состоянии вы имеете полное право сразу же класть трубку на рычаг.

— Я уверен, что это не составит труда. Тычок. Пауза. Изучающий взгляд на дисплей. На Джастина. Вновь на дисплей.

— И у вас нет бумаг или материалов, которые принадлежат нам? Являются... как бы это сказать... нашей интеллектуальной собственностью! Вас спрашивали, но я должна спросить вновь, на случай, если какие-то документы обнаружались, а возможно, обнаружатся. Ничего не обнаружилось?

— Из документов Тессы?

— Я говорю о ее внебрачных делах. — Она выдержала паузу, прежде чем объяснить, что она имела в виду. А когда она начала объяснять, до Джастина вдруг дошло, что Элисон воспринимала Тессу как величайшее оскорбление, как позор их школ, класса, пола, страны и Службы, которой Элисон посвятила всю жизнь, а Джастин ее, Тессы, стараниями

превратился в Троянского коня, который и позволил ей проникнуть в цитадель. — Я думаю о тех документах, которые она могла получить законным или иным способами в ходе ее расследования, или как там она называла то, чем занималась, — добавила Элисон с откровенной неприязнью.

— Я даже не знаю, что мне следует искать, — пожаловался Джастин.

— Мы тоже. И вообще, здесь нам очень трудно понять, каким образом ей вообще удалось раздобыть все эти сведения, — внезапно злость, копившаяся внутри, прорвалась наружу. Она не хотела выказывать злость, Джастин в этом не сомневался, более того, старалась изо всех сил сдерживать ее. Но, несмотря на все ее усилия, злость таки вырвалась из-под контроля. — Это просто экстраординарно, с учетом того, что стало известно... почему Тессе вообще позволили вытворять такое? Портер, конечно, прекрасный посол, но я не могу отделаться от ощущения, что в случившемся есть немалая доля его вины.

— И в чем конкретно заключалась его вина?

Молчание Элисон удивило его. Она замерла, уставившись на дисплей. Крючок держала наготове, но не подносила к дисплею. Потом осторожно опустила на стол, словно винтовку на похоронах военного.

— Да, Портер, — подвела она итог. Только он не понял, итог чего.

— Что с ним случилось? — спросил Джастин.

— Я думаю, они потрясающие родители, готовые пожертвовать всем ради этого бедного ребенка.

— Я тоже так думаю. Но чем они пожертвовали теперь?

Она вроде бы разделяла его недоумение. Видела в нем союзника, правда, только в очернении Портера Коулриджа.

— Так трудно, Джастин, так трудно принимать решения на этой работе. Хочется подходить к каждому индивидуально, вникать в обстоятельства, определяющие его поведение. — Тут Джастин жестоко ошибся, если подумал, что она оставит Портера в покое. Она просто перезаряжала орудия. — Но Портер, мы должны это признать... был в гуще событий, а мы — нет. Мы не можем действовать, если нас держат в неведении. Негоже просить выправлять ситуацию *ex post facto* [43], если нас не информировали *a priori* [44]. Не так ли?

— Пожалуй.

— И если у Портера было слишком много хлопот, если семейные проблемы, а их наличие никто не собирается отрицать, отнимали у него столько времени, что он не следил за развитием событий, если не видел, что происходит у него под самым носом, уж извините, я должна упомянуть Блюма... А ведь у него первоклассный помощник, Сэнди, который все время подавал сигналы. Но, видимо, напрасно. Они остались незамеченными. И сие однозначно указывает на то, что ребенок... бедная девочка... Розы, или как там ее зовут... отнимает у него все свободное время. А ведь послом назначают не для того, чтобы, выходя из кабинета, человек забывал о работе, не так ли? Джастин скромно потупился, показывая, что понимает вставшую перед ней дилемму.

— Я ничего не выпытываю, Джастин. Я вас спрашиваю... Как такое может быть... как такое могло быть... забудем на минуту о Портере, что ваша жена вела активную деятельность, о которой, согласно вашим словам, вы не имели ни малейшего понятия? Ладно. Она была современной женщиной. Пусть ни к чему хорошему это не привело. Вела свою жизнь, имела свой круг общения... — Многозначительная пауза. — Я не говорю, что вам следовало ограничивать ее, это могли воспринять как нарушение равноправия полов. Я спрашиваю, как получилось в реальной жизни, что вы пребывали абсолютно не в курсе ее действий... ее расследований... ее... уж не знаю, говорить ли? Я хотела сказать, ее назойливого стремления влезть в чужие дела?

— У нас существовала договоренность, — ответил Джастин.

— Разумеется, существовала. Равные и параллельные жизни. Но в одном доме, Джастин! Неужели вы и впрямь заявляете, что она вам ничего не говорила, ничего не

показывала, ничем не делилась? Я нахожу, что в это ужасно трудно поверить.

— Я тоже, — согласился Джастин. — Но, боюсь, именно так и выходит, если прячешь голову в песок. Тычок.

— Вы делили с ней компьютер?

— Я что?

— Вопрос достаточно ясен. Вы делили с ней, или имели доступ к портативному компьютеру Тессы, ее лэптопу? Вы, возможно, этого не знаете, но она посылала в Оффис очень серьезные документы, выдвигая обвинения против определенных людей. Обвиняя их в бог знает в чем. И ее деятельность потенциально могла нанести значительный урон.

— И кому ее деятельность могла нанести урон? Разумеется, потенциально? — спросил Джастин, деликатно выznывая интересующие его сведения.

— Кому — значения не имеет, Джастин, — отчеканила Элисон. — Вопрос в том, находится ли лэптоп Тессы в данный момент у вас, а если нет, где он может сейчас находиться и какие в нем содержатся материалы?

— Я никогда не имел к нему доступа — это ответ на ваш первый вопрос. Компьютер принадлежал ей и только ей. Я даже не знал, как войти в него.

— Насчет войти, это ерунда. У вас ли он сейчас, вот в чем вопрос. Скотленд-Ярд задавал его вам, и вы приняли очень мудрое решение, придя к выводу, что его лучше передать нам, а не полиции. За это мы вам очень признательны. Ваше здравомыслие не осталось незамеченным.

Вопросительных интонаций в голосе Элисон не чувствовалось, но вопрос, однако, не снимался. Если да, нажми на кнопку А, и тебя похвалят. Если нет, нажми на кнопку Б, и уж тогда не обессудь.

— И дискеты, разумеется, — добавила Элисон, ожидая ответа. — Тесса знала свое дело, что тут скрывать, все-таки дипломированный юрист. И наверняка копировала на дискеты наиболее важные файлы. В сложившихся обстоятельствах эти дискеты тоже создают угрозу безопасности, поэтому мы хотели бы получить и их.

— Никаких дискет нет. И не было.

— Разумеется, были. Как она могла работать на компьютере без дискет?

— Я их искал. Не нашел.

— Это в высшей степени странно.

— Полностью с вами согласен.

— Вот я и думаю, что оптимальный для вас вариант, Джастин, с учетом ситуации, принести все, что у вас есть, в Оффис, как только вы распакуете вещи, и позволить нам работать с этими материалами. Избавьте себя от боли и ответственности. Да? Мы можем договориться. Все, что не имеет отношения к нашей деятельности, принадлежит исключительно вам. Эти файлы мы распечатаем и вернем, и здесь никто не будет их читать, анализировать, сохранять. Послать с вами кого-нибудь? Для оказания посильной помощи? Да?

— Я как-то не уверен.

— Не уверены, что вам нужен помощник? Это объяснимо. Мы найдем достойного человека. Которому вы сможете полностью довериться. Теперь вы уверены?

— Видите ли, компьютер принадлежал Тессе. Она его купила, она им пользовалась.

— И что?

— Вот я и не уверен, что вам следует обращаться ко мне с такой просьбой. Отдайте нам ее собственность, чтобы мы ее выпотрошили, потому что она мертва. — Ему вдруг ужасно захотелось спать. Он на мгновение закрыл глаза, тряхнул головой, чтобы проснуться. — Да и потом, все это пустые разговоры.

— Простите?

— Дело в том, что компьютера у меня нет, — Джастин встал, удивив самого себя, но уж очень хотелось размяться и глотнуть свежего воздуха. — Скорее всего его украли кенийские полицейские. Они крадут все, что попадает под руку. Спасибо вам, Элисон. Вы были очень

добры.

На то, чтобы получить «гладстон» у старшего гардеробщика, потребовалось довольно много времени.

— Извините, что пришел раньше, чем вы ожидали, — сказал Джастин.

— Ничего подобного, сэр, — ответил старший гардеробщик и покраснел.

— Джастин, мой дорогой друг!

Джастин еще не успел назвать свою фамилию швейцару клуба, как Пеллегрин уже сбегал по лестнице, сияя фирменной улыбкой.

— Джимми, это мой гость, пожалуйста, возьми чемодан и пропусти его.

Он крепко пожал руку Джастина, а второй по-дружески, совсем не в английской манере, обнял за плечи.

— Ты в порядке? — понизив голос, спросил он, предварительно убедившись, что их никто не подслушивает. — Если не хочешь подниматься, можем пройти по парку. Или встретимся в другой раз. Как скажешь.

— Я в порядке, Бернард. Правда.

— Чудовище Лендсбюри тебя не утомило?

— Ничуть.

— Я заказал нам столик. Это всего лишь ленч, но кормят тут на убой. Не желаете пи-пи?

Обеденный зал напоминал катафалк. С синего неба-потолка на них взирали нарисованные херувимы. Пеллегрин выбрал столик в углу, укрытый от лишних взглядов колонной из полированного гранита и печальной пальмой, кордил иной южной. Вокруг сидели неподвластные времени, все на одно лицо, чиновники Уайтхолла, в серых костюмах и со школьными стрижками. «Таким был мой мир, — объяснял ей Джастин. — Когда я женился на тебе, я был одним из них».

— Сначала давай покончим с тяжелой работой, — по-хозяйски предложил Пеллегрин, когда официант, уроженец Вест-Индии, в розовато-лиловом смокинге протянул им меню в форме ракеток для пинг-понга. Предложение говорило о тактичности Пеллегрина, о его желании поддержать образ славного парня, потому что изучение меню позволяло им привыкнуть друг к другу и избежать визуального контакта.

— Долетел нормально?

— Да, благодарю. С меня пылинки сдували.

— Чудесная, чудесная, чудесная женщина, Джастин, — бормотал Пеллегрин, не отрывая глаз от меню. — Что еще скажешь.

— Спасибо, Бернард.

— Великая душа, великий характер. Остальное — ерунда. Мясо или рыбу? Чему ты отдавал предпочтение там?

За свою карьеру Джастин не раз и не два сталкивался с Пеллегрином. Приехал в Оттаву, когда тот там уже работал, короткое время они вместе служили в Бейруте. В Лондоне попали на один курс выживания заложника, где их учили, что следует делать, если тебя преследует группа вооруженных головорезов, не боящихся смерти. Как сохранить достоинство, когда тебе на глаза надевают повязку, связывают руки и ноги и бросают в багажник «Мерседеса». Как выпрыгивать из окна, если ты не можешь воспользоваться лестницей, а ноги не связаны.

— Все журналисты — дерьмо, — уверенно заявил Пеллегрин, продолжая изучать меню. — Знаешь, что я собираюсь как-нибудь сделать? Поставить их на наше место. Нанять частных детективов, застукать редакторов «Грониад» или «Скруз оф те уорлд», когда те встречаются со своими любовницами. Сфотографировать их детей, когда те идут в школу. Спросить у жен, какие эти ребята в постели. Показать говнюкам, каково приходится тем, о ком они пишут. Тебе не хочется взять пулемет и перестрелять многих из них?

— Пожалуй, нет.

— Мне тоже. Безграмотная банда лицемеров. Филе сельди вполне пристойное. От копченого угря у меня пучит живот. Морской язык в тесте очень хорош, если ты любишь

морской язык. Если хочешь без теста, его поджарят тебе на рашпере, — он уже что-то писал на разлинованном листочке, по верху которого тянулась надпись «Сэр Бернард П.», большими буквами. Левую колонку занимали названия блюд, правую — квадратики для галочек. Пустое место внизу предназначалось для подписи члена клуба.

— От морского языка не откажусь. Пеллегрин никогда не слушает, вспомнил Джастин. Поэтому у него репутация блестящего переговорщика.

— На рашпере?

— В тесте.

— Лендсбюри в форме?

— Самой боевой.

— Сказала тебе, что она — бисквит «мадера»?

— Боюсь, что да.

— Ей хочется, чтобы о ней так думали. Говорила с тобой о будущем?

— У меня травма, и я в бессрочном отпуске по болезни.

— Креветки пойдут?

— Думаю, я предпочту авокадо, спасибо, — ответил Джастин, наблюдая, как Пеллегрин ставит две галочки напротив «коктейля» из креветок [45].

— Довожу до твоего сведения, что формально в наши дни Форин-оффис не одобряет спиртного за ленчем, — тут Пеллегрин удивил Джастина широкой улыбкой. А потом второй, на случай, если Джастин не понял, о чем говорила первая. И Джастин вспомнил, что улыбки Пеллегрина всегда одинаковые, по раскрытию губ, продолжительности, теплоте. — Однако тебе пришлось многое пережить, а мой долг — хоть немного отвлечь тебя от тяжелых воспоминаний. Тут вполне пристойное мерсо. Не возражаешь? — Его серебряный карандаш без ошибки нашел нужный квадратик. — С тебя, между прочим, сняты все подозрения. Ты чист. Поздравляю, — Пеллегрин вырвал листок из блокнота и придавил солонкой, чтобы его не унесло ветром.

— Какие подозрения?

— В убийстве, какие же еще? Ты не убивал Тессу или ее водителя, ты не нанимал киллеров в притоне греха, и ты не подвесил Блюма за яйца на чердаке своего дома. Ты можешь покинуть зал суда без единого пятнышка на твоей репутации. Благодарю полицию. — Листок с заказом, прижатый солонкой, исчез. Должно быть, его взял официант, но Джастин не заметил, как тот подходил к столу. — Что ты выращивал в своем саду? Обещал Селли, что спрошу, — речь шла о Селине, сокращенно Селли, жене Пеллегрина, ослепительной красавице. — Экзотические растения? Суккуленты? К сожалению, это не по моей части.

— Да, в общем, все, — услышал Джастин свой голос. — В Кении удивительно мягкий климат. Я не знал, что на моей репутации было пятно, Бернард. Версию такую я слышал, признаюсь. Но она была притянута за уши.

— Они предложили много версий, бедняжки. И, откровенно говоря, бросили тень на куда более высокопоставленных людей, чем ты. Тебе надо как-нибудь приехать в Дорчестер. Переговорю с Селли. На весь уик-энд. В теннис играешь?

— К сожалению, нет.

«Они предложили много версий, — повторил он про себя. — Бедняжки». Пеллегрин говорит о Робе и Лесли в той же манере, что Лендсбюри говорила о Портере Коулридже. Эта жаба Том Как-его-там получит пост посла в Белграде, тем временем рассказывал Бернард, и лишь потому, что министра тошнит от одного вида его физиономии. А кого не тошнит? Дик Какой-то скоро станет рыцарем, и тогда, при удаче, его удастся спровадить в министерство финансов. Господи, помоги национальной экономике, шутка, но ведь старина Дик последние пять лет лижет задницу новым лейбористам. А в остальном все как обычно. В Оффис продолжают приходиться честолобцы из Кройдона, которые говорят с акцентом и носят пуловеры «фер-айл» [46], их Джастин наверняка видел до отъезда в Африку. Еще десять лет, и Никого Из Нас не останется. Официант принес два «коктейля» с креветками.

— Но они еще молодые, не так ли? — в голосе Пеллегрин слышалось желание простить.

— Новые сотрудники? Разумеется.

— Полицейские, которых послали в Найроби. Молодые и голодные, благослови их господь. И мы когда-то были такими же.

— Я подумал, что они очень умны. Пеллегрин нахмурился, пережевывая креветку.

— Дэвид Куэйл — твой родственник?

— Племянник.

— Мы подписали с ним контракт на прошлой неделе. Ему только двадцать один, но как иначе нам в эти дни перебить Сити? Моего крестника наемни взяли в «Барклиз» [47]. Положили жалованье в сорок пять тысяч плюс всякие льготы. А у него еще молоко на губах не обсохло.

— Я рад за Дэвида. Не знал.

— Станный для Гридли выбор, откровенно говоря, послать такую женщину в Африку. Френк знаком с дипломатической работой. Знает обстановку. Кто там отнесется серьезно к женщине-полицейскому? Уж конечно, не приближенные Мои.

— Гридли? — переспросил Джастин, его голова очистилась от тумана. — Френк Артур Гридли? Тот самый, который отвечал за безопасность дипломатов?

— Тот самый, да поможет нам бог.

— Но он же абсолютный ноль. Мы имели с ним дело, когда я работал в службе протокола, — Джастин услышал, что его голос превысил принятый в клубе шумовой фон, и сбавил тон.

— Выше шеи — сплошное дерево, — радостно согласился Пеллегрин.

— Как же вышло, что именно ему поручили расследовать убийство Тессы?

— В его ведении тяжкие преступления. Специализируется на тех, что совершены в других странах. Ты же знаешь, какие у нас полицейские. — Пеллегрин отправил в рот креветку, откусил кусок хлеба с маслом.

— Я знаю, какой у нас Гридли.

Прожевав, Пеллегрин продолжил свою мысль:

— Двое молодых полицейских, из них одна женщина. Другой думает, что он — Робин Гуд. А тут громкое дело. Весь мир смотрит на них. Им понравилось быть в центре внимания, — он поправил салфетку. — Вот они и начали выдумывать версии. Только хорошей версией и можно произвести впечатление на необразованного начальника. — Он запил еду, промакнул рот уголком салфетки. — Наемные убийцы — продажные африканские правительства — транснациональные конгломераты — сказка за сказкой! Если б им повезло, могли бы даже получить роль в кино!

— Какой транснациональный конгломерат они имели в виду? — спросил Джастин, стараясь позабыть об отвратительной идее, только что высказанной Пеллегрином: фильме о смерти Тессы.

Пеллегрин встретился с ним взглядом, на мгновение задумался, улыбнулся, вновь улыбнулся.

— Образное выражение, — пояснил он. — Не надо воспринимать буквально. Эти молодые копперы [48] с самого начала смотрели не туда. — Он замолчал. Подошедший официант вновь наполнял их бокалы. — Отвратительно, конечно. Просто отвратительно. Это не тебе, Мэттью, старина... — последнее относилось к официанту, в тоне Пеллегрин чувствовалось благорасположение к этническим меньшинствам. — И не членам клуба, чему я крайне рад. — Официант ретировался. — Поверишь ли, они даже пытались повесить убийство на Сэнди. По одной из их версий, он влюбился в Тессу и из ревности «заказал» и ее, и Блюма. Когда из этого ничего не вышло, они переключились на заговор. Наипростейший вариант. Надергать фактов, смешать их в кучу, добавить сплетен, слухов и в итоге получить потрясающую историю. Насчет того, чем занималась Тесса. Уж извини, что говорю об этом. Ты и сам все знаешь.

Джастин тупо покачал головой. «Я ничего этого не слышу. Я все еще в самолете, и это дурной сон».

— К сожалению, не знаю.

Только сейчас Джастин заметил, какие маленькие у Пеллегрини глазки. А может, нормальные, но он научился их щурить под вражеским огнем, а врагом, как уразумел Джастин, Пеллегрин полагал всякого, кто в чем-то ему возражал или переводил разговор на темы, не получившие его одобрения.

— Язык нормальный? Тебе следовало остановиться на запеченном в тесте. Не такой сухой.

— Язык — превосходный, — ответил Джастин, с трудом удержавшись, чтобы не добавить, что он просил заказать именно запеченный в тесте. — И мерсо прекрасное. Прекрасное, как прекрасная девушка.

— Она тебе его не показывала. Свое великое сочинение. Их великое сочинение, уж прости меня. Это твоя версия, и ты за нее держись. Так?

— Сочинение о чем? Полиция задавала мне этот вопрос. Элисон Лендсбюри тоже, пусть и не в лоб. Какое сочинение? — он изображал полное неведение и даже начал себе верить. Опять пытался получить информацию, прячась за личиной простачка.

— Тебе она не показывала, но показала Сэнди, — Пеллегрин запил эту фразу вином. — Ты хочешь, чтобы я в это поверил?

Джастин резко выпрямился.

— Она что?

— Абсолютно. Тайная встреча, и все такое. Извини. Я думал, что ты знал.

«Ты же обрадовался, поняв по моей реакции, что я ничего не знал», — подумал Джастин, все еще в изумлении таращась на Пеллегрини.

— И что сделал Сэнди с этими материалами?

— Показал Портеру. Портер завибрировал. Портер принимает решение раз в год, да и то по мелочам. Сэнди послал материалы мне. За двумя подписями и пометкой «конфиденциально». И подписи, и пометка не Сэнди. Тессы и Блюма. От этих героев гуманитарной помощи меня чуть не стошнило, между прочим. Представление плюшевых мишек для международных бюрократов. Отвлёкся. Извини.

— И что ты сделал с этими документами? Ради бога, Бернард!

"Я — обманутый вдовец, нервы которого на пределе.

Я — невинная жертва ложных обвинений. Я — негодующий муж, которого моя гулящая жена и ее любовник лишили привычного жизненного уклада".

— В конце концов кто-нибудь скажет мне, что все это значит? — продолжил он сварливым голосом. — Я чуть ли не вечность просидел в доме Сэнди как под арестом. Он и не намекнул на тайную встречу с Тессой, Арнольдом или кем-то еще. Какое сочинение? О нем? — он по-прежнему стремился выудить из Пеллегрини крупицы информации.

Пеллегрин улыбнулся. Раз. Второй.

— Значит, для тебя это новость. Очень хорошо.

— Да. Новость. Я ничего не понимаю.

— Молодая женщина, вдвое моложе тебя, честолюбивая, энергичная, с широкими взглядами, свободных нравов, неужели у тебя ни разу не возникло желания спросить ее, а чего она, собственно, добивается?

«А ведь Пеллегрин злится, — отметил Джастин. — И Лендсбюри злилась. И я злюсь. Мы все злимся и все это скрываем».

— Нет, не возникало. И она не вдвое моложе меня.

— Никогда не заглядывал в ее дневник, никогда не снимал, по ошибке, разумеется, трубку параллельного телефонного аппарата. Не читал ее писем, не включал компьютер. Ничего и никогда.

— Именно так.

Пеллегрин размышлял вслух, не сводя глаз с Джастина.

— Значит, через тебя ничего не проходило. Не слышал ничего дурного, не видел ничего дурного. Потрясающе, — ему с трудом удавалось сдерживать сарказм в разумных пределах.

— Она была юристом, Бернард. Не ребенком. Квалифицированным, очень умным и способным юристом. Ты забываешь об этом.

— Неужели? Не уверен, что забываю. — Он надел очки для чтения, чтобы заняться нижней половиной морского языка. Когда справился, поднял хребет ножом и вилкой и огляделся, как беспомощный инвалид, в поисках официанта, который мог бы принести ему тарелку для костей. — Очень надеюсь, что она доверила свои открытия только Сэнди Вудроу, никому больше. В которых нацелилась на главного игрока, мы это знаем.

— Какого главного игрока? Ты про себя?

— Куртисса. Кенни К. Того самого. — Тарелка появилась, и Пеллегрин положил на нее рыбий хребет. — Удивлен, что она не бросилась наперерез его скаковым лошадям. Не обратилась в Брюссель. Не обратилась в ООН. Не обратилась на телевидение. Такая женщина, в стремлении спасти жизнь на планете, может во всем следовать своим фантазиям, и плевать ей на последствия.

— Это совершеннейшая неправда, — ответил Джастин, борясь с удивлением и закипевшей яростью.

— Повтори.

— Тесса прилагала немало усилий, чтобы оберегать меня. И свою страну.

— Копаясь в грязи? Раздувая из мухи слона? Набрасываясь на загруженных работой чиновников в паре с Блюмом... по моему разумению, так мужа не оберегают. Скорее губят все его шансы на продолжение успешной карьеры. Пусть шансов этих у тебя было не так уж и много, если говорить честно. — Глоток воды. — Ага. Теперь понял. Вижу, что произошло, — двойная улыбка. — Ты действительно не знал всей подноготной. На том и стой.

— Да. Не знал. Я в полном недоумении. Полиция спрашивает меня, Элисон спрашивает меня, ты спрашиваешь меня... неужели я ничего не знал? Ответ — да, не знал и по-прежнему не знаю.

Пеллегрин уже качал головой, на лице, с которого не сходила улыбка, читалось недоверие.

— Старина, как такое могло быть? Послушай меня. Вот это я проглочу. И Элисон тоже. Они приходят к тебе. Вдвоем. Тесса и Арнольд. Взявшись за руки. «Помоги нам, Джастин. Мы нашли дымящийся пистолет. Всеми уважаемая, с давними традициями, базирующаяся в Британии компания отравляет невинных кенийцев, использует их в качестве подопытных кроликов, творит бог знает что. Целые деревни трупов, и вот тому доказательства. Прочитай». Я прав?

— Ничего такого не было и в помине.

— Я еще не закончил. Никто не пытается в чем-то тебя обвинить, не так ли? Здесь для тебя открыты все двери. Вокруг только друзья.

— Я это заметил.

— Ты их выслушиваешь. Ты же воспитанный человек и все такое. Ты читаешь их восемнадцатистраничный сценарий Армагеддона и говоришь им, что они просто сошли с ума. Если они хотят напрочь испортить англо-кенийские отношения на ближайшие двадцать лет, то нашли идеальный вариант. Умница. Если бы Селли попыталась прокрутить такое со мной, я бы дал ей крепкого пинка под зад. И, как ты, прикинулся бы, что такого разговора никогда не было, хотя это не так. Я прав? Мы все забудем так же быстро, как и ты. Никаких упоминаний в твоём личном деле, ничего в маленькой черной записной книжке Элисон. Идет?

— Они не приходили ко мне, Бернард. Никто мне ничего не говорил, никто не показывал сценарий Армагеддона, как ты его называешь. Ни Тесса, ни Блюм, никто. Я ничего об этом не знал.

— Девушка, которую зовут Гита Пирсон. Кто она, черт побери?

— Младший сотрудник «канцелярии». Англоиндианка. Очень умная, из местных. Мать — врач. А что?

— Помимо этого.

— Подруга Тессы. И моя.

— Могла она его видеть?

— Документ? Уверен, что нет.

— Почему?

— Тесса никогда бы его ей не показала.

— Она же показала Сэнди Вудроу.

— У Гиты слишком деликатное положение. Она старается сделать у нас карьеру. Тесса не стала бы ставить под угрозу ее планы.

Пеллегрину не хватило соли. Он горкой насыпал ее на левую ладонь, потом большим и указательным пальцами правой руки посолил рыбу, стряхнул остальное.

— Так или иначе, с крючка ты снят, — напомнил он Джастину, словно вручив утешительный приз. — Нам не придется стоять у тюремных ворот, протягивая тебе сквозь прутья решетки хлеб с сыром.

— Ты это уже говорил. Рад слышать.

— Это хорошие новости. Есть и плохие... твой дружок Арнольд. Твой и Тессы.

— Его нашли?

Пеллегрин мрачно покачал головой.

— Обвинили, но не нашли. Однако надеются.

— Обвинили в чем? Что ты такое говоришь?

— Тяжелое дело, старина. Ты сейчас совсем не в форме. Хотелось бы отложить этот разговор на несколько недель, чтобы ты пришел в себя, но не получается. Следователи, к сожалению, ни к кому не испытывают ни малейшего уважения. Расследуют преступления в том темпе, который считают нужным. Блюм был твоим другом, Тесса — женой. Никому из нас не хочется сообщать тебе о том, что твой друг убил твою жену.

Джастин смотрел на Пеллегрину в искреннем изумлении, но тот занимался рыбой и ничего не замечал.

— А как же результаты вскрытия? — услышал он свой голос. — Зеленый вездеход для сафари? Пивные бутылки и окурки? Двое мужчин, замеченных в Марсабите? Как насчет... ну, я не знаю... «Три Биз», вопросов, которые задавала мне британская полиция?

Первая из улыбок Пеллегрину сверкнула еще до того, как Джастин закончил.

— Новые улики, старина. И, к сожалению, более чем убедительные. — Он бросил в рот кусочек рогалика. — Копперы нашли его одежду. Закопанную у берега озера. Не куртку. Последнюю он оставил в джипе для отвода глаз. Рубашку, брюки, трусы, носки, кроссовки. И знаешь, что обнаружилось в кармане брюк? Автомобильные ключи. От джипа. Те самые, которыми он запер дверцы. Как мне сказали, обычное дело, когда речь идет о преступлении на почве страсти. Убиваешь, запираешь за собой дверь, запираешь мозг, не пропуская в него информацию о случившемся. Словно ничего этого и не было. Стираешь из памяти этот эпизод. Классика.

Пеллегрин помолчал, его отвлекло крайнее удивление, написанное на лице Джастина, потом продолжил, подводя итог:

— Я верю, что Освальд действовал в одиночку, Джастин. Ли Харви Освальд застрелил президента Джона Ф. Кеннеди. И никто ему в этом не помогал. Арнольд Блюм потерял самообладание и убил Тессу. Водитель хотел его остановить и остался без головы. Ее получили шакалы. Basta [49]. Приходит момент, когда, высказав все предположения и перебрав самые фантастические варианты, нам не остается ничего другого, как смириться с очевидным. Пудинг? Яблочный пирог, — знаком Пеллегрин попросил официанта принести кофе. — Не будешь возражать, если, как давний друг, я дам тебе дельный совет?

— Внимательно слушаю.

— Ты в отпуске по болезни. Тебе пришлось пройти через ад. Но ты — человек старой

школы, знаешь правила, и тебе дорога Африка. И ты в моем списке. — Сие, по разумению Джастина, означало следующее: «Тому, кто ведет себя как положено, может многое перепасть. Вот и на тебе не поставлен крест. Но с условием: если у тебя конфиденциальная информация, которой быть у тебя не должно, в голове или где-то еще, ты должен ее отдать, потому что принадлежит она нам — не тебе. Учти, что мир в наше время стал жестче, чем в прежние времена. Появилось много нехороших людей, которым есть что терять. И связываться с ними не стоит».

«И мы узнаем все это на собственной шкуре», — подумал Джастин. Поднялся из-за стола, удивился, увидев свое изображение во множестве зеркал. Он видел себя со всех сторон и таким разным. Джастин, теряющийся в больших особняках, друг кухарок и садовников. Джастин, звезда школьной команды по регби. Джастин, убежденный холостяк. Джастин, белая надежда Форин-оффис и полный неудачник, фотографирующийся с другом у пальмы. Джастин, овдовевший отец мертвого и единственного сына.

— Ты очень добр, Бернارد. Премного тебе благодарен.

«Спасибо тебе за мастер-класс в софистике, — имел он в виду, если что-то и имел. — Спасибо за предложение сделать фильм об убийстве моей жены и лишить меня последней возможности что-либо чувствовать. Спасибо за восемнадцатистраничный сценарий Армагеддона Тессы, ее тайное свидание с Вудроу и любопытные воспоминания, которые вернулись ко мне по ходу нашего разговора. Спасибо за сталь, которая поблескивала в твоём взгляде, когда ты давал мне дельный совет. Потому что, приглядевшись, я заметил ту же сталь в своих глазах».

— Ты побледнел, — участливо спросил Пеллегрин. — Тебе нехорошо, старина?

— Я в порядке. И после встречи с тобой, Бернارد, мне заметно полегчало.

— Отоспись. А то израсходуешь всю энергию. Нам надо провести вместе уик-энд. Прихвати с собой кого-нибудь из друзей. Умеющего играть в теннис.

— Арнольд Блум никогда не обидел и мухи, — медленно и отчетливо произнес Джастин, когда Пеллегрин помогал ему надеть пальто и передавал саквояж. Да только не знал, произнес вслух или тысячью голосов, кричащих в его голове.

Глава 10

Находясь вдалеке от этого дома, Джастин всегда его мысленно ненавидел: большой, уютный, семейный, номер четыре по одной из тенистых улочек Челси, с палисадником, который не желал принимать благообразный вид, сколько бы времени ни уделял ему Джастин, когда приезжал в отпуск. Ненавидел он и остатки детского домика Тессы, напоминающие спасательный плот, невесть как попавший на ветви засохшего дуба, который Тесса не позволяла ему спилить. На этих же ветвях болтались и надувные шары, из которых давно вышел весь воздух, и чей-то летучий змей. Джастин открыл воротину, сдвигая опавшую листву. Скрип ржавых петель спугнул соседского кота, который тут же нырнул в кусты. За воротами его встретили две вишни, пораженные грибок, которые тоже давно следовало спилить.

Встречи с этим домом он боялся весь день, чего там, всю неделю, которую провел в незваных гостях Глории и Сэнди. Страх этот оставался с ним, и когда он шел по полутемному зимнему Лондону, держа курс на запад, с «гладстоном», бьющим по ногам, и мириадами мыслей, роящихся в голове. Этот дом хранил часть ее прошлого, которую он не делил с ней и уже никогда не мог разделить.

Резкий ветер гремел навесами над лавкой зеленщика на другой стороне улицы, гоня по тротуарам листья и припозднившихся покупателей. Но Джастин, несмотря на легкий костюм, не чувствовал холода, с головой уйдя в свои мысли. Его шаги гулко отозвались от выложенных плиткой ступенек крыльца. На верхней он круто обернулся и долгим взглядом, зачем — сказать не мог, окинул улицу. Бродяга, свернувшись калачиком, лежал под банкоматом. В автомобиле, припаркованном в зоне, запрещенной для стоянки, о чем-то

спорили женщина и мужчина. Тощий мужчина в трилби [50] и пальто разговаривал по сотовому телефону. В цивилизованной стране никогда не скажешь, кто есть кто. В слуховом окошке над дверью горел свет. Чтобы никого не удивить своим появлением, Джастин нажал на кнопку звонка, услышал знакомый хриплый звук, напоминающий пароходный гудок, раздавшийся над первой лестничной площадкой. Кто дома, гадал он, дожидаясь, пока ему откроют дверь. Азиз, марокканский художник, и его друг Рауль. Петронилья, девушка из Нигерии, ищущая бога, и ее пятидесятилетний гватемальский священник. Высокий, непрерывно курящий Газон, худющий доктор-француз, работавший с Арнольдом в Алжире, с той же, что у Арнольда, печальной улыбкой и привычкой обрывать предложение на середине, прикрывать глаза и ждать, пока голова очистится от бог весть каких ужасных воспоминаний.

Не услышав ни голосов, ни шагов, Джастин повернул ключ и вошел в холл, ожидая вдохнуть запахи африканской стряпни, услышать гремящее по радио регги и дребезжание крышки поставленного на плиту чайника.

— Всем привет! — крикнул он. — Это Джастин. Я.

Ни ответа, ни музыки, ни кухонных запахов или голосов. Ни звука, за исключением шуршания по асфальту шин проезжающих мимо автомобилей да эха собственного голоса, поднимающегося по лестнице. И тут же он увидел голову Тессы, вырезанную из газеты и подпертую картонкой, которая смотрела на него поверх шеренги баночек из-под джема, в которых стояли цветы. А среди баночек лежал сложенный лист плотной бумаги, как догадался Джастин, вырванный из альбома Азиза, с соболезнаваниями, выражением любви и прощальными записями исчезнувших жильцов Тессы: «Джастин, мы чувствуем, что не можем остаться» — датированными прошлым понедельником.

Он сложил лист, вернул его на прежнее место между баночками. Постоял, смахнул слезу. Оставив «гладстон» в холле, держась за стену, нетвердой походкой прошел на кухню. Открыл холодильник. Пустой, если не считать пузырька с лекарством, выписанным женщине. Анни Какой-то. Фамилию эту он слышал впервые. Решил, что она пациентка Газона. По темному коридору на ощупь добрал до столовой, зажег свет.

Отвратительная, псевдотюдоровская столовая ее отца. По шесть стульев с высокими прямыми спинками для верноподданных с каждой стороны стола. По одному расшитому, резному во главе и напротив — для королевских особ. «Папа знал, что столовая ужасная, но очень ее любил, поэтому люблю и я», — говорила она ему. «Что ж, а я — нет, — подумал он. — Прости, господи». В первые месяцы их совместной жизни Тесса говорила исключительно о своем отце и матери, пока, под умелым руководством Джастина, не приступила к изгнанию призраков, заполняя дом людьми своего возраста, пусть безумными, но веселыми: троцкистами из Итона, пьяными польскими прелатами и восточными мистиками, приживалами со всего мира. Но, как только она открыла для себя Африку, у нее словно появилась цель в жизни, и дом номер четыре превратился в рай земной сотрудников гуманитарных организаций и радикалов всех мастей. Обегая комнату, взгляд Джастина с неодобрением отметил полукруг сажи у мраморного камина, покрывающий скобы и каминную решетку. «Галки», — автоматически подумал он. И продолжил оглядывать столовую, пока не вернулся к саже. Сосредоточился на ней. Начал спорить с собой. Или с Тессой, что в принципе означало одно и то же.

Почему галки?

Когда, когда?

Записка в холле датирована прошлым понедельником.

Ма Гейтс приходит по средам, Ма Гейтс, она же миссис Дора Гейтс, старая нянька Тессы, к которой обращались не иначе как Ма Гейтс.

Если Ма Гейтс неважно себя чувствует, приходит Полин, ее дочь.

Если не может прийти и Полин, на помощь зовут Дебби, ее бойкую на язык сестру.

И он просто представить себе не мог, что любая из этих женщин оставила без внимания полосу высыпавшейся из камина сажи.

Значит, галки напали на дымовую трубу в промежутке между средой и этим вечером.

Но, если дом опустел в понедельник, а Ма Гейтс прибиралась в среду, откуда на саже взялся отпечаток мужского ботинка?

Телефон стоял на боковом столике, тут же лежал блокнот. Номер Ма Гейтс Тесса записала красным фломастером на первой странице. Трубку взяла Полин, тут же разрыдалась и передала ее матери.

— Мне очень, очень жаль, дорогой, — медленно, борясь со слезами, говорила Ма Гейтс. — У меня просто нет слов, чтобы сказать, как мне жаль, мистер Джастин. Это ужасно, ужасно.

Он начал допрос, неторопливый, обстоятельный, в основном слушая, изредка вставляя вопрос. Да, Ма Гейтс приходила, как всегда, в среду, пробывла с девяти до двенадцати, ей хотелось... побыть с Тессой наедине... Убиралась как обычно, ничего не пропустила, ничего не забыла... И еще плакала и молилась... И, если он не возражает, она бы хотела приходить как прежде, пожалуйста, по средам, как при жизни Тессы, дело не в деньгах, в памяти...

Сажа? Разумеется, нет! В среду на полу в столовой сажи не было, иначе она бы ее непременно увидела и отчистила, прежде чем та въелась в металл и дерево. Лондонская сажа такая прилипчивая. В домах с такими большими каминами она всегда прежде всего смотрит за сажей! И, нет, мистер Джастин, у трубочиста, конечно же, нет ключа.

И не знает ли мистер Джастин, нашли ли мистера Арнольда, потому что из всех джентльменов, которые жили в доме, мистер Арнольд ей наиболее дорог, чтобы там ни писали газеты, как бы ни старались...

— Вы очень добры, миссис Гейтс.

Включив свет, большую люстру, в гостиной, он позволил себе задержать взгляд на фотографиях Тессы: девочка Тесса на пони, Тесса после первого причастия, их свадебный портрет на ступенях крошечной церкви Святого Антония на острове Эльба. Но думал он уже о камине. Сажа покрывала и каменную плиту под очагом, и каминную решетку. Та же сажа лежала и на каминных щипцах, и на кочерге.

«Вот она, загадка природы, — сказал он Тессе. — Стараниями двух стай галок сажа одновременно посыпалась вниз по двум несвязанным дымовым трубам. И какой мы из этого должны сделать вывод? С учетом того, что ты — адвокат, а я — умудренный жизнью дипломат?»

Но в гостиной следа не обнаружилось. Тот, кто шуровал в камине столовой, оставил отпечаток своего ботинка.

Тот, кто интересовался камином в гостиной, — не оставил, один это был человек или нет.

Однако с чего кому-то обыскивать камин, не говоря уже о двух? Действительно, старые каминные считались идеальными тайниками для любовных писем, завещаний, дневников и мешочков с золотыми соверенами. Согласно легендам, именно в дымовых трубах старых каминов обитали призраки. Ветер использовал дымовые трубы, чтобы рассказывать всякие истории, даже очень секретные. И в этот вечер дул сильный холодный ветер, сотрясая ставни, гремя замками. «Но к чему обыскивать именно эти каминные? Наши каминные? В доме номер четыре? А может, обыску подверглись не только каминные, но и весь дом?»

Направляясь к лестнице, он остановился около аптечки Тессы, под которую та приспособила старинный итальянский шкафчик и лично нарисовала на дверце зеленый крест. Не зря же была дочерью врача. Несколько мгновений смотрел на приоткрытую дверцу, распахнул.

Чья-то сердитая рука свалила в кучу коробочки с пластырем, пузырьки, пакетики с борной кислотой. Когда закрывал дверцу, над головой, на лестничной площадке затрещал телефон.

«Это тебя, — сказал он Тессе. — Мне придется говорить, что ты умерла. Звонят мне, — сказал он ей. — Мне придется выслушивать соболезнования. Это кекс „мадера“, звонит, чтобы спросить, все ли у меня есть, чтобы и дальше спокойно пребывать в моем нынешнем травматическом состоянии. Это кто-то, кому пришлось подождать, пока линия освободится

после моего пятиминутного разговора с Ма Гейтс».

Он снял трубку и услышал голос деловой женщины. Фоном служили какие-то голоса, гул шагов. Деловая женщина звонила из какого-то места с каменным полом, где жизнь была ключом.

— Вы слушаете? Могу я поговорить с мистером Джастином Куэйлом, пожалуйста, если он дома? — не женщина — сама вежливость. И тут же она приглушенно добавила, уже не в трубку: — Он дома, дорогая, не волнуйтесь.

— Куэйл слушает.

— Вы хотите поговорить с ним сами, дорогая? — Дорогая не пожелала. — Это цветочный магазин «Джеффриз», мистер Куэйл, на Кингс-роуд. У нас есть прекрасный букет, не скажу какой, который нас попросили вручить вам этим вечером, как можно скорее, и я не скажу, от кого... не так ли, дорогая? — Дорогая, похоже, кивнула. — Вы не будете возражать, мистер Куэйл, если я пошлю мальчика прямо сейчас? Двух минут тебе хватит, не так ли, Кевин? Одной, если вы дадите ему что-нибудь выпить.

— Посылайте, — сухо ответил Джастин.

Он стоял перед дверью комнаты Арнольда, названной так потому, что Арнольд, останавливаясь в этой комнате, обязательно что-то забывал после отъезда: ботинки, электрическую бритву, будильник, стопку документов об очередном провале, связанном с оказанием медицинской помощи одной из стран «третьего мира». Однако он застыл как вкопанный, увидев кашемировый кардиган Арнольда, брошенный на спинку стула, и, направляясь к столу, едва не позвал его по имени.

Незваные гости (грабители?) почтили своим вниманием не только камин, но и стол. Выдвинули ящики, вытащили все содержимое, потом небрежно сунули обратно.

Загудел клаксон-звонок. Джастин скатился вниз, подлетел к двери. Кевин стоял на пороге, с розовыми щечками, маленький. Прямо-таки диккенсовский посыльный цветочного магазина, раскрасневшийся на зимнем морозце. В руках он держал букет ирисов и лилий, размером чуть меньше его самого. В стеблях белел конверт. Выудив из кармана пригоршню мелочи, Джастин нашел два английских фунта среди кенийских шиллингов, дал мальчику и закрыл за ним дверь. Вскрыл конверт и достал открытку, завернутую в плотную бумагу, не позволяющую прочесть написанное сквозь конверт. Прочитал несколько строчек, отпечатанных на принтере.

«Джастин. Выйдите из дома в половине восьмого. Возьмите с собой брifleйс, набитый газетами. Идите в кинотеатр „Сайнфлекс“ на Кингс-роуд. Купите билет во второй зал и смотрите фильм до девяти часов. Выйдите с брifleйсом через боковой (западный) выход. Поищите синий микроавтобус, припаркованный неподалеку от выхода. Водителя вы узнаете. Записку сожгите».

Без подписи.

Джастин осмотрел конверт, понюхал его, понюхал открытку, никакого запаха не обнаружил. Наверное, даже не ответил бы на вопрос, а какой, собственно, запах искал. Отнес конверт и открытку на кухню, поднес к ним зажженную спичку и, в лучших традициях курса безопасности, который читался сотрудникам Форин-оффис, положил в раковину. Когда они догорели, пепел размял, а потом смыл водой. Взлетел по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, на чердак. Не потому, что спешил, исходил из принципа: не думай — действуй. Остановился перед запертой дверью. Ключ уже держал наготове. На его лице читалась решительность, но и предчувствие дурного. Он готовил себя к прыжку через пропасть. Вошел в маленькую прихожую, ведущую к чердачным комнатам. Двинулся дальше, сощурившись от ослепляющего блеска воспоминаний. Все здесь напоминало о Тессе, говорило о ней, за нее. Большой письменный стол отца, подаренный ему в день свадьбы, стоял в привычной нише. Он поднял крышку. «Что я тебе говорил?» «Грабители» побывали и здесь. Он рванул дверцы гардероба, в котором висела ее одежда, увидел шубы и платья, сброшенные с вешалок и оставленные умирать с вывернутыми карманами. «Честное слово, дорогая, ты могла бы их вешать, а не просто кидать в гардероб». «Ты прекрасно знаешь, что я

и повесила, а кто-то скинул». Под шубами Джастин раскопал старую нотную папку Тессы, которая могла сойти за брифкейс.

— Сделаем это вместе, — сказал он ей, на этот раз вслух.

Собравшись уходить, он не смог отказать себе в удовольствии заглянуть в дверь спальни. Она только что вышла из ванной и обнаженная стояла перед зеркалом, склонив голову набок, расчесывая волосы. Развернув одну голую ступню к нему, по первой позиции, так она делала всегда, если стояла голая. Подняв одну руку к голове. Наблюдая за ней, он чувствовал разделяющую их стену, совсем как при ее жизни. «Ты слишком совершенна, слишком молода, — говорил он ей. — Мне следовало оставить тебя в покое». «Чушь собачья», — отвечала она, и на душе у него сразу становилось легче.

Спустившись на кухню, он нашел стопку старых номеров «Кениан стандарт», «Африка конфиденшл», «Спектейтер» и «Прайвит ай». Засунул их в нотную папку, вернулся в холл, взглянул на ее импровизированный храм и «гладстон». «Я оставляю саквояж здесь, чтобы они сразу могли найти его, если не успели посмотреть то, что хотели, в Оффисе», — объяснил он ей и вышел в морозную тьму. До кинотеатра пешком добрался за десять минут. Второй зал был на три четверти пуст. На экран он не смотрел. Дважды, с нотной папкой в руке, ходил в туалет, чтобы незаметно взглянуть на часы. Без пяти девять выскользнул через западный выход, чтобы оказаться на ледяном пронизывающем ветру в переулке. Синий микроавтобус стоял у тротуара. На какое-то мгновение ему вдруг показалось, что это зеленый вездеход из Марсабита. Вспыхнули и погасли фары. За рулем сидел мужчина в матросской шапке.

— Задняя дверца, — бросил Роб.

Джастин обошел микроавтобус, увидел, что задняя дверца уже открыта, а Лесли протягивает руку, чтобы взять нотную папку. Усевшись на деревянное сиденье, оказавшись в крошечной тьме, он разом перенесся в Мутайгу, в «Фольксваген» с тонированными стеклами, с Ливингстоном за рулем и Вудроу, отдающим приказы.

— Мы следим за вами, Джастин, — объяснила Лесли. В голосе слышалась и спешка, и загадочная подавленность. Словно и она понесла невосполнимую утрату. — Целая команда отслеживала ваш путь от дома до кинотеатра. Мы — ее часть. Сейчас мы прикрываем боковой выход, на случай, если вы им воспользуетесь. Всегда есть вероятность того, что объекту станет скучно и он уйдет раньше. Что вы и сделали. Через пять минут мы доложим об этом координатору. Куда вы пойдете?

— На восток.

— Значит, возьмете такси и поедете на восток. Номерные знаки такси мы сообщим. Сами следовать за вами не будем, потому что вы нас узнали. Второй автомобиль с наблюдателями ждет вас у центрального входа, а запасной — на Кингс-роуд. Если у вас возникнет желание прогуляться, а потом воспользоваться метро, к вам пристроится пара пешеходов. Если сядете в автобус, они будут вам очень признательны, потому что нет ничего проще, чем следить за лондонским автобусом. Если войдете в телефонную будку и кому-нибудь позвоните, они прослушают ваш разговор. У них есть ордер Хоум-оффис [51], и его действие распространяется на все ваши телефонные разговоры.

— Почему? — спросил Джастин.

Его глаза начали привыкать к темноте. Роб развернулся на водительском сиденье, чтобы принимать участие в беседе. Только держался он более враждебно, чем Лесли.

— Потому что вы на нас насрали, — ответил он.

Лесли вытаскивала газеты из нотной папки и засовывала их в пластиковый пакет. У ее ног лежали большие пакеты, с десятков, не меньше. Она начала укладывать их в нотную папку.

— Я не понимаю, — покачал головой Джастин.

— А вы постарайтесь, — посоветовал Роб. — Мы действуем по приказу, так? Мы сообщаем мистеру Гридли, что вы делаете. Кто-то наверху говорит, почему вы это делаете, но не нам. Мы — мелкая сошка.

— Кто обыскивал мой дом?

— В Найроби или Челси? — с издевкой переспросил Роб.

— В Челси.

— Вопрос не к нам. Мы лишь вели наблюдение, в доме работали другие люди. Это все, что нам известно. Гридли выставил на крыльце коппера в форме, на случай, если кто-то попытается войти с улицы. Если б попытались, коппер сказал бы, что сотрудники полиции расследуют ограбление, поэтому посторонним вход воспрещен. Только я сомневаюсь, что это был настоящий коппер, — добавил Роб и замолчал.

— Роб и я отстранены от расследования, — пояснила Лесли. — Гридли, если бы посмел, отправил бы нас транспортными регулировщиками на Оркнейские острова [52], да только у него не хватит духу.

— Мы отстранены от всего, — вставил Роб. — Мы — парии. Благодаря вам.

— Он держит нас там, где может видеть, — Лесли.

— В штабной палатке, — Роб.

— Он послал двух новых полицейских в Найроби, чтобы помочь местной полиции в поисках Блюма, — Лесли. — Только в поисках. Ни шагу в сторону.

— Никакого вездехода в Марсабите, никаких умирающих негритянок, никаких докторов-призраков, — Роб. — Цитирую Гридли. И нашим сменщикам не позволили переговорить с нами, чтобы они не дай бог не подцепили бы ту же болезнь. Мозгов у них никаких, и через год им в отставку, как и Гридли.

— Расследование получило гриф «особой важности», и вы — его часть, — Лесли закрыла нотную папку на защелку и положила себе на колени. — Какая именно — загадка. Гридли затребовал на вас полное досье. С кем вы встречаетесь, где, кто приходит в ваш дом, кому вы звоните, что едите, с кем. И так каждый день. Вы — действующий игрок в сверхсекретной операции, это все, что нам сообразовали сказать. Мы должны делать то, что нам говорят, и не проявлять никакой инициативы.

— Не прошло и десяти минут после нашего возвращения в Ярд; как он уже орал, требуя немедленно положить ему на стол все блокноты, магнитофонные записи и улики, — Роб. — Мы положили. Оригиналы, полный набор, без купюр. Естественно, после того, как сняли копии.

— Блистательный холдинг «Три Биз» более не должен упоминаться, и это приказ, — Лесли. — Ни продукция, ни действия, ни сотрудники. Ничего такого, что может раскачивать лодку. Аминь.

— Какую лодку?

— Множество лодок, — Роб. — Выбирайте любую. Куртисс — неприкасаемый. Он наполовину продал сделку о продаже британского оружия Сомали. Эмбарго, конечно, мешает, но он нашел обходные пути. Он претендент номер один на выигрыш тендера на создание современной телекоммуникационной системы в Восточной Африке на основе британских высоких технологий.

— И я стою у всего этого на пути?

— Вы стоите на пути, все так, — выплюнул Роб. — Если б мы смогли миновать вас, то держали бы их за горло. А теперь мы на улице, как в первый день нашей службы.

— Их?

Но Роб не может сдержать злость.

— С первого дня нам вешали лапшу на уши, в том числе и вы. Кенийские полицейские смеялись над нами, так же, как эти мерзавцы из «Три Биз». Ваш друг и коллега мистер Вудроу врал внаглую. Как и вы. Вы были нашим единственным шансом, но мы получили от вас по зубам.

— У нас есть к вам один вопрос, Джастин, — вмешалась Лесли, голос ее звучал более спокойно, но горечи в нем было никак не меньше. — И вы должны дать нам честный ответ. Есть вам куда пойти? Безопасное место, где вы сможете спокойно сидеть и читать? Лучше за границей.

Джастин попытался увильнуть от ответа.

— А если я вернусь в мой дом в Челси и включу настольную лампу? Ваши люди останутся у моего дома?

— Вас доведут до дома, отследят, когда вы ляжете спать. Наблюдатели уйдут, чтобы поспать несколько часов, ваш телефон будет прослушиваться. Ваш наилучший шанс — между часом ночи и четырьмя утра.

— Тогда у меня есть безопасное место, — ответил Джастин после короткого раздумья.

— Фантастика, — хмыкнул Роб. — Вот у нас — нет.

— Если оно за границей, воспользуйтесь водой и сушией, — начала инструктаж Лесли. — Как только окажетесь на материке, выберите рваный маршрут. Автобусы, местные поезда. Одевайтесь просто, брейтесь каждый день, не смотрите на людей. Не берите напрокат автомобиль, не летайте на самолетах. Говорят, вы богаты.

— Да.

— Тогда обзаведитесь крупной суммой наличными. Не пользуйтесь кредитными карточками или дорожными чеками, не прикасайтесь к сотовому телефону. Никаких телефонных звонков, которые оплачивают на другом конце провода. Не произносите в телефонных разговорах своей фамилии, компьютеры ее отследят. Роб сделал вам паспорт и репортерское удостоверение от «Телеграф». Не мог достать ваше фото, пока не позвонил в Форин-оффис и не сказал, что оно нужно ему для отчета. У Роба есть друзья в местах, знать которые нам не положено, не так ли, Роб? — Без комментариев. — Документы не идеальные, потому что времени у друзей Роба было в обрез, не так ли, Роб? Поэтому не пользуйтесь ими, пересекая границу Англии. Договорились?

— Да, — кивнул Джастин.

— Вы — Питер Пол Аткинсон, газетный репортер. И никогда, ни при каких обстоятельствах, не носите при себе оба паспорта.

— Почему вы это делаете? — спросил Джастин.

— Что вам до этого? — откликнулся из темноты Роб. — У нас была работа, вот и все. И нам не нравится, что мы ее потеряли. Вот мы и предоставляем вам возможность довести ее до конца. Нам-то дали пинка под зад, но, возможно, вы возьмете нас в мойщики вашего «Роллс-Ройса».

— Может, мы делаем это для Тессы. — Лесли передала ему нотную папку. — Идите, Джастин. Вы нам не доверяли. Возможно, поступили правильно. Но, если бы доверились, мы добрались бы до цели. Кто бы ни встал у нас на пути, — она потянулась к ручке дверцы. — Будьте осторожны. Они убивают. Но вы и так знаете об этом.

Вылезая из микроавтобуса, он услышал, как Роб говорит в микрофон: «Кэнди выходит из кинотеатра. Повторяю, Кэнди выходит из кинотеатра с сумочкой». Дверца захлопнулась. «Конец главы», — подумал он. Двинулся вдоль мостовой. Кэнди ловит такси, и она мужского пола.

Джастин стоял у высокого окна в кабинете Хэма и вслушивался в перезвон курантов, отбивающих десять часов, разносящийся над городом. Он оглядывал улицу, но расположился чуть в глубине, где сам мог видеть все, оставаясь практически невидимым для тех, кто наблюдал за домом. На столе горела лампа. Хэм расположился в углу, на кресле, истертом не одним поколением клиентов. С реки поднимался туман и покрывал блестящим ледком перила у часовни Святой Этелдреды, в которой Тесса часто и тщетно пыталась найти общий язык с Создателем. Горевшая зеленым неонам доска объявлений сообщала о том, что часовня восстановлена орденом розминианцев. Исповеди, благословения и венчания по предварительной договоренности. Вечерняя служба закончилась, и редкие прихожане один за другим вышли из часовни. Тессы среди них не было. На полу кабинета в пластмассовом ящике лежало содержимое «гладстона». На столе — нотная папка Тессы, рядом, в папках с логотипом фирмы, распечатки, факсы, фотокопии, стенограммы телефонных разговоров, открытки и письма, собранные Хэмом за последний год его активного общения с Тессой.

— К сожалению, есть трудности, — с неохотой признался Хэм. — Не могу найти ее

последних писем, которые получал по электронной почте.

— Не можешь найти?

— И от других тоже, если уж на то пошло. В компьютер залез вирус. Сожрал почтовый ящик и половину жесткого диска. Инженер еще работает. Когда сможет все восстановить, ты эти письма получишь.

Они поговорили о Тессе, о Мэг, о крикете, которому тоже нашлось место в большом сердце Хэма. Джастин испытывал к крикету полнейшее равнодушие, но попытался хотя бы выказать интерес. В сумраке ярко светился рекламный щит, призывающий посетить Флоренцию.

— Твоя курьерская служба между Туринном и Лондоном работает в прежнем режиме, Хэм? — спросил Джастин.

— Абсолютно, старина. Каждую неделю. Правда, компанию поглотила другая, размером побольше. Обычное дело. Но люди те же, сменилось только высокое начальство.

— И ты по-прежнему используешь эти красивые кожаные коробки для шляп с названием фирмы, которые этим утром я видел в твоём сейфе?

— Если я с ними и расстанусь, то в самую последнюю очередь.

Джастин все смотрел на улицу. Они не уходили, крупная женщина в шубе и худощавый мужчина в трилби и пальто с поднятым воротником. Последние десять минут они смотрели на доску объявлений часовни Святой Этелдреды, хотя хватило бы и десяти секунд, чтобы переварить имеющуюся на ней информацию. Иногда, даже в цивилизованной стране, есть возможность узнать, кто есть кто.

— Скажи мне, Хэм.

— Все, что угодно, старина.

— Тесса держала в Италии много денег?

— Более чем. Хочешь взглянуть, где и сколько?

— Да нет. Они теперь мои?

— И всегда были. Общие счета, помнишь? Все, что мое, — твое. Пытался ее отговорить. Велела мне заткнуться. Типично для нее.

— Значит, твой туринский компаньон может послать мне деньги, так? В тот или этот банк. Туда, где я окажусь.

— Без проблем.

— Или тому, кого я назову. При условии, конечно, что он предъявит паспорт.

— Твое право, старина. Делай что хочешь. Получай удовольствие, и это главное.

Мужчина в трилби повернулся спиной к доске объявлений и принялся изучать звезды. Женщина в шубе смотрела на часы. Джастин вновь вспомнил инструктора на курсе безопасности: «Наблюдатели — актеры. Самое трудное для них — ничего не делать».

— У меня есть приятель, Хэм. Я тебе никогда о нем не говорил. Питер Пол Аткинсон. Он пользуется моим абсолютным доверием.

— Адвокат?

— Разумеется, нет. У меня есть ты. Он — журналист из «Дейли телеграф». Давний друг со студенческих времен. Я хочу выдать ему генеральную доверенность. Предоставить право решать любой вопрос, связанный с моими делами. Если ты или твои люди в Турине получите от него какие-либо инструкции, я хочу, чтобы к ним отнеслись, как к моим.

Хэм потер кончик носа.

— Просто так сделать это нельзя, старина. Слов недостаточно. Мне нужна его подпись и прочее. Твое официальное разрешение. Лучше засвидетельствованное.

Джастин подошел к Хэму, протянул ему паспорт Аткинсона.

— Может, все необходимое ты возьмешь отсюда? — предложил он.

Хэм прежде всего раскрыл паспорт на страничке с фотографией, выражение его лица ни чуточки не изменилось, пока он переводил взгляд с фотографии на Джастина. Вновь вернулся к паспорту. Пролистал. Виз на страничках паспорта хватало.

— Твой приятель — любитель попутешествовать, — флегматично отметил он.

— И, подозреваю, ему еще придется поехать по свету.

— Мне нужна подпись. Без подписи не смогу ничего сделать.

— Дай мне минуту-другую, и ты ее получишь.

Хэм поднялся, вернув паспорт Джастину, прошествовал к столу. Выдвинул ящик, достал какие-то бланки и чистые листы бумаги. Джастин сел за стол, с нависшим над плечом Хэмом несколько раз расписался за Аткинсона на листе бумаги, прежде чем расписаться за него на бланке генеральной доверенности, согласно которой Питер Пол Аткинс получал права распоряжаться той частью состояния Джастина Куэйла, которая находилась под управлением юридической фирмы «Хэммонд и Манцини», с представительствами в Лондоне и Турине.

— Нотариальное заверение я возьму на себя, — заметил Хэм.

— И еще один момент, если ты не возражаешь.

— Слушаю тебя.

— У меня возникнет необходимость написать тебе.

— В любое время, старина. С радостью буду читать твои письма и обещаю отвечать незамедлительно.

— Но посылать я их буду не сюда. Не в Англию. И даже не в твоё представительство в Турине, если ты не возражаешь. Как мне помнится, у тебя полным-полно итальянских тетюшек. Не могла бы одна из них получать для тебя письма и хранить, пока ты их у нее не заберешь?

— Есть у меня одна старая драконша в Милане, — Хэма передернуло.

— Нам и нужна старая драконша в Милане. Может, дашь мне ее адрес?

В Челси в полночь, в блейзере и серых фланелевых брюках, Джастин сидел в столовой под огромной сверкающей люстрой, за отвратительным столом и писал письмо. Перьевой ручкой. Несколько скомканных черновиков уже лежали в корзинке для мусора, но итог ему все равно не нравился:

"Дорогая Элисон!

Я благодарен Вам за высказанные на нашей встрече предложения. Оффис всегда отличался заботой о своих сотрудниках, и нынешняя ситуация не стала исключением. Я обстоятельно обдумал Ваши предложения и провел совещание с адвокатами Тессы. Как выяснилось, в последние месяцы она изрядно запустила свои дела, отчего возникли проблемы, решение которых невозможно без моего непосредственного участия. Необходимо определиться с местом постоянного проживания и налогами, не говоря уже о продаже заграничной собственности. Поэтому я решил заняться этими делами и чувствую, что они отвлекут меня от происшедшей трагедии.

Надеюсь, что Вы не затаите на меня зла, если я неделю или две потяну с ответом на Ваши предложения. Что же касается отпуска по болезни, я считаю себя не вправе использовать в личных целях благорасположение Оффиса. Я не брал отпуск в этом году, и, как я понимаю, в связи с завершением службы в Кении мне положены дополнительные пять недель отпуска. И я бы предпочел прежде всего использовать свой законный отпуск, а уже потом просить Вас о его продлении в связи с болезнью.

С благодарностью, Джастин".

«Лицемерная, бесчестная пустышка, — подумал он с чувством глубокого удовлетворения. — Джастин, чиновник до мозга костей, прежде всего думает о том, уместно ли ему брать отпуск по болезни, если в это время он намеревается заниматься делами убитой жены». Он вернулся в холл и еще раз взглянул на «гладстон», лежащий под мраморным столиком. Один замок взломали, и он более не работал. Второй просто вырвали. Содержимое лежало в беспорядке. «Плохие вы специалисты», — презрительно подумал он. Но тут же пришла другая мысль: «Если только вы не хотели напугать меня. В этом случае с профессионализмом у вас все в порядке». Он проверил карманы. Паспорт, настоящий, чтобы выезжать из Англии и въезжать обратно. Деньги. Никаких кредитных карточек. С решительным видом он начал гасить огни, дабы у тех, кто наблюдал за домом, не возникло

ни малейших сомнений в том, что его единственный обитатель готовится отойти ко сну.

Глава 11

Гора чернела на фоне темнеющего неба, по которому февральский ветер гнал изливающиеся дождем облака. Узкую извилистую дорогу пятнали потеки глины, сползшей с размокшего склона. То и дело из-под колес летела галька. Иногда дорога становилась тоннелем, крышу которого образовывали сосновые ветви, бывало, тянулась по краю тысячефутового обрыва, в основание которого бился прибой. После иного поворота казалось, что дорога несет его прямо в море, но следовал новый, и оно скрывалось из виду. Повороты шли непрерывной чередой, дождь хлестал и хлестал, и джип, на котором он ехал, дрожал, как старая лошадь, выбивающаяся из последних сил. И все это время за ним следил старинный форт на Монте Капанне, поначалу высившийся над ним, потом ушедший вправо.

— Где же он, черт побери? Где-то слева, клянусь, — пробурчал он то ли себе, то ли Тессе. Поднявшись на гребень, раздраженно свернул на обочину, огляделся. Под ним светились уличные фонари, рекламные щиты и окна Портоферрайо. Вдали, на материке, поблескивали огни Пьомбино. Слева и справа в лес уходили проселочные дороги. «Здесь твои убийцы сидели в зеленом вездеходе, дожидаясь, пока ты появишься, чтобы убить тебя, — объяснил он. — Здесь курили эти отвратительные сигареты „Спортсмен“, здесь пили пиво „Уайткэп“ и ждали, пока ты и Арнольд проедете мимо». Он побрился, расчесал волосы, надел чистую рубашку из джинсовой ткани. У него горело лицо, кровь пульсировала в висках. Он свернул налево. Джип мягко покачивало на устилавших дорогу ветках и опавшей хвое. Деревья чуть разошлись, небо просветлело, казалось, вернулся день. Впереди, у дальнего конца прогалины, он увидел несколько крестьянских домов. «Я никогда их не продам, никогда не сдам в аренду, — сказала ты, когда впервые привезла меня сюда. — Я поселю здесь дорогих мне людей, чтобы потом мы могли приехать и умереть здесь».

Заглушив мотор и поставив джип на ручник, Джастин по мокрой траве зашагал к ближайшему дому. Аккуратному, со свежеевыкрашенными стенами под старой розовой черепицей. В окнах горел свет. Он постучал. Из трубы, защищенной лесом, вертикально поднимался дым, но на высоте ветер брал свое и уносил его в сторону. Дверь открылась, женщина в ярком шарфе, повязанном на волосы, издала горестный крик, наклонила голову, что-то зашептала на незнакомом Джастину языке. Со склоненной головой, взяла его руку в свои, по очереди прижала к каждой щеке, потом поцеловала большой палец.

— Где Гвидо? — спросил он на итальянском, следуя за ней в дом.

Она открыла другую дверь, показала. Гвидо сидел за длинным столом, под деревянным крестом, согнутый, чуть живой, старик двенадцати лет, с бледным лицом, худеньким тельцем, глазами затравленного зверька. Руки-соломинки лежали на столе, пальцы ничего не сжимали, ничего не держали. Мальчик сидел один в темной комнате, под потемневшими от времени балками потолка, не читал, не играл, никуда не смотрел, просто сидел. Склонив длинную голову и приоткрыв рот, Гвидо взглянул на Джастина, потом встал, шагнул к нему, поднял руки, чтобы обнять. Но сил не хватило, руки упали, как плети, так что обнял его Джастин.

— Он хочет умереть, как его отец и синьора, — пожаловалась мать. — «Все хорошие люди на небесах, — говорит он мне. — Все плохие люди остаются на земле». Я — плохая, синьор Джастин? Вы — плохой? Неужели синьора привезла нас из Албании, оплатила его лечение в Милане, поселила нас в этом доме, чтобы мы умерли, горюя по ней? — Гвидо закрыл лицо руками. — Сначала он падает в обморок, потом ложится в кровать и спит. Не ест, не принимает лекарства. Отказывается учиться. Этим утром, как только он ушел в ванную, чтобы умыться, я заперла его спальню и спрятала ключ.

— И это хорошее лекарство, — кивнул Джастин, не сводя глаз с Гвидо.

Качая головой, женщина ретировалась на кухню, откуда тут же донесся грохот сковородок. Джастин отвел Гвидо к столу, сел рядом с ним.

— Ты слушаешь меня, Гвидо? — спросил он на итальянском.

Мальчик закрыл глаза.

— Все остается, как было, — твердо продолжил Джастин. — Оплата школьных занятий, врач, больница, лекарства, все, что необходимо для твоего здоровья. Аренда, еда, оплата твоего университетского образования, когда ты подрастешь. Мы сделаем все, что она для тебя запланировала, в полном соответствии с ее планами. Мы не можем ее подвести, не так ли?

Опустив глаза, Гвидо с неохотой мотнул головой: нет, мы не можем ее подвести, с этим он соглашался.

— Как насчет шахмат? Может, сыграем?

Вновь мальчик покачал головой, но уже с другим значением: играть в шахматы — проявление неуважения к памяти синьоры Тессы.

Джастин взял Гвидо за руку. Покачал ее из стороны в сторону, в ожидании хоть проблеска улыбки.

— А что ты делаешь, когда не умираешь? — спросил он на английском. — Читаешь книги, которые мы тебе посылали? Я думаю, ты уже стал экспертом по Шерлоку Холмсу.

— Мистер Холмс — великий детектив, — ответил Гвидо на английском, но без улыбки.

— А как поживает компьютер, который тебе подарила синьора? — Джастин переключился на итальянский. — Тесса говорила мне, что ты — большой знаток компьютеров. Гений, называла она тебя. Вы так часто переписывались по электронной почте, что я даже начал ревновать. Только не говори мне, что ты не подходишь к компьютеру, Гвидо!

Эти слова вызвали взрыв возмущения на кухне.

— Разумеется, он не подходит к компьютеру! Он ни к чему не подходит! А ведь компьютер обошелся ей в четыре миллиона лир! Раньше он целыми днями просиживал у компьютера, тэп, тэп, тэп. Тэп, тэп, тэп. Только и стучал по клавишам. «Ты ослепнешь, — говорила я ему. — От напряжения у тебя будет болеть голова». Теперь все. Даже компьютер должен умереть.

Держа Гвидо за руку, Джастин всмотрелся в глаза, которые мальчик отводит в сторону.

— Это правда? — спросил он. Похоже на то.

— Но это ужасно, Гвидо. Талант нельзя зарывать в землю, — покачал головой Джастин и заметил, что на губах мальчика теплится улыбка. — Человечеству просто необходимы такие головы, как твоя. Ты слышишь меня?

— Возможно.

— А ты помнишь компьютер синьоры Тессы, на котором она тебя обучала?

Разумеется, Гвидо помнит, в голосе слышится самодовольство.

— Отлично. Он не такой хороший, как твой. Твой на два года моложе и более умный.

Так?

Да. Конечно же, да. Улыбка становится шире.

— Видишь ли, я — идиот, Гвидо, в отличие от тебя, я не могу работать даже на ее компьютере. И моя проблема в том, что синьора Тесса оставила в нем послания, многие для меня, и я до смерти боюсь их потерять. И я думаю, она хотела бы, чтобы именно ты позаботился о том, чтобы я их не потерял. Хорошо? Потому что она очень хотела, чтобы ее сын стал таким же, как ты. И я тоже. Вопрос в том, сможешь ли ты прийти на виллу и помочь мне прочитать все, что хранится в ее лаптопе.

— Принтер у вас есть?

— Да.

— Порт для дискет?

— И это тоже.

— Порт для си-ди ромов? Модем?

— И инструкция, и преобразователи. И шнуры, и адаптер. Но я все равно идиот, и, если есть шанс стереть что-то нужное, я обязательно сотру.

Гвидо тут же поднялся, но Джастин осторожно усадил его за стол.

— Не сейчас. Уже вечер. Этой ночью ты должен выспаться, а завтра утром, если хочешь, я приеду за тобой и мы поедем на виллу на джипе, но потом ты пойдешь в школу. Хорошо?

— Хорошо.

— Вы очень устали, синьор Джастин, — пробормотала мать Гвидо, ставя перед ним чашку кофе. — Слишком много горя — беда для сердца.

Он провел на острове два дня и две ночи, но, если бы кто-нибудь сказал ему, что прошла целая неделя, он бы не удивился. Паром доставил его в Булонь. Там он взял билет на поезд, расплатившись наличными. По пути, задолго до конечного пункта, указанного в билете, сошел и сел на другой поезд. Паспорт показывал, насколько помнил, только раз, и взглянули на него лишь мельком, когда он въезжал в Италию из Швейцарии, по очень живописному горному ущелью. И это был его собственный паспорт, в этом он был верен. Выполняя инструкции Лесли, паспорт мистера Аткинсона он послал через Хэма, чтобы его не поймали с двумя паспортами на руках. Что же касается ущелья и поезда, он не мог их вспомнить, не посмотрев на карту и не предположив с достаточной степенью вероятности, в каком городе он сел на этот поезд.

Большую часть путешествия Тесса находилась рядом, иной раз они даже смеялись, обычно после замечания Тессы, произнесенного дурашливым голосом. Случалось, что они сидели молча, плечом к плечу, откинув головы и закрыв глаза, словно пожилая пара, пока внезапно она не покидала его, разрывая сердце болью, и горечь утраты чувствовалась куда острее, чем в полуподвале Глории, на кладбище Лангата, в морге или на чердаке дома в Челси.

Сойдя с поезда в Турине, Джастин снял номер в отеле, чтобы помыться и привести себя в порядок, в комиссионном магазине купил два простеньких парусиновых чемодана, чтобы положить в них бумаги и вещи, за которыми и приехал, которые рассматривал как ее останки. Да, синьор Джастин, заверил его одетый в черный костюм молодой адвокат, партнер фирмы со стороны Манцини, после выражений сочувствия, дышащих искренностью, «коробки для шляп» прибыли в целости и сохранности в установленное время, вместе с указанием Хэма передать номера пять и шесть Джастину лично, не вскрывая, и если требуется еще какая-то помощь, юридическая, профессиональная, любая другая, все будет исполнено, поскольку верность семьи Манцини не оборвалась со смертью синьоры. Тут же Джастин расписался за пятьдесят тысяч американских долларов и получил их наличными. Затем удалился в пустующую комнату для переговоров, где переложил содержимое коробок пять и шесть, в том числе паспорт мистера Аткинсона, в парусиновые чемоданы, взял такси до Пьомбино и каким-то чудом успел попасть в сверкающий огнями отель, называющий себя лайнером, который отправлялся в Портоферрайо, на острове Эльба.

Сев как можно дальше от огромного телевизора, единственный гость в поблескивающей пластиком большущей столовой самообслуживания на шестой палубе, поставив рядом чемоданы, Джастин угостил себя салатом с креветками, бутербродом с саями и полубутылкой действительно плохого красного вина. Прибыв в Портоферрайо, борясь с головокружением, направился к выходу через темный трюм, где едва не попал под колеса выезжающих автомобилей.

Сгушались сумерки, дул холодный, пронизывающий ветер, редкие пешеходы стремились как можно быстрее покинуть набережную. Боясь, что его узнают, хуже того, пожалеют, Джастин надвинул шляпу глубоко на лоб и с чемоданами в руках побрел к ближайшему такси. С облегчением убедился, что лицо водителя ему незнакомо. За двадцать минут, которые заняла поездка, водитель только раз спросил, не немец ли он, и Джастин ответил, что он — швед. Ответил удачно, потому что других вопросов водитель не задавал.

Вилла Манцини располагалась у самого берега в северной части острова. Ветер, дующий с моря, трепал пальмы, перекачивался через каменные заборы, гремел ставнями и черепицей, заставлял стонать деревянные постройки. Один под лунным светом, Джастин долго стоял, пока его глаза привыкали к темноте, на том самом месте, где водитель высадил

его, у входа в вымощенный камнем-плитняком двор виллы, с древним колодцем и прессом для выжимки оливкового масла. Вилла возвышалась перед ним. Два ряда тополей, посаженных дедом Тессы, окаймляли дорожку, ведущую от парадной двери к морю. Постепенно Джастин различил и домики для слуг, и каменные лестницы, и колонны, и другие элементы римской архитектуры. На вилле не светило ни одно окно. Управляющий поместья уехал в Неаполь, согласно Хэму, решил развлечь невесту. Домики для слуг, перестроенные матерью Тессы (на острове ее предпочитали звать *dottoressa* [53] — не *contess* [54]) в коттеджи для немецких туристов, арендовало туристическое агентство из Франкфурта.

Так что добро пожаловать домой, сказал он Тессе, на случай, если после длительного путешествия она не поняла, где находится.

Ключи от двери лежали на каменном выступе под деревянной крышкой, закрывающей колодец. «Первым делом надо снять крышку, дорогой... вот так... потом протянуть руку, и, если повезет, ты их ухватишь. Теперь тебе остается только открыть дверь, отвести невесту в спальню и заняться с ней любовью, ничего больше». Но он повел ее не в спальню, потому что знал место лучше. Вновь подхватив чемоданы, пересек двор. В это самое время луна вышла из-за облаков, осветив ему путь, уложив белые колонны между тополями. В дальнем конце двора, пройдя короткой аллеей, напоминающей узкую улочку римского города, остановился перед дверью из оливкового дерева, с вырезанной на ней геральдической пчелой Наполеона: согласно семейной легенде, великий человек, ценивший и умную беседу, и еще больше отменное вино прапрабабушки Тессы, частенько бывал на вилле во время десятимесячной ссылки.

Джастин выбрал самый большой из ключей, вставил в замок, повернул. Дверь натужно закрипела и открылась. "Здесь мы считали наши денежки, — на полном серьезе говорила ему она, наследница состояния Манцини, невеста и гид. — Сегодня превосходные оливки Манцини отправляются на переработку в Пьомбино. Но во времена моей матери, *dottoressa*, эта комната являлась святой святых. Здесь мы вели учет масла, кувшин за кувшином, прежде чем отнести их вниз, в *santina* [55], где они хранились при постоянной температуре. Именно здесь... ты не слушаешь".

— Потому что ты меня возбуждаешь.

«Ты мой муж, и я буду тебя возбуждать, как только у меня возникнет такое желание. Слушай внимательно. В этой комнате каждый крестьянин еженедельно получал жалованье и расписывался, чаще ставил крест, в огромной амбарной книге».

— Тесса, я не могу...

«Не можешь что? Разумеется, можешь. С этим у тебя все в порядке. Здесь мы держали закованных в кандалы заключенных, осужденных пожизненно. Отсюда и глазок в двери. Отсюда и железные кольца в стенах. Заключенных сажали на цепь, пока они ожидали отправки на оливковые плантации. Ты мной гордишься? Я — прямой потомок рабовладельцев».

— Горжусь безмерно.

«Тогда почему ты запираешь дверь? Я — твоя пленница!»

— Навечно.

Потолок масляной комнаты подпирают тяжелые балки, окна — высоко, чтобы никто не мог заглянуть в нее и увидеть, считают ли там деньги, сидят на цепи заключенные или молодожены занимаются любовью на кожаном диване. Стол для счета денег плоский и квадратный. В нишах — два плотницких верстака. Джастин с огромным трудом сумел пододвинуть их к столу. На полке над дверью — старые бутылки, собранные со всего поместья. Джастин снял их, протер носовым платком от пыли, прежде чем поставить на стол, чтобы использовать вместо пресс-папье. Время остановилось. Он не чувствовал ни голода, ни жажды, ни сонливости. Поставил по чемодану на верстак, вытащил два самых ценных узла и положил их в центре стола, из опасения, что им достанет ума сверзиться на пол. Осторожно начал разворачивать первый узел, снимая слой за слоем: ее хлопчатобумажный халат, кардиган из ангоры, его она носила за день до отъезда в Локикоджио, шелковая блузка,

воротник еще сохранил запах ее духов, пока в руках не оказалась бесценная жемчужина — серый ящичек размером десять на двенадцать дюймов, с логотипом японской фирмы-производителя на крышке. Нисколько не изменившийся за длинные, тревожные дни и ночи бесконечных переездов. Из второго узла извлек аксессуары. Осторожно перенес все на старый письменный стол в другом конце комнаты.

— Позже, — пообещал он вслух. — Терпение, женщина.

Успокоив дыхание, он достал из своей сумки радиоприемник с будильником, настроил его на местную волну «Зарубежного вещания Би-би-си» [56]. Во время путешествия он постоянно следил за ходом по-прежнему безрезультатных поисков Арнольда. Завел будильник на время начала следующего информационного выпуска и занялся пластиковыми файлами-карманами с письмами, газетными вырезками, распечатками и официального вида документами, похожими на те, что в прошлой жизни отгораживали его от реальности. Но нынче ситуация изменилась кардинально. Эти документы ни от чего не отгораживали, ни полицейские рапорты Лесли, ни бумаги Хэма, подготовленные им в ответ на бесчисленные запросы Тессы, ни собранные и аккуратно рассортированные Тессой письма, эссе, газетные вырезки, фармакологические и медицинские статьи, ни послания себе, которые он снял с доски для заметок, ни ее лихорадочные записи, сделанные в больнице, которые Лесли и Роб отыскивали в квартире Арнольда Блюма. Автоматически включилось радио. Джастин поднял голову, прислушался. Для числящегося в пропавших без вести Арнольда Блюма, доктора медицины, подозреваемого в убийстве Тессы Куэйл, жены английского дипломата, у комментатора вновь не нашлось слов. Более не отвлекаясь, Джастин рылся среди «останков» Тессы, пока не нашел предмет, который намеревался все время держать при себе. Она принесла его с собой из больницы, «единственную вещь Ванзы, которую они оставили». Тесса выудила сей предмет из мусорной корзинки, стоявшей рядом с кроватью негритянки. После возвращения Тессы он, как часовой, нес непрерывную вахту на ее рабочем столе: маленькая картонная коробочка, в красных и черных цветах, пять на три дюйма, пустая. Оттуда она попала в средний ящик, где и нашел ее Джастин, торопливо собирая бумаги жены. Не забытая, не заброшенная. Отложенная в сторону, потому что возникли более важные дела. С названием препарата на всех четырех сторонах: «Дипракса». С вкладышем внутри, где перечислялись показания и противопоказания. А на крышке — три золотые пчелки, образующие стрелу. Джастин поставил коробочку на пустую полку, висевшую прямо перед ним, над письменным столом. «Кенни К. думает, что со своими „Три Биз“ он — Наполеон, — шептала она ему в лихорадке. — И их жало убивает, ты это знал?» Нет, дорогая, не знал, спи спокойно.

Читать.

Путешествовать.

Не спешить.

Шевелить мозгами.

Нападать и оставаться на месте, с терпением святого, с импульсивностью ребенка.

Никогда в жизни Джастин так не стремился к знанию. Время подготовки прошло. После ее смерти он готовился днями и ночами. Он отказывался от помощи, но готовился. Готовился в ужасном полуподвале Глории. На полицейских допросах, когда ему просто чудом удалось удержаться от признаний. Готовился, когда летел домой, в кабинете Лендсбюри, в клубе Пеллегрини, в кабинете Хэма в доме номер четыре, готовился, пусть параллельно решал и другие, всякие и разные проблемы. Вся эта подготовка требовалась для того, чтобы нырнуть в ее секретный мир, понять цель и смысл ее борьбы, отказаться от себя и стать ею, убить Джастина и возродить Тессу.

С чего начинать?

Со всего!

По какой тропе пойти?

По всем разом!

От вышколенного чиновника ничего не осталось. Охваченный нетерпением Тессы,

Джастин нес ответственность только перед ней и никем больше. Если она била по площадям, он повторит ее маневр. Если следовала какой-то методике, он не отступит от нее ни на шаг. Если доверяла интуиции, возьмет ее за руку и пойдет рядом по проложенной ею тропе. Он голоден? Если Тессе не хотелось есть, ему тоже. Он устал? Если Тесса, в халате, могла просиживать по полночи за столом, Джастин просидит ночь, и следующий день, и следующую ночь тоже!

Однажды, оторвавшись от трудов, он прогулялся на кухню виллы, вернувшись с салями, оливками, хлебцами, сыром и бутылкой воды. В другой раз (в вечерних сумерках или на заре, в памяти остался серый свет), читая больничный дневник, в котором отмечались посещения Ванзы Лорбиром и его учениками, он вдруг очнулся в огороженном стеной саду. Именно здесь, под любящим взглядом Тессы, в память об их свадьбе он посадил люпин, розы и, конечно же, фризии. Сорняки доходили до колена, штанины намокли. Цвела одна-единственная роза. Вспомнив, что дверь в масляную комнату осталась открытой, он промчался через вымощенный камнем двор, чтобы обнаружить, что она заперта, а ключ лежит во внутреннем кармане пиджака.

Вырезка из «Файнэншл таймс»:

«Три Биз» жужжат.

Циркулируют упорные слухи о том, что известный плейбой Кеннет К. Куртисс, глава холдинга «Три Биз», имеющего обширные интересы в «третьем мире», намерен заключить брак по расчету со швейцарско-канадским фармагигантом «Карел Вита Хадсон». "Придет «КВХ» к алтарю? Устроит жениха приданое, предложенное «Три Биз»? Ответ на оба вопроса — да, поскольку фармацевтический гамбит, разыгрываемый Кеннетом К., приносит плоды. Предположительно «Три Биз Найроби» оплатит четверть от предположительно 500 миллионов фунтов стерлингов, затраченных «КВХ» на разработку новейшего противотуберкулезного чудо-лекарства «Дипракса», в обмен на право его продажи на Африканском континенте и неназванной доле от прибыли, полученной от общемирового объема продаж...

Пресс-секретарь «Три Биз Найроби» Вивьен Эбер осторожничала, но не скрывала радости: "Это блестящая, типичная для Кеннета К. сделка. Это гуманитарный акт, который принесет пользу компании, принесет пользу акционерам, принесет пользу Африке. Принимать «Дипраксу» также просто, как «Смартиз» [57]. «Три Биз» окажется на переднем фронте борьбы с новыми, ужасающими мир штаммами ТБ".

Председатель совета директоров «КВХ» Дитер Корн, выступая вчера вечером в Базеле, поддержал оптимизм Эбер: «Дипракса» превращает семь или восемь месяцев лечения в больнице в двенадцать глотательных движений. Мы уверены, что только «Три Биз» сможет максимально быстро и качественно донести новый препарат до каждого африканского страждущего".

Записка от Тессы — Блюму, написанная ее почерком и, вероятно, найденная в квартире Арнольда:

"Дорогой Арнольд!

Ты не поверил мне, когда я сказала, что «КВХ» — бяки. Я проверила. Они бяки. Два года тому назад их обвинили в загрязнении половины Флориды, где они построили огромный завод, но им удалось отделаться только предупреждением. Неопровержимые доказательства, представленные истцами, показали, что «КВХ» превысил разрешенную квоту токсических веществ в девятьсот раз, загрязнив заповедники, болота, реки, берега и, возможно, молоко. Аналогичным образом вел себя «КВХ» и в Индии, где более двухсот детей умерли в регионе Мадраса, предположительно от загрязнения окружающей среды. Но в Индии суд может длиться лет пятнадцать, а то и больше, если «КВХ» будет и дальше платить нужным людям. Они знамениты также своим лидерством в гуманитарной компании фармацевтики по продлению жизни своих пациентов в интересах страдающих

белых миллиардеров. Спокойной ночи, дорогой. Никогда не сомневайся в том, что я говорю. Я безупречна. Как и ты. Т."

Газетная вырезка из финансового раздела «Гардиан», Лондон.

"Счастливые «Пчелки»

Резкое увеличение (40% за двенадцать недель) стоимости «Три Биз Найроби» отражает растущую уверенность рынка в том, что компания приняла удачное решение, приобретя права на продажу в Африке «Дипраксы», недорогого и эффективного средства борьбы с различными штаммами ТБ. Находясь в своем доме в Монако, ГИД [58] «Три Биз» Кеннет К. Куртис заявил: «То, что хорошо для „Три Биз“, хорошо и для Африки. А что хорошо для Африки, хорошо для Европы, Америки и остального мира».

В отдельной папке с надписью, почерком Тессы, «ГИППО» содержалась ее переписка, порядка сорока писем, сначала обычных, потом распечатки электронных, с женщиной по имени Бирджит, которая работала в независимом фонде, отслеживающем деятельность фармакологических компаний. Штаб-квартира фонда располагалась в небольшом городке Билефельд на севере Германии. Под логотипом в шапке ее писем объяснялось, что название фонда — производная от имени греческого врача Гиппократ, родившегося в 460 году до нашей эры, чью клятву произносят все новоиспеченные врачи. Первые письма были исключительно формальными, но с переходом к электронной почте в текстах добавилось эмоций. Ключевые игроки быстро получили псевдонимы. «КВХ» стал Гигантом, «Дипракса» — Пилюлей, Лорбир — Ювелиром. Источник Бирджит в корпорации «Карел Вита Хадсон» превратился в «Нашу подругу», и ее следовало прикрывать при любых обстоятельствах, потому что, «передавая нам информацию, она нарушала законы Швейцарии».

Распечатка письма Бирджит Тессе:

"...для своих двух врачей, Эмрих и Ковач, Ювелир основал компанию на острове Мэн, возможно, две компании, потому что происходило все это еще в коммунистические времена. Наша подруга говорит, что Л. зарегистрировал обе компании на свое имя, чтобы у женщин не возникло проблем с властями. После этого женщины крепко разругались между собой. Как по научным вопросам, так и на почве личных отношений. В Гиганте подробностей никто не знает. Эмрих год тому назад эмигрировала в Канаду. Ковач остается в Европе, в основном живет в Базеле. Карл в полном восторге от огромного «мобайла» [59], который ты ему прислала. Каждое утро он прибегает ко мне, чтобы сказать, что «мобайл» уже проснулся".

Распечатка письма Бирджит Тессе:

"Вот еще одна история, касающаяся Пилюли. Пять лет тому назад, когда Ювелир искал финансовую поддержку для молекулы женщин, не все у него шло гладко. Он пытался убедить крупные немецкие фармакологические компании спонсировать исследования, но они уперлись, потому что не видели большой прибыли. С бедными всегда одна и та же проблема: они недостаточно богаты, чтобы покупать дорогие лекарства! Гигант вступил в игру позже и после серьезных маркетинговых исследований. Наша подруга говорит, что они очень умно провели сделку с «БББ». Гениальный ход — отдать бедную Африку и оставить себе богатый мир! План прост, время выбрано точно. Два-три года ушло бы на испытания Пилюли в Африке, а к тому времени, по расчетам «КВХ», ТБ стал бы БОЛЬШОЙ ПРОБЛЕМОЙ и для Запада. Также за три года «БББ» могли понести значительные финансовые потери, и у Гиганта появлялась возможность купить их за бесценок! То есть, согласно Нашей подруге, «БББ» попадали впросак, а Гигант снимал все сливки. Карл уснул рядом со мной. Дорогая Тесса, я (60)очень надеюсь, что твой ребенок будет таким же красавчиком, как Карл. И вырастет великим бойцом, как его мать. Я в этом уверена! Сiao [60], Б."

Распечатка последнего письма Бирджит Тессе:

"Наша подруга сообщает о секретных мерах, которые принимаются Гигантом в отношении «БББ» и Африки. Уж не разворошила ли ты осиное гнездо? Ковач в обстановке строжайшей секретности вылетает в Найроби, где ее будет встречать Ювелир. Все

говорят только плохое о *die schone Lara* [61]. Она — предательница, сука и т.д. С какой стати всегда сонная корпорация вдруг так оживилась? Береги себя, Тесса. Я думаю, ты слегка *waghalsig*, но уже поздно, а мой английский словарь не переводит это слово, поэтому, будь так любезна, попроси своего хорошего, доброго мужа перевести его для тебя! Б.

P.S. Приезжай в Билефельд, Тесса, это маленький и очень секретный городок, который тебе обязательно понравится! Б."

Вечер. Тесса глубоко беременна. Она то ходит по гостиной их дома в Найроби, то садится, то встает. Арнольд сказал ей, что она не должна ездить в Киберу до рождения ребенка. Ей трудно даже сидеть за ноутбуком. Поработав пять минут, она должна пройтись по комнате. Джастин вернулся домой рано, чтобы она не скучала в одиночестве.

— Кто или что такое *waghalsig*? — спрашивает она, едва он переступает порог.

— Кто что?

Она произносит слово медленнее, по слогам. Повторяет два раза, прежде чем он соображает, что к чему.

— Отчаянный, — осторожно отвечает Джастин. — Рискованный. А что?

— Я — *waghalsig*?

— Ни в коем разе. Быть такого не может.

— Меня так называли, вот и все. В таком состоянии мне самое время рисковать.

— Это точно, — кивает Джастин, и оба смеются.

Письмо от господ «Окли, Окли и Фармлоу», адвокатской конторы с представительствами в Лондоне, Найроби и Гонконге, миссис Т. Эбботт, абонементный ящик Найроби:

"Дорогая миссис Эбботт!

Мы представляем интересы холдинга «Три Биз», который передал нам несколько писем, адресованных Вами лично сэру Кеннету Куртиссу, главному исполнительному директору этого холдинга, другим директорам и топ-менеджерам.

Мы вынуждены сообщить Вам, что продукт, о котором Вы упоминаете, прошел все необходимые клинические испытания, жесткость которых во многом превосходит стандарты, принятые отдельными странами и международными организациями. Как Вы правильно указали, продукт прошел полноценную проверку и зарегистрирован в Германии, Польше и России. По требованию кенийских властей, курирующих медицину, регистрация подтверждена Всемирной организацией здравоохранения, копия сертификата прилагается.

Мы должны предупредить Вас, что любые дальнейшие попытки опорочить качественный продукт, предпринятые вами или вашими помощниками, будут рассматриваться как клевета, порочащая честь и достоинство дистрибьютора продукта, холдинга «Три Биз Найроби». На этот случай нам предоставлено право обращаться в суд без дополнительных консультаций с нашим клиентом.

Искренне Ваши..."

— Старина. Если позволишь, хочу перекинуться с тобой парой слов.

Говорит Тим Донохью. Старина — сам Джастин, в памяти которого разыгрывается эта сценка. Игра в «Монополию» прервана, потому что сыновья Вудроу убежали на занятия карате, а Глория ушла на кухню, чтобы принести им выпивку. Вудроу спешно вернулся в посольство. Джастин и Тим сидят за столом в саду, окруженные миллионами псевдофунтов.

— Могу я ступить на священную землю в интересах высшего добра? — спрашивает Донохью тихим голосом, долетающим только до ушей Джастина.

— Если в этом есть необходимость.

— Есть. Это прямо-таки война, старина. Твоя покойная супруга развязала ее против Кенни К. Пыталась встретиться с ним на его ферме. Звонила в любое время дня и ночи. Оставляла в клубе грубые письма.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Разумеется, не знаешь. Не самая удачная тема для беседы. Особенно сейчас, когда вокруг снуют копперы. Наш совет, не поднимай ее. Она неуместна. Трудные сейчас времена. Для нас всех, в том числе и для Кении. — Он возвысил голос. — Ты держишься прекрасно. Мы восхищены тобой, ты согласна, Глория?

— Он просто супермен, не так ли, Джастин, дорогой? — подтверждает Глория, ставя на стол поднос с джином и тоником.

Наш совет, помнит Джастин, глядя на письмо адвокатов. Не его. Их.

Распечатка электронного письма Тессы Хэму:

«Милый, дорогой, ангельское сердце. Мой шпион в „БББ“ клянется, что их финансовое положение гораздо хуже, чем кто-либо может предположить. Она говорит, что ходят слухи, будто Кенни К. намеревается заложить весь не связанный с фармакологией бизнес какому-то темному южноамериканскому синдикату со штаб-квартирой в Боготе! Вопрос: может он продать компанию без предварительной консультации с акционерами? В корпоративном законодательстве я разбираюсь гораздо хуже тебя, признаюсь сразу. Растолковывай или пеняй на себя! Люблю, люблю, Тесс».

Но у Хэма нет времени на то, чтобы растолковать, даже если бы он и мог, сразу или чуть позже, нет времени и у Джастина. В треске и лязге металла к вилле подъехал старый автомобиль, раздался стук в дверь, Джастин вскочил, приник к глазку, который служил для наблюдения за заключенными, увидел холеное лицо местного священника, отца Эмилио дель Оро, с написанной на нем приличествующей случаю печалью. Открыл дверь.

— Но что вы тут делаете, синьор Джастин? — громогласно воскликнул священник, обнимая Джастина. — Почему я слышу от Марио, таксиста, что убитый горем муж синьоры заперся на вилле и называет себя шведом? А для чего нужен священник, во имя господа, если он не приходит на помощь скорбящему?

Джастин что-то пробормотал насчет того, что жаждал уединения.

— Но вы же работаете! — Через плечо Джастина священник всматривался в бумаги, лежащие на столе, на верстаках, на письменном столе. — Даже теперь, пережив такое горе, вы служите своей стране! Неудивительно, что англичане создали большую, чем у Наполеона, империю!

Джастин отделался банальным: работа дипломата не прерывается ни на секунду.

— Как и священника, сын мой, как и священника! На каждую душу, обратившуюся к богу, есть сотня других, которые этого не сделали! — Он придвинулся ближе. — Но la signora [62] верила, синьор Джастин. Так же, как ее мать, dottoressa, пусть некоторые придерживаются иного мнения. Относясь к людям с такой большой любовью, разве могли они закрыть свое сердце перед богом?

Каким-то образом Джастину удастся увести священника с порога масляной комнаты, усадить в гостиной промерзшей виллы, под поблекшими фресками сексуальных херувимчиков, угостить сначала одним, а потом вторым стаканом вина с виноградников Манцини. Священник заверил его, что Тесса, безусловно, в объятиях господа, и Джастин согласился на мемориальную мессу в следующий день ее святого, а также пожертвовал приличную сумму в фонд восстановления церкви и дал денег, пусть и чуть меньше, на консервацию превосходного замка на вершине холма, жемчужины средневековой Италии, который, по уверениям ученых и археологов, может сползти в море, если не укрепить его стены и фундамент... Проводив святого отца к автомобилю, Джастин с облегчением принял его благословение и поспешил к Тессе.

Она ждала его, скрестив руки на груди.

«Я отказываюсь верить в существование бога, который допускает страдания невинных младенцев».

— Тогда почему мы венчались в церкви? «Чтобы растопить его сердце», — ответила она.

«СУКА. ПРЕКРАТИ СОСАТЬ ЧЛЕН СВОЕГО ДОКТОРА-НИГГЕРА! ВОЗВРАЩАЙСЯ К СВОЕМУ ЖАЛКОМУ МУЖУ-ЕВНУХУ И ПЕРЕСТАНЬ СОВАТЬ СВОЙ ВОНЮЧИЙ НОС В НАШИ ДЕЛА! ЕСЛИ НЕ ПЕРЕСТАНЕШЬ, СТАНЕШЬ ТРУПОМ, И ЭТО НЕ ПУСТЫЕ ОБЕЩАНИЯ».

Лист обычной писчей бумаги, который он держал в трясущихся руках, не предназначался для того, чтобы растопить чье-то сердце. Черные заглавные буквы, каждая высотой в дюйм. Подпись, что неудивительно, отсутствовала. Орфография, что удивительно, нареканий не вызывала. Листок этот, словно обухом по голове, ударил Джастина, на несколько мгновений из всех эмоций осталась только злость на Тессу.

"Почему ты не поставила меня в известность? Почему не показала этот листок? Я был твоим мужем, твоим защитником, твоим мужчиной, твоей второй половиной.

Я сдаюсь. Я опускаю руки. Ты получила смертельную угрозу, пусть и через почтовый ящик. Ты ее достала. Прочитала — сразу. Ахнула. А потом, если ты такая же, как я, отбросила листок, такой мерзкий, такой отвратительный, что его не хотелось держать в руках, рядом с лицом. Но потом взяла и прочитала второй раз. Третий. Пока не отметила, что автор отлично знает английский. Как я.

Но что тебе оставалось делать? Позвонить мне... «Дорогой, случилось кое-что очень неприятное, не мог бы ты сейчас же приехать домой?» Или прыгнуть в машину, примчаться в посольство, помахать этим листком перед моим носом, отвести меня к Портеру? Как бы не так. Это не для тебя. Как всегда, решение принимала твоя гордость. Ты не показываешь мне письмо, ты не говоришь мне о нем, ты его не сжигаешь. Просто кладешь в дальний ящик. Поступаешь с ним именно так, за что всегда поднимала меня на смех. По существу прячешь голову в песок. Как ты жила с собой после этого... как ты жила со мной... можно только догадываться. Бог знает, как ты жила под этой угрозой, но это касается только тебя. Так что спасибо. Большое тебе спасибо. Спасибо, что сберегла ультиматум, набранный большими буквами. Bravo. И еще раз спасибо".

Но ярость схлынула так же быстро, как поднялась, уступив место стыду и угрызениям совести. «Ты же не могла на это пойти, не так ли? Не могла заставить себя показать кому-либо этот грязный листок. Инициировать лавину, которую не могла взять под контроль. Эта мерзость о Блюме, эта мерзость обо мне. Перебор. Ты оберегала нас. Всех нас. Разумеется, оберегала. Ты сказала Арнольду? Конечно же, нет. Он бы попытался отговорить тебя от задуманного тобой».

Джастин делает шаг назад по тропе рассуждений.

"Слишком слюнвявое объяснение. Нехарактерное для более жесткой Тессы. И намного более решительной.

Учти менталитет адвоката. Учти ледяной прагматизм. Представь себе молодую неустрашимую женщину, чувствующую, что цель близка.

Она знала, что нащупала болевую зону. Угроза стала лишним подтверждением этому. Тем, кто безобиден, не грозят смертью.

На том этапе крик «Не по правилам!» означал передачу ее расследования в руки властей. Английские помочь не могли. Чужая страна, чужая юрисдикция. Нам оставалось лишь показать письмо кенийцам.

Но Тесса не верила кенийским властям. Не раз говорила о том, что щупальца империи Мои проникли во все сферы кенийской жизни. Если Тесса кому и верила, то представителям Британии: отсюда и ее секретные контакты с Вудроу.

Если бы она обратилась в кенийскую полицию, ей бы пришлось представить список своих врагов, реальных и потенциальных. И расследование величайшего преступления на том бы и прекратилось. Ее заставили бы сойти с тропы войны. Она никогда бы на это не согласилась. Раскрытие величайшего преступления она ставила выше собственной жизни.

Значит, и мне надо вставать на такую позицию. Есть что-то поважнее моей жизни".

Пока Джастин пытается восстановить душевное равновесие, взгляд его падает на конверт с написанным от руки адресом, который в другой, более ранней жизни он достал из

того же ящика стола Тессы, где лежала и пустая коробочка из-под «Дипраксы». Конверт вскрыт. Внутри один сложенный лист голубой бумаги, какой снабжает посольства издательство Ее Величества. Почерк резкий, человек то ли очень торопился, то ли его снедала страсть.

"Моя дорогая Тесса, я люблю тебя больше других и всегда буду любить!"

Это мое единственное абсолютное убеждение, единственное, что я знаю наверняка. Сегодня по отношению ко мне ты вела себя ужасно, но не столь ужасно, как я — по отношению к тебе. За нас обоих говорили какие-то другие люди. Я безумно хочу тебя. Я готов на все, если ты ответишь мне взаимностью. Давай плюнем на наши вторые половинки и уедем, куда ты захочешь, когда ты захочешь. Если на край земли, то оно и к лучшему. Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя".

На этот раз подпись присутствовала. Буквы большие, такие же, как в письме-угрозе, только написанные, а не напечатанные: Сэнди. Меня зовут Сэнди, говорил автор письма, и ты можешь сообщить об этом всему чертову миру.

Имелись и дата, и время. Даже влюбленный, Сэнди Вудроу не упускал никаких мелочей, как, впрочем, и полагалось добросовестному чиновнику.

Глава 12

Джастин, обманутый муж, застыл под лунным светом, смотрит на посеребренное луной море, глубоко вдыхает холодный ночной воздух. У него ощущение, что он надышался какой-то гадостью и должен провентилировать легкие. «Сэнди движется от слабости к силе, — однажды сказала ты мне. — Сэнди обманывает сначала себя, а потом всех остальных... Сэнди — трус, который укрывается за величественными жестами и возвышенными словами, потому что обыденное оставляет его беззащитным».

«Но, если ты все это знала, почему, во имя господина, ты дошла до такого?» — спрашивает он у моря, у неба, у резкого ночного ветра.

«Ни до чего я не доходила, — строго отвечает она. — Сэнди ошибся, приняв мое кокетство за обещание, точно так же, как ошибался, принимая твои хорошие манеры за слабость».

На мгновение, словно предавшись роскоши, Джастин позволяет мужеству покинуть его, такое уже бывало с ним, когда он задумывался об отношениях Тессы и Арнольда. Но память не знает покоя. Что-то он такое прочитал вчера, прошлой ночью, предыдущим днем. Но что? Распечатку, длинное письмо Тессы Хэму, отправленное по электронной почте, слишком интимное на вкус Джастина, поэтому он положил его в папку для загадок, чтобы разобраться с ними, когда поднакопит сил. Вернувшись в масляную комнату, Джастин достает распечатку и смотрит на дату.

Письмо покинуло компьютер Тессы ровно через одиннадцать часов после того, как Вудроу, презрев действующие в посольстве инструкции, запрещающие использовать бумагу, поступающую от издательства Ее Величества в личных целях, выплеснул на голубой лист свою страсть к жене коллеги.

"Я уже не девочка, Хэм, и мне пора оставить девичьи замашки, но что остается делать девушке, когда она ведет следствие? В итоге один кретин воспылил ко мне страстью. Проблема в том, что я и Арнольд наконец-то наткнулись на золотую жилу, точнее, на самую грязную и вонючую грязь, и нам отчаянно нужен этот кретин, для того чтобы стать нашим рупором в коридорах власти. Другого пути для меня, жены Джастина и верноподданной Британии, просто нет. Я слышу, ты говоришь, что я все та же безжалостная сучка, которая использует мужчин в своих целях, даже кретинов? Нет, не говори этого, Хэм. Не говори, даже если это правда. Заткни себе рот и молчи. Потому что я должна выполнять взятые на себя обязательства, и ты тоже, дорогой. И мне нужно, чтобы ты гладил меня по шерстке, говорил, какая я хорошая, милая девочка, потому что именно такая я и есть. И если ты будешь молчать, я награжу тебя самым сладким

поцелуем с того самого дня, как столкнула тебя в Рубикон в твоём матросском костюмчике. Люблю тебя, милый.

Ciao. Тесс.

P.S. Гита говорит, что я абсолютная шлюха, но не может произнести слово правильно, и у нее получается какая-то «хюха». Ну да бог с ней. Люблю, Тесса (хюха)».

«Подсудимая невиновна по всем пунктам, — сказал он ей. И я, как обычно, могу только сгорать от стыда».

Совершенно успокоившись, Джастин продолжил путешествие в загадочный мир.

Отрывок из совместного рапорта Роба и Лесли суперинтенданту Френку Гридли, отдел расследования зарубежных преступлений, Скотленд-Ярд, об их третьем допросе Вудроу, Александра Генри, начальника «канцелярии» английского посольства в Найроби:

«Субъект усиленно настаивает на том, что выражает мнение сэра Бернарда Пеллегрини, директора департамента Африки Форин-оффис, считающего дальнейшее расследование вопросов, затронутых в меморандуме Тессы, фактором, который серьезно ухудшит отношения правительства Ее Величества и Кенийской республики и повредит торговым интересам Британии... Субъект отказывается ознакомить нас с содержанием меморандума, ссылаясь на его секретность... Субъект заявляет, что не имеет ни малейшего понятия о новом лекарстве, которое продается холдингом „Три Биз“ ... Со всеми требованиями, касающимися меморандума Тессы, субъект рекомендует нам обращаться непосредственно к сэру Пеллегрину, при условии, что меморандум этот еще существует, в чем Субъект сильно сомневается. Субъект характеризует Тессу Куэйл вздорной и истеричной женщиной, психически неуравновешенной во всем, что связано с ее гуманитарной деятельностью. Мы истолковали его слова как попытку свести на нет значимость ее меморандума. Считаю необходимым направить в Форин-оффис официальный запрос на копии всех документов, полученных от Тессы Куэйл Субъектом и отправленных в Лондон».

Надпись красными чернилами, с подписью Ф. Гридли, заместителя комиссара: **«РАЗГОВАРИВАЛ С СЭРОМ Б. ПЕЛЛЕГРИНОМ. В ЗАПРОСЕ ОТКАЗАНО ИЗ СООБРАЖЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ».**

Статьи из различных медицинских журналов, где восхваляется сенсационная эффективность новейшего препарата «Дипракса», «отсутствие мутагенности и долгий период полувыведения в крысах».

Статья из «Гаити джорнэл оф хелт сайенс», с определенной долей скептицизма в отношении чудодейственности «Дипраксы», написанная пакистанским доктором, проводящим клинические испытания препарата в гаитянской исследовательской больнице. Слова «потенциальная токсичность» подчеркнуты Тессой. Среди побочных эффектов пакистанский доктор упомянул почечную недостаточность, внутреннее кровотечение, головокружение, повреждение зрительных нервов.

Вырезка из следующего номера того же издания. Медицинские светила, сплошь профессора, выступают с опровержением, ссылаясь на три сотни больных, лечившихся под их наблюдением «Дипраксой». Они обвиняют бедного пакистанского доктора в «предубежденности» и «безответственном отношении к своим пациентам» и призывают на его голову всякие и разные проклятия.

(Приписка почерком Тессы: "Эти непредубежденные профессора все как один ведут исследовательские проекты, щедро финансируемые «КВХ».)

Отрывок из книги «Клинические испытания» Стюарта Покока, переписанный от руки Тессой. Некоторые слова и выражения подчеркнуты красными будоражащими чернилами, хотя автор книги пишет очень спокойно и размеренно:

"Многие студенты, да и практикующие врачи, воспринимают медицинскую литературу как святое писание. Если ведущие медицинские журналы, такие, как «Ланцет» [63] и «Нью Ингленд джорнэл оф медсин» [64], обнародовали новые медицинские факты, обсуждению они не подлежат. Такая наивная вера в «медицинское евангелие» во многом

определяется догматическим стилем многих авторов, поэтому неопределенности, имеющие место быть в любом исследовательском проекте, зачастую получают неадекватную оценку..."

(Пометка Тессы: «Статьи постоянно проталкиваются фармацевтическими компаниями, даже в так называемые ведущие издания».)

«...Что же касается дискуссий на научных конференциях и рекламы препаратов, которую оплачивают фармацевтические компании, их следует воспринимать еще более скептически... возможности для обмана огромны...»

(Пометка Тессы: «По сведениям Арнольда, большие фармацевтические компании тратят миллиарды долларов, подкупая ученых и врачей, чтобы те проталкивали их продукт. Бирджит сообщает, что „КВХ“ недавно пожертвовал 50 миллионов долларов медицинскому центру при одном из ведущих университетов США, а также установил стипендии (жалованье плюс расходы) для трех главных клиницистов и шести помощников-исследователей. Подкупать обычных сотрудников университетских медицинских центров еще проще: должности заведующих кафедрами, биотехнические лаборатории, исследовательские фонды и т.д. „Неподкупное научное мнение нынче сыскать невероятно сложно“, — Арнольд».)

Снова из Стюарта Покока:

«...всегда существует риск, что авторов убеждают делать больший, чем следует из результатов, упор на позитивные аспекты их открытий».

(Пометка Тессы: «В отличие от мировой прессы, фармацевтические журналы не любят печатать плохих новостей».)

"...Даже если они печатают клинический отчет о негативных результатах, скорее всего опубликован он будет в никому не известном журнале, а не в ведущих изданиях... следовательно, эти негативные результаты не попадают в поле зрения широкой врачебной аудитории.

...Многие клинические испытания не позволяют дать объективную оценку тому или иному препарату".

(Пометка Тессы: «Направлены на то, чтобы что-то подтвердить, а не поставить под вопрос, т.е. хуже, чем бесполезные».)

«Иногда авторы сознательно подгоняют результаты, чтобы доказать положительный...»

(Пометка Тессы: «Сволочи».)

Отрывок статьи из лондонской «Санди таймс», озаглавленной «Фармацевтическая фирма подвергает пациентов риску в клинических испытаниях». Во многих местах подчеркивания Тессы. Отрывок ксерокопирован или отправлен Арнольду Блюму по факсу, потому что сверху написано: «Арни, ты это видел?»

"Одна из крупнейших мировых фармацевтических компаний подвергала сотни пациентов риску заболеть потенциально смертельными инфекциями, не сообщив важнейшие сведения по безопасности шести больницам, начав проводить клинические испытания в масштабе всей страны.

Почти 650 пациентов хирургических отделений в послеоперационный период участвовали в эксперименте, организованном «Байер», немецким фармацевтическим гигантом, несмотря на то что компания имела в своем распоряжении результаты исследований, которые показали, что новый препарат оказался несовместимым со многими другими лекарствами, которые значительно снижали его способность убивать болезнетворные бактерии.

Эти результаты, имеющиеся в «Санди таймс», не стали достоянием широкой общественности до начала клинических испытаний препарата.

Испытания, об опасности которых не были поставлены в известность ни пациенты, ни их семьи, привели к тому, что почти половине прооперированных в участвующей в эксперименте больнице Саутхэмптона не удалось избежать опасных для жизни инфекций.

«Байер» отказался назвать общее число пациентов, у которых на фоне приема

препарата были отмечены послеоперационные инфекции, и число умерших, на том основании, что эти данные являются секретными.

«Проведение клинических испытаний одобрила компетентная государственная комиссия и все местные комитеты по этике», — заявил пресс-секретарь компании».

Цветное, на всю страницу, рекламное объявление из популярного африканского журнала с заголовком: «Я ВЕРЮ В ЧУДЕСА». По центру — красивая, улыбающаяся во все тридцать два зуба африканская мамаша в белой блузке с глубоким вырезом и длинной юбке. Счастливый ребенок сидит у нее на коленях, положив одну ручонку на грудь. Счастливые братья и сестры толкуются рядом, на заднем плане симпатичный отец. Все, включая мамашу, восхищенно смотрят на здоровенького малыша, сидящего у нее на коленях. Внизу еще строчка: «ТРИ БИЗ» ТОЖЕ ВЕРЯТ В ЧУДЕСА!» Из рта мамаша «вылетают» слова: «Когда мне сказали, что у моего ребенка ТБ, я стала молиться. Когда мой врач сообщил мне о „Дипраксе“, я поняла, что мои молитвы услышаны на небесах».

Джастин возвращается к материалам полиции.

Отрывок из рапорта, касающегося допроса ПИРСОН, Гиты Джанет, местной жительницы, сотрудницы «канцелярии» посольства Великобритании в Найроби:

"Мы трижды беседовали с Субъектом, девять, пятьдесят четыре и девяносто минут соответственно. По просьбе Субъекта наши встречи проходили на нейтральной территории (в доме подруги) и не афишировались. Субъекту двадцать четыре года, индоангличанка, воспитывалась в католической монастырской школе, приемная дочь семейной пары — профессионалов (юрист и врач), оба глубоко верующие католики. Субъект с отличием окончила Эксетер-Колледж [65] (английский язык, американский, искусство стран Содружества), обладает высоким интеллектуальным потенциалом, очень нервничает. У нас сложилось ощущение, что она не только охвачена горем, но и сильно испугана. Несколько раз Субъект произносила фразы, которые потом просила вычеркнуть из протокола. Например: «Тессу убили, чтобы заткнуть ей рот». Или: «Те, кто руководит фармацевтикой, должны были перерезать ей горло». Или: «Некоторые фармакологические компании — те же торговцы оружием». На наши просьбы объяснить подробнее она ответила отказом и потребовала, чтобы мы вычеркнули их из протокола. Она также отвергла предположение, что Тессу и шофера убил БЛЮМ. БЛЮМ и ДЖАСТИН, сказала она, на такое не способны. Они — «лучшие люди на свете», а у окружающих «на уме только грязные мыслишки».

На наши последующие вопросы Субъект поначалу заявила, что связана подпиской о неразглашении, потом — клятвой верности, которую дала убитой. Но при нашей третьей и последней встрече с Субъектом мы повели себя более агрессивно, указав, что, скрывая информацию, она выгораживает убийцу Тессы и затрудняет поиски БЛЮМА.

Распечатка протокола допроса представлена в ПРИЛОЖЕНИЯХ А и Б. Субъект прочитала распечатку, но подписать отказалась.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Вопрос. Вы сопровождали или помогли Тессе Куэйл в ее поездках?

Ответ. По уик-эндам и в мое свободное время я сопровождала Арнольда и Тессу в их поездках в Киберу и в окрестные городки и деревни, чтобы помогать в местных больницах и следить за тем, как используются лекарственные препараты. Это основное направление деятельности НГО Арнольда. Несколько препаратов, которые проверил Арнольд, оказались давно просроченными и, следовательно, в значительной мере потерявшими фармакологические свойства, хотя, разумеется, какой-то эффект их применение давало. Другие использовались не по назначению. Мы смогли подтвердить феномен, отмеченный и в других регионах Африки: вкладыш-аннотация с показаниями и противопоказаниями препаратов специально переписывался для рынков стран «третьего мира», с тем чтобы расширить границы их использования в сравнении с развитыми странами. В нашем примере болеутоляющее средство, которое использовалось в США и Европе только для лечения тяжелых раковых больных, предлагалось для снятия боли при месячных и легких формах

артрита. Противопоказания отсутствовали вовсе. Мы также установили, что даже в тех случаях, когда африканские врачи правильно ставили диагноз, они назначали неправильное лечение, не имея адекватных инструкций.

В. «Три Биз» — один из дистрибьюторов этих препаратов?

О. Всем известно, что Африка — мировое фармацевтическое мусорное ведро, а «Три Биз» — один из главных дистрибьюторов лекарственных препаратов в Африке.

В. Значит, «Три Биз» причастен и в данном случае?

О. Некоторые препараты поступали через «Три Биз».

В. То есть вина за то, что пациенты получали некачественные препараты, лежит на «Три Биз»?

О. Да.

В. Сколько вы обнаружили таких случаев? Какую они составляли часть?

О. Сто процентов.

В. Повторите, пожалуйста. Вы говорите, что абсолютно все некачественные препараты, обнаруженные вами, поставлялись через «Три Биз»?

О. Я не думаю, что нам следует говорить об этом. Пока есть шанс на то, что Арнольд жив.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

В. Вы не помните, какой лекарственный препарат вызывал особое негодование Арнольда и Тессы?

О. Нельзя такое допускать. Нельзя.

В. Гита, мы стараемся понять, почему Тессу убили и почему, по вашему убеждению, наша дискуссия увеличивает угрозу жизни Арнольда, если он еще жив.

О. Он был везде.

В. Кто был? Почему вы плачете, Гита?

О. Он убивал людей. В деревнях. В трущобах. Арнольд в этом не сомневался. В принципе препарат хороший, говорил он. Еще пять лет исследований, и его довели бы до ума. Никто не спорит с самой идеей этого препарата. Короткий курс лечения, эффективность, дешевизна. Но они очень спешили. Клинические испытания проводились выборочно. Побочные эффекты не изучили, как должно. Препарат проверяли на беременных крысах, мартишках и собаках. Проблем не возникало. Когда перешли к людям, они возникли, так бывает всегда. Все-таки фармакологические компании имеют дело с неизведанным. Но тут вступает в дело статистика, а статистикой очень легко манипулировать. По мнению Арнольда, они очень спешили вывести свой продукт на рынок и опередить конкурентов. Существует столько положений и инструкций, что можно подумать, будто такое невозможно, но Арнольд говорил, что такое случается сплошь и рядом. Одно дело, смотреть на мир, сидя в роскошном офисе ООН в Женеве. И совсем другое — спуститься на грешную землю.

В. Кто производил препарат?

О. Я не хочу об этом говорить.

В. Как назывался препарат?

О. Почему они не продолжили проверку? На кенийцах вины нет. Страны «третьего мира» лишних вопросов не задают. Берут то, что дают.

В. Речь идет о «Дипраксе»?

О. (неразборчиво).

В. Гита, пожалуйста, успокойтесь и ответьте нам. Как назывался препарат, для лечения каких болезней он предназначался и кто его изготавливал?

О. Из всех больных СПИДом на Африку приходится восемьдесят пять процентов. Вы это знаете? Сколько из них получают лекарства? Один процент! Это уже не гуманитарная проблема! Экономическая! Мужчины не могут работать. Женщины не могут работать! Это гетеросексуальная болезнь, поэтому так много сирот! Они не могут прокормить свои семьи! Ничего не делается! Они просто умирают!

В. Вы говорите о препарате против СПИДа?

О. Пока Арнольд жив, я ни о чем не могу говорить!... Одно связано с другим. Если есть туберкулез, почти наверняка будет и СПИД... Не всегда, но очень часто... Вот что говорил Арнольд.

В. Ванза пострадала от этого препарата?

О. (неразборчиво).

В. Ванза умерла от этого препарата?

О. Не буду отвечать, пока Арнольд жив! Да. «Дипракса». А теперь уходите.

В. Почему они ехали на раскоп Луки?

О. Не знаю! Уходите!

В. Что стояло за их поездкой в Локикоджио? Помимо встреч с женскими организациями, выступающими за равноправие?

О. Ничего! Хватит!

В. Кто такой Лорбир?

О. (неразборчиво).

РЕКОМЕНДАЦИИ

Посольству следует подать официальную просьбу о предложении защитить свидетельницу в обмен на полные показания. Ее следует заверить, что любая полученная от нее информация касательно Блюма и убитой не будет использована, если при этом возникнет угроза его жизни, при условии, что он еще жив".

РЕКОМЕНДАЦИЯ ОТКЛОНЕНА ИЗ СООБРАЖЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. Ф. ГРИДЛИ (суперинтендант)

Обхватив подбородок рукой, Джастин устался в стену. Воспоминания Гиты, второй самой красивой женщины в Найроби. Последовательницы Тессы, мечтающей о том, чтобы установить стандарты приличия в нашем злобном мире. «Гита — это я, но без свойственных мне недостатков», — частенько говорила Тесса.

Гита, последняя из невинных, пьющая зеленый чай с глубоко беременной Тессой, решающая мировые проблемы в саду их дома в Найроби, пока Джастин, счастливый будущий отец, в соломенной шляпе, пропалывает цветочные клумбы, поливает, рыхлит землю, типичный идиот-англичанин средних лет.

— Береги ноги, Джастин! — кричали они ему. Их тревожили подземные муравьи, которые стройными колоннами выползали после дождей и были способны сожрать попавшуюся у них на пути собаку или ребенка. Тесса боялась, что обильный полив муравьи могут принять за дождь.

Гиту постоянно шокировало все и вся: и католическая церковь, резко осуждающая контроль за рождаемостью в странах «третьего мира» и сжигающая презервативы на стадионе Найэйо, и американские табачные компании, которые придавали сигаретам сладковатый привкус, чтобы пристрастить к ним подростков, и сомалийские генералы, сбрасывающие шариковые бомбы на незащищенные деревни, и военные заводы, производящие эти самые шариковые бомбы.

— Что это за люди, Тесса? — с жаром шептала она. — Что у них с головой, скажи мне, пожалуйста? Мы же говорим о первородном грехе, не так ли? Если ты спросишь меня, то, что они делают, еще хуже. В первородном грехе, по-моему, есть что-то от невинности. Но где нынче отыскать невинность, Тесса?

И если заходил Арнольд, а по уик-эндам такое случалось часто, разговор переходил на более специфические темы. Они теснее сжимали круг, чуть ли не соприкасаясь головами, лица их превращались в каменные маски, а если Джастин поливал клумбу в непосредственной близости от них, сразу перескакивали на пустяки, дожидаясь, пока он отойдет на безопасное расстояние.

Рапорт полицейских об их встрече с представителями холдинга «Три Биз», в Найроби:

"Мы пытались встретиться с сэром Кеннетом Куртиссом, и нам дали понять, что он

нас примет. Когда мы прибыли в штаб-квартиру «Три Биз», нам сообщили, что сэра Кеннета срочно вызвали в резиденцию президента Мои, после которой он должен вылетать в Базель на важные переговоры с «Карел Вита Хадсон» («КВХ»). Нам предложили со всеми вопросами обратиться к менеджеру фармакологического маркетинга мисс И. Рампури. Но, как выяснилось, мисс Рампури отсутствовала по семейным делам и наша встреча никак не могла состояться. Тогда нам предложили перенести разговор с сэром Кеннетом и мисс Рампури на более поздний срок. Когда мы указали, что время нашего пребывания в Найроби крайне ограничено, нам предложили встретиться с «другими руководящими лицами», и после часа задержки нас приняли мисс В.Эбер и мистер Д.К.Крик, оба из управления связей с потребителями. Присутствовал также мистер П.Р.Окли, который назвался «адвокатом из Лондона, приехавшим в Найроби по другим делам».

Мисс Вивьен Эбер — высокая симпатичная африканка лет двадцати пяти — тридцати, с дипломом американского университета по специальности «Предпринимательская деятельность».

Мистер Крик, родом из Белфаста, того же возраста, крепкого телосложения, говорит с легким североирландским акцентом.

В дальнейшем мы выяснили, что лондонский адвокат, Перси Рейнлаг Окли, КА [66], старший партнер юридической фирмы «Окли, Окли и Фармлоу». Недавно мистер Окли выиграл несколько судебных процессов, защищая интересы крупных фармацевтических компаний, включая «КВХ». В немалой степени благодаря его усилиям суд отклонил иски потребителей с требованием выплаты компенсации за урон, нанесенный применением лекарственных препаратов. По ходу совещания нам об этом не сообщили.

Сведения о мистере Д.К. Крике приведены в ПРИЛОЖЕНИИ.

РЕЗЮМЕ СОВЕЩАНИЯ.

1. Извинения по поводу отсутствия сэра Кеннета К.Куртисса и мисс И.Рампури.

2. Соболезнования от лица «БББ» (Крик) в связи с безвременной смертью Тессы Куэйл и выражение озабоченности в связи с исчезновением доктора Арнольда Блюма.

БББ (КРИК). В этой чертовой стране с каждым днем становится все страшнее. Убийство миссис Куэйл, это просто ужасно. Прекрасная женщина, с отменной репутацией. Чем мы можем вам помочь? Мы готовы оказать всяческое содействие. Прямое указание шефа. Он очень уважает английскую полицию.

ПОЛИЦИЯ. Насколько нам известно, Арнольд Блум и Тесса Куэйл неоднократно запрашивали «Три Биз» относительно нового противотуберкулезного препарата, который вы продвигаете на кенийский рынок. Называется он «Дипракса».

БББ(КРИК). Правда? Мы должны с этим разобраться. Видите ли, мисс Эбер больше занималась пиаром, а я в этом отделе только потому, что в холдинге сейчас полным ходом идет реорганизация. Шеф считает, что негоже сотрудникам сидеть сложа руки. Это, мол, пустая трата денег.

ПОЛИЦИЯ. Запросы вылились в совещание, на котором присутствовали Куэйл, Блум и менеджеры вашего холдинга. Мы хотим получить от вас стенограмму этого совещания и другие документы, связанные с ним.

БББ(КРИК). Конечно, Роб. Нет проблем. Только когда вы говорите, что она посылала запросы «Три Биз»... вы, часом, не знаете, в какое подразделение? Дело в том, что в этом улье множество пчелок, можете мне поверить!

ПОЛИЦИЯ. Миссис Куэйл адресовала письма, обычные и электронные, и звонила лично сэру Кеннету, в его секретариат, мисс Рампури и практически всем членам совета директоров. Некоторые письма отправляла по факсу, а потом копии — почтой. Другие передавала с уведомлением о вручении.

БББ (КРИК). Отлично. Значит, у нас есть зацепка. У вас, как я понимаю, есть копии этих писем?

ПОЛИЦИЯ. В настоящий момент нет.

БББ(КРИК). Вы, вероятно, знаете, кто участвовал в совещании с нашей стороны?

ПОЛИЦИЯ. Мы полагали, что это знаете вы.

БББ(КРИК). Любопытно. И чем вы располагаете?

ПОЛИЦИЯ. У нас есть письменные и устные показания свидетелей о том, что такие запросы отправлялись. Миссис Куэйл даже навестила сэра Кеннета на его ферме, когда тот в последний раз был в Найроби.

БББ(КРИК). Она прорвалась на ферму? Для меня это новость, должен отметить. Ей было назначено?

ПОЛИЦИЯ. Нет.

БББ(КРИК). Кто ее приглашал?

ПОЛИЦИЯ. Никто. Она просто пришла.

БББ(КРИК). Вау! Смелая женщина. Как далеко она сумела пройти?

ПОЛИЦИЯ. Судя по всему, не очень далеко, потому что потом она попыталась перехватить сэра Кеннета у входа в это здание, но и здесь ей не повезло.

БББ(КРИК). Будь я проклят. Видите ли, шеф — очень занятой человек. И многие обращаются к нему с какими-то просьбами. Но везунчиков можно пересчитать по пальцам.

ПОЛИЦИЯ. Она ни о чем не собиралась просить.

БББ(КРИК). Тогда с чего такая настырность?

ПОЛИЦИЯ. Она хотела получить ответы на свои вопросы. Насколько нам известно, миссис Куэйл также представила сэру Кеннету подборку материалов о побочных эффектах препарата, выявленных у конкретных пациентов.

БББ(КРИК). Неужели? Ну и ну. Я и не знал, что у препарата есть побочные эффекты. Она — ученый, доктор? В смысле была?

ПОЛИЦИЯ. Ее отличало высокое чувство ответственности. Она была адвокатом, активным участником борьбы за гражданские права. Тесно контактировала с гуманитарными организациями.

БББ(КРИК). Вы говорите, представила. Что вы под этим подразумеваете?

ПОЛИЦИЯ. Принесла материалы в это здание, для вручения сэру Кеннету.

БББ(КРИК). Получила расписку?

ПОЛИЦИЯ (показывает расписку).

БББ(КРИК). Ага. Понятно. Получена одна посылка. Вопрос в том, что это за посылка, не так ли? Однако я уверен, что у вас есть копии историй болезней этих самых пациентов. Должны быть.

ПОЛИЦИЯ. Мы рассчитываем получить их в ближайшее время.

БББ(КРИК). Правда? Мы с удовольствием на них посмотрим, не так ли, Вив? Я хочу сказать, что «Дипракса» — препарат, на который сейчас делается особый упор. Наш флагман, как говорит шеф. Многие счастливые мамы, папы и их дети чувствуют себя гораздо лучше благодаря «Дипраксе». Поэтому, если Тесса обнаружила у препарата какие-то недостатки, мы должны знать об этом и принимать соответствующие меры. Если бы шеф был здесь, он бы первым сказал об этом. Да только он — один из тех, кто живет в «Гольфстриме». Я все равно удивлен, что он дал ей от ворот поворот. Это совершенно на него не похоже. Хотя дел-то у него по горло.

БББ(ЭБЕР). Видите ли, Роб, у нас есть закрепленная инструкцией процедура рассмотрения жалоб потребителей, приобретающих лекарства, которые мы продаем. Мы же всего лишь дистрибьюторы. Мы импортируем, мы продаем. Если кенийское правительство дает препарату зеленый свет, если медицинские центры готовы его использовать, мы выступаем в роли посредников, ничего больше. На этом, собственно, наша ответственность и заканчивается. Мы, естественно, получаем рекомендации по хранению, обеспечиваем требуемые температуру, влажность и так далее. Но вопросы о эффективности и качестве препарата решают производитель и кенийское правительство.

ПОЛИЦИЯ. А как насчет клинических испытаний? Разве не вы проводите клинические испытания?

БББ(КРИК). Испытания — нет. Боюсь, в данном вопросе вы не справились с домашним заданием, Роб. Или просто не понимаете, о чем идет речь.

ПОЛИЦИЯ. Так объясните.

БББ(КРИК). Не бывает такого., чтобы любой лекарственный препарат ввозился в страну, к примеру в Кению, и начинал преспокойно продаваться. В Кении продаются только лекарственные препараты, одобренные соответствующими государственными органами здравоохранения. Мы начинаем действовать только после того, как эти органы дают отмашку.

ПОЛИЦИЯ. А как же насчет клинических испытаний, проверок, экспериментов, которые вы проводите?

БББ(КРИК). Послушайте, не надо играть со мной в слова, хорошо? Если вы говорите о том, что мы собираем информацию о результатах применения препарата, которая может быть использована при его продвижении в другой стране, очень большой, не в Африке, скажем, в США, да, тогда вы правы, в определенном смысле можно сказать, что мы проводим клинические испытания. Но только в этом смысле. В смысле сбора информации, которая будет вынесена на суд потенциальных покупателей, когда «Три Биз» и «КВХ» выйдут на новые и весьма привлекательные рынки. Улавливаете мою мысль?

ПОЛИЦИЯ. В принципе да. Но жду, когда вы поведете разговор о подопытных кроликах.

БББ(КРИК). Я лишь говорю, что всем будет только лучше, если мы будем иметь сведения по каждому пациенту, собирать их, систематизировать и накапливать эту информацию в Сиэтле, Ванкувере и Базеле для дальнейшего анализа. Для подтверждения качества продукта, когда у нас возникнет необходимость зарегистрировать его в других странах. Чтобы нас никто и ни в чем не мог упрекнуть. Но, повторяюсь, продавать препарат мы начали лишь после того, как получили полное одобрение кенийских органов здравоохранения.

ПОЛИЦИЯ. И как вы собираете информацию? Считаете трупы?

П.Р.ОКЛИ, КА. Вы этого не говорили, Роб, и мы не слышали. Дуг с вами предельно откровенен. Возможно, даже говорит лишнее. Не так ли, Лесли?

ПОЛИЦИЯ. Так как вы поступаете с жалобами? Отправляете в мусорную корзину?

БББ(КРИК). Прежде всего, Лесли, мы незамедлительно передаем их производителю, «КВХ». А потом либо отвечаем жалобщику, получив указание от «КВХ», либо, что происходит гораздо чаще, «КВХ» предпочитает связываться с ним напрямую. Вот так устроена наша жизнь, Роб. Что еще мы можем сделать для вас? Может быть, прямо сейчас договориться о дате следующей встречи, когда вы уже будете располагать документами, о которых говорили?

ПОЛИЦИЯ. Еще минута, если вы не возражаете. Согласно нашей информации, Тесса Куэйл и доктор Арнольд Блюм приходили сюда в прошлом ноябре по вашему приглашению, приглашению «Три Биз», чтобы обсудить положительные и отрицательные эффекты вашего продукта, «Дипраксы». Они также представили членам вашего руководства копии документов, которые отправили лично сэру Кеннету Куртиссу. Вы говорите, что у вас нет ни протокола этого совещания, ни списка представителей «Три Биз», которые на нем присутствовали?

БББ(КРИК). Дата у вас есть, Роб?

ПОЛИЦИЯ. У нас есть запись в дневнике, в которой указано, что «Три Биз» назначил совещание на одиннадцать утра 18 ноября. Приглашение поступило через секретаря мисс Рампури, вашего менеджера по маркетингу, которого мы не можем найти.

БББ(КРИК). Должен сказать, для меня это новость. А для тебя, Вив?

БББ(ЭБЕР). Для меня тоже, Дуг.

ББ(КРИК). Послушайте, а почему бы мне не взглянуть в ежедневник Ивонн?

ПОЛИЦИЯ. Дельная мысль. Мы вам поможем.

БББ(КРИК). Постойте, постойте. Сначала, само собой, надо получить ее разрешение.

Ивонн — девушка с характером. Я не стал бы копаться в ее столе, предварительно не переговорив с ней, так же, как и в вашем, Лесли.

ПОЛИЦИЯ. Так позвоните ей. Мы оплатим разговор.

БББ(КРИК). Не получится, Роб.

ПОЛИЦИЯ. Почему?

БББ(КРИК). Видите ли, Роб, Ивонн и ее бой-френд поехали на мегасвадьбу в Момбасу. Когда мы говорим, что кто-то уезжает по семейным делам, так оно и есть. И это большая свадьба, можете мне поверить. Раньше понедельника звонить ей не имеет никакого смысла. Я не знаю, бывали ли вы на свадьбах в Момбасе, но, можете мне поверить...

ПОЛИЦИЯ. Бог с ним, с ежедневником. Как насчет документов, которые они ей оставили?

БББ(КРИК). Вы про те так называемые истории болезни, о которых уже шла речь?

ПОЛИЦИЯ. Среди прочего.

БББ(КРИК). Видите ли, Роб, если это действительно истории болезни, то есть упоминание симптомов, диагнозов, дозировок, побочных эффектов, они всякий раз направляются производителю. Мы ставим в известность Базель, мы ставим в известность Сиэтл, мы ставим в известность Ванкувер. Черт, мы проявляли бы преступную безответственность, если бы немедленно не обращались к экспертам. Это не просто политика компании. В «Три Биз» это святое писание, не так ли, Вив?

БББ(ЭБЕР). Абсолютно. Не подвергается сомнению, Дуг. Шеф настаивает. Как только возникает проблема, мы тут же обращаемся за помощью в «КВХ».

ПОЛИЦИЯ. Что вы нам вешаете лапшу на уши? Это же нелепо. Что, в конце концов, происходит с документами в вашей конторе?

БББ(КРИК). Я говорю вам, что мы вас слышим, мы организуем розыск и посмотрим, что удастся найти. Здесь не государственное учреждение, Роб. И не Скотленд-Ярд. Это Африка. Мы не корпим над этими чертовыми архивами. Время можно использовать с большей пользой...

П.Р.ОКЛИ, КА. Я думаю, мы говорим о двух аспектах. Возможно, о трех. Вы позволите их разделить? Во-первых, с чего вы так уверены, что встреча миссис Куэйл, доктора Блюма и представителей «Три Биз», о которой вы упомянули, состоялась?

ПОЛИЦИЯ. Как мы уже вам и сказали, у нас есть документальное подтверждение, дневник доктора Блюма, в котором его почерком записано, что совещание намечено на 18 ноября в кабинете мисс Рампури.

П.Р.ОКЛИ, КА. Намечено — это одно, Лесли. А вот состоялось ли — совсем другое. Будем надеяться, что у мисс Рампури хорошая память. Второй аспект — это тон. Откровенно говоря, я не понимаю, почему вы считаете, что нас хотели в чем-то упрекнуть. Между прочим, в суд на нас никто не подавал. За нанесение того или иного ущерба. А миссис Куэйл, насколько мне известно, не относилась к тем людям, которые молчали, видя ущемление чьих-либо прав. Она, как вы помните, была адвокатом. И доктор Блюм профессионально занимался лекарствами. Так что мы говорим не о двух невеждах.

ПОЛИЦИЯ. А если все-таки хотели? Если кто-то умер от вашего препарата, люди имеют полное право привлечь вас к ответственности.

П.Р.ОКЛИ, КА. Это же очевидно, Роб. Если бы мисс Рампури поняла, что дело пахнет судом, или, хуже того, шеф это понял, получив документы, о которых вы говорили, в чем лично я очень сомневаюсь, он бы первым делом отправил их в юридический департамент холдинга. И это еще одно место, где можно поискать документы, не так ли, Дуг?

ПОЛИЦИЯ. Я думал, что вы — их юридический департамент.

П.Р.ОКЛИ, КА. Я — последний рубеж обороны, Роб. Не первый. Мои услуги слишком дороги.

БББ(КРИК). Мы свяжемся с вами, Роб. Приятно было познакомиться. В следующий раз встретимся за ленчем. Но мой совет, не ждите луны с неба. Как я и говорил, мы не проводим целые дни заполняя бумаги. У нас масса разных дел, и, как любит повторять шеф,

«Три Биз» находится в постоянном движении. Только так компания может развиваться.

ПОЛИЦИЯ. Мистер Крик, если позволите, мы зайдем еще минутку вашего времени. Мы очень хотели бы побеседовать с господином по фамилии Лорбир, возможно, доктор Лорбир, немцем, швейцарцем, может, голландцем. К сожалению, имя нам неизвестно, но, как мы понимаем, он тесно связан с продвижением «Дипраксы» на африканский рынок.

БББ(КРИК). В каком качестве, Лесли?

ПОЛИЦИЯ. Какая разница?

БББ(КРИК). Разница есть. Если Лорбир — доктор, как вы только что сказали, он скорее работает с производителем, а не с нами. Медиков в «Три Биз» нет, знаете ли. Наша специальность — рынок. Боюсь, с этим вопросом вам надо обращаться в «КВХ», Лесли.

ПОЛИЦИЯ. Послушайте, знаете вы Лорбира или нет? Мы не в Ванкувере, Базеле или Сиэтле. Мы в Африке. Это ваш препарат, ваша территория. Вы импортируете препарат, рекламируете его, развозите по стране, продаете. Мы говорим вам, что Лорбир занимается вашим препаратом здесь, в Африке. Слышали вы о Лорбуре или нет?

П.Р.ОКЛИ, КА Я думаю, вы уже получили ответ, Роб. Обратитесь к производителю.

ПОЛИЦИЯ. А как насчет женщины по фамилии Ковач, возможно, венгерке?

БББ(ЭБЕР). Она тоже доктор?

ПОЛИЦИЯ. Знаете вы эту фамилию? Доктор она или нет — неважно. Кто-нибудь из вас слышал о женщине по фамилии Ковач? Также имеющей отношение к маркетингу вашего препарата?

БББ (КРИК). Может, проще взять телефонный справочник, Роб?

ПОЛИЦИЯ. Есть еще доктор Эмрих, с которой нам тоже хочется поговорить...

П.Р.ОКЛИ, КА. Похоже, вы задаете свои вопросы не в том месте. Мне очень жаль, но больше мы вам ничего сказать не сможем. Старались изо всех сил, но, к сожалению, не смогли ответить на все ваши вопросы".

Запись, сделанная через неделю после встречи.

"Несмотря на заверения «Три Биз» в том, что поиск идет полным ходом, нам сообщили, что на текущий момент не обнаружено никаких документов, писем, историй болезни, писем, отправленных по электронной почте, или факсов от Тессы Куэйл, или Эбботт, или Арнольда Блюма. «КВХ» также отрицает их получение, как и юридический департамент «Три Биз» в Найроби. Наши попытки вновь связаться с Эбер и Криком также закончились безрезультатно. Крик отправился в Южную Африку на курсы повышения квалификации. Эбер перевели в другой департамент. Новых людей на их должности еще не назначили. Невозможно связаться и с мисс Рампури, «в связи с реорганизацией компании».

РЕКОМЕНДАЦИИ

Шотландия-Ярд напрямую обращается к сэру Кеннету К. Куртиссу с требованием дать полную информацию о контактах компании с убитой и доктором Блюмом, представить все имеющиеся документы и обязать мисс Рампури встретиться с нами и дать показания.

(Поддержана суперинтендантом Гридли, но никаких действий не предпринято.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Крик, Дуглас (Дуг) Джеймс, родился 1 октября 1970 г. в Гибралтаре (получено из архивного управления Министерства внутренних дел и прокуратуры).

Субъект — незаконнорожденный сын Крика, Дэвида Ангуса, Королевский флот (увольнение со службы с лишением чинов, знаков отличия и права на пенсию), отсидел восемь лет в тюрьмах Великобритании за различные преступления, в том числе за два непредумышленных убийства. В настоящее время живет в роскоши в Марбелле, Испания.

Крик, Дуглас Джеймс (Субъект), прибыл в Великобританию из Гибралтара в возрасте девяти лет вместе с отцом (см. выше). Последнего арестовали, как только он сошел с трапа самолета. Субъекта отдали в сиротский приют. Находясь в приюте, субъект неоднократно предстал перед судьей по делам несовершеннолетних за различные правонарушения, включая распространение наркотиков, нанесение телесных повреждений, сводничество и нарушение общественного порядка. Его также подозревали в участии в

групповом избиении и убийстве двух черных юношей в Ноттингеме (1984), но обвинения не предъявили.

В 1989 г. Субъект заявил, что встал на путь исправления, и пожелал поступить на полицейскую службу. Его, разумеется, не взяли, но какое-то время он был информатором.

В 1990-м Субъект поступил на службу в британскую армию, прошел курс подготовки бойца спецназа и получил назначение в разведывательное подразделение, расквартированное в Северной Ирландии. В чине сержанта отслужил три года, после чего был разжалован в рядовые и уволен со службы с лишением звания, знаков отличия и права на пенсию. Прочие сведения о его службе отсутствуют.

Хотя Д.Дж. Крика (Субъект) представили нам как сотрудника отдела по связям с общественностью холдинга «Три Биз», недавно он играл заметную роль в службе безопасности холдинга. Он пользовался полным доверием сэра Кеннета К. Куртисса и в последние двенадцать месяцев во многих случаях исполнял обязанности личного телохранителя, в том числе во время визитов Куртисса в Латинскую Америку, Нигерию и Анголу.

«Пыталась встретиться с ним на его ферме, — говорит ему Тим Донохью, сидя напротив за столом в саду Глории. — Звонила в любое время дня и ночи. Оставляла в клубе грубые письма. Не поднимай эту тему, наш совет».

«Они убивают, — говорит Лесли в темноте микроавтобуса в Челси. — Но вы это уже заметили».

С этими воспоминаниями, эхом отдающимися в голове, Джастин, должно быть, заснул, потому что проснулся на рассвете, чтобы услышать шум битвы между птицами, обитающими на суше, и чайками. Но ему потребовалось немного времени, чтобы понять, что рассвет на самом деле вечерние сумерки. А чуть позже он понял, что уперся в стену. Прочитал все, что мог, и понял, что без ее лэптопа всей картины ему не воссоздать.

Глава 13

Гвидо ждал Джастина на крыльце, в черном пальто, слишком длинном для его роста, и со школьным ранцем, который не держался на хрупких плечиках. Часы показывали шесть утра. Первые лучи весеннего солнца скользили по валунам на покрытом травой склоне. Джастин подъехал как можно ближе к коттеджу и видел, что мать Гвидо следит за сыном из окна. Гвидо, словно и не замечая руки Джастина, сам забрался на пассажирское сиденье джипа — руки, колени, ранец, жестянка с ленчем, полы пальто — и плюхнулся на него, как птенец после первого полета.

— Сколько ты ждал? — спросил Джастин, но Гвидо лишь свел брови к переносице. «Гвидо — мастер самодиагноза, — напоминает ему Тесса, еще не отошедшая от впечатлений, полученных после посещения детской больницы в Милане. — Если Гвидо нездоровится, он зовет санитарку. Если ему очень плохо — медицинскую сестру. Если думает, что умирает, — врача. И к нему не идут — бегут».

— Я должен быть у школьных ворот без пяти девять, — сухо говорит Гвидо Джастину.

— Нет проблем, — чтобы потрафить гордости Гвидо, они говорят на английском.

— Если позже, я войду в класс запыхавшись. Если раньше — буду болтаться там без дела.

— Я понял, — Джастин скосился в зеркало, увидел, что Гвидо мертвенно бледен, словно ему вновь требовалось переливание крови. — И не волнуйся, мы будем работать не на вилле — в масляной комнате, — добавляет он.

Гвидо молчит, но, когда они выезжают на шоссе, лицо его чуть розовеет. «Иногда я тоже не могу вынести ее близости», — думает Джастин.

Стул слишком низок для Гвидо, табурет — слишком высок, поэтому Джастину пришлось сходить на виллу и принести две диванные подушки. Когда он вернулся, Гвидо уже стоял у письменного стола и перебирал пальцами аксессуары: телефонные провода для

модема, преобразователи для компьютера и принтера, кабели для адаптера и принтера. Наконец с особым почтением коснулся компьютера. Поднял крышку, вставил штекер электрошнура в гнездо. Уверенно отодвинул в сторону ненужное, модем, принтер, провода, сел на уложенные на стул диванные подушки.

— О'кей, — возвестил он.

— Что о'кей? — переспросил Джастин.

— Подсоединяйте компьютер к сети, — по-английски ответил Гвидо, указывая на розетку в стене. — Поехали, — и передал Джастину свободный конец электрошнура, — в его голосе отчетливо звучал американский акцент, неприятный для сверхчувствительного уха Джастина.

— Может что-нибудь сломаться? — нервно спросил Джастин.

— Например, что?

— Можем мы что-то стереть, по ошибке?

— Включив компьютер? Ни в коем разе.

— Почему?

Гвидо тычет в темный экран тонюсеньким пальцем.

— Все, что там есть, сохранено. Если она что-то не сохраняла, значит, ей это не требовалось, значит, там этого нет. Это понятно?

Джастин чувствует, как в нем закипает враждебность. Такое случается всякий раз, когда разговор заходит о компьютерах, в которых он ничего не смыслит.

— Хорошо. Раз ты так говоришь. Включаю, — он наклонился, вставил штепсель в розетку. — Так?

— Господи! — вырвалось у Гвидо.

Джастин встал, вернулся к столу, увидел, что экран по-прежнему темен. Во рту у него пересохло, стало нехорошо. «Что я наделал? — подумал он. — Я просто идиот. Мне следовало пригласить эксперта, а не ребенка. Мне следовало самому научиться управляться с этой чертовой штуковиной». А потом экран вспыхнул и показал ему группу улыбающихся веселых негритят, стоящих перед новеньким больничным корпусом, и цветные «иконки», разбросанные по серо-синему полю.

— Что это?

— Рабочий стол.

Джастин всматривается через плечо Гвидо, читает: «Мои документы», «Сетевое окружение», «Ярлык для соединения».

— Что теперь?

— Вы хотите посмотреть ее файлы? Я покажу вам файлы. Мы смотрим файлы, вы их читаете.

— Я хочу видеть то, что видела Тесса. С чем она работала. Я хочу пройти ее путем и прочитать все, что осталось в компьютере. Я думал, что выразился достаточно ясно.

От волнения он тяготился присутствием Гвидо. Ему хотелось вновь остаться наедине с Тессой, как за столом, когда он разбирал бумаги. Ему хотелось, чтобы лэптопа не существовало. Гвидо направил курсор в нижний левый сектор экрана.

— Что это за штучка, по которой ты стучишь пальцем?

— Мышка. Она работала над девятью документами. Вы хотите, чтобы я показал остальные? Я покажу, нет проблем.

Появилась надпись: "Открытие папки «Документы Тессы». Гвидо вновь коснулся мышки.

— В этой категории у нее двадцать девять файлов.

— У них есть названия?

Гвидо отклонился в сторону, приглашая Джастина увидеть все собственными глазами.

ФАРМА

фарма — общие положение

фарма — загрязнение"

фарма — в «3-м мире»
фарма — контролирующие организации
фарма — взятки
фарма — судебные процессы
фарма — деньги
фарма — протесты
фарма — лицемерие
фарма — клинические испытания
фарма — подделки
фарма — прикрытие

ЧУМА

чума — история чума — Кения чума — лечение чума — новые штаммы чума — старые штаммы чума — шарлатаны

ИСПЫТАНИЯ

Россия

Польша

Кения

Мексика

Германия

Известные смертные случаи. Ванза Гвидо сдвинул стрелку, пощелкал по мышке.

— Арнольд. Откуда взялся этот Арнольд. Кто он?

— Ее друг.

— У него тоже есть документы. Господи, у него есть документы.

— Сколько?

— Двадцать. Больше, — щелчок мышью. — «Всякое разное».

— Что это? — спросил Джастин. — Что ты сейчас делаешь? Ты очень торопишься.

— Нет, не тороплюсь. Наоборот, ради вас все делаю медленно. Я смотрю в ее портфель, сколько у нее папок. Вау. Папок у нее много. Папка один. Папка два. Еще папки, — вновь нажатие на мышку. Его американский акцент сводил Джастина с ума. И где он такого набрался? Смотрел слишком много американских фильмов. Надо поговорить с его учителем. — Видите? Это ее корзина. Сюда она сбрасывает то, что собирается выбросить.

— Но, похоже, не выбросила. Выброси за нее.

— Что в корзине, она не выбросила. Чего нет — выбросила, — опять нажатие на мышку.

— А что такое AOL?

— Америка Он-лайн. Интернетовский провайдер. Все, что она получала из Интернета через AOL и сохраняла, находится в этой программе, так же, как ее старые письма, полученные и отправленные по электронной почте. За новыми письмами нужно войти в Интернет. Если вы хотите послать письма, тоже нужно войти в Интернет. Без Интернета новых писем не получить, не отправить.

— Я это знаю. Это очевидно.

— Вы хотите, чтобы я вошел в Интернет?

— Пока нет. Я хочу посмотреть то, что уже есть.

— Все?

— Да.

— Тогда вам потребуется много дней, чтобы все прочитать. Или даже недель. Все, что вам нужно сделать, мышкой подвести курсор к нужному вам файлу и кликнуть. Хотите сесть на мое место?

— Ты уверен, что я не сделаю что-то не так? — настаивал Джастин, усаживаясь на стул, рядом с которым стоял Гвидо.

— То, что она сохраняла, сохранится. Как я и сказал. Иначе чего она это сохраняла?

— И я это не потеряю?

— Святой боже, нет, если не нажмете на «удалить». Даже если нажмете, компьютер спросит вас: Джастин, вы уверены, что хотите удалить этот файл? Если не уверены, нажмите на «нет». Нажать на «нет» означает: «Нет, я не уверен». Клик. Вот и все. Файл останется там, где был.

Джастин осторожно прокладывает путь сквозь лабиринт Тессы, Гвидо-учитель стоял рядом, самодовольно корректируя его действия американским кибер-голосом. Если Джастин сталкивался с новой процедурой или она вызывала у него сомнения, он прерывался, брал ручку и бумагу и под диктовку Гвидо записывал последовательность действий. Новые горы информации громоздились перед ним. Иди туда, теперь сюда, вернись обратно. «Как всего много, как быстро все меняется, мне не поспеть за тобой, — признается он ей. — Если даже я буду читать год, как я узнаю, что нашел то, ради чего все и затеял?»

Материалы Всемирной организаций здравоохранения.

Доклады непонятных медицинских конференций, проходивших в Амстердаме, Женеве и Гейдельберге под эгидой никому не известной конторы непрерывно разрастающейся медицинской империи ООН.

Проспекты компаний, рекламирующих свои фармакологические продукты с непроизносимыми названиями и расхваливающие их достоинства.

Заметки для себя. Шокирующая цитата из журнала «Тайм» со множеством восклицательных знаков, набранная большими буквами, чтобы ее увидели от противоположной стены. Цитата, заставившая ее удвоить, утроить усилия:

«В 93 КЛИНИЧЕСКИХ ИСПЫТАНИЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВЫЯВИЛИ У ПАЦИЕНТОВ 691 ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ РЕАКЦИЮ, НО СООБЩИЛИ В НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТОЛЬКО О 39».

Целая папка, посвященная ФУ. «Что она скрывала под этим ФУ? Отчаяние! Отведи меня к тем папкам, которые я понимаю». Но когда он кликнул «Всякое разное», перед глазами вновь возникло ненавистное ФУ. А после еще одного нажатия на мышку все выяснилось: ФУ — сокращение от «ФармаУоч» — расположенная в Канзасе независимая организация, стремящаяся "выявлять и выносить на суд широкой общественности все нарушения, допущенные фармакологическими компаниями, особенно «так называемых гуманистов, грабящих беднейшие страны».

Сообщения о конференциях демонстрантов, планирующих собраться в Сиэтле или Вашингтоне, округ Колумбия, чтобы заявить о своем несогласии с политикой Всемирного банка и Международного валютного фонда.

Разговоры о «Великой американской корпоративной гидре» и «Монстре Капитале». Бойкая статья неизвестно из какого издания под заголовком «Анархизм снова на коне».

Еще клик, и он находит файл, где слово «гуманизм» размазывают по стенке. Гуманизм, узнает он, одно из тех слов, что действуют на Тессу как красная тряпка — на быка. Если она слышит его, признается она Блюму в одном из писем, то сразу хватается за револьвер.

«Всякий раз, когда я слышу, как фармацевтическая компания заявляет, что побудительными мотивами для ее действий являются гуманизм, альтруизм или долг перед человечеством, мне хочется плевать, и причина не в беременности. Дело в том, что одновременно я читаю, как американские фармагиганты пытаются продлить жизнь своих пациентов, чтобы сохранить собственную монополию и, соответственно, прибыли, как ловко они используют Государственный департамент, чтобы тот запугивал страны „третьего мира“ и заставлял их отказываться от производства собственных геронтологических препаратов, которые стоили бы малую долю от цены фирменного лекарства. Ладно, они пошли на уступки с препаратами против СПИДа. Но как насчет...»

«Я все это знаю», — думает он и возвращается на рабочий стол, к «Документам Арнольда».

— Что это? — спрашивает он и отдергивает руки от клавиатуры, как бы показывая, что ни в чем не виноват. Впервые за время их взаимоотношений Тесса требует пароль, прежде чем допустить его к ознакомлению с документами. На экране то возникает, то исчезает слово

«ПАРОЛЬ», подмигивает ему, словно вывеска публичного дома.

— Дерьмо, — комментирует Гвидо.

— У нее был пароль, когда она учила тебя работать на компьютере? — спрашивает Джастин.

Гвидо прижимает одну руку ко рту, указательным пальцем второй пять раз нажимает на клавиши.

— Я, — гордо объявляет он.

В прямоугольнике появляются пять звездочек.

— Что ты сделал? — спрашивает Джастин.

— Набрал свое имя, Guido.

— Зачем?

— Это был пароль, — Гвидо нервничает, поэтому переходит на итальянский. — Только буква I — не I, а 1. И буква O — ноль. Тесса была помешана на секретности. В пароле хоть одну букву надо заменять цифрой. Она на этом настаивала.

— А почему я вижу звездочки?

— Потому что они не хотят, чтобы ты видел Guido! Иначе ты смог бы заглянуть мне через плечо и прочесть пароль! Не получилось! Гвидо — не ее пароль! — мальчик закрывает лицо руками.

— Значит, мы должны догадаться, какое слово она выбрала паролем, — предлагает Джастин.

— Догадаться как? И сколько догадок у нас есть? Я думаю, максимум три!

— Ты хочешь сказать, если мы не угадаем пароль, то не попадем туда? — Джастин требует разъяснений. — Эй, ты, чего молчишь?

— Совершенно верно, не попадем!

— Понятно, тогда нужно как следует подумать. Какие другие цифры можно сделать из букв?

— Три можно представить как развернутое E. Пять — это S. С полдюжины наберется. Может, и больше. Это ужасно... — по-прежнему сквозь руки.

— Что произойдет, если у нас закончатся разрешенные попытки?

— Компьютер заблокирует эти файлы и отсечет нас от них. И все дела.

— Навсегда?

— Навсегда!

— Так ты думаешь, три попытки — это все, что у нас есть?

— Послушайте, я же не ходячая инструкция. Чего не знаю, того не говорю. Может, три. Может, десять. Мне пора в школу. Может, вам кликнуть «Помощь»?

— Подумаю. После Гвидо какое у нее любимое слово? Лицо Гвидо наконец-то появляется из-под рук.

— Вы. А кто же еще? Джастин!

— Она бы им не воспользовалась.

— Почему?

— Потому что это ее королевство — не мое.

— Глупости! Попробуйте Justin. Я прав, я знаю, что прав!

— Подожди. А после Джастина какое ее любимое слово?

— Я же не был ее мужем, так? Вы были.

Джастин думает: Арнольд, потом Ванза. Пробует Ghita, заменяя I на 1. Ничего не меняется. Он шумно выдыхает, говорит себе, что уже перерос эту детскую игру, но лишь потому, что лихорадочно перебирает слова и не знает, на каком остановиться. Garth — имя умершего отца, умершего сына, нет, на пароль не годится, слишком тяжелы воспоминания, вызываемые этим словом. Tessa — нет, самовлюбленностью она не страдала. ARNO1D, ARNOLD, ARNO1D — нет, не стала бы она блокировать файлы Арнольда его же именем. На ум приходят Maria, так звали ее мать, Mustafa, потом Hammond, но Джастину представляется, что эти имена на пароль не тянут. Он вглядывается в ее могилу и видит, как желтые фризии,

закрепленные на крышке гроба, исчезают под красноватой землей. Он видит себя в соломенной шляпе, поливающим их в саду как в Найроби, так и здесь, на Эльбе. Он вводит в прямоугольник слово *freesia*, меняя I на 1. Появляется семь звездочек, но ничего не меняется. Он вновь вводит то же слово, меняя S на 5.

— Тыпустишь меня? — спрашивает тихим голосом.

— Мне только двенадцать лет, Джастин! Двенадцать! — голос Гвидо становится мягче. — Возможно, у вас есть только одна попытка. Потом — все. Я сдаюсь, хорошо? Это ее лэптоп. Ваш. Разбирайтесь без меня.

Он вводит *freesia* третий раз, оставляя 5 вместо S, но меняя 1 обратно на I, и видит перед собой незаконченное полемическое эссе. С помощью желтых фризий он проник в файл под названием «Арнольд» и наткнулся на трактат о человеческих правах. Гвидо танцует по комнате.

— Мы прорвались! Я вам говорил! Мы — молодцы! Она — молодец!

«Почему африканским геям приходится прятаться?»

Вот слова утешения от великого знатока общественной морали, президента Дэниэля Арапа Мои:

«Таких слов, как лесбиянство и гомосексуализм, в африканских языках нет», — Мои, 1995 г.

«Гомосексуализм противоречит африканским нормам и религиям и даже в религии считается великим грехом», — Мои, 1998 г.

Неудивительно, что кенийский уголовный кодекс соглашается с Мои на все сто процентов. Статьи 162-165 предусматривают тюремное заключение от ПЯТИ ДО ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЛЕТ за «...плотские наслаждения, противоречащие закону природы». Более того:

— Кенийский закон определяет любые сексуальные отношения между мужчинами как ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

А вот о сексуальных отношениях между женщинами кенийские законодатели слыхом не слыхивали.

Каковы СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ столь допотопного отношения к проблеме?

Геи женятся или заводят романы с женщинами, чтобы скрыть свою сексуальную ориентацию.

Они живут несчастными, так же, как их жены.

Геям не предлагается никакого сексуального образования, несмотря на бушующую в Кении, пусть и отрицаемую властями, эпидемию СПИДа.

Многие члены кенийского общества вынуждены жить в обмане. Врачи, адвокаты, бизнесмены, священники и даже политики опасаются шантажа или ареста.

Создан самоподдерживающийся цикл коррупции и подавления, еще глубже затягивающий наше общество в трясину...

На этом статья обрывается. Почему?

И почему, скажи на милость, ты загоняешь незаконченный полемический материал в файл, добраться до которого можно, лишь зная пароль?

Джастин вспоминает о том, что рядом стоит Гвидо. Он вернулся из своих странствий по масляной комнате и теперь в недоумении всматривается в дисплей.

— Пора везти тебя в школу, — говорит Джастин.

— У нас еще есть время! Целых десять минут! Кто такой Арнольд? Он — гей? Что делают геи? Моя мать сойдет с ума, если я ее спрошу!

— Мы едем сейчас. Вдруг придется тащиться за трактором.

— Послушайте. Позвольте мне открыть ее почтовый ящик. Ладно? Возможно, кто-то ей написал. Может, Арнольд. Неужели вы не хотите взглянуть на содержимое ее почтового ящика? Может, она послала вам сообщение, которое вы не прочитали? Я открываю почтовый ящик? Да?

Джастин мягко кладет руку на плечо Гвидо.

— Все у тебя будет хорошо. Никто не собирается над тобой смеяться. Все пропускают уроки. Из-за этого человека не считают инвалидом. Наоборот, такое происходит с самыми обычными людьми. Мы заглянем в ее почтовый ящик после твоего возвращения.

Дорога до школы Гвидо и обратно заняла у Джастина целый час, и за это время он не дал волю фантазии и не стал спешить с выводами. А вернувшись в масляную комнату, направился не к ноутбуку, а к стопке бумаг, полученных от Лесли в микроавтобусе, припаркованном рядом с кинотеатром. В его движениях появилась та уверенность, которой ему не хватало в обращении с ноутбуком. Он быстренько добрался до фотокопии рукописного письма на линованной бумаге, на которое обратил внимание при первоначальном просмотре. Согласно сопроводительной записке Роба, они нашли это письмо между страницами медицинской энциклопедии, лежащей на полу в кухне квартиры Блюма, где ее оставили воры. Бумага выцвела от времени. На конверте значился абонентский ящик НГО Блюма в Найроби. Почтовый штемпель говорил о том, что отправили письмо с острова Ламу, ранее вотчина арабских работаровцев.

«Мой и только мой, милый, дорогой Арни! Я никогда не забуду нашу любовь, и наши объятия, и твою доброту ко мне. Как мне повезло, что ты решил провести отпуск на нашем прекрасном острове! Я должен поблагодарить тебя, но свою благодарность я обращаю к богу, которого и благодарю за твою великодушную любовь, и за твои подарки, и за знания, которые приходят ко мне с занятиями, и за мотоцикл. Для тебя, дорогого мне человека, я работаю день и ночь, каждую минуту радуюсь тому, что ты во всем рядом со мной, поддерживаешь и любишь меня».

А подпись? Джастин, как и ранее Роб, попытался ее расшифровать. Стиль письма, как предположил Роб в сопроводилровке, указывал на то, что писал араб. Подпись, с росчерком пера, начиналась и заканчивалась согласными с гласной посередине. Пип? Пет? Пэт? Дот? Гадать не имело смысла. Но в том, что подпись арабская, сомневаться, пожалуй, не приходилось.

Но кто писал, мужчина или женщина? Могла так смело писать необразованная арабская женщина с острова Ламу? Могла ли она ездить на мотоцикле?

Джастин перебрался к письменному столу, сел перед ноутбуком, но, вместо того чтобы вновь заняться «Документами Арнольда», уставился в пустой дисплей.

— Так кого все-таки любит Арнольд? — спрашивает он ее с наигранной небрежностью, когда одним жарким воскресным вечером они лежат в постели своего дома в Найроби. Арнольд и Тесса вернулись утром того же дня из их первой совместной поездки. Тесса заявила, что поездка эта стала одним из самых значительных событий в ее жизни.

— Арнольд любит все человечество, — отвечает она. — Без исключений.

— Так он спит со всем человечеством?

— Возможно. Я его не спрашивала. Хочешь, чтобы спросила?

— Нет. Пожалуй, что нет. Я могу спросить и сам.

— В этом нет необходимости.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

И она целует его. Снова целует. Целует до тех пор, пока он не возвращается к жизни.

— Никогда больше не задавай мне этот вопрос, — потом говорит она, уткнувшись носом в его плечо, обняв. — Давай остановимся на следующем: Арнольд оставил свое сердце в Момбасе.

— Ни в коем разе. Быть такого не может. Она крепко прижимается к нему.

В Момбасе?

Или на Ламу, в ста пятидесяти милях от берега.

Вернувшись к столу, за которым считали деньги, Джастин на этот раз берет рапорт Лесли о «БЛЮМЕ, Арнольде Моизе, докторе медицины, похищенной жертве или подозреваемом». Ни скандалов, ни семьи, ни постоянной подруги, ни гражданской жены. В Алжире Субъект жил в хостеле для молодых врачей обоих полов, занимал однокомнатный

номер. В материалах, полученных от НГО Блюма, не отмечено ничего особенного. Единственная родственница — дочь усыновивших его бельгийцев, проживает в Брюгге. В своих поездках Арнольд никогда не просил выделить средства на содержание спутника или спутницы, всегда вел себя как старый холостяк. По мнению Лесли, квартира Блюма больше напоминала монастырскую келью. Субъект жил один, даже без слуги. В личной жизни Субъект легко обходился без удобств, в том числе и без горячей воды.

— Весь «Мутайга-клуб» убежден, что наш ребенок зачат Арнольдом, — сообщает Джастин Тессе, очень весело. Они едят рыбу в индийском ресторанчике на окраине города. Она уже четыре месяца как беременна, и, хотя разговор вроде бы не об этом, Джастин влюблен в нее еще больше.

— И кто этот весь «Мутайга-клуб»? — спрашивает она.

— Подозреваю, Елена Греческая. Сообщила об этом Глории, сообщила Вудроу, — радостно продолжает он. — Даже не знаю, что мне теперь делать. Разве что привезти тебя в клуб и заняться с тобой любовью на столе для бильярда, если ты не будешь возражать.

— Тогда это двойная подсудность, не так ли? — задумчиво говорит Тесса. — И двойное предубеждение.

— Двойное? Почему?

Она отводит глаза, качает головой. — Они терпеть не могут не таких, как сами они... и хватит об этом.

Тогда он подчинился ей. Теперь — нет.

«Почему двойная!» — спрашивает он себя, глядя на дисплей.

Одинокость подсудность означает прелюбодеяние Арнольда. Но в чем заключается вторая? В цвете кожи? Арнольда дискриминируют за прелюбодеяние и цвет кожи? Отсюда — двойная дискриминация.

Возможно.

Если только...

Если только в ней вновь не говорит хладнокровный адвокат: тот самый адвокат, который решил проигнорировать угрозу гибели ради продолжения борьбы за справедливость.

Если только речь идет не о предубежденности к черному мужчине, который вроде бы спит с замужней белой женщиной, а к гомосексуалистам вообще, одним из кото-рых, пусть его хулители этого не знают, является Блюм.

В таком случае адвокат с холодной головой и горячим сердцем выстраивает следующую логическую цепочку.

Подсудность первая. Арнольд — гомосексуалист, но местный моральный климат не позволяет ему этого признать. Если он так признается, то не сможет продолжать гуманитарную деятельность, поскольку Мои терпеть не может НГО в той же степени, в какой ненавидит гомосексуалистов. И уж по меньшей мере вышвырнет Арнольда из страны.

Подсудность вторая. Арнольд вынужден жить в состоянии обмана (см. Незаконченную статью). Вместо того чтобы объявить о своей сексуальной ориентации, ему приходится играть роль плейбоя, обрекая себя на осуждение: межрасовых прелюбодецов не жалуют.

Следовательно: двойная подсудность.

И почему, наконец, Тесса опять не поделилась секретом с любимым мужем, вместо того чтобы заставлять его мучиться от подозрений, в которых он не решался признаться даже себе? Почему? — спрашивал он у дисплея.

Он вспомнил название индийского ресторана, который ей так нравился. «Ганди».

Волны ревности, которые Джастину так долго удавалось сдерживать, внезапно прорвали дамбу и накрыли его с головой. Но ревность эта другого рода: он ревнует Тессу и Арнольда за то, что они не посвятили его в этот секрет, так же, как и во многие другие; за то, что они исключили его из своего круга, заставив подглядывать за ними в замочную скважину, не зная, спасибо скрытности Тессы, на что смотреть, что искать; за то, что отношения между ними были словно у брата и сестры, в чем Джастин пытался убедить Хэма, хотя сам не мог этого гарантировать.

Идеальный человек, так Тесса однажды назвала Блюма. Даже Джастин при всем своем скепсисе с этим соглашался. «Человек, который затрагивал гомоэрогенный нерв в каждом из нас», — так он ей как-то сказал, не зная, сколь близок к истине. Прекрасный и красноречивый. Обходительный и с друзьями, и с врагами. Прекрасный от хрипловатого голоса до аккуратно подстриженной, в седине бородой, до больших африканских глаз, которые не отрывались от тебя и когда он говорил, и когда слушал. Прекрасный в редких, но уместных жестах, которыми он подчеркивал свое обоснованное, аргументированное мнение. Прекрасный от классических пальцев до стройного тела, поджарого и гибкого, словно у танцовщика. Всегда проявлял сдержанность, не давал выплеснуться наружу злости, хотя на каждой вечеринке или совещании ему встречались столь чудовищно невежественные белые люди, будь то из Европы или из Соединенных Штатов, что Джастин даже жалел его. И старожилы «Мутайга-клуб» отдавали ему должное: «Таких черных, как Блюм, теперь днем с огнем не сыскать. Неудивительно, что юная жена Джастина влюбилась в него».

«Тогда почему, во имя всего святого, ты не вытащила меня из пучины мучительных подозрений?» — яростно спросил он ее или дисплей.

«Потому что я доверяла тебе и ожидала, что ты отвечаешь мне тем же».

«Если ты доверяла мне, почему ничего не сказала?»

"Потому что я не выдаю секреты друзей и требую, чтобы ты признавал сей факт и восхищался мною за это. Безмерно и постоянно.

Потому что я — адвокат и, если речь идет о секретах, — последующие слова она повторяла часто, — то в сравнении со мной могила — балаболка".

Глава 14

И туберкулез — это мегадоллары: спросите «Карел Вита Хадсон». В любой день на богатейшие страны может обрушиться туберкулезная пандемия, и тогда «Дипракса» станет той самой дойной коровой, приносящей миллионы долларов, о которой могут мечтать акционеры. Белая чума, Великий охотник на людей, Великий Имитатор, Капитан Смерть больше не желал пребывать исключительно среди бедных. Он проделывал то же самое, что и сто лет тому назад. Как темное облако загрязнения завис над горизонтом Запада, даже если его жертвами пока становились бедняки.

— Одна треть человечества инфицирована бациллой, — говорит Тесса своему компьютеру, подчеркивая свои слова.

— В Соединенных Штатах заболеваемость туберкулезом за последние семь лет возросла на двадцать процентов...

— Один больной в среднем заражает туберкулезом от десяти до пятнадцати человек в год...

— Департамент здравоохранения мэрии Нью-Йорка наделил себя правом заключать в тюрьму тех больных ТБ, которые не соглашаются на добровольную изоляцию...

— Тридцать процентов известных штаммов ТБ теперь устойчивы к лекарственным препаратам...

Белая чума не рождается в нас, читает Джастин. Она привносится нечистым дыханием, окружающей грязью, антисанитарией, загрязненной водой, пренебрежением властей своими обязанностями.

Богатые страны ненавидят ТБ, потому что он — пятно на их репутации рачительных хозяев. Бедные страны ненавидят ТБ, потому что во многих из них он — синоним СПИДа. Некоторые государства отказываются признать его существование, предпочитая жить в неведении, но не выставлять напоказ свой стыд.

И в Кении, так же, как в других африканских странах, с распространением ВИЧ-инфекций заболеваемость туберкулезом возросла в четыре раза.

В электронном письме от Арнольда указываются практические проблемы, связанные с лечением этого заболевания на местах:

— Диагноз устанавливается не сразу. Пациенты должны несколько раз приносить образцы слюны.

— Необходимы лабораторные исследования, но микроскопы часто ломаются или их крадут.

— Нет красящего вещества для выявления бациллы. Красящее вещество продают, выпивают, оно заканчивается, новое не поступает.

— Лечение занимает восемь месяцев. Пациент, которому через месяц становится лучше, прекращает лечиться и продает таблетки. Болезнь возвращается в устойчивой к лекарственным препаратам форме.

— Таблетки от ТБ продают на африканских черных рынках как лекарство от венерических заболеваний. Всемирная организация здравоохранения настаивает на том, чтобы пациент принимал таблетку в присутствии медицинского персонала. Результат: на черном рынке таблетки продаются «мокрые» или «сухие», в зависимости от того, побывали ли они в чьем-то рту...

Есть и постскриптум:

ТБ убивает больше матерей, чем любая другая болезнь. В Африке женщины всегда платят самую большую цену. Ванза была подопытным кроликом и стала жертвой.

Так же, как были подопытными кроликами целые деревни, населенные Ванзами.

Отрывки из статьи на четвертой странице «Интернейшнл герольд трибюн»:

«Запад уже предупрежден о том, что он уязвим для устойчивых к лекарственным препаратам штаммов ТБ».

Автор статьи Дональд Дж. Макнейл-младший, «Нью-Йорк таймс сервис». В нескольких абзацах подчеркивания Тессы.

"Амстердам. — Согласно отчетам Всемирной организации здравоохранения и других анти-ТБ-групп, смертоносные устойчивые к лекарственным препаратам штаммы туберкулеза множатся не только в бедных странах, но и на богатом Западе.

Это послание: «Смотрите, парни, дело серьезное, — говорит доктор Маркос Эспинал, ведущий автор отчета. — В будущем нам грозит серьезнейший кризис...»

Но наиболее веский довод, благодаря которому ВОЗ может собрать необходимые средства на лечение, состоит в следующем: неконтролируемое взрывное распространение ТБ в «третьем мире» приведет к появлению штаммов, устойчивых к лекарственным препаратам и очень заразным, которые и обрушатся на Запад".

Пометка Тессы, почерк несколько отличается от обычного, словно она пыталась сдержать переполнявшие ее эмоции:

«Арнольд говорит: „Русские эмигранты, приезжавшие в США, особенно те, кто вышел прямо из лагерей, несли в себе мультирезистентные штаммы ТБ. То же самое, только в большей степени, наблюдается и в Кении, где мультирезистентность не есть синоним положительной реакции на ВИЧ“. Его друг лечит туберкулезных больных в бруклинском районе Бей-Ридж, и он пишет, что число заболевших растет пугающими темпами. Болезнь распространяется по США, особенно в густонаселенных городах, и темпы ее распространения нарастают».

Перевод вышесказанного на язык фондовых бирж: если рынок противотуберкулезных препаратов станет расти согласно прогнозу, на этом можно будет заработать миллиарды и миллиарды долларов, и заработает их «Дипракса», при условии, что всесторонняя апробация препарата в Африке не выявит опасных побочных эффектов.

Эта мысль заставляет Джастина вернуться к событиям, связанным с больницей Ухуру в Найроби. Среди бумаг, переданных ему Лесли, он находит фотокопии листков, на которых Тесса пыталась описать историю болезни Ванзы.

"Ванза — мать-одиночка.

Она не умеет ни читать, ни писать.

Я встретила ее в деревне, где она родилась и выросла, потом в трущобах Киберы. Она беременна от своего дяди, который ее изнасиловал, а потом заявил, что она соблазнила его.

Это ее первая беременность. Ванза ушла из деревни, чтобы ее больше не насиловал ни дядя, ни другой мужчина, который домогался ее.

Ванза говорит, что многие жители деревни болеют и сильно кашляют. У многих мужчин СПИД, у женщин тоже. Две беременные женщины недавно умерли. Как и Ванза, они ходили в медицинский центр, расположенный в пяти милях от деревни. Ванза больше не хотела ходить туда. Она боялась, что таблетки, которые там давали, приносили вред. Последнее говорит о том, что Ванза умна, поскольку большинство местных женщин свято верят врачам, правда, уколы пользуются у них большим уважением, чем таблетки.

В Кибере к ней приезжали белый мужчина и белая женщина. В белых халатах, поэтому она решила, что они — врачи. Они знали, из какой она приехала деревни. Они дали ей какие-то таблетки, те же самые, которые она принимала и в больнице.

Ванза говорит, что мужчину звали Лорбир. Я много раз заставляла ее повторить его имя или фамилию. Белая женщина, которая приезжала с ним, не представлялась, но она осматривала Ванзу и брала на анализ кровь, мочу и слюну.

В Кибере они приезжали к ней еще дважды. Другие люди, живущие в той же хибаре, что и Ванза, их не интересовали. Они сказали ей, что она будет рожать в больнице, потому что больна. Эти слова вызвали у Ванзы тревогу. В Кибере болели многие беременные женщины, но они не рожали в больнице.

Лорбир сказал, что все будет бесплатно, что все расходы на ее пребывание в больнице уже оплачены. Она не спросила кем. Она говорит, что мужчина и женщина очень волновались. Она не хотела, чтобы они волновались. Даже пошутила по этому поводу, но они не рассмеялись.

На следующий день за ней пришла машина. До родов оставалось совсем ничего. Впервые в жизни она ехала на машине. Через два дня в больницу пришел Киоко, ее брат. Он узнал, что она в больнице. Киоко умеет читать и писать и очень умен. Брат и сестра очень любили друг друга. Ванзе пятнадцать лет.

Киоко говорит, когда в деревне умирала еще одна беременная женщина, эти же белые приходили к ней и брали на анализ кровь, мочу и слюну, как и у Ванзы. Тогда же они прослышали о том, что Ванза убежала из деревни в Кибере. Киоко говорит, что они очень заинтересовались Ванзой, спросили его, как ее найти, и все записали в блокнот. Именно следуя указаниям Киоко, они и разыскали Ванзу в Кибере, а потом определили в больницу Ухуру для обследования. Ванза — африканский подопытный кролик, одна из тех, кого убила «Дипракса».

Тесса говорит с ним, сидя по другую сторону стола. Она на седьмом месяце беременности. Они завтракают. Мустафа стоит у двери в кухню, чуть в глубине, поэтому знает, когда принести гренок, когда долить чаю. Утро — самое счастливое время дня. Как и вечер. Но утром разговор идет легче.

— Джастин.

— Тесса.

— Готов?

— Само внимание.

— Фамилия Лорбир тебе что-нибудь говорит?

— Абсолютно ничего.

— Он — немец?

— Возможно.

— Или голландец?

— Тоже возможно. Но стопроцентной гарантии дать не могу. Не можешь заполнить пустые клеточки в кроссворде?

— Мне сейчас не до кроссвордов, — задумчиво отвечает она. Тесса-адвокат. «В сравнении со мной могила — балаболка».

«Ни Дж., ни Г., ни А.» Сие означает: Джастин, Гита и Арнольд, никого из них нет. В палате она одна. С Ванзой.

"15.23. Входят белый мужчина с мясистым лицом и женщина славянского типа. Оба в белых халатах, ее — распахнут. Еще трое мужчин. Все в белых халатах. На карманах вышиты украденные пчелки Наполеона. Подходят к кровати Ваты, смотрят на нее.

Я: «Кто вы? Что вы с ней делаете? Вы — врачи?» Они меня игнорируют, смотрят на Ванзу, прислушиваются к дыханию, замеряют пульс, температуру, поднимают веки, чтобы посмотреть на глаза, слушают сердце, зовут: «Ванза». Никакой ответной реакции. Я: «Вы — Лорбир? Кто вы? Как вас зовут?» Славянская женщина: «Тебя это не касается». Уходят.

Славянская женщина — та еще сука. Крашенные черные волосы, длинные ноги, вихляющиеся бедра, ничего не может с этим поделывать".

Как нарушитель, застигнутый на месте преступления, Джастин засовывает листки с записями Тессы под ближайшую стопку бумаг, вскакивает, в ужасе поворачивается к двери. Кто-то молотит по ней кулаком. Джастин видит, как в ритме ударов подрагивают доски, слышит очень знакомый громогласный английский голос.

— Джастин! Выходи, дорогой! Не прячься! Мы знаем, что ты здесь! Двое близких друзей несут подарки и утешение!

Джастин обращается в статую, не в силах ответить.

— Не прячься, дорогой! В этом нет нужды! Это же мы! Бет и Адриан! Твои друзья!

Джастин хватается за ключи с маленького комода и как человек, идущий на казнь, выходит в солнечный свет, чтобы оказаться лицом к лицу с Бет и Адрианом Тапперами, Величайшим писательским дуэтом их времени, всемирно известными Тапперами из Тосканы.

— Бет. Адриан. Как приятно вас видеть, — выдавливает он из себя, захлопывая за спиной дверь.

Адриан хватается за плечи, в голосе слышатся драматические нотки:

— Дорогой мальчик. Джастин. Любимец богов. М... М... Образец мужчины. Только одно, — он еще понижает голос. — Ты один. Можешь не говорить. Конечно же, один.

Приходя к нему в объятия, Джастин видит, как маленькие глазки жадно всматриваются ему за спину.

— О, Джастин, ты действительно любил ее, — воркует Бет, рот изгибается уголками вниз, потом выпрямляется, чтобы поцеловать его.

— А где твой человек, Луиджи? — осведомляется Адриан.

— В Неаполе. С невестой. Они собираются пожениться. В июне, — добавляет Джастин.

— Ему следовало бы быть здесь. Поддержать тебя. До чего мы докатились, дорогой мальчик. Никакой верности. Никаких традиций. Хорошего слугу днем с огнем не найти.

— Большое — в память о дорогой Тессе, маленькое — о Гарте, чтобы всегда был рядом с ней, — объясняет Бет. — Мы всегда будем помнить о них.

Во дворе стоит их пикап. В кузове лежат несколько бревен. Для читателей их книг. Пусть думают, что Адриан срубил их сам. На бревнах — два персиковых дерева, их корни увязаны в пластиковые мешки.

— Бет все так тонко чувствует, — гроыхает Таппер. — Все знает, все понимает, дорогой мальчик. Очень нежная душа, не так ли, дорогая. «Мы должны привезти ему деревья», — сказала Бет. Я сразу понял, как она права.

— Мы можем посадить их прямо сейчас, не так ли? — говорит Бет.

— После ленча, — твердо возражает Адриан.

Вернее, простого деревенского пикника: «Хлеб, оливки, форель из нашей коптильни, дорогой, посидим втроем, с бутылкой твоего прекрасного вина, которым так славится вилла Манчини».

Что остается Джастину? Он ведет их на виллу.

— Нельзя скорбеть вечно, дорогой мальчик. Евреи не скорбят. Семь дней — это все, что они себе позволяют. После этого они вновь на ногах, возвращаются к делам.

Их закон, дорогая, — объясняет Адриан, обращаясь к жене, словно она — слабоумная.

Они сидят в гостиной под херувимами, едят форель с колен: на то и пикник.

— Для них все прописано. Что делать, кому, как долго. А потом — за работу. Джастин

должен следовать их примеру. Лентяйничать нехорошо, Джастин. Лентяйничать нельзя. Ни одного дня. От лени только вред.

— О, я не лентяйничаю, — возражает Джастин, ругая себя за то, что открыл вторую бутылку вина.

— А что же ты тогда делаешь? — Маленькие глазки Таппера впиваются в него.

— Видишь ли, Тесса оставила множество незавершенных дел, — пространно объясняет Джастин. — Прежде всего, конечно, надо решить вопросы, связанные с наследством. Потом ее благотворительный фонд. И еще много всякого и разного.

— Компьютер у тебя есть?

«Ты его видел, — в ужасе думает Джастин. — Но это невозможно! Я очень быстро закрыл дверь. Очень быстро!»

— Величайшее изобретение человечества после печатного станка, дорогой мальчик. Не так ли, Бет? Не нужны ни секретарь, ни жена, он заменяет все. Каким пользуешься ты? Мы так и не решились купить компьютер, не так ли, Бет? Ошибка.

— Мы не понимали, до чего он хорош, — объясняет Бет, глотнув вина. Для такой миниатюрной женщины плоток на удивление большой.

— О, я пользуюсь лишь тем, что здесь было, — отвечает Джастин, самообладание уже вернулось к нему. — Адвокаты Тессы нагроулили меня кучей дискет. Я взял компьютер, который стоял на вилле, и, насколько смог, прогнал через него дискеты.

— Значит, ты закончил. Пора возвращаться домой. Не тяни. Поезжай. Ты нужен своей стране.

— В общем-то, я не закончил, Адриан. Мне нужно еще несколько дней.

— Форин-оффис знает, что ты здесь?

— Вероятно, — отвечает Джастин. «Почему Адриан так ведет себя? Почему вторгается в те сферы моей жизни, которые не имеют к нему ни малейшего отношения, а я стою и не останавливаю его?»

Но тут Адриан переключается на другую тему, и Джастину приходится выслушивать удивительно нудный рассказ о том, как Величайшая пишущая пара этого мира боролась с естественным притяжением Всемирной паутины. Безусловно, репетировалась речь перед производителями компьютеров с целью получения бесплатного образчика их продукции для создания очередной тосканской нетленки.

— Ты убегаешь, дорогой мальчик, — строго отчитывает Адриан Джастина, когда двое мужчин отвязывают деревья и переносят их в подвал, чтобы Джастин посадил их в удобное для него время. — Убегаешь от долга. Старомодное слово по нынешним временам. Чем дольше откладываешь, тем тяжелее становится. Возвращайся домой. Тебя встретят с распростертыми объятиями.

— Почему бы не посадить их сейчас? — спрашивает Бет.

— Слишком большая эмоциональная нагрузка, дорогая. Он справится сам. Да благословит тебя бог, дорогой мальчик. Держи руку на пульсе. Важнее в этом мире ничего нет.

Так чего вы приезжали? Таким вопросом задается Джастин, глядя на удаляющийся пикап. По собственной инициативе или на вас нажали? Вас привел запах крови... или Пеллегрин? Жизнь Таппера богата событиями. Он поработал и на Би-би-си, и в таблоидах. А также в Уйат-холле, в тех больших комнатах, куда не пускают посторонних вообще и журналистов в частности. Джастину вспомнились слова Тессы: «Что, по-твоему, делает Адриан со своим умом, который не умещается в его книгах?»

Он вернулся к Ванзе, чтобы обнаружить, что шести-страничный дневник Тессы, который она вела в больнице, заканчивается на печальной ноте. Лорбир и его команда посещают палату еще три раза. Дважды Арнольд говорит с ними, но Тесса не слышит ни слова. Осматривает Ванзу не Лорбир, а сексуальная славянка, тогда как он сам и его ученики полукругом стоят у кровати. Кульминация наступает ночью, когда Тесса спит. Она просыпается, кричит, но медсестры не приходят. Они слишком напуганы. С огромным

трудом Тесса их находит и заставляет признать, что Ванза мертва, а ребенка отправили в ее деревню.

Положив копии в стопку бумаг, полученных от полиции, Джастин сел за компьютер. Чувствовал он себя скверно. Во-первых, выпил слишком много вина. Во-вторых, форель, определенно недокопченная, камнем лежала в желудке. Он нажал на несколько клавиш, подумал о том, чтобы сходить на виллу за бутылкой с минеральной водой, и тут глаза у него едва не вылезли из орбит. В ужасе уставился на экран. Мотнул головой, закрыл глаза, вновь открыл. Надпись на экране осталась прежней:

**ПРОГРАММА ВЫПОЛНИЛА НЕДОПУСТИМУЮ ОПЕРАЦИЮ И БУДЕТ ЗАКРЫТА.
ВСЕ НЕСОХРАНЕННЫЕ ДАННЫЕ ВО ВСЕХ ОКНАХ БУДУТ УНИЧТОЖЕНЫ.**

А под смертным приговором — ящички, словно гробы на массовом захоронении: кликни тот, который хочешь опустить в могилу первым. Руки Джастина повисли, как плети, голова упала. Каблуками он уперся в пол, отталкивая стул и себя от компьютера.

— Будь ты проклят, Таппер! — прошептал он. — Будь проклят, будь проклят, будь проклят, — но проклинал-то он себя.

Случившееся — его работа. Не следовало ему подходить к компьютеру.

Гвидо! Ему нужен Гвидо!

Он посмотрел на часы. До окончания занятий двадцать минут, но Гвидо не разрешил ему приехать за ним. Он предпочитает ездить на школьном автобусе, как все нормальные ребята, «благодарю вас», и «я скажу водителю, чтобы он нажал на клаксон, высаживая меня у виллы». Вот оттуда Джастин мог забрать его на джипе. Не оставалось ничего другого, как ждать. Если бы он помчался к школе, то скорее всего не успел бы к отъезду автобуса, и тогда пришлось бы мчаться назад. Оставив компьютер, он вернулся к столу, на котором считали деньги, и углубился в бумаги. Печатный текст он определенно предпочитал электронному, который приходилось считывать с экрана.

Телеграфное агентство ПАНА (24.09.97)

«В 1995 году, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в регионе Сахары отмечено наибольшее, в сравнении с другими регионами, увеличение числа больных туберкулезом и СПИДом...»

Он это уже знал.

"Тропические мегаполисы превратятся в ад на земле.

По мере того как незаконная вырубка лесов, загрязнение воды и земли, хищническая добыча нефти уничтожают экосистему «третьего мира», все больше жителей сельских районов вынуждены мигрировать в города ради работы и выживания. Эксперты предсказывают появление десятков, а то и сотни тропических мегаполисов, трупобные районы которых с проживающими в них сотнями тысяч людей станут рассадниками смертоносных болезней, таких, как туберкулез..."

Вдалеке загудел клаксон автобуса.

— Значит, вы напортачили, — в голосе Гвидо слышалась удовлетворенность, когда Джастин подвел его к месту катастрофы. — Вы заглянули в ее почтовый ящик? — Он уже нажимал на клавиши.

— Разумеется, нет. Я не знаю как. Что ты делаешь?

— Вы добавляли какой-нибудь материал, который забыли сохранить?

— Нет. Конечно же, нет. Ничего я не добавлял.

— Тогда ничего страшного не произошло. Вы ничего не потеряли, — объяснил Гвидо и нажатием еще нескольких клавиш вылечил компьютер. — Теперь мы можем войти в Интернет? Пожалуйста!

— Зачем?

— Чтобы посмотреть ее почту! Сотни людей могли посылать ей письма каждый день, а вы их не читали. Как насчет тех, кто выразил свои соболезнования? Вы не хотите знать, что они сказали? Там есть мои письма, на которые она не ответила! Может, она их и не читала!

Гвидо чуть не плачет. Мягко обняв мальчика за плечи, Джастин усаживает его на стул

перед компьютером.

— Скажи мне, чем мы рискуем. В самом худшем случае.

— Мы ничем не рискуем. Все сохранено. Это не худший случай. Мы проделываем наипростейшие операции. Если программа опять сделает что-то не так, мы легко вернемся в исходную точку. Я сохраню новые электронные письма. Все остальное Тесса сохранила. Можете мне доверять.

Гвидо подсоединяет лэптоп к модему и дает Джастину свободный конец длинного провода.

— Вставьте в гнездо телефонной розетки.

Джастин вставляет. Гвидо нажимает на клавиши и ждет. Иероглифы, окно, больше иероглифов. Пауза, чтобы произнести молитву, а затем надпись во весь экран, начавшая мерцать, будто неоновая вывеска, и вскрик Гвидо.

Опасная Зона!!!

ЭТО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

НЕ ЗАХОДИТЕ ДАЛЬШЕ. КЛИНИЧЕСКИЕ ИСПЫТАНИЯ УЖЕ ПОКАЗАЛИ, ЧТО ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ ФАТАЛЬНЫЕ ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ.

ДЛЯ ВАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СПОКОЙСТВИЯ ВАШ ЖЕСТКИЙ ДИСК БУДЕТ ОЧИЩЕН ОТ ТОКСИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ.

Несколько секунд Джастин не испытывает особой тревоги. Первое желание — сесть за стол, на котором считали деньги, и написать сердитое письмо фирме-изготовителю за возвышенный стиль. Тем более Гвидо уже продемонстрировал, что не так страшен черт, как его малюют. Он уже собирается воскликнуть: «Сколько же можно, должны же быть какие-то пределы!» — но видит, как бессильно поникла на тоненькой шейке голова Гвидо, как его пальцы сжались в кулачки по обе стороны лаптопа, а лицо стало мертвенно-бледным, словно ему срочно требовалось переливание крови.

— Так плохо? — спрашивает Гвидо.

Гвидо в отчаянии кладет пальцы на клавиатуру, экстренными процедурами пытается выправить ситуацию. Похоже, безрезультатно, потому что он вскакивает, ладонью бьет себя по лбу, с его губ срывается горестный стон.

— Скажи мне, что случилось? — молит Джастин. — Вряд ли все так серьезно. Скажи мне. — Гвидо не отвечает. — Ты выключил компьютер. Да?

Гвидо кивает, не в силах разлепить губы.

— А теперь ты отсоединяешь модем? Еще кивок. По-прежнему молчаливый.

— Почему ты это делаешь?

— Хочу перезагрузить.

— И что это означает?

— Мы подождем одну минуту.

— Зачем?

— Может, две.

— Какой смысл?

— Даст ему время забыть. Успокоиться. Это ненормально, Джастин. Все действительно плохо. Тут замешаны не какие-то молодые шутники. Очень плохие люди проделали это с вами, Джастин. Поверьте мне.

— Со мной или с Тессой? Гвидо качает головой.

— Кто вас ненавидит, — он вновь включает компьютер, садится на стул, глубоко вдыхает. И Джастин радостно улыбается, увидев на экране все тех же счастливых негрятят.

— У тебя все получилось! — кричит он. — Ты — гений, Гвидо!

Но эти слова еще не успевают слететь с его губ, как негрятят заменяют покачивающиеся песочные часы, которые пронзает белая стрела. Исчезают и они, оставляя иссинь-черную пустоту.

— Они его убили, — шепчет Гвидо.

— Как?

— Послали по почте вирус. Вирус, который стирает всю информацию на жестком диске, и оставили сообщение, чтобы вы знали, что они сделали.

— Тогда это не твоя вина, — пытается успокоить его Джастин.

— Она копировала файлы?

— То, что она распечатывала, я прочитал.

— Я говорю не о распечатках! Дискеты у нее были?

— Мы не смогли их найти. Мы думаем, она взяла их с собой, уезжая на север.

— Что значит «на север»? Почему она не передала файлы на север по электронной почте? Почему ей потребовалось брать с собой дискеты? Я этого не понимаю. Совершенно не понимаю.

Джастин вспоминает Хэма и думает о Гвидо. В компьютер Хэма тоже проник вирус.

— Ты говорил, она много чего посылала тебе по электронной почте.

— Раз в неделю. Два. Если забывала прислать в одну неделю, на следующей посылала дважды, — он вновь говорит на итальянском. Он вновь ребенок, несчастный и испуганный, как в тот день, когда его нашла Тесса.

— Ты не заглядывал в почтовый ящик с тех пор, как ее убили?

Гвидо энергично качает головой. Конечно же, нет. Как можно.

— Тогда мы можем поехать к тебе и ты посмотришь, что там лежит. Ты не возражаешь? Я тебе не помешаю?

Ведя машину по горному серпантину, Джастин думал только о Гвидо. Мальчик более всего напоминал ему раненого друга, и ему хотелось как можно скорее доставить его к матери, восстановить его душевное равновесие, остановить поток слез, сделать, чтобы из калеки, думающего, что со смертью Тессы его жизнь закончилась, вновь превратить Гвидо в здорового, самоуверенного двенадцатилетнего компьютерного гения. И если, как он подозревал, они, кем бы они ни были, проделали с компьютером Гвидо то же самое, что с компьютерами Хэма и Тессы, тогда Гвидо наверняка успокоится и его больше не будет мучить совесть. Эту цель теперь Джастин ставил во главу угла, все остальное отходило на второй план. Если бы он дал волю эмоциям и начал ставить перед собой другие цели, то сошел бы с тропы Тессы, ступив на другую, тропу отмщения.

Он подъехал к дому, а когда они вышли из джипа, положил руку Гвидо на плечо. А Гвидо, к удивлению Джастина, руку не скинул. Его мать приготовила жаркое и испекла хлеб, чем очень гордилась. По настоянию Джастина они сначала поели, а уж потом Гвидо принес из спальни компьютер, и, до того, как выйти в Интернет, они сидели плечом к плечу, читая письма Тессы о сонных львах, которых она видела в своих поездках, УЖАСНО шустрых слонах, которые сели бы на ее джип и раздавили его, если б она хоть на секунду замешкалась, и САМОВЛЮБЛЕННЫХ жирафах, которые счастливы, лишь когда кто-нибудь восхищается их элегантными шеями.

— Вы хотите дискету с ее электронными письмами? — спросил Гвидо, правильно догадавшись, что Джастин больше не может смотреть на экран.

— Буду тебе очень признателен, — вежливо ответил Джастин. — А также скопируй все свои работы, чтобы я мог ознакомиться с ними на досуге и сообщить тебе свое мнение: эссе, домашние работы, все то, что ты хотел бы показать Тессе.

Покончив с дискетами, Гвидо подсоединил телефонный провод к модему, и они наблюдали, как стадо газелей сменилось безжизненной темнотой. Попытка Гвидо вновь открыть рабочий стол закончилась полным провалом. Осипшим голосом мальчик сообщил, что с жесткого диска стерта вся информация, как и в компьютере Тессы, только на этот раз обошлось без послания с клиническими испытаниями и токсичностью.

— И она не посылала тебе файлов, которые просила сохранить для нее? — спросил Джастин тоном таможенника.

Гвидо покачал головой.

— Ничего не просила кому-то переслать? Не использовала твой компьютер как

почтовое отделение? Гвидо покачал головой.

— Тогда что из утерянного дорого тебе?

— Только ее последние электронные письма, — прошептал Гвидо.

— Значит, мы оба жалеем об одном и том же. — «Мы трое, если считать Хэма», — мысленно поправился он. — Но, если я могу это пережить, значит, сможешь и ты. Потому что она была моей женой. Понимаешь? Возможно, какой-то вирус из ее компьютера заразил твой. Это возможно? Она где-то подцепила его и, не зная того, по ошибке передала тебе. Да? Я не знаю, о чем говорю, не так ли? Но могу догадываться. И я хочу, чтобы ты понял главное: мы никогда не узнаем, почему это случилось. Так что имеем полное право сказать: «Не повезло» — и продолжать жить. Мы оба. Да? Поэтому заказывай все, что тебе нужно, чтобы заменить утерянное. Да? И я дам соответствующие указания нашей миланской конторе.

Придя к выводу, что ему удалось восстановить душевное равновесие Гвидо, Джастин откланялся. Вернулся на виллу, взял в масляной комнате лэптоп, понес к берегу моря. На курсах переподготовки ему многократно говорили, и он в это верит, что специалисты могут восстановить все файлы, стертые с жесткого диска. Только специалисты эти находились на государственной службе, с которой его пути разошлись. У него возникла мысль каким-то образом связаться с Робом и Лесли и попросить помощи у них, но ему не хотелось ставить их в неловкое положение. А кроме того, будучи честен с самим собой, он не мог не признать, что компьютер Тессы вызывал у него неприятие, ему хотелось избавиться от него.

Освещенный луной, он шагал по длинному молу и, дойдя до края, бросил изнасилованный лэптоп в воду. А вернувшись в масляную комнату, писал до утра.

"Дорогой Хэм!

Это первое из, надеюсь, длинной череды писем, адресованных твоей доброй тетушке. Не подумай только, что меня мучают дурные предчувствия, но, если вдруг я попаду под автобус, не сочти за труд лично передать все документы самому кровожадному, самому неподкупному члену коллегии адвокатов, заплати ему выше крыши и пусть принимается за работу. Так мы оба окажем Тессе добрую услугу.

Как всегда твой,
Джастин".

Глава 15

До позднего вечера, пока наконец виски не взяло над ним верх, Сэнди Вудроу оставался на посту в посольстве, готовясь к своему выступлению на завтрашнем заседании «канцелярии», оценивая его с одной стороны, с другой, с третьей, со всех сторон, отгоняя призраки, осаждающие его, заглушая их обвиняющие голоса своим: он ни при чем, происшедшее — лишь цепочка случайных эпизодов, он никоим образом не способствовал внезапному отъезду Портера Коулриджа, его жены и дочери в Лондон, под сомнительным предлогом, что им срочно потребовалось найти для Розы специальную школу.

Иногда его мысли словно обретали собственную волю, становились независимыми, перекидывались на развод по взаимному согласию, задавались вопросом, подходит ли Гита Пирсон или новая девушка Тара Как-там-ее из отдела торговли на роль постоянного спутника жизни, с кем предпочтут остаться мальчишки. А может, лучше жить одному, мечтая о вечной подруге и не находя ее, наблюдая, как эта мечта уходит все дальше и дальше. Однако по дороге к дому с закрытыми окнами и запертыми дверьми он вновь ощутил себя кормильцем семьи и мужем... ладно, пусть и склонным по-тихому сходить на сторону (кому из мужчин это чуждо?), но, по большому счету, добропорядочным, хладнокровным, целенаправленным солдатским сыном, в которого много лет тому назад по уши и влюбилась Глория. Входя в дом, он удивился, где-то даже обиделся, обнаружив, что она не вышла с ним на телепатическую связь, не прочувствовала переполнявших его добрых намерений, не стала дожидаться его приезда, и теперь ему придется самому добывать пропитание из холодильника. «В конце концов, я — исполняющий обязанности посла, — с возмущением

подумал Вудроу. — И имею право на уважительное отношение в собственном доме».

— Есть новости? — примирительно крикнул он ей, в одиночестве ужиная холодным мясом.

Потолок столовой, тонкая бетонная плита, служил также полом их спальни.

— Разве тебе не сообщают новости на работе? — откликнулась Глория.

— У нас нет возможности целый день слушать радио, если ты про это, — Вудроу намекал, что как раз у Глории такая возможность есть. Подождал с вилкой, застывшей на полпути ко рту.

— В Зимбабве убили еще двоих белых фермеров, если это новости, — сообщила Глория после долгой паузы.

— Как будто я этого не знаю! Пеллегрин целый день не слезал с нас. Почему мы не можем убедить Мои — воздействовать на Мугабе? По той же самой причине, по которой мы не можем убедить Мои воздействовать на Мои. Какого еще он мог ожидать ответа?

Вудроу надеялся услышать: «Дорогой, как тебе трудно» — но над потолком воцарилось молчание.

— Больше ничего? — спросил он. — Из новостей. Больше ничего?

— А что еще ты хотел услышать?

«Да что произошло с этой чертовой женщиной? — мрачно думал Вудроу, вновь наполняя стакан бордо. — Никогда не была такой. С тех пор как ее возлюбленный вдовец отбыл в Англию, бродит по дому, словно больная корова. Не пьет со мной, не ест, не смотрит в глаза. О прочем и не говорю, хотя и раньше она это дело не жаловала. Практически не красится, что удивительно».

Но его порадовали слова Глории о том, что никаких новостей у нее нет. По крайней мере, он знал то, что для нее пока составляло тайну. Не так уж часто Лондону удавалось придержать важные новости. Обычно какой-нибудь кретин из департамента информации все выбалтывал прессе задолго до установленного срока. Так что резко повышались шансы на то, что «бомба» взорвется завтра, как он и просил Пеллегрин.

— Речь идет о моральном аспекте, Бернард, — предупреждал он своего шефа. — Здесь для некоторых это будет тяжелым ударом. Я бы хотел, чтобы они узнали обо всем от меня. Учитывая, что Портер в отъезде.

Всегда полезно напомнить, кто стоит у штурвала. И крепко держит его в руках. Разумеется, не делая на это упор. Но надо указать Лондону на четкий контроль, под который взята ситуация после того, как здесь не стало Портера, шарахавшегося от мало-мальской проблемы.

Конечно, он лезет из кожи вон. Может, это ее и злит. Резиденция посла в сотне ярдов по этой же улице, полностью укомплектованная, функционирующая, с «Даймлером» в гараже, разве что на флагштоке нет флага. Есть Портер Коулридж, наш отсутствующий посол. И есть маленький я, выполняющий за него всю работу, тянущий тяжеленный воз, с нетерпением ожидающий дня, когда меня назначат его официальным преемником и в мое полное распоряжение перейдут кабинет, резиденция, «Даймлер», Милдрен, к годовому жалованью добавятся тридцать пять тысяч фунтов, и это назначение станет еще одним шагом к званию рыцаря".

Но его мечты так легко могли обратиться в прах, потому что в Оффисе крайне неохотно утверждали заместителя на место начальника. Предпочитали вернуть его домой, потом отправить в другую страну. Разумеется, случались исключения, но очень редко...

Его мысли вернулись к Глории. Леди Вудроу: к этому она еще не готова. Потому и нервничает. Не говоря уже о том, что она томится от безделья. Ей определенно не хватало еще пары детей. Что ж, в резиденции про безделье она забудет, это точно. Один свободный вечер в неделю, и то если повезет. И стала ужасно сварливой. Учинила разнос Джуме из-за какого-то пустяка. А в понедельник, он и представить себе не мог, что доживет до такого дня, вдрызг разругалась с архисучкой Еленой, по так и не установленной причине.

А ведь он как раз собирался предложить Глории пригласить Елену и ее мужа к обеду.

Теперь, слава богу, об этом не могло быть и речи.

Но в разрыве с Еленой он видел и темную сторону. Глория без закадычной подруги — что мотор без шестеренок. И тот факт, экстраординарный факт, что она заключила вооруженное перемирие с Гитой Пирсон, совершенно его не успокаивал. Только два месяца тому назад Глория ее в упор не видела. «Я не желаю иметь ничего общего с получившими английское образование дочерьми браминов, которые разговаривают, как мы, а одеваются, как дервиши. — Вудроу стоял совсем рядом, когда она делилась этими мыслями с Еленой. — И эта Куэйл дурно на нее влияет». Ныне «эта Куэйл» мертва, а Елена полностью вышла из доверия. И Гита, по-прежнему одевающаяся, как дервиш, по просьбе Глории повела последнюю в Киберу, чтобы найти ей работу в одном из агентств по оказанию гуманитарной помощи. Повела, между прочим, в тот самый момент, когда сама Гита доставила Вудроу массу хлопот.

Во—первых, ее демонстративное поведение на похоронах. Конечно, нет писанных правил о том, как должно вести себя на этой церемонии. Тем не менее Вудроу полагал, что она вышла за рамки приличий. А потом последовал длительный период агрессивного траура, когда она бродила по «канцелярии», словно зомби, отказываясь встретиться с ним взглядом, хотя в не столь уж далеком прошлом он рассматривал ее в качестве... скажем, кандидатки. А в последнюю пятницу, без всякого объяснения, попросила дать ей отгул, хотя работала в «канцелярии» совсем ничего, занимала самую низшую должность и, конечно же, не имела права ни на какие отгулы. На что он, по доброте души, ответил: «Да, хорошо, Гита, пожалуй, мы можем пойти тебе навстречу, только не загни его», - всего лишь невинная шутка, которую женатый мужчина средних лет может позволить в разговоре с симпатичной молодой женщиной, но, если бы взгляды могли убивать, он бы точно рухнул у ее ног.

А как провела она день, который он даровал ей? На зафрахтованном самолете с дюжиной других женщин из так называемого клуба памяти Тессы полетела к этому чертову озеру Туркана, чтобы под бой барабанов и пение псалмов возложить венок на то место, где убили Тессу и Ноя! Вудроу узнал об этом в понедельник, открыв «Найроби стандарт» и увидев ее на фотографии, между двумя здоровенными африканками, которые вроде бы приходили на похороны.

— Ты только посмотри, Гита Пирсон, — фыркнул он, протягивая газету Глории. — Мертвых надо хоронить, а не выкапывать из могилы каждые десять минут. Такого я от нее не ожидал.

— Если бы мы не принимали итальянского посла, я бы полетела с ними, — ответила Глория, полным упрека голосом.

Свет в спальне погас. Глория притворилась спящей.

— Дамы и господа, пожалуйста, присядьте. Этажом выше гудела мощная дрель. Вудроу отрядил Милдрена на восстановление тишины, а сам в это время перебирал на столе бумаги. Гудение стихло. Вудроу оглядывая собравшихся, пока не появился запыхавшийся Милдрен. В отсутствие посла общие планерки не проводились, поэтому Вудроу распорядился, чтобы на совещаниях в «канцелярии» присутствовал весь состав посольства. И теперь в зале сидели Тим Донохью и его помощница Шейла, военный атташе, Барни Лонг из отдела торговли. И бедная Салли Эйткен, заикающаяся и краснеющая от волнения, присланная на стажировку из Министерства сельского хозяйства и рыболовства. Гита, заметил он, устроилась в привычном для нее углу: после смерти Тессы она делала все, чтобы стать невидимой. Она по-прежнему носила на шее так раздражающий его черный шарф, который напоминал ему о грязной повязке, закрывавшей рану Тессы. И как расценивать ее косые взгляды: флирт это или презрение? С этими восточными красавицами никогда ничего не поймешь.

— Боюсь, друзья, я должен поделиться с вами грустными новостями, — начал он бодрым голосом. — Барни, если вы не возражаете, займитесь дверью, как говорим мы в Америке. Не надо нести ее к моему столу, достаточно только плотно закрыть.

Смех... но отнюдь не веселый.

Он сразу перешел к делу, как, собственно, и собирался. Взял быка за рога — все здесь

профессионалы, нечего рубить хвост по кускам. Коротко глянул на лежащие перед ним бумаги, несколько раз постучал по ним тупым торцом карандаша, расправил плечи и начал:

— Вот на чем я хотел бы остановить ваше внимание этим утром. Первая новость остается под грифом «Секретно», пока ее не обнародуют англичане или кенийцы. Сегодня в двенадцать часов дня кенийская полиция выпишет ордер на арест доктора Арнольда Блюма, обвиняемого в убийстве Тессы Куэйл и шофера Ноя. Кенийцы уже связались с правительством Бельгии, и работодатели Блюма заранее проинформированы. Мы узнали об этом через Скотленд-Ярд, который работает в тесном контакте с Интерполом.

Ни протестов, ни ахов изумления не последовало, разве что скрипнули два-три стула. Вот тут загадочные глаза Гиты наконец-то уставились на него, полные то ли восхищения, то ли ненависти.

— Я знаю, что для вас всех это шок, особенно для тех, кто знал и любил Арнольда. Если вы хотите поставить в известность ваших партнеров, я разрешаю, но особо не усердствуйте. — На память пришла Глория, которая до гибели Тессы видела в Блюме выскочку-жиголо, а теперь вдруг озаботилась его судьбой. — Не могу сказать, что мне самому все это нравится, — признался Вудроу. — Пресса, конечно, всему найдет объяснение. Опять будут пережевывать отношения Тессы и Блюма. Если его поймают, будет громкий процесс. Поэтому для посольства это едва ли не худший вариант развития событий. На данном этапе у меня нет никаких сведений о доказательствах, которыми располагает полиция. Мне лишь сказали, что улики не оставляют ни малейших сомнений в виновности Блюма, но иного ожидать от полиции и не приходится, не так ли? — Короткая улыбка, призванная чуть разрядить атмосферу. — Вопросы?

Вопросов не последовало. Должно быть, известие всех ошарашило. Даже Милдрен, который был в курсе с вечера, ограничился лишь тем, что почесывал кончик носа.

— Вторая новость имеет отношение к первой, но вопрос этот куда более деликатный. Делиться ею с кем-либо без моего разрешения я запрещаю. Моего или посла, если он вернется. Никому из вас принимать такое решение не положено. Я выразился достаточно ясно?

Его определенно поняли, потому что многие согласно кивнули. Теперь на нем скрестились все взгляды, а Гита вообще не отрывала от него глаз. «Господи, а если она влюбилась в меня: как мне выбираться из такой ситуации, — подумал он. — Ну, конечно! Именно поэтому она налаживает отношения с Глорией! Сначала нацелилась на Джастина, теперь — на меня! Она же хищница, так и норовит сбросить жену за борт!» Он с трудом отогнал от себя эти мысли, не имеющие отношения к повестке дня.

— С прискорбием вынужден сообщить вам, что наш коллега Джастин Куэйл как сквозь землю провалился. Вы, должно быть, знаете, он не пожелал, чтобы представители Форин-оффис встречали его в аэропорту, сказав, что обойдется своими силами. Он беседовал с Элисон Лендсбюри, в тот же день общался за ленчем с Пеллегрином. Оба пришли к выводу, что он переутомлен, мрачен и настроен враждебно. Ему предложили санаторий и консультации специалиста по психологической разгрузке, но он отказался. А потом исчез.

Теперь уже Вудроу сосредоточил свое внимание не на Гите, а на Донохью. Но, разумеется, он наблюдал за ними исключительно уголком глаза, избегая прямых взглядов. И у него создалось ощущение, что и Донохью, и Шейла получили информацию об исчезновении Джастина раньше, чем он.

— В день прибытия в Англию, точнее, вечером того же дня, Джастин отправил пространное письмо главе управления по кадрам, в котором сообщил, что берет отпуск, чтобы уладить дела жены. Отправил обычной почтой, благодаря чему выиграл три дня. К тому времени, когда управление по кадрам попыталось остановить Джастина, для его же блага, он, как говорится, пропал с экранов всех радаров. Более того, предпринял меры, чтобы замести следы. Он объявлялся на острове Эльба, где находится поместье Тессы, но, когда в Оффисе узнали об этом, уже уехал оттуда. Куда, известно одному богу, но кое-какие версии на этот счет есть. Он не подал формального заявления на отпуск, тогда как в Оффисе

пытались помочь ему как можно быстрее встать на ноги, искали место, где он мог бы за год или два залечить свои раны. — Пожатие плеч показало, что в этом мире не ценят доброго отношения. — Если он что сейчас и делает, то исключительно по собственной инициативе. И работает определенно не на нас.

Он строго оглядел аудиторию, вновь вернулся к своим записям.

— Есть еще аспекты, напрямую связанные с национальной безопасностью, в которые, вы понимаете, я посвятить вас не могу, поэтому Оффис вдвойне озабочен тем, где и когда он вынырнет на поверхность. Они и просто по-человечески волнуются за него, как, я уверен, и мы все. Здесь он являл собой образец выдержки и самоконтроля, но, похоже, не выдержал напряжения. — Вудроу подходил к самому трудному, но его слушатели уже успели подготовиться к удару. — В нашем распоряжении имеются мнения экспертов, и, с нашей точки зрения, ничего хорошего они не сулят.

Сын солдата выдержал многозначительную паузу.

— Существует вероятность того, что Джастин отказывается смириться с тем, что его жена мертва, и отправился на ее поиски. Печально, конечно, но мы говорим о логике временно помутившегося рассудка. Мы надеемся, что временно. Другая версия, с той же степенью вероятности, указывает на то, что Джастин решил мстить и теперь ищет Блюма. Пеллегрин, из лучших побуждений, дал ему знать, что Блюма подозревают в убийстве Тессы. Возможно, Джастин воспринял его слова как истину в последней инстанции и начал действовать. Все это очень грустно.

На мгновения Вудроу увидел себя символом этой самой грусти. Таким и должен быть английский государственный чиновник. Всегда сохраняющим олимпийское спокойствие, не спешащим осудить, приговорить. Не боящимся принимать трудные решения, прислушивающимся к своим инстинктам. Ободренный безупречностью исполнения своей роли, он почувствовал, что имеет право на импровизацию.

— Похоже, что люди, оказавшиеся в той же ситуации, что и Джастин, очень часто действуют по плану, о существовании которого даже не подозревают. Словно включается автопилот, только ожидавший предлога побудить их сделать то, что они подсознательно планировали. В чем-то это сходно с самоубийством. Кто-то произносит ничего не значащие для всех, кроме этого человека, слова, и дальше он уже не осознает, что творит.

Не слишком ли много он наговорил? Или мало? Не перегнул ли палку? Гита смотрела на него, как разъяренная сивилла, и он не мог прочесть выражения пожелтевших глаз Донохью. Что он в них видел? Презрение? Злость? А может, всего лишь свидетельство того, что они преследуют разные цели и пути их совершенно не пересекаются?

— Но наиболее вероятная версия, и на ней, к сожалению, сходятся ведущие психоаналитики Оффиса, заключается в следующем: Джастин решил, что смерть Тессы — результат заговора, и начал поиски убийц. И вот это очень серьезно. Если человек не может адекватно воспринимать реальность, ему везде чудятся заговоры. Если не может смириться с тем, что мать умерла от рака, начинает винить во всем лечащего врача. И хирургов. И анестезиологов. И медицинских сестер. Которые, разумеется, все заодно. И вместе старались прикончить мать. У меня сложилось впечатление, что Джастин точно так же воспринимает случившееся с Тессой. Ее не просто изнасиловали и убили. Тесса стала жертвой международной интриги. Умерла не потому, что была молода и привлекательна и оказалась не в том месте и не в тот час, а потому, что Они хотели ее смерти. Кто эти Они — боюсь, каждый может предложить свой вариант. Возможно, сосед-бакалейщик или женщина из Армии спасения, которая позвонила в вашу дверь, чтобы вручить их журнал. Они все повязаны. Все участвовали в заговоре с целью убийства Тессы.

Нервный смех в зале. Он слишком много говорит или они проникаются его мыслями? Пожалуй, надо сосредоточиться на главном.

— Или, в случае Джастина, это могут быть подручные Мои, Большой бизнес, Форин-оффис и мы, сидящие здесь. Мы все враги. Все заговорщики. И знает об этом только Джастин, что является еще одним свидетельством паранойи. В глазах Джастина жертва не

Тесса, а он сам. Кто ваши враги, окажись вы на месте Джастина, зависит от того, с кем последним вы говорили, какие книги и газеты читали в последнее время, какие фильмы видели и в какой фазе дневных биоритмов находитесь. Нам также сообщили, что Джастин много пил, чего в Найроби за ним не замечалось. Пеллегрин говорит, что ленч на двоих в его клубе обошелся ему чуть ли не в месячное жалованье.

Вновь нервный смех, на этот раз смеялись все, за исключением Гиты. Он покатил дальше, выписывая на льду все новые фигуры. «Это та моя часть, которую ты ненавидела больше всего», — говорит он Тессе, мысленно возвращаясь к ней. «Это голос, который погубил Англию, — игриво сказала ты мне, когда мы танцевали. — Это голос, потопивший тысячу кораблей, и все наши». Очень забавно. Что ж, слушай теперь этот голос, девочка. Слушай, как будут обливаться грязью репутацию твоего мужа, спасибо Пеллегрину и моим пяти годам, проведенным в департаменте информации Форин-оффис.

Тошнота на мгновение подкатила к горлу. На то самое мгновение, в течение которого он ненавидел отраженную им толстую кожу бесчувственности. Эта тошнота могла бы погнать его из зала, под предлогом, что ему нужно срочно позвонить или справить естественную нужду, только для того, чтобы уйти от себя. Эта тошнота уже приводила его к столу, где он выдвигал ящик, брал лист бумаги, присланный издательством Ее Величества, и покрывал его заверениями в любви и безрассудными обещаниями. «Кто привел меня к этому? — спрашивал он себя, продолжая говорить. — Кто сделал меня таким? Англия? Мой отец? Школы, в которых я учился? Моя вечно испуганная мать? Или семнадцать лет, которые я лгал во имя своей страны?» «Мы достигли того возраста, Сэнди, — просветила ты меня, — когда наше детство более не может служить оправданием. В твоём случае проблема в том, что тебе для этого придется прожить годков девятноста пять».

Красноречие не подвело его. Он говорил и говорил:

— Какой же заговор вообразил себе Джастин... и какое место отвел в нем нам, посольству и его сотрудникам? Определил ли нас в одну лигу с масонами, или иезуитами, или Ку-Клукс-Кланом, или Мировым банком? К сожалению, просветить вас я не могу. Но могу сказать, что в заговорщики мы точно попали. Он уже высказывал порочащие измышления, указывая на конкретные личности, а теперь уж точно разрабатывает эту версию. Поэтому вполне возможно, что завтра или через три месяца он вновь объявится в Кении, — театральная пауза. — И на этот случай я требую от вас, всех вместе и каждого в отдельности... это не просьба, Гита, это приказ, какие бы чувства вы лично ни питали к Джастину... поверьте мне, я не хуже вас знаю, какой он милый и обаятельный человек... чтобы вы незамедлительно, в любое время дня и ночи, известили меня о его появлении. Или Портера, когда он вернется. Или... — взгляд на секретаря, — Майка Милдрена, — с губ едва не сорвалось: «Милдред». — Или ночного дежурного посольства. Незамедлительно.

Прежде чем пресса, полиция или кто-то еще выйдет на него — сообщите о его появлении нам.

Глаза Гиты еще больше потемнели, в глазах Донохью добавилось болезненной желтизны. А вот Шейла, не мигая, сверлила его ледяным взглядом.

— Для удобства и из соображений безопасности Лондон дал Джастину кодовое имя — Голландец. Почти что Летучий голландец. Если даже случайно, а мы говорим о психически неуравновешенном человеке, имеющем в своем распоряжении неограниченные финансовые ресурсы, его путь пересечется с вашим, увидите вы его, услышите, узнаете, что он где-то рядом, ради не только нашего, но его благополучия, снимите телефонную трубку, где бы вы ни были, и скажите: «Я насчет Голландца, Голландец делает то-то и то-то, я получил письмо от Голландца, он только что позвонил мне, прислал факс или письмо по электронной почте, он сидит передо мной в моем кресле». С этим все ясно. Вопросы? Да, Барни?

— Вы сказали «порочащие измышления». Кого и в чем он обвинял?

Вудроу прекрасно понимал, что Барни коснулся опасной темы. Не зря он подробно обсудил все нюансы с Пеллегриним по телефону спецсвязи Портера Коулриджа.

— Судя по всему, фармакология превратилась для него в навязчивую идею. Как нам

представляется, он убедил себя в том, что производители одного препарата... или его разработчики, несут ответственность за убийство Тессы.

— Он думает, что ей не перерезали горло? Он же видел тело! — воскликнул Барни.

— Боюсь, речь идет о ее пребывании в больнице. Препарат убил ее ребенка. То был первый выстрел заговорщиков. Тесса пожаловалась производителям, поэтому они убили и ее.

— Он опасен? — спросила Шейла, должно быть, для того, чтобы продемонстрировать присутствующим, что не располагает закрытой для остальных информацией.

— Он может быть опасен. Таково мнение Лондона. Его главная цель — фармацевтическая компания, производящая препарат. Потом ученые, которые его создали. Потом те, через кого препарат попадает к больным. В нашем конкретном случае — компания, которая импортирует его в Кению, а это холдинг «Три бизз», поэтому мы должны их предупредить. — Донохью и ухом не повел. — И позвольте повторить, что мы имеем дело с внешне рациональным и выдержанным английским дипломатом. Не думайте, что он превратился в психа с пеплом в волосах, выпученными глазами и пеной у рта. Он остался таким же, каким мы его помним и любим. Воспитанным, хорошо одетым, симпатичным и пугающе вежливым. И будет оставаться таким, пока не начнет кричать о всемирном заговоре, убившем его ребенка и жену. — Пауза. Комментарий для себя: «Господи, до какой низости может опуститься человек!» — Это трагедия. Больше, чем трагедия. Я думаю о том, что сейчас испытывают те из нас, кто был близок к нему. Именно поэтому мне и приходится бить тревогу. Пожалуйста, никаких сантиментов! Если Голландец появится на вашем горизонте, мы должны узнать об этом немедленно. Понятно? Благодарю. Обсудим другие дела, раз уж мы все здесь? Да, Гита.

Если и раньше Вудроу не мог разобраться в чувствах Гиты, то теперь тем более не понял бы, что творилось у нее на душе. Она вставала, когда остальные, включая его самого, оставались на своих местах. Это она знала. Вставала для того, чтобы ее увидели. Вставала потому, что никогда раньше не слышала столько лжи, потому что просто не могла усидеть на стуле. Вот она и встала, выражая протест, в ярости, готовая в лицо назвать Вудроу лжецом. Встала, потому что никогда в жизни не встречала таких замечательных людей, как Тесса, Арнольд и Джастин.

Все это Гита знала, когда поднималась на ноги. Но, глядя в лживые глаза Сэнди Вудроу, поверх повернувшихся к ней голов военного и торгового атташе, Милдрена, личного секретаря посла, поняла, что должна действовать иначе.

Воспользоваться методом Тессы. Не из трусости — из тактических соображений.

Она могла назвать Вудроу лжецом и насладиться мгновением славы, после которого ее ждало немедленное увольнение. И что она могла доказать? Ничего. Он ничего не выдумал. Но очень уж ловко искажил факты.

— Да, Гита, дорогая.

Он откинул голову назад, приподнял брови, приоткрыл рот, словно учитель пения, готовый запеть вместе с ней. Она быстро отвела взгляд. «До чего этот старик Донохью, с опущенными уголками рта, похож на старого бульдога сестры Мэри в монастыре. Вчера я играла в бадминтон с Шейлой, и она тоже наблюдала за мной». К своему изумлению, Гита услышала, что обращается к собранию.

— Возможно, я выбрала не самый удачный момент, Сэнди. Может, лучше вернуться к этому делу через несколько дней, — начала она. — Сейчас, похоже,, не до этого.

— Вернуться к чему? Не дразни нас, Гита.

— Мы получили запрос из «Международной продовольственной программы», Сэнди. Они настоятельно просят прислать нашего представителя в КПДЭП на очередной семинар фокус-группы по самообеспечению потребителей.

Она лгала. Лгала не менее убедительно, чем Вудроу. Каким-то чудом память подсказала ей нужные сведения, и она препарировала их в своих целях. Если б Вудроу попросил ее принести соответствующий факс, она бы не сумела вывернуться. Но он не попросил.

— Потребителей чего, Гита? — хохотнув, любопытствовал Вудроу.

— Гуманитарной помощи, Сэнди, — со всей серьезностью ответила Гита. — Речь идет о том, как выжить деревне, племени, городу, получающим продовольственную и медицинскую помощь, если агентства, которые ее обеспечивают, прекратят свою деятельность. Это очень важная проблема. Какие меры предосторожности следует предпринять донорам, чтобы сохранить от разграбления склады и средства доставки. От этих дискуссий ждут практических результатов.

— Да, логика тут есть. И как долго продлится это мероприятие?

— Три полных дня, Сэнди. Вторник, среду и четверг, возможно, захватит и пятницу. Но дело в том, Сэнди, что с отъездом Джастина мы лишились представителя в КПЭДП.

— И ты задалась вопросом, а не пошлют ли тебя вместо него! — воскликнул Вудроу, вновь хохотнул, показывая, что знает все уловки молодых красивых женщин. — Где будет проходить семинар, Гита? В Городе греха? — так он называл комплекс представительства ООН.

— В Локикоджио, Сэнди, — ответила Гита.

"Дорогая Гита!

У меня не было возможности сказать тебе, как любила тебя Тесса и как ценила те минуты и часы, которые вы проводили вместе. Но ты и сама это знаешь. Спасибо тебе за все то, что ты для нее сделала.

У меня есть к тебе просьба, но это всего лишь просьба, и ты ни в коем случае не должна волноваться из-за того, что не сможешь ее выполнить. Если каким-то образом ты окажешься в Локикоджио, пожалуйста, свяжись с женщиной-суданкой по имени Сара, которая была близкой подругой Тессы. Она говорит по-английски и служила в какой-то английской семье. Возможно, она знает, ради чего приезжали в Локи Тесса и Арнольд. Это всего лишь мое предположение, но они возлагали на эту поездку большие надежды, и я сомневаюсь, что они отправились туда исключительно для того, чтобы встретиться с суданскими женщинами и побеседовать с ними о равноправии полов! Если у них была другая цель, Сара, возможно, в курсе.

В ночь перед отъездом Тесса не сомкнула глаз и очень уж демонстративно, даже для Тессы, простилась со мной, прямо как у Овидия: «Прощай в последний раз» — хотя, полагаю, мы оба этого не знали. Сообщаю адрес в Италии, по которому ты можешь мне написать, если будет повод. Но, прошу тебя, не высовывайся. Еще раз благодарю тебя.

С уважением, Джастин".

Не Голландец. Джастин.

Глава 16

Джастину потребовалось два дня, чтобы, пересаживаясь с одного поезда на другой, добраться до Билсфельда, маленького городка неподалеку от Ганновера. Под фамилией Аткинсон он зарегистрировался в скромном отеле напротив железнодорожного вокзала, обследовал город, поел в маленьком ресторанчике. С наступлением темноты доставил письмо адресату. «Именно так и поступают шпионы, — думал он, приближаясь к дому на углу. — Это и есть осторожность, которой их учат с колыбели. Так они переходят темную улицу, всматриваются в подворотни, огибают угол. Вы меня ждете? Видел ли я вас раньше?» Но как только он бросил письмо в почтовый ящик, возобладал здравый смысл: забудь про шпионов, идиот, ты мог бы приехать и на такси. Но теперь, при дневном свете, второй раз направляясь к дому на углу, он вновь терзался вопросами. «Наблюдает ли они за домом? Видели ли меня вчера вечером? Собираются ли арестовать по прибытии? Позвонил ли кто-нибудь в „Телеграф“? Сказали ей или ему, что такого журналиста в штате газеты нет?»

В поездах он спал урывками, в отеле вообще провел бессонную ночь. Путешествовал налегке, без бумаг, чемоданов, лаптопов или дискет. Все, что требовалось сохранить, ушло в Милан, к тетушке-драконше Хэма. Что не требовалось — покоилось на дне Средиземного моря, под толщей воды в два фатона [67]. Освобожденный от груза, он прибавил в скорости.

Черты лица заострились. Глаза горели огнем. Джастин чувствовал, что миссия Тессы теперь стала его миссией.

Шестиэтажный дом на углу башенками напоминал немецкий замок. При дневном свете выяснилось, что первый этаж раскрашен в ярко-зеленые и оранжевые полосы. Ночью, под светом фонарей, они казались черными и белыми. С фрески на верхнем этаже ему улыбались детские лица всех цветов кожи, напоминая заставку на дисплее ноутбука Тессы. Другие дети, уже живые, сидели за окном первого этажа вокруг женщины-учительницы.

Джастин неторопливо прошел мимо дома на углу, словно интересовал он его не больше, чем любой другой, потом повернул налево и замедлил шаг, изучая таблички с фамилиями врачей и психиатров. «В цивилизованной стране не скажешь, кто, есть кто». Мимо проехал патрульный автомобиль, скрипя шинами по мокрому после дождя асфальту. Полицейские, мужчина и женщина, удостоили его мимолетного взгляда. На другой стороне улицы двое стариков в черных плащах и черных хомбургах [68] словно собрались на похороны. Окно за их спиной закрывала портьера. Трое женщин на велосипедах приближались к нему, спускаясь с холма. Граффити на стенах призывали защищать свободу палестинцев. Он вернулся к разрисованному замку, постоял у входной двери. С нарисованным на ней зеленым гиппопотамом. Другой зеленый гиппопотам, очень маленький, устроился у звонка. Рядом с дверью находилось большое панорамное окно. Он уже стоял здесь прошлым вечером, когда опускал письмо. Кто тогда смотрел на него? Учительница в окне знаком предложила ему воспользоваться другой дверью, но он знал, что она заперта на все замки и засовы. И жестами ей это объяснил.

— Им следовало оставить ее открытой, — прошептала учительница, отодвигая задвижку и открывая дверь.

Джастин извинился за доставленные неудобства и проскользнул мимо детей, говоря им «gruss Dich» [69]. На большее времени не хватало. Он поднялся по лестнице, мимо велосипедов и детской коляски, вошел в холл, где его взору предстали водяной фонтанчик, ксерокс, пустые полки, стопка справочников и лежащие на полу картонные коробки. Через открытую дверь увидел молодую женщину в очках с роговой оправой и строгом платье с воротником под горло, сидящую перед компьютером.

— Я — Аткинсон, — представился он на английском. — Питер Аткинсон. У меня встреча с Бирджит из «Гиппо».

— Почему вы не позвонили?

— Приехал в город только вчера, поздно вечером. Решил, что лучше оставить письмо. Она сможет принять меня?

— Не знаю. Спросите ее.

Коротким коридором он проследовал за женщиной к двойной двери. Она открыла одну створку.

— Пришел твой журналист, — объявила на немецком таким тоном, словно слова «журналист» и «любовник» были для нее синонимами, и вернулась к компьютеру.

На пороге появилась миниатюрная блондинка с розовыми щеками. Улыбнулась. Джастин вошел в практически пустую комнату.

— В десять часов у нас совещание, — сообщила она, пожимая ему руку. Говорила по-английски, чтобы мистеру Аткинсону не приходилось напрягаться, переходить на чужой для него язык. — Хотите чаю?

— Нет, благодарю.

Она пододвинула два стула к низкому столу, села на один.

— Если вы насчет ограбления, то нам нечего сказать, — предупредила она его.

— Какого ограбления?

— Это неважно. Утащили лишь несколько вещей. Может, у нас их было слишком много. Теперь — нет.

— Когда это случилось? Она пожала плечами.

— Давным-давно. На прошлой неделе. Джастин вытащил из кармана блокнот и, в стиле

Лесли, раскрыл на колене.

— Меня интересует ваша работа. Газета планирует опубликовать серию статей о фармацевтических компаниях и «третьем мире». О том, что у стран «третьего мира» нет достаточных средств на покупку лекарств. О том, что болеют в одних местах, а прибыль получают в других, — он всячески старался изображать из себя журналиста, но не знал, получается ли. — Бедные не могут платить, поэтому они умирают. Как долго это будет продолжаться? У нас, похоже, есть необходимые средства, но нет желания их тратить. В таком вот аспекте.

К его удивлению, она широко улыбалась.

— Вы хотите, чтобы до десяти утра я дала вам ответы на эти простые вопросы?

— Меня интересует, чем конкретно занимается «Гиппо», кто вас финансирует, как строится ваша работа.

Она говорила, он записывал. Она, похоже, пересказывала параграфы устава, он делал вид, что внимательно слушает. Думал он о том, что эта женщина стала подругой и союзником Тессы, хотя они ни разу не встречались, и решил, что, если бы такая встреча состоялась, они поздравили бы друг друга с удачным выбором. Думал он о том, что для ограбления могло быть много причин и одна из них — установка подслушивающих устройств, которые в Форин-оффис называли «спецсредствами». Вновь ему вспомнились курсы безопасности и групповой визит в секретную лабораторию, расположенную в подвале за Карлон-Гарденс, где студентам показывали, куда можно установить новые, крошечных размеров «жучки». Цветочные горшки, настольные лампы, картинные рамы ушли в прошлое. Теперь они могли быть и в степлере, который лежал на столе Бирджит, и в ее пиджаке, висящем на двери.

Он написал все, что хотел написать, она, похоже, сказала все, что хотела сказать, потому что встала и теперь проглядывала пачку буклетов на полке, чтобы вручить ему несколько перед тем, как выпроводить из кабинета, а самой отправиться на десятичасовое совещание. Одновременно она говорила о Немецком федеральном фармакологическом агентстве, которое назвала бумажным тигром. С отвращением добавила, что Всемирная организация здравоохранения получает свои деньги с Африки, а потому благоволит к большим корпорациям, уважает прибыль и не любит радикальных решений.

— Пойдите на любую ассамблею ВОЗ, и кого вы там увидите? — задала она риторический вопрос, протягивая ему буклеты. — Лоббистов. Пиарщиков больших фармакологических концернов. Их десятки. По три-четыре человека от каждого концерна. «Приходите на ленч. Побудьте с нами весь уик-энд. Вы читали замечательную статью профессора Такого-то?» А «третий мир» многого не знает. У них нет ни денег, ни опыта. С помощью дипломатического языка и ловких маневров лоббисты без труда обводят их вокруг пальца и добиваются своих целей.

Она перестала говорить, хмуро смотрела на него. А Джастин держал раскрытый блокнот у самого подбородка, чтобы видеть выражение ее лица, пока она читала его записку. Чтобы подчеркнуть значение написанного, он поднял указательный палец свободной левой руки.

«Я — МУЖ ТЕССЫ КУЭЙЛ, И Я НЕ ДОВЕРЯЮ ЭТИМ СТЕНАМ. СМОЖЕТЕ ВЫ ВСТРЕТИТЬСЯ СО МНОЙ В ПОЛОВИНЕ ШЕСТОГО ВЕЧЕРА У СТАРОГО ФОРТА?»

Бирджит прочитала записку, посмотрела на поднятый палец, а он, чтобы заполнить паузу, заговорил о том, что первым пришло в голову:

— Так вы полагаете, что нам нужна независимая международная организация, обладающая достаточной властью, чтобы воздействовать на эти компании? — голос его прозвучал излишне резко. — Ограничить их влияние?

— Да, — спокойно ответила она. — Я думаю, это прекрасная идея.

Он прошел мимо женщины в строгом платье и на прощание весело помахал ей рукой, полагая, что этого ждут от журналиста.

— Все в порядке, — заверил он ее. — Уже уйду. Спасибо за помощь... нет необходимости звонить в полицию и говорить, что в помещении посторонний.

На цыпочках он прошел мимо детей, вновь попытался очаровать учительницу улыбкой.

— В последний раз, — пообещал он ей.

Но в ответ улыбнулись только дети.

На улице два старика в черных плащах и шляпах все еще дожидались похорон. Две молодые женщины сидели в припаркованной у тротуара «Ауди» и изучали карту. Он вернулся в отель и вдруг спросил у портье, нет ли для него писем. Писем не было. Поднявшись в номер, вырвал из блокнота исписанный листок, затем нижний, на котором мог «пропечататься» текст. Сжег оба в раковине, включил вентилятор, чтобы разогнать дым. Лег на кровать и задумался над тем, как шпионы убивают время. Задремал и проснулся от телефонного звонка. Взял трубку, вовремя вспомнил, что надо сказать: «Аткинсон». Звонила горничная, по ее словам, «проверяла». Извинилась. Проверяла что? Но шпионы не задают таких вопросов вслух. Они стараются не вызывать подозрений. Шпионы лежат на белых простынях в серых городах и ждут.

Старый форт Билефельда расположился на вершине высокого холма, с заросшими зеленой травой склонами. Среди затянутых плетнем крепостных валов хватало места автостоянкам, столам для пикников и муниципальному парку. В теплые месяцы форт был любимым местом отдыха горожан. Они прогуливались по тенистым аллеям, и ели ленчи, и пили пиво в ресторане «Охотник». Но в дождливое время форт напоминал заброшенную детскую площадку. Таким, во всяком случае, воспринял его Джастин, когда вышел из такси за двадцать минут до назначенного срока, в надежде провести разведку выбранного им места встречи. Асфальт пустых автостоянок блестел от дождя. На лужайках виднелись тронутые ржавчиной таблички, требующие не спускать собак с поводка. Со скамьи под крепостной стеной за ним наблюдали двое ветеранов в шарфах и пальто. «Те же два старика, которые утром, в черных хомбургах, дожидались похорон? Почему они так смотрят на меня? Я — еврей? Я — поляк? Сколько пройдет лет, прежде чем ваша Германия станет еще одной скучной европейской страной?»

К форту вела одна дорога, и Джастин двинулся по ней, держась середины, подальше от сливных канав, чуть ли не доверху заполненных опавшими листьями. «Когда она приедет, я подожду, пока она выйдет из автомобиля, прежде чем заговорить с ней, — решил он. — Автомобили тоже имеют уши». Но автомобиль Бирджит ушей не имел. Потому что приехала она на велосипеде. Поначалу он принял ее за призрачную всадницу, понукающую своего жеребца подняться на холм. Пластиковый плащ развевался за спиной, флюоресцирующая упряжь напоминала крест на плаще рыцаря, выступившего в крестовый поход. Постепенно призрак обрел плоть, и он увидел, что перед ним не крылатый серафим и не гонец, спешащий сообщить об исходе битвы, а молодая мать в плаще, вращающая педали велосипеда. А над плащом виднелись не одна, а две головы: вторая принадлежала ее белокурому сыну, который пристроился на сиденье позади нее. Джастин навскидку определил, что ему года полтора, не больше.

Зрелище это так понравилось ему, что впервые со смерти Тессы он рассмеялся, радостно, от всей души.

— Где, по-вашему, я могла за столь короткое время найти сиделку? — воинственно воскликнула Бирджит, неправильно истолковав его веселость.

— И не надо было ее искать, и не надо было! Хорошо, что вы приехали с ним, просто замечательно. Как его зовут?

— Карл. А вас?

«Карл в полном восторге от огромного „мобайла“, который ты ему прислала. Каждое утро он прибегает ко мне, чтобы сказать, что „мобайл“ уже проснулся... Я очень надеюсь, что твой ребенок будет таким же красавчиком, как Карл».

Он показал ей свой куэйловский паспорт. Она внимательно просмотрела его: имя, фамилия, возраст, фотография, по ходу бросая на него изучающие взгляды.

— Вы еще написали ей, что она — wagnalsig, — напомнил он, и тут же Бирджит перестала хмуриться, а на ее губах заиграла улыбка.

Она сняла плащ, свернула его, попросила Джастина подержать велосипед, чтобы она могла расстегнуть ремни, снять с сиденья Карла и поставить его на дорогу. Потом отстегнула сумку и повернулась к Джастину спиной, чтобы он переложил в рюкзак бутылочку Карла, пачку Knackerbrot [70], чистый памперс и два сэндвича с ветчиной, завернутые в вощеную бумагу.

— Вы ели сегодня, Джастин?

— Что-то перехватил.

— Понятно. Мы сможем поесть. И потом не будем такими нервными. Carlchen, du machst das bitte nicht [71]. Мы можем пройтись. Карл обожает ходить пешком.

Нервными? Кто нервный? Сделав вид, что смотрит на тяжелые дождевые облака, Джастин медленно повернулся вокруг оси. Они никуда не делись, два старика, сидевшие у крепостной стены.

— Я даже не знаю, что именно и сколько пропало, — пожаловался Джастин, рассказав, что случилось с ноутбуком Тессы. — У меня создалось впечатление, что ваша переписка была гораздо обширнее распечаток, которые сделала Тесса.

— Что вы прочитали об Эмрих?

— Она эмигрировала в Канаду. Но продолжает работать на «КВХ».

— Значит, вы не знаете, в каком она сейчас положении... какие у нее проблемы?

— Она поссорилась с Ковач.

— Ковач — пустяки. Эмрих поссорилась с «КВХ».

— По какому поводу?

— Из-за «Дипраксы». Она уверена, что обнаружила крайне отрицательные побочные эффекты. «КВХ» считает, что это не так.

— И что они сделали? — спросил Джастин.

— На текущий момент погубили ее репутацию и карьеру.

— И все?

— И все.

Какое-то время они шли молча. Карл ковылял впереди, изредка подбирая конские каштаны, но в рот их не тащил. Вокруг окрестных, более низких холмов начал формироваться вечерний туман, превращая их в острова.

— И когда это произошло?

— Происходит и сейчас. Ее уволили из «КВХ», а потом уволили из университета Доуса в Саскачеване и медицинского центра университета Доуса. Она попыталась опубликовать в медицинском журнале статью, в которой излагала свои опасения в отношении «Дипраксы», но в ее контракте с «КВХ» имелся пункт, запрещающий разглашение информации, связанной с исследованиями, которые финансировались концерном, поэтому они подали на нее в суд, подали в суд на журнал, и весь тираж был уничтожен.

— И вы сообщали об этом Тессе? Она была бы в восторге.

— Разумеется, сообщала.

— Когда?

Бирджит пожала плечами.

— Недели три тому назад. Возможно, две. Наша переписка тоже исчезла.

— Вы хотите сказать, они заслали вирус и в ваш компьютер?

— Его украли. Когда ограбили фонд. Я не перебрасывала ее письма на дискету. И не распечатывала их. Вот так.

«Вот так», — повторил про себя Джастин.

— И кто, по-вашему, его взял?

— Никто. С корпорациями иначе не бывает. Большой босс вызывает маленького босса, маленький — своего заместителя, тот говорит с шефом службы безопасности корпорации, последний — со своим помощником, тот — с друзьями, они — со своими друзьями. И компьютер исчезает. Его крадет не босс, не маленький босс, не заместитель маленького босса, не шеф службы безопасности. Не корпорация. Вообще никто не крадет. Но компьютер

исчезает. Без всяких расписок, чеков, контрактов. Никто ничего не знает. Никого здесь не было. Но задание выполняется.

— А как же полиция?

— О, наша полиция отличается завидным трудолюбием. Если вы остались без компьютера, обратитесь в страховую компанию и купите новый, чего беспокоить полицию? Вы встречались с Ванзой?

— Только в больнице. Она была совсем плоха. Тесса писала вам о Ванзе?

— Что ее отравили. Что Лорбир и Ковач приходили к ней в больницу, что ребенок Ванзы выжил, а она — нет. Что препарат убил ее. Возможно, сочетание препаратов. Возможно, она была слишком худой, жировой массы не хватило, чтобы преодолеть негативное действие препарата. Возможно, она бы выжила, если бы ей давали его в меньших дозах. Возможно, «КВХ» смогут подкорректировать количество активного вещества, прежде чем продавать препарат в Америке.

— Она так написала? Тесса?

— Конечно. «Ванза — еще один подопытный кролик. Я ее любила, они ее убили. Тесса».

Джастин уже протестовал. Ради бога, Бирджит, а как же Эмрих? Если Эмрих, участвовавшая в создании препарата, заявила, что он небезопасен, тогда, само собой...

Бирджит обрывает его:

— Эмрих преувеличивает. Спросите Ковач. Спросите «КВХ». Участие Лары Эмрих в открытии молекулы «Дипраксы» не слишком отличается от нулевого. Ковач — гений, Эмрих была ее лаборанткой, Лорбир — менеджером. Поскольку Эмрих была еще и любовницей Лорбира, ее значимость в реализации проекта существенно раздута.

— Где сейчас Лорбир?

— Неизвестно. Эмрих не знает, «КВХ» не знает, там говорят, что не знают. За последние пять месяцев его никто и нигде не видел. Может, Лорбира тоже убили.

— Где Ковач?

— Путешествует. Постоянно кружит по свету, так что «КВХ» не может сообщить нам, где она нынче и куда поедет потом. На прошлой неделе была на Таити, три недели тому назад — в Буэнос-Айресе или Тимбукту. Но где объявится завтра или на следующей неделе — тайна. Ее домашний адрес — конфиденциальная информация, телефон — тоже.

Карл проголодался. Только что спокойно гонял по луже щетку, а тут поднял крик: захотел есть. Они посидели на скамейке, пока Бирджит кормила сына из бутылочки.

— Если бы вас тут не было, он бы ел сам, — с гордостью сообщила она. — Шел бы, пошатываясь, как маленький пьяница, не отрываясь от бутылки. Но раз уж рядом сидит дядя, он требует внимания, — что-то в ее словах напомнило ей о горе Джастина. — Извините, Джастин, — пробормотала она. — Как я могла такое сказать?

Но произнесла последние фразы с такой искренностью и теплотой, что от Джастина не потребовалось ответное «спасибо», или «да, это ужасно», или «вы очень добры», или что-то не менее бессмысленное. Те слова, которые слетали с его губ, когда люди считали себя обязанными сказать то, чего говорить, наверное, не следовало.

Они продолжили прогулку, и Бирджит заговорила об ограблении.

— Я пришла на работу утром, мой коллега Роланд улетел на конференцию в Рио, как в любой другой день. Двери были заперты, я, как обычно, их открыла. Поначалу ничего не заметила. В этом-то все и дело. Какой вор, уходя, запирает за собой дверь? Полиция задала нам тот же вопрос. Но наши двери я точно открывала ключом, тут никаких сомнений быть не может. В офисе царил беспорядок, но для «Гиппо» это обычное дело. Уборкой мы занимаемся сами. Не можем позволить себе уборщицу, но случается, не прибираемся, потому что слишком заняты или просто ленимся.

Три женщины на велосипедах прокатили мимо, сделали круг на автостоянке и вернулись, направляясь к подножию холма. Джастин вспомнил, что и утром видел трех велосипедисток.

— Я сразу направилась к телефону. В «Гиппо» у нас автоответчик. Ничего навороченного, обычный автоответчик за сотню марок, но сотня марок тоже деньги, а его как раз не взяли. Нам звонят со всего мира, поэтому автоответчик нам необходим. Пленки как не бывало. «Дерьмо, — подумала я, — кому могла понадобиться эта паршивая пленка?» Пройшла в другую комнату, чтобы взять новую кассету. Компьютера как не бывало. «О, дерьмо, — подумала я, — какой идиот передвинул компьютер и куда поставил?» У нас был большой компьютер, который стоял на специальном столике на колесиках. К нам как раз пришла на работу новая девушка, умненькая, хорошая, но новая. «Беата, дорогая, — спрашиваю я, — куда подевался наш компьютер?» Тогда мы стали искать. Компьютер. Пленки. Дискеты. Документы. Папки с архивными материалами. Все пропало при запертых дверях. Из ценностей ничего больше не взяли. Ни деньги из сейфа, ни кофеварку, ни радиоприемник, ни телевизор, ни магнитофон. То есть побывали у нас не наркоманы. Не профессиональные воры. И полиция пришла к выводу, что работали не преступники. С чего бы это преступникам запирасть за собой двери? Может, вы знаете с чего?

— Чтобы сказать нам, — ответил Джастин после долгой паузы.

— Простите? Сказать нам что? Я не понимаю.

— Они заперли двери и с Тессой.

— Пожалуйста, объясните. Какие двери?

— Джипа. Когда убили ее. Они заперли двери джипа, чтобы гиены не смогли добраться до тел.

— Зачем?

— Они хотели напугать нас. Они послали предупреждение на лэптоп Тессы. Мне или ей. «Опасная зона! Не заходите дальше!» Они пригрозили ей смертью. Я нашел листок с угрозами несколько дней тому назад. Мне она ничего не говорила.

— Значит, она была смелой женщиной, — тяжело вздохнула Бирджит.

Она вспомнила про сэндвичи. Они сели на другую скамью и съели их, пока Карл жевал хлебец и что-то пел. Двое стариков прошли мимо них, спускаясь с холма.

— Они делали выборку? Или взяли все целиком?

— Целиком, но выборку делали. Роланд говорит, что нет, но Роланд очень уж легко на все смотрит. Он что спортсмен, пульс которого в два раза реже, чем у всех, поэтому он может бежать быстрее любого. Если только захочет. Если считает нужным — бежит. Если полагает, что ничего нельзя сделать, — остается в постели.

— Так что их интересовало?

Она хмурится, совсем как Тесса. И, как с Тессой, он не пытается торопить ее.

— Как вы перевели слово «waghalsig»? — спрашивает она.

— Отчаянный, я думаю. Может, рискованный. А что?

— Тогда я тоже была waghalsig.

Карл запросился на ручки, чем немало удивил Бирджит. Такого, призналась она, уже давно не случалось. Впрочем, Джастин с радостью согласился на роль носильщика. Она достала из рюкзака «кенгуру», отрегулировала длину лямок, подняла Карла и наказала ему хорошо себя вести с новым дядей.

— Я была хуже, чем waghalsig, я была круглой идиоткой, — она прикусила нижнюю губу, ненавидя себя за то, что собиралась сказать. — Мы получили письмо. На прошлой неделе. Его доставил курьер из Найроби. Не письмо — документ. Семьдесят страниц. О «Дипраксе». История создания, механизм действия, побочные эффекты. Без подписи. Научная часть выглядела логично и объективно, остальная, мягко говоря, удивляла. Документ направлялся «Гиппо». Не кому-то конкретно. Просто «Гиппо». Дамам и господам, работающим в «Гиппо».

— На английском.

— На английском, но писал, я думаю, не англичанин. Печатал, поэтому почерк мы не знаем. В документе содержалось много ссылок на бога. Вы — религиозный человек?

— Нет.

— А вот Лорбир религиозный.

Морось иногда сменялась сильным дождем. Бирджит сидела на скамейке. Они подошли к детской площадке с качелями. Карл боролся со сном, но пожелал покачаться. Его глаза закрывались, но он улыбался, когда Джастин очень осторожно раскачивал его. Белый «Мерседес» с гамбургскими номерами медленно поднялся на холм, проехал мимо них, сделал круг по залитой дождем автостоянке, так же медленно проследовал в обратном направлении. За рулем сидел мужчина, рядом с ним — второй. Джастин вспомнил двух женщин в припаркованном у тротуара «Ауди», которых видел утром, выходя из дома-замка. «Мерседес» скатился с холма.

— Тесса писала, что вы говорите на всех языках.

— Если мне есть что на них сказать.

— Почему вы были waghalsig?

— Скорее вы скажете, что я вела себя глупо.

— И в чем вы вели себя глупо?

— Получив письмо от курьера из Найроби, я разволновалась, позвонила Ларе Эмрих в Саскачеван и сказала: «Лара, дорогая, послушай, мы получили длинное анонимное, очень загадочное, совершенно безумное письмо, в котором подробно и убедительно расписана вся история „Дипраксы“. Без обратного адреса, без даты, без подписи, но мне представляется, что автор письма — Марк Лорбир. В письме достаточно подробно описаны смертные случаи, вызванные применением препарата в сочетании с другими лекарствами, и оно может сильно укрепить твои позиции». Особенно меня порадовало то, что документ буквально озаглавили ее именем. Назывался он «Доктор Лара права». «Безумный, конечно, текст, — сказала я ей, — неистовый, как политическое заявление. Очень полемический, очень религиозный и уничижительный для Лорбира». «Тогда он написан Лорбиром, — ответила мне Лара. — Марк сам себя сечет. Это нормально».

— Вы встречались с Эмрих? Знакомы с ней?

— Как с Тессой. По электронной почте. То есть мы — электронные подруги. В письме говорилось, что Лорбир шесть лет прожил в России, два года при коммунизме, четыре — в период нового хаоса. Я сказала об этом Ларе, но она и так это знала. Согласно письму, Лорбир представлял интересы нескольких западных фармакологических корпораций, лоббировал их интересы в высших российских здравоохранительных инстанциях, продавал западные лекарства. За шесть лет он имел дело с восемью министрами здравоохранения. В письме есть фраза, касающаяся этого периода, я хотела зачитать ее Ларе, но Лара прервала меня и сказала, что и так ее знает. И процитировала слово в слово: "Российские министры здравоохранения приезжали на «Ладах», а уезжали на «Мерседесах». Она добавила, что это любимая шутка Лорбира. И тем самым мы окончательно убедились в том, что документ написан Лорбиром. Это было его мазохистское признание. От Лары я также узнала, что отец Лорбира был немецким лютеранином, ревностным кальвинистом, отсюда и желание сына исповедоваться. Вы разбираетесь в медицине? Химии? Может, в биологии?

— Боюсь, я получил несколько иное образование.

— Лорбир заявляет в своем признании, что, работая на «КВХ», он получил подтверждение эффективности «Дипраксы» благодаря взяткам и лести. Он подробно описывает, как подкупал чиновников, как манкировал результатами клинических испытаний, сколько платил за регистрационные удостоверения и лицензии на импорт. У него кормилась вся бюрократическая цепочка. В Москве одобрение препарата специалистом, мнение которого является решающим, стоит двадцать пять тысяч долларов. Так, во всяком случае, он пишет. Проблема в том, что подкупать надо и других, иначе из зависти или от обиды они могут затянуть получение регистрационного удостоверения на годы. В Польше ситуация та же, но платить приходится меньше. В Германии прямые взятки не в чести, но достаточно много способов склонить специалиста к нужному решению. Лорбир пишет о том, как зафрахтовал на деньги «КВХ» автобус и повез восемьдесят известных немецких врачей в Таиланд, на ознакомительный тур. — Бирджит улыбнулась, вспоминая этот отрывок письма

Лорбира. -

Знакомство с Таиландом началось для них прямо на борту самолета с фильмом, черной икры и выдержанных коньяков и виски. Разумеется, высочайшего качества, пишет он, потому что хорошие врачи в Германии привыкли к самому лучшему. В Таиланде врачам предоставили полную свободу, но тем, кто хотел, организовали отдых в женском обществе. Лорбир лично заказал вертолет, который доставил орхидею в один прибрежный отель, где расслаблялись врачи и их очаровательные подруги. На обратном пути о Таиланде не заикались. Врачи все правильно поняли. И по возвращении в Германию выписывали соответствующие лекарства и публиковали нужные статьи.

Бирджит рассмеялась, но при этом сочла необходимым добавить:

— Все это не означает, что «Дипракса» — плохой препарат, Джастин. «Дипракса» — очень хороший препарат, клинические испытания которого пока не закончены. Не всех врачей можно соблазнить, не все фармацевтические компании безответственны и жадны.

Она помолчала, опасаясь, что говорит слишком много, но Джастин не сделал попытки остановить ее.

— Современной фармакологической промышленности всего шестьдесят пять лет. Там работают хорошие мужчины и женщины, на ее счету гуманитарные и социальные чудеса, но коллективная совесть у нее еще недоразвитая. Лорбир пишет, что фармакологические компании повернулись спиной к богу. Я так и не поняла многих его ссылок на Библию. Возможно, потому, что не понимаю бога.

Карл заснул на качелях, поэтому Джастин взял его на руки.

— Вы говорили о том, что позвонили Ларе Эмрих, — напомнил он.

— Да, но специально перевела разговор на другое, потому что была зла на свою глупость. Вам удобно или мне взять его?

— Все хорошо.

Белый «Мерседес» остановился у подножия холма. Двое мужчин остались в кабине.

— Мы знаем, что телефонные разговоры в «Гиппо» прослушиваются много лет, и даже гордимся этим. Время от времени наша почта просматривается. Мы посылаем себе письма и видим, что приходят они поздно и сложены иначе. Мы часто говорим о том, чтобы подсунуть в Organу ложную информацию.

— Куда?

— Это слово Лары. Русское слово из советских времен. Означает государственные органы.

— Я немедленно возьму его на вооружение.

— Так что, возможно, Organу слушали, как мы с Ларой смеялись и болтали по телефону. Я к тому же обещала немедленно переслать копию документа в Канаду. Лара сказала, что у нее, к сожалению, нет факса, потому что все деньги она потратила на адвокатов, а на территорию больницы ей входить запрещено. Если б у нее был факс, многих проблем, возможно, удалось бы избежать. И у нее осталась бы копия признания Лорбира, пусть у нас украли бы оригинал. Все материалы сохранились бы. Возможно. Все возможно. Теперь доказательств нет.

— Как насчет электронной почты?

— У нее больше нет электронной почты. Ее компьютер забрала полиция через день после того, как она попыталась опубликовать ту статью, и Лара до сих пор не получила его обратно.

Бирджит покраснела от стыда и раздражения.

— И каков итог? — спросил Джастин.

— В итоге документа у нас нет. Они украли его вместе с компьютерами, дискетами и пленками. Я позвонила Ларе вечером, в пять часов по местному времени. Разговор мы закончили где-то без двадцати шесть. Она очень радовалась. Я тоже. «Подождем, пока Ковач услышит об этом», — раз за разом повторяла она. Мы долго разговаривали и смеялись, и я даже не собиралась в тот вечер копировать признание Лорбира. Положила документ в сейф и

заперла его. Замок у нас не суперсекретный, но все-таки сейфовый. У воров был ключ. Уходя, они заперли не только двери, но и наш сейф, после того как похитили документ. Если задуматься об этом, все вполне логично. Только задумываешься уже после того как. Что делает гигант, когда ему требуется ключ? Поручает своим маленьким людишкам узнать, какой у нас сейф, потом звонит гиганту, который изготавливал сейф, и просит, чтобы его маленькие людишки сделали ключ. В мире гигантов это нормально. Белый «Мерседес» не трогался с места. Тоже нормально?

Они нашли жестяное укрытие. С обеих сторон стоят сложенные стулья, скованные цепью, как заключенные. Дождь барабанит по жестяной крыше, ручьями течет у их ног. Карла передали матери. Он спит на ее груди, положив головку на плечо. Она раскрыла над ним зонтик. Джастин сидит на скамейке, чуть в отдалении, упершись локтями в колени, положив голову на сложенные ладони.

— Лорбир писал роман, — первой заговаривает Бирджит. — Со счастливым концом в начале. Где-то когда-то живут-поживают две прекрасные молодые докторицы, Эмрих и Ковач, интерны лейпцигского университета в Восточной Германии. При университете работает большая больница. Они лечат больных под руководством мудрых профессоров и мечтают о том, что со временем сделают открытие, которое спасет мир. Никто не говорит о собственной выгоде и о прибыли, только о службе на благо человечества. Среди пациентов лейпцигской больницы много русских немцев, приезжающих из Сибири, и у большинства из них ТБ. Все пациенты бедны, все больны, у всех слабая сопротивляемость организма, штаммы устойчивы к лекарственным препаратам, многие умирают. Они готовы подписать все, что угодно, принимать любые лекарства, не создают никаких проблем. Так что вполне естественно, что две докторицы выделяют бактерию и начинают экспериментировать с лекарствами. Они испытывают их на животных, возможно, на других студентах-медиках и интернах.

Студенты-медики бедны. Со временем они станут докторами, их интересует процесс. И руководит исследованиями Oberartz...

— Старший врач.

— Команда, возглавляемая Oberartz, с энтузиазмом проводит эксперименты. Все гордятся тем, что участвуют в них. Никто никому не желает зла, никто не совершает ничего криминального. Они — юные мечтатели, они заняты серьезным делом, их пациентов могут спасти только они. Почему нет?

— Почему нет? — эхом откликается Джастин.

— У Ковач есть бойфренд. У Ковач всегда есть бой-френд. Много бойфрендов. Этот бойфренд — поляк, хороший парень. Женатый, но никого это не волнует. И у него есть лаборатория. Маленькая, но оборудованная по последнему слову науки и техники лаборатория в Гданьске. Из любви к Ковач поляк разрешает ей пользоваться лабораторией в любое удобное для нее время. Она может привозить с собой кого захочет, вот она и привозит свою прекрасную подругу и коллегу Эмрих. Ковач и Эмрих занимаются исследованиями, Ковач и поляк занимаются любовью, все счастливы, никто не говорит о личной выгоде. Молодые женщины трудятся ради признания и славы, возможно, и продвижения по службе. И их исследования приносят положительные результаты. Пациенты все еще умирают, но они и так бы умерли. А некоторые из обреченных на смерть выживают. Ковач и Эмрих этим гордятся. Пишут статьи в медицинские журналы. Их профессор пишет статьи, в которых поддерживает своих учениц. Другие профессора поддерживают профессора, все счастливы, все друг друга поздравляют, ни у кого нет врагов, пока нет.

Карл шевелится у нее на плече. Бирджит поглаживает его по спине, нежно дует в ухо. Он улыбается и вновь засыпает.

— У Эмрих тоже есть любовник. У нее есть и муж, его фамилия Эмрих, но она с ним не живет. Это же Восточная Европа, там все замужем или женаты. Ее любовника зовут Марк Лорбир. Родился он в Южной Африке, отец — немец, мать — голландка, живет в Москве, работает представителем фармакологических компаний, но при этом ведет и свою игру, ищет

разработчиков перспективных направлений в биотехнологии и содействует их исследованиям.

— Выявляет таланты.

— Он старше Лары лет на пятнадцать, объездил весь свет, но остался таким же мечтателем, как и она. Он любит науку, но так и не стал ученым. Он любит медицину, но так и не стал врачом. Он любит бога и весь мир, но он также любит твердую валюту и прибыль. Вот он и пишет: «Молодой Лорбир — человек верующий, он поклоняется христианскому богу, он боготворит женщин, но он поклоняется и прибыли». На этом он спотыкается. Он верит в бога, но игнорирует его. Лично я такого отношения не приемлю, но речь не об этом. Для гуманиста бог — оправдание негуманистических деяний. Мы будем гуманистами в последующей жизни, а пока мы получаем Прибыль. Неважно. «Лорбир берет божественный дар мудрости, — я полагаю, под этим он подразумевает молекулу, — и продает его дьяволу». Догадываюсь, что так он называет «КВХ». Потом он пишет, что рассказал Тессе, когда она приехала к нему в пустыню, обо всех своих грехах.

Джастин резко выпрямляется.

— Что он пишет? Он рассказал Тессе? Когда? В больнице? Куда она приезжала к нему? В какую пустыню? Что за бред он написал?

— Я уже говорила вам, что документ какой-то безумный. Он называет ее Эбботт. «Когда Эбботт пришла к Лорбиру в пустыню, Лорбир заплакал». Может, это фантазия, сказка. Лорбир стал кающимся грешником, ушедшим замаливать грехи в пустыню. Он — Элия или Христос, не знаю. Это просто отвратительно. «Эбботт призвала Лорбира покаяться перед богом. Вот во время этой встречи в пустыне Лорбир объяснил Эбботт сущность своих грехов». Так он пишет. Грехов у него набралось много.

Всех я не помню. Были грехи самозаблуждения и ложной аргументации. Потом, я думаю, идет грех гордости. За ним — грех трусости. За него он не ищет себе оправдания, и меня это радует. Но, возможно, его радует тоже. Лара говорит, что он счастлив, только когда кается или занимается любовью.

— Он написал все это по-английски? Она кивает.

— Один абзац звучал будто английская Библия, в следующем приводились результаты специфических клинических испытаний или рассказывалось о научных спорах между Ковач и Эмрих или о проблемах, которые возникали при использовании «Дипраксы» в сочетании с другими лекарственными препаратами. Только очень информированный человек мог знать такие подробности. Признаюсь вам, этого Лорбира я предпочитала Лорбиру, озабоченному взаимоотношениями с небесами и адом. «Эбботт записала на диктофон все, что я ей сказал», — пишет он. Вот и еще один грех. Он ее убил.

Джастин ждал продолжения, глядя на спящего Карла.

— Может, не сам, его слова можно истолковать двояко. «Лорбир убил ее своим предательством. Он совершил грех Иуды, таким образом он перерезал ей горло своими руками и пригвоздил Блюма к дереву». Зачитав эти фразы Ларе, я спросила ее: «Лара, Марк говорит, что он убил Тессу Куэйл?»

— Что она ответила?

— «Марк не смог бы убить своего злейшего врага. Это его муки, — говорит она. — Такова участь плохого человека с хорошей совестью». Она — русская. И в глубокой депрессии.

— Но, если он убил Тессу, он — нехороший человек, не так ли?

— Лара клянется, что такое невозможно. Лара получала от него много писем. Она безнадежно в него влюблена. Она слышала от него много признаний, но, естественно, не это. Марк очень гордится своими грехами, говорит она. Но он тщеславен и преувеличивает их. Он — неординарная личность, возможно, немного сумасшедший, поэтому она его и любит.

— Но она не знает, где он?

— Нет.

Джастин уставился в сгущающиеся сумерки.

— Иуда никого не убивал, — напомнил он. — Иуда предал.

— Но результат тот же. Иуда убил своим предательством.

Вновь долгое изучение сумерек.

— Есть неизвестный персонаж. Если Лорбир предал Тессу, то кому?

— Неясно. Возможно, Силам Тьмы. Я знаю только то, что помню.

— Силам Тьмы?

— В письме он говорил о Силах Тьмы. Я ненавижу эту терминологию. Он подразумевал «КВХ»? Возможно, он знает другие силы.

— В документе упоминался Арнольд?

— У Эбботт был проводник. В документе он фигурирует как Святой. Святой обращался к Лорбиру в больнице и сказал ему, что «Дипракса» — инструмент смерти. Святой более сдержан в выражениях, чем Эбботт, потому что он врач, и более выдержан, потому что лучше знаком с человеческой злобой. Но правда на стороне Эмрих. В этом Лорбир уверен. Эмрих знает все, а потому ей запрещено говорить. Силы Тьмы решили скрыть правду. Поэтому Эбботт убили, а Святого распяли.

— Распяли? Арнольда?

— В фантазии Лорбира Силы Тьмы утащили Блюма прочь и пригвоздили к дереву.

Оба помолчали, каждый чего-то стыдился.

— Лара также говорит, что Лорбир пил, как русский, — добавила она, словно оправдываясь, но Джастина интересовало другое.

— Он пишет из пустыни, но использует курьерскую службу в Найроби, — указывает он.

— Адрес напечатан, накладная написана от руки, письмо отправлено из отеля «Норфолк», Найроби. Фамилия отправителя читалась с трудом. Вроде бы Маккензи. Шотландская фамилия? Если письмо не находило адресата, его следовало уничтожить, а не возвращать в Кению.

— На накладной, как я понимаю, был номер.

— Накладную приклеили к конверту. Убирая документ в сейф, я, конечно, положила его в конверт. Само собой, он исчез вместе с документом.

— Надо обратиться в курьерскую службу. У них наверняка осталась копия накладной.

— В курьерской службе нет сведений об этом письме. Ни в Найроби, ни в Ганновере.

— Как мне ее найти?

— Лару?

Дождь барабанит по жестяной крыше, городские фонари с трудом пробивают туман. Бирджит вырывает листок бумаги из ежедневника, пишет длинный телефонный номер.

— У нее пока есть дом, но она скоро съедет оттуда. Вы можете справиться о ней в университете, но очень осторожно, потому что там ее ненавидят.

— Лорбир спал не только с Эмрих, но и с Ковач?

— Меня бы это не удивило. Но я уверена, что причиной ссоры женщин стал не секс, а молекула. — Она замолчала, проследив за его взглядом. Но он смотрит вдаль, где из тумана торчат только вершины холмов. — Тесса часто писала, что любит вас, — продолжила она, повернувшись к нему. — Не прямо, необходимости в этом не было. Она говорила, что вы — человек чести и никогда ею не поступите.

Бирджит собиралась уезжать. Карла устроили в «кенгуру», надели на него пластиковую накидку, из которой торчала только его сонная голова. Она взялась за руль.

— Тогда прощайте. Вы пройдетесь?

— Я пройду.

Она вытащила из-под плаща конверт.

— Здесь все, что я запомнила из романа Лорбира.

И записала. Почерк у меня плохой, но вы сможете его расшифровать.

— Вы очень добры, — Джастин убрал конверт во внутренний карман.

— Удачной вам прогулки.

Она хотела пожать ему руку, но передумала и поцеловала в губы, выразив самые теплые чувства и попрощавшись. Джастин подержал велосипед, пока она надевала шлем, а потом она оседлала своего двухколесного коня и покатила вниз по склону.

«Я пройду».

Он шагал, держась середины дороги, поглядывая на темные заросли рододендронов по обе стороны. Фонари стояли на расстоянии пятидесяти метров. Он всматривался в темноту между ними. Добрался до подножия холма, прошел в десяти ярдах от припаркованного «Мерседеса». В салоне не горела лампочка. Двое мужчин застыли на переднем сиденье. По их темным силуэтам он не смог определить, те ли это мужчины, что проезжали мимо. Он продолжал шагать, и вскоре автомобиль обогнал его. Он не удостоил «Мерседес» и взгляда, но воображение подсказало ему, что мужчины не оставили его без внимания. На перекрестке автомобиль повернул налево. Джастин — направо, направляясь к городским огням. Рядом остановилось такси, водитель спросил, не подвезти ли его.

— Благодарю, благодарю, — торопливо ответил он, — но я хочу пройтись.

Такси уехало. Он шел по тротуару, держась подальше от мостовой. Еще перекресток, и он свернул на ярко освещенную боковую улицу. В дверных арках сидели на корточках молодые мужчины и женщины с мертвыми глазами. Мужчины в кожаных куртках, широко разведя локти, стояли на углах, говорили по сотовым телефонам. Оставив позади еще два перекрестка, он увидел впереди свой отель.

В холле царила привычная вечерняя суета. Регистрировалась делегация японцев, сверкали фотовспышки, коридорные загружали дорогие чемоданы в единственный лифт. Заняв место в очереди, он снял плащ и перебросил через руку, убедившись, что конверт Бирджит лежит во внутреннем кармане. Кабина лифта спустилась, он отступил в сторону, чтобы пропустить выходящую из нее женщину. Поднялся на третий этаж, где вышел один. Плохо освещенный коридор напомнил ему больницу Ухуру. В каждой комнате на полную мощность гремел телевизор. Он жил в номере три-одиннадцать, и пластиковый прямоугольник с черной стрелой заменял ключ. Грохот переключавшихся телевизионных программ раздражал, и у него возникло желание кому-то на это пожаловаться. «Как я смогу писать Хэму в таком шуме?» Он вошел в номер, положил плащ на спинку стула и увидел, что его телевизор тоже работает. Должно быть, горничная включила его, когда прибиралась, а потом забыла выключить. Он шагнул к телевизору. Шла одна из тех передач, которые он терпеть не мог. Полуголый певец что-то выкрикивал в микрофон под вопли вошедшей в раж молодежи, на которую с потолка падали снежные хлопья.

Белые хлопья на экране стали последним, что увидел Джастин перед тем, как свет потух у него перед глазами. Он окунулся в темноту, чувствуя при этом, что его бьют и душат. Человеческие руки крепко прижали его руки к бокам, в рот ему вставили кляп из жесткой материи. Ноги стали ватными, подогнулись, он решил, что у него сердечный приступ. Эта версия не нашла подтверждения, потому что второй удар обрушился на его живот и у него перехватило дыхание. Он пытался кричать, но едва мог дышать, да и кляп затыкал рот.

Почувствовал, как чьи-то колени уперлись в грудь. Что-то завязали на шее. Петля, решил он и подумал, что его повесят. Перед мысленным взором возник Блюм, приколотый гвоздями к дереву. На него пахло мужским лосьоном, он вспомнил запах тела Вудроу, вспомнил, как нюхал любовное письмо, чтобы понять, идет ли от него тот же запах. На эти короткие мгновения Тесса исчезла из его памяти. Он лежал на полу, на левом боку, и тот, кто врезал ему в живот, теперь нанес еще более страшный удар в пах. Ему на голову надели мешок, но пока не повесили, и он все лежал на боку. Из желудка выплеснулась рвота, но кляп не дал ей выйти наружу, и она потекла обратно в желудок. Его перекатали на спину, широко развели руки, костяшками пальцев к коврику, ладонями вверх. «Они собираются распять меня, как Арнольда». Но его не распинали, пока. Его руки держали и одновременно выкручивали, вызывая дикую боль. Болело все, руки, грудь, ноги, живот, пах. «Пожалуйста, — думал он, — только не ломайте правую руку. Я же не смогу написать Хэму». Должно быть, они услышали его просьбу, потому что боль исчезла, и он услышал

мужской голос, с северогерманским выговором, возможно жителя Берлина. Голос приказал снова положить свинью на бок и завязать руки за спиной. Голосу подчинились.

— Мистер Куэйл? Вы меня слышите?

Тот же голос, но теперь перешедший на английский. Джастин не ответил. Не из недостатка воспитания. Просто ему удалось выплюнуть кляп, и теперь он блевал, а блевотина собиралась у шеи внутри мешка. Телевизор чуть приглушили.

— Этого достаточно, мистер Куэйл? Теперь вы угомонитесь, хорошо? Или вы разделите участь вашей жены. Вы меня слышите? Вы хотите, чтобы мы продолжили наказание, мистер Куэйл?

И тут же Куэйала со всей силы пнули в пах.

— Возможно, вы вдруг оглохли. Мы оставим вам маленькую записку, хорошо? На вашей кровати. Когда вы придете в себя, вы ее прочитаете и все вспомните. Потом вы вернетесь в Англию, слышите меня? И больше не будете задавать лишних вопросов. Поедете домой, будете хорошим мальчиком. В следующий раз мы убьем вас, как Блюма. Это долгая мучительная смерть. Вы меня слышите?

Еще пинок в пах, чтобы слова лучше запомнились. Он услышал, как закрылась дверь.

Он лежал один, в темноте и собственной блевотине, на левом боку, подтянув колени к подбородку, со связанными за спиной руками, гудящими от боли головой и телом. Лежал в агонии, проводя проверку своим разбросанным в стороны войскам: ступням, голениям, коленям, паху, желудку, сердцу, рукам, убеждаясь, что все на месте, пусть и не в лучшей форме. Он шевельнулся и почувствовал, будто его бросили на раскаленные угли. Замер, и вдруг в голове возникла греющая душу и тело мысль: «Они сделали это со мной, но я остался таким же, как прежде. Я устоял. Я выдержал испытание. Внутри остался тот же человек. Если они вернуться и проделают то же самое, им никогда не добратья до человека, который внутри. Я сдал экзамен, которого избегал всю жизнь. Я — выпускник университета боли».

А потом то ли утихла боль, то ли сработала защитная реакция организма, но он забылся сном, плотно закрыв рот, дыша носом сквозь вонючую, черную ночь надетого ему на голову мешка. Телевизор все работал, он мог его слышать. И, если умение ориентироваться в пространстве не оставило его, лежал лицом к нему. Но мешок, похоже, был двухслойным, потому что не пропускал ни искорки света. Вот и перевернувшись на спину, это удалось Куэйлу с огромным усилием, он не увидел даже намека на горящую под потолком люстру, хотя зажег свет, когда вошел в номер, и не слышал, чтобы его мучители, уходя, щелкнули выключателем. Он вновь перекатился на бок. «Воспользуйся своей глупой головой, — строго приказал он себе, — раз уж они ее не тронули. Почему они ее не тронули? Потому что не хотели скандала. Вернее, тот, кто их послал, не хотел скандала. „В следующий раз мы убьем тебя, как Блюма...“ — но не в этот раз, пусть даже такое желание у них и было. Так я кричу. А надо ли? Я могу кататься по полу, пинать мебель, стены, телевизор, вести себя как маньяк, пока кто-нибудь не решит, что в номере не два садомазохиста, а один избитый англичанин с мешком на голове».

Опытный дипломат тут же представил себе последствия такого открытия. Отель вызовет полицию. Полиция потребует письменного заявления и свяжется с английским консульством в Ганновере, если оно там еще есть. Приедет консул, вне себя от ярости, поскольку его оторвут от обеда, чтобы он вникнул в судьбу еще одного избитого в кровь подданного Ее Величества, проверит паспорт. «Если показывать паспорт Аткинсона, сразу выяснится, что он фальшивый, — размышлял Джастин. — Для этого хватит одного звонка в Лондон. Если Куэйла — возникнет другая проблема, но результат будет тем же: первым же самолетом меня отправят в Лондон и на этот раз встретят прямо в аэропорту».

Ноги ему не связали. Ранее он не решался развести их. Когда развел, боль пронзила пах и живот, перекинулась на бедра и голени. Но он определенно мог развести ноги, мог шевелить ступнями, мог ударить пяткой о пятку. Окрыленный этим открытием, он перекатился на живот и непроизвольно вскрикнул от боли. После этого плотно сжал губы, чтобы больше не кричать.

Остался лежать лицом вниз. И медленно, осторожно, чтобы не потревожить обитателей соседних номеров, занялся веревками, которые связывали руки.

Глава 17

Старым двухмоторным «Бичкрафтом», зафрахтованным ООН, управляли пятидесятилетний капитан из Йоханнесбурга и второй пилот — африканец, крупного телосложения, с бакенбардами. На каждом из девяти продавленных сидений лежала белая картонная коробочка с ленчем. Взлетали они из аэропорта Уилсона, неподалеку от кладбища, на котором похоронили Тессу, и Гита, выглядывая в иллюминатор и гадая, сколько еще они будут стоять на взлетной полосе, пыталась разглядеть ее надгробный камень. Но видела только серебристую траву, пастуха в красных развевающихся одеждах, который стоял на одной ноге, приглядывая за козами, да стадо газелей, пасущихся под затянутым дождевыми облаками небом, Гита пыталась засунуть дорожную сумку под сиденье, но она туда не влезла, и теперь ей приходилось сидеть раздвинув ноги, освободив место для сумки. В салоне стояла жуткая жара, и капитан уже предупредил пассажиров, что система кондиционирования включится только после взлета. В отделении на «молнии» лежали материалы, присланные организаторами семинара, чистый блокнот и документы, подтверждающие, что она — представитель английского посольства в КПЭДП. В основном отделении — пижама и смена одежды. «Я делаю это для тебя, Джастин. Я иду путем Тессы. Мне нет нужды стыдиться неопытности или двойственности своего положения».

Заднюю часть салона занимали тюки с листьями мираа, обладающими легким наркотическим эффектом, но разрешенными к потреблению, а потому очень ценившимися у племен, обитавших на севере. Горько-сладкий запах мираа постепенно заполнял салон. Впереди сидели четверо заматерелых сотрудников одного из агентств гуманитарной помощи. Двое мужчин, две женщины. Может, мираа везли они. Она завидовала их уверенному виду, истрепанной одежде, невымытой коже. Упрекнула себя за то, что они ничуть не старше ее. Ей бы очень хотелось забыть многое из того, чему ее учили, скажем, правила хорошего тона, усвоенные еще в монастыре, заставляющие сдвигать пятки вместе, когда она здоровалась со старшими. Она заглянула в коробку с ленчем, обнаружила там два сэндвича, яблоко, шоколадный батончик и пакет с соком. Она практически не спала ночью, ужасно хотелось есть, но чувство приличия запрещало ей вгрызться в сэндвич до взлета. Прошлым вечером ее телефон разрывался от звонков с того самого момента, как Гита вернулась домой.

Звонили друзья, чтобы выразить свое возмущение, вызванное известием о том, что Арнольда объявили в розыск. Никто, разумеется, не верил в его виновность. Служба в посольстве заставляла ее играть в этих разговорах роль умудренной опытом женщины, хорошо знакомой с интригами, которые плетутся в коридорах власти. После полуночи, несмотря на смертельную усталость, она решилась на отчаянный шаг, после которого пути назад уже не было. При удаче она могла покинуть ничейную землю, где пряталась последние три недели. Она порылась в старом латунном ларце, где держала всякие мелочи, и достала листок бумаги, который спрятала там. «Позвони нам по этому телефону, Гита, если решишь, что хочешь вновь поговорить с нами. Если нас не будет, оставь сообщение, и один из нас свяжется с тобой в течение часа, обещаю». Ей ответил агрессивный мужской африканский голос, и она подумала, что набрала не тот номер.

— Я бы хотела поговорить с Робом или Лесли.

— Ваша фамилия?

— Я бы хотела поговорить с Робом или Лесли. Есть кто-нибудь из них?

— Кто вы? Назовите вашу фамилию и немедленно скажите, какое у вас дело.

— Я бы хотела поговорить с Робом или Лесли.

Трубку бросили на рычаг, и она поняла, что, как и подозревала раньше, и с этой стороны помощи ждать не приходится. Она осталась одна. Ни Тесса, ни Арнольд, ни мудрая Лесли из Скотленд-Ярда не освободят ее от ответственности за собственные действия. К

родителям, пусть она их и обожала, обращаться не имело смысла. Отец, адвокат, выслушал бы ее показания и заявил, что, с одной стороны, вроде бы да, но, с другой, вроде бы нет, и пожелал бы получить объективные доказательства, подтверждающие столь серьезные обвинения. Мать, врач, сказала бы: «Ты переутомилась, дорогая, пойдешь домой и прими что-нибудь успокаивающее». С этой мыслью она включила свой лэптоп, в полной уверенности, что он ломится от криков боли и негодования Арнольда. Но, как только вышла в Интернет, дисплей мигнул и потух. Она попробовала перезагрузить компьютер, выключила, включила снова. Безрезультатно. Позвонила двум приятелям, выяснила, что с их компьютерами все в порядке.

— Вау, Гита, ты поймала один из этих вирусов с Филиппин или из другого места, где ошиваются эти кибер-кретины! — в голосе приятеля слышалась зависть: и тут Гите удалось выделиться.

Может, и поймала, согласилась она, и спала плохо, жалея об утерянных электронных письмах, полученных от Тессы, которые она не распечатывала, а предпочитала читать на экране, где, как ей казалось, они были более живыми, близкими к Тессе.

«Бичкрафт» все не взлетал, поэтому Гита, по своей привычке, задумалась о важных жизненных проблемах, избегая, правда, самой важной: что она здесь делает и почему? Пару лет тому назад, в Англии (этот период она называла «Эра до Тессы») она сходила с ума от несправедливостей, реальных и вымышленных, с которыми ей, индо-англичанке, приходилось сталкиваться каждый день. Она видела себя нежизнеспособным гибридом, получерной девушкой, ищущей бога, полубелой женщиной, вознесенной выше черных. Днем и ночью, бодрствуя и во сне, она хотела знать, какое место отведено ей в мире белых, куда ей направить свои честолюбие и гуманизм, должна ли она продолжать учиться танцам и изучать музыку в лондонском колледже, в который поступила после Эксетера, или, следуя примеру родителей, выбрать одну из их профессий.

Наверное, только этой неопределенностью объяснялось ее импульсивное решение сдать экзамен для поступления на службу в Министерство иностранных дел. Поскольку политика ее никогда не интересовала, экзамен она благополучно провалила, но ей посоветовали сдать его еще раз через два года. И, каким-то образом, решение сдавать экзамен, пусть успеха она и не добилась, привело Гиту к тому, что она предпочла присоединиться к Системе, вместо того чтобы оставаться вне ее и совершенствовать свои артистические способности.

Чуть позже, навещая родителей в Танзании, она попыталась, опять же импульсивно, устроиться вольнонаемной в английское посольство, выдержала конкурс и поступила на работу. Если бы она этого не сделала, то никогда бы не встретила Тессу. Никогда бы, об этом она думала сейчас, не оказалась на передовой, где и намеревалась остаться, сражаясь за то, во что верила, пусть ее идеалы не отличались оригинальностью: правда, терпимость, справедливость, ощущение красоты жизни и болезненное неприятие их противоположностей, но, главное, вера привнесенная родителями и поддержанная Тессой, в то, что саму Систему должно заставить уважать эти ценности, или она не будет иметь права на существование. Вот эта цепочка умозаключений и вернула Гиту к главному вопросу. Она любила Тессу, любила Блюма, по-прежнему любила Джастина, если уж говорить откровенно, чуть больше чем... эту мысль она отогнала. И работа в рамках Системы не обязывала принимать за правду ложь, которой Система потчевала ее, как это было вчера, в разглагольствованиях Вудроу. Наоборот, эта работа обязывала ее отторгать ложь, возвращать Систему на путь истинный, на сторону правды. То есть Гита с чувством глубокого удовлетворения наконец-то разобралась, что она здесь делает и почему. «Лучше быть внутри Системы и бороться с ней, — говорил ее отец, бунтарь по убеждениям, — чем вне Системы и гавкать на нее».

И Тесса, вот здорово, рассуждала точно так же.

«Бичкрафт» задрожал, как старый пес, рванулся вперед, оторвался от земли. В маленький иллюминатор Гита увидела под собой Африку: трущобные города, стада бегущих зебр, цветочные фермы около озера Найваша, национальные парки Абердэр и Маунт-Кения,

показавшиеся на горизонте, желто-коричневый буш под крылом. Самолет вошел в слой дождевых облаков, в салоне сразу потемнело. Но темнота тут же сменилась ярким солнечным светом, и одновременно что-то взорвалось слева от Гиты. Без предупреждения самолет завалился набок. Коробки с ланчем, рюкзаки, дорожная сумка Гиты пришли в движение. Завыла сирена, замигали красные лампочки. Все молчали, за исключением старика-африканца, который вдруг загоготал и воскликнул: «Мы любим тебя, господи, и не забывай об этом!» Напряжение в салоне спало, другие пассажиры нервно рассмеялись. Самолет, пусть и не совсем, но выровнялся. Гудение двигателей стало заметно тише. Второй пилот листал толстый том инструкций. Капитан обернулся к пассажирам. Его перекошенный рот находился под тем же углом, что и крылья.

— Как вы заметили, дамы и господа, один двигатель вышел из строя. Сие означает, что мы возвращаемся в Уилсон, чтобы заменить его.

«Я не боюсь, — отметила Гита, весьма довольная собой. — До смерти Тессы такое случалось с другими людьми. Теперь случается со мной, и я знаю, как вести себя в подобных ситуациях».

Четырьмя часами позже она стояла на бетоне аэропорта в Локикоджио.

— Ты — Гита? — Девушка-австралийка перекрикивала рев авиационных моторов и крики людей, встречавших других пассажиров. — Я — Джудит. Привет!

Высокая, с румянцем во всю щеку, радостная, она носила мужскую шляпу и футболку с надписью «Объединенная чайная компания Цейлона». Они обнялись, мгновенно став подругами. Белые транспортные самолеты ООН взлетали и садились, белые грузовики приезжали и уезжали, солнце обжигало, от паров авиационного топлива слезились глаза. Ведомая Джудит, Гита втиснулась на заднее сиденье джипа между мешками с почтой и пристроилась рядом с вспотевшим китайцем в черном костюме. Другие джипы во главе колонны грузовиков проехали мимо, к только что приземлившемуся транспортному самолету.

— Она была прекрасной женщиной! — крикнула Джудит с переднего сиденья. — Очень целеустремленной! — вероятно, говорила о Тессе. — Почему кому-то захотелось арестовать Арнольда? Это же глупость! Арнольд и мухи бы не обидел. Ты остаешься на три ночи, так? Из Уганды на наш семинар прилетела целая толпа.

«Джудит находится здесь, чтобы кормить живых, а не мертвых», — думала Гита, когда джип миновал ворота и выехал на шоссе. Они проехали мимо скопища баров и лавчонок. На указателе, прибитом на высоком столбе, Гита прочитала: «Пиккадилли — там». Впереди поднимались бурые холмы. Гита сказала, что хотела бы прогуляться по ним. Джудит ответила, что оттуда она бы не вернулась.

— Дикая животные?

— Люди.

Они подъехали к лагерю. На площадке у ворот, в красной пыли, дети играли в баскетбол. Сетку кольца заменял белый продуктовый мешок. Джудит привела Гиту в регистрационную палатку, где ей выдали пропуск. Расписываясь в регистрационной книге, Гита как бы невзначай пролистала несколько страниц и нашла нужную ей запись:

"Тесса Эбботт, а/я Найроби. Тукул 28.

А. Блум, «Medecins de L'Univers» [72]. Тукул 29".

В лагере они зарегистрировались в один и тот же день.

— У прессы был праздник, — прокомментировала Джудит. — Рубен брал с них по пятьдесят американских долларов за снимок, наличными. Восемьсот баксов, восемьсот наборов, состоящих из альбома для рисования и цветных карандашей. Рубен полагает, что теперь в племени динка появятся два Ван Гога, два Рембрандта и один Энди Уорхол.

Гита вспомнила, что Рубен — легендарный начальник лагеря. Конголезец. Друг Арнольда.

Они шли по широкой улице, обсаженной цветущими деревьями. Над кронами тянулись провода, за деревьями выстроились выкрашенные белой краской тукулы с крышами из пальмовых листьев. Поджарый англичанин, по виду — школьный учитель, прокатил мимо на

старомодном велосипеде. Увидев Джудит, зазвонил в звонок и помахал ей рукой.

— Душевые и туалеты — по другую сторону дороги, первое заседание завтра в восемь утра, встречаемся у двери бунгало тридцать два, — сообщила Джудит, вместе с Гитой войдя в отведенный ей тукул. — Баллончик со спреем от москитов у кровати, советую воспользоваться и сеткой. Придешь в клуб выпить пива перед обедом? Гита кивнула.

— Ладно, только не теряй бдительности. Некоторые парни очень голодные, только что вернулись из полевых экспедиций.

— Кстати, тут есть женщина по имени Сара, — как бы между прочим заметила Гита. — Вроде бы она сдружилась с Тессой. Если она в лагере, мне бы хотелось поздороваться с ней.

Она распаковала вещи и, взяв полотенце, мыло и губку, смело пересекла улицу. Прошел дождь, прибив пыль, летящую с аэродрома. Опасные для жизни холмы стали черно-зеленоватыми. Пахло керосином и пряностями. Гита приняла душ, вернулась в тукул, села за маленький столик, разложила на нем материалы семинара и, уже вспотев, углубилась в проблемы самообеспечения потребителей гуманитарной помощи.

Клуб «Локи» тоже укрывала от непогоды крыша из пальмовых листьев. Стойку бара украшали картины из жизни джунглей, на белой стене, которая служила экраном для видеопроектора, желающие следили за перипетиями давнишнего футбольного матча, динамики изрыгали африканскую танцевальную музыку. То и дело вечерний воздух разрывали радостные вопли: сотрудники гуманитарных организаций, приехавшие издалека и давно не видевишиеся, приветствовали друг друга на разных языках, обнимались, целовались, соприкасались щеками и уходили рука об руку. "Этот клуб мог бы стать моим храмом, — думала Гита. — Эти люди — моими братьями и сестрами. Тут нет ни классов, ни сословий, здесь все равны, независимо от цвета кожи, у них есть цель жизни, они молоды и беззаботны. Я могла бы быть одной из них. Так, может, перевестись в Локи и ступить на путь к святости? Болтаться вокруг самолетов, наслаждаться романтикой, впрыскивать в кровь адреналин опасности? Зачеркнуть знак равенства между сексом и браком, окунуться в кочевую жизнь, в которой нет места постоянству связей? Никакого тебе сидения в офисе от сих и до сих, зато всегда под рукой травка! А еще слава и парни, которые ждут тебя по возвращении из экспедиции, деньги и еще больше парней по возвращении к цивилизации! Кто хочет большего?"

Я.

Я хочу понять, кому вообще понадобилось все это безобразие. И почему нужда в нем не отпала и теперь. Я хочу набраться смелости и вслед за Тессой сказать: «Локи смердит. Права на существование у него не больше, чем у Берлинской стены. Это монумент провалу дипломатии. Какой смысл держать на ходу дорогостоящую машину „Скорой помощи“, если наши политики ничего не делают для предотвращения несчастных случаев?»

Ночь упала мгновенно. Желтые фонари заменили солнце, птицы замолчали. Потом возобновили прерванную болтовню, поубавив громкости. Она сидела за длинным столом, через три человека от Джудит, которая одной рукой обнимала антрополога из Стокгольма. Думала о том, что ощущения у нее те же, что и много лет тому назад, когда она в первый раз пришла в монастырскую школу, правда, в монастырской школе не пили пива, за одним столом не сидели симпатичные молодые люди, съехавшиеся со всего мира, а их глаза не оценивали твой сексуальный потенциал и доступность. Она слушала рассказы о местах, где никогда не бывала, об экспедициях, таких опасных, что по коже бежали мурашки, приходя к выводу, что никогда бы не справилась с трудностями, которые пришлось преодолеть рассказчикам. В этот момент слово взял крепкий широкоплечий янки из Нью-Джерси, которого звали Хэнк-Ястреб. Согласно Джудит, в свое время он был боксером и ростовщиком, но предпочел преступному миру работу в гуманитарной организации. Он рассказывал о суданских группировках, воюющих между собой на территориях, примыкающих к Нилу. О том, как одни пресмыкаются перед вторыми, как третьи метелят четвертых, уничтожая мужчин, воруя женщин и скот, внося свою лепту в два миллиона жертв бессмысленной гражданской войны, сотрясающей Судан. Гита маленькими глотками пила

пиво и не забывала улыбаться Хэнку-Ястребу, потому что его монолог обращался непосредственно ей, во-первых, как новенькой, во-вторых, с расчетом на более близкое знакомство. Поэтому она облегченно вздохнула, когда из темноты материализовалась полная африканка неопределенного возраста в шортах, кроссовках и кепке лондонского уличного торговца фруктами, хлопнула по плечу и прокричала: «Я — Сара-Суданка, милая, а ты, должно быть, Гита. Никто не говорил мне, что ты такая красотка. Пойдем и выпьем чашечку чая, дорогая», — и без дальнейших церемоний повела ее к тукулу, очень похожему на пляжную кабинку, с односпальной кроватью, холодильником и книжным шкафом, забитым классиками английской литературы, от Чосера до Джеймса Джойса.

Они сели на крошечной веранде, глядя на звезды и отгоняя moskitov, в ожидании, пока закипит чайник.

— Я слышала, они собираются арестовать Арнольда, — сказала Сара-Суданка после того, как обе отдали должное памяти Тессы. — Что ж, логичный ход. Если хочется скрыть правду, прежде всего надо дать людям другую правду, чтобы они сохраняли спокойствие. Иначе они начнут думать, а вдруг от них прячут истинную правду, а это кое-кому может и не понравиться.

«Школьная учительница, — решила Гита. — Или гувернантка. Привыкла излагать свои мысли и повторять их невнимательным детям».

— После убийства приходит черед заметания следов, — продолжала Сара все с той же учительской назидательностью. — И мы не должны забывать, что хорошо замести следы гораздо труднее, чем плохо убить. Совершив преступление, еще можно выйти сухим из воды. А заметая следы, гораздо легче оказаться за решеткой. Ты прикрываешь одну улику, потом выскакивает другая. Прикрываешь ее. Поворачиваешься, а первая уже вылезла. Снова поворачиваешься и видишь, что третья торчит, словно камень из песка, неоспоримая, как тот факт, что Каин убил Авеля. Только зачем я тебе все это говорю, дорогая? У меня такое ощущение, что мы говорим не о том, что тебя интересует.

Гита начала уклончиво. Джастин, мол, пытается восстановить картину последних дней Тессы. Хочет убедиться, что ее последний визит в Локи принес желанные результаты. Не может ли Сара сказать, как прошло выступление Тессы на семинаре по правам женщин? Сделала ли Тесса доклад, рассказав о том, что ей известно о борьбе за равноправие женщин Кении? Не знает ли Сара чего-то особенного, случившегося во время семинара, о чем следовало бы сообщить Джастину?

Сара слушала ее, кивая головой, поблескивая глазами, пила чай, большой рукой отгоняла moskitov, не забывая крикнуть проходящим мимо знакомым: «Привет, Дженни. Ты плохая девочка! Чем ты занималась с этим бездельником Санто?»

— Ты собираешься обо всем написать Джастину, дорогая?

Вопрос смутил Гиту. Какая разница, собирается она писать Джастину или нет? На что намекала Сара? В посольстве Джастин стал персоной нон-грата. Неужели и здесь к нему относятся точно так же?

— Я уверена, что Джастин хотел бы, чтобы я ему написала, — признала она. — Но я напишу, если мое письмо успокоит его. Я не буду писать ничего такого, что может причинить ему боль. Я хочу сказать, Джастину известно, что Тесса и Арнольд путешествовали вместе. Весь мир теперь знает об этом. Если между ними что-то и было, он с этим смирился.

— О, между ними ничего не было, дорогая, можешь мне поверить, — Сара хохотнула. — Это все газетные сплетни. Ничего не было. Я знаю это точно. Привет, Эбби, как дела, дорогая? Это моя сестра Эбби. Вот уж у кого мужчин было больше, чем у многих. Она четыре раза выходила замуж.

Скрытый смысл последних фраз Сары, если он и был, ускользнул от Гиты, потому что она пыталась придать лжи хоть минимум правдоподобия.

— Джастин хочет заполнить все пробелы. Узнать максимум подробностей. Чтобы получить насколько возможно полную картину ее последних дней. Я хочу сказать... если ваши слова могут причинить ему боль, я передавать их не буду. Само собой.

— Полную, значит, картину, — улыбнулась Сара, покачала головой. — И что, по-твоему, они здесь делали, дорогая? Слонялись по лагерю, как молодожены? Ничего такого не было и в помине.

— Очевидно, участвовали в работе семинара по правам женщин. Вы ведь тоже принимали в нем участие? Наверное, руководили им. Я не спросила вас, чем вы здесь занимаетесь. А следовало. Извините.

— Не извиняйся, дорогая. Все в порядке. Ты просто еще не освоилась. Не очень-то понимаешь, куда попала, — Сара рассмеялась. — Да, теперь вспоминаю. Была я на этом семинаре. Может, даже руководила им. По очереди с другими. Группа подобралась хорошая, вспомнила. Две умные женщины из Диака, вдова-врач из Авейла, самодовольная, но отзывчивая, несмотря на самодовольство, пара юристов, не помню откуда. Хорошая команда, это точно. Но что эти женщины будут делать по возвращении в Судан, трудно сказать. Зато гадать можно, сколько угодно.

— Может, у Тессы были какие-то дела с юристами? — с надеждой вставила Гита.

— Может, и были, дорогая. Но только многие из этих женщин никогда не летали на самолете. Многим стало нехорошо, они перепугались насмерть, так что нам пришлось взбодрить их, прежде чем они смогли говорить и слушать, а привезли их именно для этого. Некоторые так перепугались, что не могли ни с кем разговаривать, хотели просто вернуться домой, где мужчины вытирали об них ноги. Я всегда говорю, дорогая, нечего лезть в это дело, если боишься неудачи. Совет Сары-Суданки — считай свои успехи и даже не думай о провалах. Ты все еще хочешь расспрашивать меня о семинаре? Замешательство Гиты усилилось.

— Так она этим и занималась? Помогала им прийти в себя?

— Насчет этого, дорогая, мне ничего не известно.

— Но вы должны хоть что-то помнить. Что она делала? Что говорила? Тессу забыть невозможно, — слова прозвучали грубо, хотя ей этого не хотелось. — И Арнольда — тоже.

— Ну, я не могу сказать, что она внесла лепту в эту дискуссию, дорогая, потому что она в ней не участвовала. Тесса не участвовала в дискуссии. Это я могу сказать точно.

— А Арнольд?

— Арнольд тоже.

— Даже не читала доклад или что-то такое?

— Нет, дорогая. Ни он, ни она.

— Вы хотите сказать, что они просто сидели молча? На Тессу это не похоже. Да и на Арнольда. Сколько времени продолжался семинар?

— Пять дней. Но Тесса и Арнольд не оставались в Локи все пять дней. Редко кто задерживается тут надолго. У всех, кто приезжает сюда, быстро возникает желание поехать куда-то еще. Тесса и Арнольд в этом не отличались от остальных. — Она помолчала, изучающе оглядела Гиту, словно хотела определить, отвечает ли каким-то ее требованиям или нет. — Ты понимаешь, о чем я говорю, дорогая?

— Нет. Боюсь, что нет.

— Может, ты знаешь то, о чем я не говорю?

— Я лишь пытаюсь выяснить, что они тут делали. Арнольд и Тесса. В последние несколько дней их жизнью. Джастин в своем письме настоятельно просил меня это выяснить.

— Дорогая, ты случайно не взяла с собой его письма?

Гита трясущейся рукой достала письмо из наплечной сумки, которую купила специально для этой поездки. Сара унесла его в тукул, чтобы прочитать под свисающей с потолка лампочкой, постояла, задумавшись, прежде чем вернуться на веранду и опуститься на стул. По выражению лица чувствовалось, что она в замешательстве.

— Ты собираешься что-то мне сказать, дорогая?

— Если смогу.

— Тесса сама говорила тебе, что она и Арнольд едут в Локи на семинар по правам женщин?

— Это они говорили нам всем.

— И ты ей поверила?

— Да. Мы все поверили. И Джастин. До сих пор верим.

— И Тесса была твоей близкой подругой. Как я слышала, чуть ли не сестрой. Но при этом она не назвала тебе другую причину своего приезда сюда? Не сказала, что семинар по правам женщин — предлог, точно такой же, как семинар самообеспечения потребителей — предлог для тебя? Я не ошиблась?

— Когда у нас только завязалась дружба, Тесса многое мне рассказывала. А потом стала тревожиться за меня. Думала, что говорит мне слишком много. Что нехорошо взваливать мне на плечи такую ношу. Я — вольнонаемная, принята на временную работу. Она знала, что я думаю о том, чтобы подать заявление о приеме на постоянную работу. Что собираюсь вновь сдавать экзамен.

— И планы у тебя остаются прежними, дорогая?

— Да. Но это не означает, что мне нельзя говорить правду.

Сара отпила чаю, поправила козырек кепки, уселась поудобнее.

— Как я понимаю, ты собираешься пробыть здесь три ночи?

— Да. Возвращаюсь в Найроби в четверг.

— Это хорошо. Очень хорошо. И семинар будет интересным. Джудит — умная женщина, она об этом позаботится. Она, правда, резковата с тугодумами, но не со злобы. Просто ей хочется как можно эффективнее использовать время. А завтра вечером я познакомлю тебя с моим добрым другом капитаном Маккензи. Никогда о нем не слышала?

— Нет.

— Тесса и Арнольд никогда не упоминали о капитане Маккензи в твоём присутствии?

— Нет.

— Капитан — один из здешних пилотов. Сегодня как раз улетел в Найроби, так что вы разминулись с ним в воздухе. Он полетел за кое-какими припасами и по личному делу. Капитан Маккензи тебе очень понравится. Прекрасно воспитан, а сердце у него больше, чем у большинства людей — тело, и это факт. Очень малая часть того, что происходит в этих местах, ускользает от внимания капитана Маккензи, но он предпочитает не говорить о том, что знает. Капитан участвовал во многих малоприятных войнах, но теперь он убежденный сторонник мира, вот почему он здесь, в Локи, спасает от голода мой умирающий народ.

— Он хорошо знал Тессу? — со страхом спросила Гита.

— Капитан Маккензи знал Тессу и полагал, что она — настоящая леди, вот и все. Капитан Маккензи никогда бы не посягнул на честь замужней женщины... как и Арнольд. Но капитан Маккензи знал Арнольда лучше, чем Тессу. Он думает, что полиция Найроби сошла с ума, если объявила Арнольда в розыск, и собирается прямо сказать им об этом. Я уверена, что это главная причина, по которой он улетел сегодня в Найроби. И им не понравится то, что он им скажет, потому что, поверь мне, капитан Маккензи говорит то, что думает.

— Капитан Маккензи был в Локи, когда Тесса и Арнольд прилетели на тот семинар?

— Да. Он виделся с Тессой и Арнольдом, дорогая, и, насколько мне известно, у них состоялся долгий разговор. — Она помолчала, улыбнулась звездам, и Гите показалось, что она никак не может принять решение: довериться Гите или оставить секреты при себе. Собственно, и Гита в последние три недели неоднократно задавалась второй частью этого вопроса.

— Значит, так, дорогая, — наконец продолжила Сара. — Я вслушивалась в твои слова. Я наблюдала за тобой, думала о тебе, волновалась за тебя. И пришла к выводу, что ты — девушка с головой, а также хороший, порядочный человек с развитым чувством ответственности, что я ценю в людях. Но, если ты не такая, как я тебя себе представляю, если я в тебе ошиблась, благодаря нам у капитана Маккензи могут возникнуть очень серьезные неприятности. Сведения, которыми я собираюсь поделиться с тобой, опасны, и, как только я тебе все расскажу, обратного пути для тебя не будет, джинна в бутылку не загонишь. Вот я и предлагаю тебе сказать, не переоценила ли я тебя, увидела ли такой, какая ты на самом деле.

Потому что людей, которые говорят больше, чем нужно, уже не исправить. И вот что еще я знаю. Они могут сегодня клясться на Библии, а завтра вести себя как прежде, выбалтывая все, что знают. Библия для них — ничто.

— Я понимаю, — кивнула Гита.

— Так ты скажешь мне, правильно ли я истолковала то, что видела, слышала и думала о тебе? Должна ли высказать то, что храню в душе, и взвалить на твои плечи тяжелый груз ответственности?

— Я бы хотела, чтобы вы доверились мне.

— Я ждала от тебя именно такого ответа, поэтому слушай. Говорить буду тихо, так что наклоняйся ближе, — Сара-Суданка отвернула козырек в сторону, их лица сблизилась чуть ли не вплотную. — Вот так. И я надеюсь, гекконы порадуют нас громкими криками. Тесса не участвовала в работе того семинара, и Арнольд тоже. Как только появилась такая возможность, Тесса и Арнольд нырнули на заднее сиденье джипа моего друга капитана Маккензи, пригнули головы и напрямик поехали на летное поле, где капитан посадил их в свой самолет и повез на север, без виз, паспортов и каких-либо формальностей, введенных повстанцами из Южного Судана, которые не прекращают воевать между собой, вместо того чтобы объединиться против этих плохих арабов с севера, похоже, уверенных в том, что Аллах простит им все, даже если его пророк — нет.

Гита подумала, что Сара закончила и уже собралась что-то сказать, но оказалось, что та только начала.

— Еще одна сложность заключалась в том, что мистер Мои, который не может управлять блошиным цирком, даже с помощью целого кабинета министров, даже если он сможет заработать на этом деньги, вдруг вбил себе в голову, что он должен контролировать аэропорт Локи. Ты еще это увидишь. Мистер Мои терпеть не может НГО, зато очень уважает аэродромные сборы. И доктору Арнольду очень не хотелось, чтобы мистер Мои и его люди узнали, что он и Тесса улетели из Локи, не говоря уже о конечном пункте их путешествия.

— Так куда же они летали? — прошептала Гита.

— Я не спрашивала, где находится это место, потому что не знаю, а вдруг начну говорить во сне. Впрочем, слушать все равно некому, я слишком стара. Но капитан Маккензи знает, а это главное. Капитан Маккензи привез их следующим утром, рано, тайком, как и увозил. И доктор Арнольд сказал мне: «Сара, мы никуда не уезжали из Локи. Мы проводили на семинаре двадцать четыре часа в сутки. Тесса и я будем очень благодарны тебе, если ты всегда будешь помнить, что все было именно так, а не иначе». Но Тесса мертва и едва ли может быть благодарна Саре-Суданке или кому-то еще. И доктору Арнольду, если я что-то знаю, сейчас хуже, чем мертвому. Потому что у Мои везде свои люди, им нравится убивать и грабить, а это значит, что многие покидают этот свет. И если человек попадает к ним в руки и они хотят что-то от него узнать, они забывают о сострадании. И ты, дорогая, должна помнить об этом, потому что тебе может грозить большая опасность. Вот почему я и решила, что тебе необходимо поговорить с капитаном Маккензи, который знает то, что неизвестно мне. Потому что Джастину, о котором я слышала только хорошее, потребуется полная информация о его убитой жене и докторе Арнольде. Как по-твоему, правильно я думаю или нет?

— Правильно, — выдохнула Гита. Сара допила чай, поставила чашку.

— Вот и хорошо. Тогда иди поешь и наберись сил. Я посижу здесь, потому что там слишком много болтают, ты, наверное, это уже заметила. И не бери жаркое из козлятины, как бы ты ни любила козлятину. Потому что этот молодой сомалийский повар, талантливый мальчик, который когда-нибудь станет отличным адвокатом, совершенно не умеет готовить жаркое из козлятины.

Гита не могла сказать, как ей удалось пережить первый день семинара фокус-группы по самообеспечению потребителей гуманитарной помощи, но, когда в пять часов прозвенел финальный звонок, пусть прозвенел он у нее в голове, она точно знала, что не опозорилась, говорила не много и не мало, слушала внимательно и подробно записывала выступления остальных, готовясь к написанию очередного отчета КПЭДП, который никто никогда не

раскроет и не прочтет.

— Рада, что приехала? — спросила Джудит, радостно схватив ее за руку, когда участники семинара начали расходиться. — Вечером увидимся в клубе.

— Это тебе, дорогая, — Сара, выйдя из соседнего бунгало, протянула ей конверт из плотной бумаги. — Удачного тебе вечера.

— Вам тоже.

Почерк у Сары был как у лучшей ученицы.

"Гита, дорогая. Капитан Маккензи занимает тукул «Энтеббе», номер четырнадцать по аэродромной стороне. Возьми с собой ручной фонарик, потому что генераторы иногда отключаются. Он будет рад принять тебя в девять вечера, после твоего обеда. Он — джентльмен, и бояться тебе нечего. Пожалуйста, передай ему эту записку, тогда я буду уверена, что от нее избавились должным образом. Береги себя и помни, какая на тебя ложится ответственность.

Сара".

Входную дверь в тукул «Энтеббе» Гита нашла приоткрытой, сетчатую, от москитов, плотно закрытой. На столе горел фонарь-"молния", капитан Маккензи сидел перед ним, так что Гита видела только его силуэт, склоненный над столом: капитан, словно монах, что-то писал. Первые впечатления всегда имели для Гиты особое значение, поэтому она постояла, вбирая в себя напряженность позы, предчувствуя, что ее ждет встреча с негибавшей военной натурой. Она уже собралась постучать в дверную раму, но капитан то ли услышал, то ли увидел, то ли почувствовал ее присутствие, потому что вскочил, двумя шагами пересек расстояние, отделяющее его от двери-сетки, и распахнул ее.

— Гита, я — Рик Маккензи. Вы вовремя. У вас есть для меня записка?

«Новая Зеландия», — подумала она, зная, что не ошиблась. Иногда ей не удавалось точно определить акцент, но тут явно попала в цель. Новая Зеландия, возраст ближе к пятидесяти, чем к тридцати, но об этом говорили разве что морщинки на запавших щеках да серебро в коротко стриженных черных волосах. Она протянула ему записку Сары, подождала, пока он, повернувшись к ней спиной, читал ее в свете синей лампы. Теперь она видела спартанскую обстановку комнаты, гладильную доску, начищенные коричневые туфли, солдатскую койку, заправленную, как ее учили в монастырской школе, с простыней, треугольником сложенной на одеяле.

— Почему бы вам не присесть, — он указал на стул у стола.

Она двинулась к столу, а фонарь-"молния" переместился за ее спину, на пол по центру дверного проема.

— Так нас никто не увидит, — объяснил он. — У нас тут полно любителей подглядывать. Хотите коку? — он протянул ей банку. — Сара говорит, что вам можно доверять, Гита. Для меня этого достаточно. Тесса и Арнольд в этом деле не доверяли никому, кроме себя. И меня, потому что ничего другого им не оставалось. Мне, кстати, такой подход нравится. Я слышал, вы приехали на семинар самообеспечения, — в голосе прозвучали вопросительные интонации.

— Семинар фокус-группы по самообеспечению потребителей — предлог. Джастин прислал мне письмо с просьбой выяснить, чем занимались Тесса и Арнольд в последние перед ее гибелью дни. Он не верил, что они прилетели в Локи, чтобы рассуждать о равноправии суданских женщин.

— Он чертовски прав. У вас есть его письмо?

«Мое удостоверение, — подумала она. — Доказательство того, что Джастин поручил мне представлять его интересы». Она передала письмо, он встал из-за стола, надел строгие очки с тонкой металлической оправой, встал чуть в стороне от фонаря-"молнии", чтобы не попадать в дверной проем.

Ознакомившись с письмом, вернул его Гите.

— Тогда слушайте.

Но, прежде чем начать, включил радио, чтобы «обеспечить приемлемый шумовой фон».

Гита лежала на кровати под одной простыней. Ночью в Локи не стало прохладнее. Над сеткой жужжали москиты. Гита задвинула тонюсенькую занавеску, но москитов это не останавливало. Всякий раз, когда за окном слышались шаги или голоса, ей хотелось выпрыгнуть из постели и крикнуть: «Привет!» Мысли девушки вернулись к Глории, которая неделю назад, к полному изумлению Гиты, пригласила ее сыграть в теннис в клубе.

— Скажи мне, дорогая, — спросила ее Глория, выиграв каждый из трех сетов со счетом шесть-два, когда они, рука об руку, шли к раздевалкам, — Тесса влюбилась в Сэнди или все было наоборот?

На что Гита при всей ее приверженности к правде солгала без запинки, глядя в глаза Глории и даже не покраснев: «Я уверена, что ничего такого не было и в помине с каждой из сторон, — голос ее звучал твердо и уверенно. — С чего вы это взяли, Глория?»

— Даже не знаю, дорогая. Но вот мелькнула такая идея. Как-то странно выглядел он на похоронах, знаешь ли.

А после Глории мысли Гиты перекинулись на капитана Маккензи.

— Этот безумный бур, который держит ферму в пяти милях к западу от Майэн, есть такой маленький городок, — басил он почти как Паваротти. — Опять же, богобоязненный, знаешь ли.

Глава 18

Его лицо потемнело, морщины стали резче. Белый свет бездонного неба Саскачевана не мог проникнуть на их дно. Маленький, затерянный среди засыпанной снегом тысячемильной равнины городок находился в трех часах езды на поезде от Виннипега, и Джастин решительно шагал по его улицам, избегая встречаться взглядом с редкими прохожими. Ветер, то ли с Юкона, то ли из Арктики, дул здесь постоянно, изо дня в день, пронесился по прериям, превращал снег в лед, гнул пшеницу, дребезжал вывесками, гудел в проводах, но не мог окрасить румянцем щеки его осунувшегося лица. Мороз, двадцать, а то и больше градусов ниже нуля, гнал Джастина вперед, заставляя забыть о том, что болит все тело. В Виннипеге, прежде чем сесть на поезд, он купил стеганую куртку, меховую шапку и перчатки. Ярость сидела в нем занозой.

Прямоугольник простой писчей бумаги лежал в бумажнике: «**НЕМЕДЛЕННО ПОЕЗЖАЙ ДОМОЙ И СИДИ ТИХО, А НЕ ТО ПРИСОЕДИНИШЬСЯ К СВОЕЙ ЖЕНЕ**».

Именно жена привела его сюда. Она помогала ему освободить руки, снять с головы мешок. Она подняла его на колени у кровати, шаг за шагом довела до ванной. Поддерживаемый ею, он оперся о ванну, включил душ, смыл блевотину с лица, рубашки, воротника пиджака, зная, она предупредила его об этом, что, если разденется, одеться снова не сможет. Рубашка осталась грязной, на пиджаке темнели пятна, но от самой блевотины ему удалось избавиться. Он хотел вернуться к кровати и поспать, но она не позволила. Он попытался причесаться, но не смог поднять руку. На подбородке и щеках появилась щетина, но с этим он ничего не мог поделать. Стоять он не мог — кружилась голова, но сумел добраться до кровати, а уж потом упал. По ее совету, в полузабытьи, не стал снимать трубку и звонить портю или доктору Бирджит. «Никому не доверяй», — сказала ему Тесса, вот он и не доверял. Подождал, пока мир остановился у него перед глазами, поднялся и двинулся к двери, радуясь, что номер такой маленький.

Плащ Джастин оставил на стуле. Он там и лежал. К его изумлению, на месте остался и конверт Бирджит. Он открыл дверь шкафа. И сейф на месте, дверца заперта. Он набрал код, дату их свадьбы, едва не потеряв сознание от боли. Дверца откинулась, открыв паспорт Аткинсона. Непослушными, но определенно не сломанными руками он достал паспорт и переложил его во внутренний карман пиджака. Каким-то чудом сумел надеть плащ, застегнул пуговицу у шеи, потом остальные. Путешествовал он налегке, с одной сумкой через плечо. Деньги незваные гости не тронули. Он забрал из ванной бритвенные принадлежности,

достал из комода рубашки и нижнее белье, побросал все в сумку. Сверху положил конверт Бирджит, застегнул «молнию». Повесил сумку на плечо и взвыл от боли. Часы показывали пять утра и, похоже, работали. Он вышел в коридор, по стеночке добрался до лифта. В холле первого этажа две турчанки возили по ковру большой пылесос. За стойкой дремал пожилой портье. Каким-то образом Джастин сумел назвать свой номер и попросить счет. Потом с невероятным трудом всунул руку в карман брюк, отделил от пачки несколько купюр, оставил большие чаевые «вашим близким на Рождество».

— Не возражаете, если возьму один из них? — он указал на зонтики, торчащие из керамического кувшина у входной двери.

— Берите, сколько хотите, — ответил пожилой портье.

Зонтик с толстой рукояткой доходил до бедра. Опираясь на него, Джастин пересек пустую площадь, разделяющую отель и железнодорожный вокзал. У лестницы, ведущей на платформу, остановился, набираясь сил, и неожиданно увидел рядом с собой портье. Он подумал, что это Тесса.

— Сможете подняться? — участливо спросил тот.

— Да.

— Взять вам билет?

Джастин жестом предложил портье достать деньги из кармана.

— До Цюриха.

— Первый класс?

— Абсолютно.

Швейцарию он помнил как сказку из детства. Сорок лет тому назад родители взяли его в отпуск, и они поселились в роскошном отеле в лесу меж двух озер. С тех пор ничего не изменилось. Ни натертый паркет, ни витражи из цветного стекла, ни хозяин со строгим лицом, который показал Джастину его номер. Улегшись в шезлонг, стоявший на балконе, Джастин полюбовался теми же озерами, сверкающими под вечерним солнцем, тем же рыбаком, склонившимся над удочками в весельной лодке. Дни незаметно перетекали один в другой, покой нарушался разве что визитами в клинику да обеденным гонгом, зовущим его в зал, где он ел в окружении пожилых пар. В клинике, расположенной между старинных шале, бледный врач и медсестра уделили должное внимание его синякам. «Автомобильная катастрофа», — пояснил Джастин. Доктор нахмурился. Молодая медсестра рассмеялась.

А ночью он с головой уходил во внутренний мир, как случалось каждую ночь после смерти Тессы. Сидя за инкрустированным столом у панорамного окна, писал Хэму, не обращая внимания на боль в правой руке, о том, что узнал от Бирджит о Марке Лорбире, думая о его судьбе и о своей. Если Лорбир стал отшельником в пустыне, изгоняя чувство вины диетой из саранчи и дикого меда, то Джастин шел к поставленной цели. И не собирался отступать. Наоборот, все более утверждался в решении пойти до конца. Он никогда не предполагал, что его поиски приведут к простым ответам. Даже не знал, удастся ли ему получить хоть какой ответ. Но он продолжил миссию Тессы, подхватил флаг, выпавший из ее рук, ему передалась храбрость и целеустремленность жены. Она засвидетельствовала чудовищную несправедливость и поднялась на борьбу с ней. Слишком поздно, но он тоже стал свидетелем этой несправедливости. И ее борьба стала его борьбой.

Вспоминая бесконечную ночь черного мешка, провонявшую собственной блевотиной, когда он выдержал жестокие побои, желтыми и синими пятнами разукрасившие живот, спину, руки, бедра, Джастин чувствовал, что стал еще ближе к жене. «Я — один из вас, — думал он. — Я больше не ухаживаю за розами, когда вы шепчетесь над чашками зеленого чая. Вам больше нет нужды понижать голос при моем приближении. Я с вами, за столом, и говорю да».

На седьмой день Джастин расплатился по счету, автобусом и поездом добрался до Базеля, посетил знаменитую долину верхнего Рейна, где фармагиганты возвели свои замки. И оттуда направил толстое письмо старой драконше Хэма в Милан.

А потом отправился на пешую прогулку. Сначала по брусчатым мостовым

средневекового города с его колокольнями, торговыми домами и статуями проповедников свободы и борцов с угнетением. Вышел к реке и с детской площадки воззрился на раскинувшееся перед ним бетонное королевство фармамиллиардеров, на безликие корпуса, сомкнувшие ряды против одного-единственного человека, посмевшего бросить им вызов. Оранжевые краны не прекращали движения. Белые трубы, как молчаливые минареты, с окрашенными яркой краской или в полоску вершинами, чтобы самолеты вовремя их заметили, выпускали невидимые глазу газы в коричневое небо. У их подножия лежали железнодорожные пути, склады, гаражи, пристани, защищенные своими Берлинскими стенами, с колючей проволокой поверху, разрисованные граффити.

Влекомый силой, определить которую он уже и не пытался, Джастин пересек мост, как во сне побродил между обшарпанными домами, магазинами поношенной одежды, рабочими-иммигрантами на велосипедах. И наконец, волею судьбы, очутился на обсаженной деревьями авеню, в дальнем конце которой высилась арка, так густо увитая плющом, что Джастин не сразу разглядел в ее глубине дубовые ворота, медный звонок и медный же почтовый ящик. А повернув голову направо, увидел три белых замка, соединенные летящими коридорами. Облицовочный камень блестел, словно кафель в операционной, окна со стеклами цвета меди, казалось, только что чисто вымыли. И за каждым замком поднималась белая труба, карандаш, пронзающий небо. И на каждой трубе золотые буквы «KBX», нарисованные одна под другой, подмигивали ему, словно давние друзья.

Джастин не знал, как долго он стоял, задрав голову, зачарованный этим триптихом. Иногда у него возникало ощущение, что фланговые здания сближаются, чтобы раздавить его. Или наклоняются, чтобы на него обрушиться. Наконец колени у него подогнулись, и он обнаружил, что сидит на скамейке, на клочке вытопанной земли, где женщины прогуливали своих собак. Он ощутил слабый, но устойчивый запах и словно перенесся в найробский морг. «Сколько мне придется прожить, — подумал он, — чтобы перестать замечать этот запах?» Должно быть, наступил вечер, потому что окна цвета меди осветились изнутри. Он различал движущиеся силуэты и отблеск компьютерных дисплеев. «Чего я здесь сижу? — спрашивал он себя и продолжал наблюдать. — О ком я думаю, кроме тебя?»

Она сидела рядом с ним, но на этот раз не нашлась с ответом. "Я думаю о твоей храбрости, — ответил он за нее. — Я думаю, что ты и Арнольд сражались с этим монстром, тогда как старина Джастин волновался, а достаточно ли на клумбах места, чтобы на них выросли дорогие его сердцу фризии. Я думаю о том, что больше не верю ни в себя, ни в принципы, на которых воспитывался. Было время, когда твой Джастин, как и люди в этом здании, гордился тем, что соглашался с трудными решениями, принимаемыми коллективной волей, под этим подразумевались Страна, Доктрина здравомыслящего человека или, случалось и такое, Высшее благо. То было время, когда я верил, что один человек, мужчина или женщина, может умереть ради счастья остальных. Я называл это жертвой, долгом или необходимостью. То было время, когда я мог стоять вечером у здания Форин-оффис, смотреть на освещенные окна и думать: «Добрый вечер, это я, ваш покорный слуга Джастин. Я — винтик большой и умной машины и горжусь этим. Я служу, значит, я существую. Сейчас я чувствую только одно: ты сразилась со всей этой ратью, и, что неудивительно, они победили».

С главной улицы маленького городка Джастин свернул налево и направился на северо-запад, по бульвару Доуса, навстречу дующему из прерий ветру. Три года, которые он проработал экономическим атташе в Оттаве, не пропали даром. Хотя он никогда не бывал в Саскачеване, все, что он видел, было ему знакомо. Он помнил, что снег ложится на Хэллоуин [73], а сходит к Пасхе. Посевная в начале июня, сбор урожая после первых сильных заморозков в сентябре. И пройдет еще несколько недель, прежде чем редкие крокусы начнут появляться среди островков мертвой травы. На другой стороне улицы стояла синагога, чистенькая, работающая, построенная поселенцами, оставленными на железнодорожной станции с дурными воспоминаниями, картонными чемоданами и надеждой получить собственный надел земли. В сотне ярдов поднималась украинская церковь, за ней стояли

храмы католиков, пресвитерианцев, свидетелей Иеговы, баптистов. С каждой соседствовала крытая автостоянка, чтобы двигатели железных скакунов верующих не замерзли, пока их хозяева молились. В голове мелькнула строка из Монтескье: «Нигде не было столько гражданских войн, как в царстве Христа».

За домами бога поднимались дома Маммоны, промышленный район города. «Должно быть, цены на мясо сильно подскочили», — подумал он. Иначе он бы не видел перед собой новенький, с иглочки, корпус мясоперерабатывающего завода Гая Пуатье. И зерновые, похоже, продаются как нельзя лучше. Отсюда и новая фабрика по отжиму семян подсолнечника. А что это за люди, собравшиеся кучкой у старых домов? Наверное, сиу или кри. Улица повернула и через короткий тоннель под железной дорогой повела его на север. Он очутился в другой стране, с эллингами и особняками, выстроившимися вдоль берега реки. Здесь богатые англичане выкашивали лужайки, мыли автомобили, лакировали яхты и кляли на все лады украинцев, жидов, чертовых индейцев, живущих на пособие. Впереди высился холм, а на нем и вокруг него раскинулась его цель, гордость города, жемчужина Восточного Саскачевана, его академический Камелот, университет Доуса: средневековые здания из песчаника, колониальные — из красного кирпича, современные — стеклянными куполами. После развилки начался подъем, который привел Джастина к воротам с амбразурами, украшенным сверху позолоченным рыцарским гербом. За воротами он видел ухоженные лужайки кампуса и бронзового отца-основателя, Джорджа Эймона Доуса-младшего, владельца шахт, железнодорожного барона, развратника, земельного вора, гонителя индейцев и местного святого, вознесенного на гранитный пьедестал.

Он двинулся дальше. Спасибо путеводителю, знал, куда идти. Дорога вывела его на центральную площадь. Ветер гнал пыль по асфальту. У дальнего конца стоял увитый плющом павильон, а за ним — три корпуса из стали и бетона с высокими, освещенными неонами окнами. Большой щит, выдержанный в золотом и зеленом тонах (любимые цвета миссис Доус — это из путеводителя), сообщал на французском и английском, что эти корпуса — Университетская больница клинических исследований. На указателе поменьше Джастин прочитал: «Амбулаторные больные». Пошел по стрелке и очутился перед рядом вращающихся дверей под бетонным козырьком, которые охраняли две массивные женщины в зеленых пальто. Он пожелал им доброго вечера, они ответили тем же. С прихваченным морозом лицом, с изнуренной долгой прогулкой телом, бедра и спину хватало раскаленными щипцами, он в последний раз оглянулся и поднялся по ступенькам.

Его встретил облицованный мрамором, с высоким потолком холл, от которого веяло могильным холодом. Огромный, отвратительный портрет Джорджа Эймона Доуса-младшего в охотничьем облачении напомнил ему вестибюль здания Форин-оффис. Регистрационная стойка, за которой сидели седоволосые мужчины и женщины в зеленых халатах, занимала целую стену. «Сейчас они позовут меня: „Мистер Куэйл“ — и скажут, что Тесса — милая-милая дама», — подумал он. Прошел в маленький торговый центр. Отделение банка «Доус Саскачеван». Почта.

Газетный киоск. «Макдоналдс», «Пицца парадиз», кафетерий «Старбак», бутик «Доус», торгующий нижним бельем, одеждой для будущих мам и халатами. Он добрался до коридоров, наполненных скрипом каталок, гудением лифтов, торопливым стуком каблучков, пиканьем телефонов. У стен сидели и стояли пациенты с озабоченными лицами. Сотрудники в зеленых халатах появлялись из одних дверей и ныряли в другие. Ни у одного на нагрудных карманах не «жужжали» золотые пчелки.

Большая доска объявлений висела рядом с дверью с табличкой «Вход только для врачей». С важным видом, заложив руки за спину, Джастин проглядывал объявления. Сиделки к детям, яхты, автомобили, спрос и предложение. Комнаты и квартиры, сдающиеся в аренду. «Доусский клуб песни», «Доусский класс изучения Библии», «Доусское общество этики», «Доусский кружок шотландских танцев». Анестезиолог разыскивал убежавшую собаку-трехлетку с длинной коричневой шерстью. «Залоговые схемы Доуса». Консультанты по регулированию налогообложения. Мемориальная часовня Доуса, готовящаяся к

зауспокойной мессе по доктору Марии Ковальски, просила откликнуться тех, кто знал, какую она предпочитала музыку. Списки врачей, уехавших на вызовы, находящихся в отпуске и в командировке, ведущих прием. Веселенький постер, возвещающий о том, что на этой неделе студенты-медики могли получить бесплатную пиццу от ванкуверского отделения «Карел Вита Хадсон» — «и почему бы вам не прийти на воскресный бранч от „КВХ“ и просмотр фильмов в дискотеке „Хайбарн“? Просто заполните бланк приглашения, прилагаемый к пицце. Вы получите бесплатный билет, и у вас останутся незабываемые впечатления от отлично проведенного времени».

Но о докторе Лоре Эмрих, в недалеком прошлом звезде академического сообщества университета Доуса, специалиста по самым разным, устойчивым к лекарственным препаратам и не очень, штаммам туберкулеза, профессора, исследования которой спонсировались «КВХ», одной из создателей чудо-препарата «Дипракса», не говорилось ни слова. Она не уехала на вызов, не находилась в отпуске или командировке, не вела прием. Ее фамилия не значилась во внутреннем телефонном справочнике, который висел на зеленой ленте рядом с доской объявлений. Она не разыскивала собаку-трехлетку с коричневой шерстью. Какое-то отношение к ней могла иметь разве что одна открытка, прикрепленная в нижней части доски, с прискорбием извещавшая, что «по приказу ректора» намеченное заседание общества «Врачи Саскачевана за честность» не сможет состояться на территории университета Доуса. А о новом месте и времени заседания будет сообщено дополнительно.

Тело стонало от холода и боли, а потому до мотеля Джастин добрался на такси. На этот раз он повел себя умно. Позаимствовав листок из блокнота Лесли, отправил письмо через цветочный магазин, вместе с букетом роскошных роз.

"Я — английский журналист и друг Бирджит из «Типпо». Я расследую смерть Тессы Куэйл. Пожалуйста, позвоните мне в мотель «Саскачеван мен», номер восемнадцать, после семи вечера. Я рекомендую воспользоваться телефоном-автоматом, достаточно удаленным от Вашего дома.

Питер Аткинсон".

«Кто я, скажу позже, — рассуждал он. — Чтобы не испугнуть ее». Теперь оставалось договориться о времени и месте. Его «легенда» вызывала серьезные опасения, но другой у него не было. Он был Аткинсоном в немецком отеле, но это не спасло его от побоев. И обращались они к нему как к Куэйлу. Но билет из Цюриха в Торонто он брал по паспорту Аткинсона, Аткинсоном зарегистрировался в небольшом мотеле, расположенном неподалеку от железнодорожного вокзала, где, склонившись к маленькому радиоприемнику, узнал, что доктор Арнольд Блюм объявлен в международный розыск по подозрению в убийстве Тессы Куэйл. «Я верю, что Освальд действовал в одиночку, Джастин... Арнольд Блюм потерял самообладание и убил Тессу...» Вроде бы никто не приглядывал за ним, когда он сел на поезд в Виннипег, где выждал день, а потом, на другом поезде, уехал в этот маленький городок. Но он не тешил себя ложными надеждами. Самое большее, он мог обогнать их на несколько дней. Но в цивилизованной стране не скажешь, кто есть кто.

— Питер?

Джастин разом проснулся, посмотрел на часы. Девять вечера. Ручка и блокнот лежали рядом с телефоном.

— Питер слушает.

— Я — Лара, — с жалобой в голосе.

— Привет, Лара. Где мы можем встретиться? Вздох. Печальный вздох, как нельзя лучше соответствующий печальному славянскому голосу.

— Это невозможно.

— Почему?

— Около моего дома легковой автомобиль. Иногда они ставят микроавтобус. Они постоянно слушают и наблюдают. Встретиться без их ведома невозможно.

— Где вы сейчас?

— В телефонной будке, — интонации указывали на то, что она не надеялась выйти из

будки живой.

— Кто-нибудь сейчас следит за вами?

— Никого не вижу. Но уже ночь. Спасибо за розы.

— Я готов встретиться с вами там, где вы скажете. В доме подруги. Если хотите, за городом.

— У вас есть автомобиль?

— Нет.

— Почему? — в голосе упрек и вызов.

— У меня нет нужных документов.

— Кто вы?

— Я же написал. Друг Бирджит. Английский журналист. О прочем мы сможем поговорить при встрече.

Она положила трубку. У него скрутило желудок, хотелось в туалет, но в ванной не было параллельного телефонного аппарата. Он терпел, сколько мог, потом поспешил в ванную. Со спущенными брюками услышал, как зазвонил телефон. Схватил трубку после третьего звонка. Услышал короткие гудки. Сел на кровать, обхватив голову руками. «Что сделали бы шпионы? Что сделал бы хитрющий Донохью? Если на другом конце провода героиня Ибсена — то же, что сейчас делаю я, может, и того хуже». Он взглянул на часы, боясь, что потерял чувство времени. Снял с руки, положил рядом с ручкой и блокнотом. Пятнадцать минут. Двадцать. Тридцать. Что с ней случилось? Взял часы, едва не вышел из себя: никак не удавалось застегнуть их на руке.

— Питер?

— Где мы можем встретиться? Я приеду, куда вы скажете.

— Бирджит говорит, что вы — ее муж. О боже. Земля остановилась. О боже.

— Бирджит сказала это по телефону!

— Она не упоминала имен. «Он — ее муж». И все. Она понимает, что лишнего лучше не говорить. Почему вы не сказали мне, что вы — ее муж? Тогда я бы не подумала, что ваш звонок — провокация.

— Я собирался сказать при встрече.

— Я позвоню моей подруге. Не следовало вам посылать розы. Это роскошество.

— Какой подруге? Лара, будьте осторожны в том, что скажете ей. Меня зовут Питер Аткинсон. Я — журналист. Вы все еще в телефонной будке?

— Да.

— В той же?

— За мной не следят. Зимой они следят только из автомобилей. Они ленивы. Ни одного автомобиля рядом нет.

— У вас достаточно мелочи?

— У меня карточка.

— Пользуйтесь монетами. Карточку уберите. Вы звонили Бирджит по карточке?

— Это неважно.

Вновь она позвонила без десяти десять.

— Моя подруга занята на операции, — объяснила она. — Операция затянулась. У меня есть другая подруга. Она готова принять нас в своем доме. Если боитесь, возьмите такси до «Эйтонса», а дальше доберетесь пешком.

— Я не боюсь. Осторожничаю.

«Господи, — думал он, записывая адрес, — мы еще не встретились, а я уже послал ей две дюжины роз, и мы говорим, как любовники».

Мотель он мог покинуть двумя путями: через переднюю дверь, выводящую на автостоянку, или заднюю, выходящую в коридор, через который, уже по другим коридорам, он мог попасть к регистрационной стойке. Погасив свет в номере, Джастин приник к окну, оглядывая автостоянку. Под полной луной машины поблескивали серебристым инеем. Из двадцати автомобилей только в одном сидели двое: женщина за рулем, мужчина — рядом.

Они спорили. О розах? О прибыли? Женщина жестикулировала, мужчина качал головой. Вылез из кабины, что-то рывкнул (выругался?), захлопнул дверцу, сел в другой автомобиль, уехал. Женщина осталась на месте. В отчаянии всплеснула руками, потом ударила ими по рулевому колесу. Голова упала на руки, она зарыдала. Подавив абсурдное желание успокоить ее, Джастин коридорами прошел к регистрационной стойке и вызвал такси.

Дома располагались углом к улице, словно корабли, входящие в гавань. Двери находились выше уровня тротуара. Под пристальным взглядом большого серого кота, устроившегося на подоконнике в доме номер семь, Джастин поднялся по лестнице дома номер шесть и нажал на кнопку звонка. Он взял с собой все свои вещи: сумку через плечо, деньги и, несмотря на совет Лесли не делать этого, оба паспорта. За номер мотеля заплатил вперед. Так что при необходимости мог вернуться туда. Ночь выдалась ясной и морозной. У тротуара стояли автомобили, по тротуарам гулял только ветер. Дверь открыла высокая женщина.

— Вы — Питер.

— А вы — Лара?

— Естественно.

Она закрыла за ним дверь.

— За вами следили? — спросил он.

— Возможно. А за вами?

Они смотрели друг на друга, стоя прямо под люстрой. Бирджит не преувеличивала: перед ним стояла красавица. Не просто красавица, но и умница. А холодная отстраненность взгляда, поначалу заставившая его внутренне сжаться, указывала прежде всего на научный склад ума. Она изучала его, как изучала окружающий ее мир. Лара носила черное: брюки, длинный свитер, косметикой не пользовалась. Голос при непосредственном общении звучал еще печальнее, чем по телефону.

— Я очень сожалею о том, что произошло. Это ужасно. Для вас это был такой удар.

— Спасибо за теплые слова.

— Ее убила «Дипракса».

— Я в этом уверен. Пусть и не напрямую, но убила.

— Многие люди погибли от «Дипраксы».

— Но не всех их предал Марк Лорбир.

Сверху донесся гром телевизионных аплодисментов.

— Эми — моя подруга, — у нее выходило, что дружба — тяжелая болезнь. — Сейчас она работает регистратором в больнице Доуса. Но, к сожалению, подписала петицию, в которой выражается пожелание восстановить меня на работе, и является одним из основателей общества «Врачи Саскачевана за честность». Поэтому они только и ищут предлог, чтобы уволить ее.

Он уже собрался спросить, кто он для Эми, Куэйл или Аткинсон, когда сильный женский голос позвал их, а на верхней ступеньке лестницы появилась пара меховых шлепанцев.

— Приведи его наверх, Лара. Ему надо выпить.

Эми, среднего возраста, полная, принадлежала к тем серьезным женщинам, которым нравилось придавать себе легкомысленный вид. Она была в кимоно из алого шелка и большущих серьгах. Шлепанцы были украшены стеклянными глазами. А вот глаза Эми прятались в тени, а в уголках рта собрались морщинки боли.

— Людей, которые убили вашу жену, надо повесить, — сказала она. — Шотландское, бурбон, вино? Это Ральф.

Джастин и Лара поднялись в комнату с высоким потолком, с обшитыми сосной стенами. У дальней стены стоял бар. По гигантскому телевизору показывали хоккей. Ральф, старичок со включенными волосами и в домашнем халате, сидел в кресле, обитом кожаным материалом, положив ноги на стул. Услышав свои имя, он приветственно махнул рукой в почечных бляшках, но глаз от экрана не оторвал.

— Добро пожаловать в Саскачеван. Налейте себе что-нибудь выпить, — говорит он с центральноевропейским акцентом.

— Кто выигрывает? — из вежливости спросил Джастин.

— «Кэнекс».

— Ральф — адвокат, — пояснила Эми. — Не так ли, дорогой?

— Теперь уже скорее нет, чем да. Проклятый Паркинсон утягивает меня в могилу. Эти университетские деятели ведут себя как засранцы. Вы приехали из-за этого?

— По большей части.

— Подавляют свободу слова, встают между врачом и пациентом. Образованным мужчинам и женщинам сейчас самое время подняться и сказать правду, вместо того чтобы разбежаться по углам и молчать в тряпочку.

— Именно так, — согласился с ним Джастин и взял у Эми бокал белого вина.

— «Карел Вита» — дудочник, Доус пляшет под его дудку. Они дают двадцать четыре миллиона долларов на строительство нового биотехнологического корпуса, обещают подкинуть еще пятьдесят. Это не семечки, даже для таких богатых компаний, как «Карел Вита». И если все будут вести себя как должно, золотой дождь не иссякнет. Как можно устоять перед таким давлением?

— Надо пытаться, — ответила Эми. — Если не пытаться, тебе капут.

— Тебе капут, если пытаешься, капут — если нет. Вякни что-нибудь, и у тебя отнимут зарплату, уволят, вынудят уехать из города. Свобода слова дорого стоит в этом городе, мистер Куэйл... дороже, чем большинство из нас может себе позволить. Как вас зовут?

— Джастин.

— Это очень однородный город, Джастин, когда дело касается свободы слова. Все идет тип-топ, пока у какой-то безумной русской сучки не возникает желание опубликовать в медицинских изданиях статьи, бросающие тень на очень хорошие таблетки, изобретенные ею же, которые, так уж вышло, могут приносить концерну «Карел Вита», да хранит его Аллах, порядка двух миллиардов долларов в год. Где ты собираешься их разместить, Эми?

— В кабинете.

— Тогда отключи телефоны, чтобы им не мешали. Техникой тут заведует Эми, Джастин. Я — всего лишь старый пердун. Если вам что-то потребуется, обратитесь к Ларе. Дом она знает лучше нас, только знания эти скоро ей не понадобятся. Похоже, что через пару месяцев нас отсюда выпрут.

И он повернулся к телевизору.

Она больше не видит его, хотя и надела очки в тяжелой оправе, более приличествующие мужчине. У ее ног стоит раскрытая сумка, набитая документами, содержание которых она знает на память: письма адвокатов с угрозами, письма с факультета, сообщающие о ее увольнении, копия неопубликованной статьи и, наконец, письма ее адвоката, их немного, потому что, объясняет она, у нее нет денег и, кроме того, ее адвокат предпочитает защищать права сиу, а не бороться с мощной юридической командой «Карел Вита Хадсон». Они сидят, как шахматисты, только без доски, друг перед другом, едва не касаясь коленями. Воспоминания о восточных позах не позволяют Джастину ставить ноги так, чтобы мыски смотрели на нее, поэтому он садится чуть бочком, пусть это и вызывает боль. Какое-то время она что-то рассказывает теням за его плечом, и он практически не прерывает ее. Она полностью погружена в себя, голос звучит ровно и размеренно, словно Лара читает лекцию. Она живет только чудовищностью случившегося и своей абсолютной нерешительностью. Иногда, по его мнению, довольно часто, она напрочь забывает о его присутствии. Или видит в нем кого-то еще: нерешительного коллегу по факультету, колеблющегося профессора, некомпетентного адвоката. И только когда он упоминает Лорбира, она вдруг обнаруживает его рядом и хмурится, затем старается уйти от этой темы: Марк такой романтичный, он такой безвольный, все мужчины совершают дурные поступки, женщины тоже. И нет, она не знает, где его найти.

— Он где-то прячется. Он такой переменчивый, сегодня хочет одного, завтра —

другого, — меланхолично объясняет она.

— Если он говорит «пустыня», это действительно пустыня?

— Возможно, это место, где трудно жить. Для него это типично.

В оправдание своей позиции она произносит фразы, которые, как представляется Джастину, ей не свойственны: «Меня тут все третируют... „КВХ“ пленных не берет». Она даже говорит о «моих пациентах на смертном одре». А передав ему письмо адвоката, цитирует его, пока он читает, чтобы не дай бог он не пропустил самое важное:

"Вам опять напоминают, что, согласно условиям конфиденциальности, оговоренным в вашем контракте, вам запрещено знакомить с этой дезинформацией ваших пациентов... Вы официально предупреждаетесь, что в случае дальнейшего распространения, устно или иными способами, этих неточных и злонамеренных оценок, основанных на ложном истолковании данных, полученных Вами в период действия Вашего контракта с «Карел Вита Хадсон»...

А за этим следует предельно наглый и лживый пассаж: «...наши клиенты наотрез отрицают, что они пытались в какой-либо мере помешать обоснованной научной дискуссии...»

— Но почему вы подписали такой кабальный контракт? — резко спрашивает Джастин.

С губ Лары срывается невеселый смешок.

— Потому что я им доверяла. Потому что была душой.

— Вы — кто угодно, но только не дура, Лара! Вы — высокоинтеллектуальная женщина, черт побери! — восклицает Джастин.

Оскорбленная, она надолго замолкает.

Первые два года после того, как концерн «Карел Вита» через агентство Марка Лорбира приобрел молекулу Эмрих — Ковач, были сущим раем. Начальные, кратковременные проверки принесли блестящие результаты, статистика еще больше их приукрасила, о тандеме Эмрих — Ковач заговорили в научных кругах. «КВХ» предоставил в их распоряжение первоклассные исследовательские лаборатории, укомплектованные квалифицированным персоналом, возможность проведения клинических испытаний по всему «третьему миру», обеспечил путешествия первым классом и роскошные отели. Они пользовались всеобщим уважением, деньги текли рекой.

Для фривольной Ковач мечта стала явью. Она уже видела, как водит «Роллс-Ройс», получает Нобелевскую премию, становится богатой и знаменитой, заводит много-много любовников. Серьезную Лару в клинических испытаниях прежде всего интересовал научный аспект, они должны были дать путевку в жизнь их препарату. Проверить его эффективность в самых различных этнических и социальных слоях общества, подверженных болезни. Многим препарат мог облегчить жизнь, других просто спасти. Ей этого очень хотелось.

— А чего хотел Лорбир?

Недовольный взгляд, неодобрительная усмешка.

— Марк хочет быть богатым святым. И ездить на «Роллс-Ройсе», и спасать жизни.

— Ему подавай и бога, и прибыль, — уточняет Джастин, но получает в ответ еще одну усмешку.

— Через два года я сделала неприятное открытие. Клинические испытания, которые проводил «КВХ», не соответствовали действительности. Научным подходом там и не пахло. Они проводились лишь для того, чтобы как можно быстрее вывести препарат на рынок. Некоторые побочные эффекты сознательно замалчивались. Если они проявлялись, то результаты испытаний немедленно переписывались, и в конечном варианте о побочных эффектах не упоминалось.

— О каких побочных эффектах идет речь? Лара вновь заговорила голосом лектора:

— В период ненаучных клинических испытаний побочные эффекты выявлялись редко. Возможно, сказывался излишний энтузиазм Ковач и Лорбира и стремление больниц и медицинских центров «третьего мира» создать препарату хорошую репутацию. Опять же о препарате в своих статьях начали положительно отзываться медицинские светила, которые не

имели выгодных контрактов с «КВХ». В действительности статьи эти писали в Ванкувере и Базеле, а светила только ставили свою подпись. Отмечалось, что препарат оказывает негативное воздействие на незначительное число женщин в репродуктивном возрасте. У некоторых возникали проблемы со зрением. Отмечались и смертельные случаи, но манипуляции с датами приводили к тому, что в рассматриваемые периоды эти пациенты не попадали.

— Никто не жаловался? Вопрос злит ее.

— Да кто будет жаловаться? Врачи и медперсонал «третьего мира», которые зарабатывают на клинических испытаниях деньги? Дистрибьютор, который зарабатывает деньги на продаже препарата и не хочет терять прибыли от всего спектра лекарств, выпускаемых «КВХ»?

— Как насчет пациентов?

Ее мнение о нем достигает нижнего минимума.

— Большинство пациентов находится в недемократических странах с очень продажными правящими режимами. Теоретически они давали согласие на участие в клинических испытаниях. Можно сказать, на бланках стояли подписи даже тех, кто не умел ни читать, ни писать. По закону концерну не разрешалось платить этим людям за то, что на них проверялось действие нового препарата, но им возмещали расходы на проезд, потерю заработка и на период лечения обеспечивали бесплатным питанием, что им особенно нравилось. К тому же они боялись.

— Фармакологического концерна?

— Всех. Если они жаловались, им угрожали. Им говорили, что их дети больше не получат лекарств из Америки, а, соответственно, мужей или жен посадят в тюрьму.

— Но вы жаловались.

— Нет. Не жаловалась. Протестовала. Активно. Узнав, что «Дипракса» продвигается на рынок как безопасный, а не проходящий испытания препарат, я прочитала лекцию на научном собрании университета, в которой подробно остановилась на неэтичной позиции «КВХ». Меня не поддержали. «Дипракса» — хороший препарат. Дело не в этом. Дело в следующем, — она уже вскинула вверх три длинных тонких пальца. — Во-первых, побочные эффекты тщательно скрывались ради получения максимальной прибыли. Во-вторых, жители беднейших стран мира использовались в качестве подопытных кроликов, с тем чтобы богатые страны получили уже проверенный препарат. В-третьих, любые попытки провести обоснованную научную дискуссию по вышеуказанным вопросам на корню пресекались концерном.

Она один за другим загибает пальцы на одной руке, а второй достает из сумки глянцевого синего буклет с заголовком: "ХОРОШИЕ НОВОСТИ ОТ «КВХ»".

«Дипракса» — высокоэффективная, безопасная, экономичная альтернатива применявшимся до настоящего времени способам лечения туберкулеза. Этот препарат доказал свою эффективность при использовании в развивающихся странах".

Она убирает буклет и достает замусоленное письмо солиситора [74]. Один абзац обведен рамочкой.

«Исследование „Дипраксы“ проводилось на протяжении нескольких лет с соблюдением всех этических норм при полном согласии пациентов. Концерн „КВХ“ не делает различий между богатыми и бедными странами. Его заботит исключительно выполнение задач, которые решаются в конкретном проекте. Концерн „КВХ“ справедливо отмечался за высокий уровень заботы о пациентах».

— Как в эту картину вписывается Ковач?

— Ковач полностью на стороне концерна. Честности в ней ни на грош. Именно с помощью Ковач фальсифицировались результаты большинства клинических испытаний.

— А Лорбир?

— У Марка двойственная позиция. Для него это нормально. С одной стороны, благодаря «Дипраксе» он видит себя спасителем Африки. С другой, он испуган и испытывает

стыд. Отсюда и его признания.

— Он на службе в «Три Биз» или «КВХ»?

— Скорее всего Марк получает деньги и там, и там. Такой уж он человек.

— Каким образом «КВХ» удалось засунуть вас в университет Доуса?

— Только потому, что я дура, — гордо повторяет Лара, словно и не услышав, что он охарактеризовал ее с точностью до наоборот. — Разве я подписала бы контракт, если бы не была душой? В «КВХ» работают очень вежливые, очень обаятельные, очень умные, все понимающие люди. Я была в Базеле, когда ко мне пришли два молодых человека из Ванкувера. Мне это польстило. Как и вы, они прислали мне розы. Я им сказала, что клинические испытания — дерьмо. Они согласились. Я им сказала, что они не должны продавать «Дипраксу» как безопасный препарат. Они согласились. Я им сказала, что многие побочные эффекты не были должным образом исследованы. Они восхитились моей смелостью. Один из них был русский, из Новгорода. «Пойдемте на ленч, Лара. Давайте все обговорим». И они предложили мне поехать в Доус, чтобы по собственной методике провести клинические испытания «Дипраксы». Они внимали голосу разума, в отличие от их начальников. Они признали, что проведенные клинические испытания недостаточно корректны. И в Доусе у меня появлялась возможность установить истину. Я создала этот препарат. Я им горжусь, они — тоже. Университет гордится предоставленной возможностью проверить препарат в действии. Мы обо всем договорились. Доус приглашает меня, «КВХ» оплачивает мои исследования. Доус — идеальное место для таких клинических испытаний. В резервациях есть индейцы, больные туберкулезом. В Ванкуверской колонии хиппи у больных выявляются штаммы, устойчивые к лекарственным препаратам. Для «Дипраксы» это оптимальная комбинация. Все это и легло в основу договора, который я подписала и согласилась на условия конфиденциальности. Я была душой, — в который раз повторила она, голосом, не допускающим возражений.

— И у «КВХ» есть представительство в Ванкувере.

— Большое представительство. Третье по величине после Базеля и Сиэтла. Так что они могли держать меня под наблюдением. В этом и заключалась их цель. Держать меня на мушке и контролировать. Я подписала глупый контракт и с головой ушла в работу. В прошлом году я завершила исследования. Вывод получился отрицательный. Я сочла необходимым сообщить моим пациентам свое мнение о потенциально опасных побочных эффектах «Дипраксы». Я — врач, и забота о больных моя священная обязанность. Я также пришла к выводу, что медицинская общественность должна знать о полученных мною результатах, и отправила статью в известный журнал. Но такие журналы не любят публиковать негативные новости. Я это знала. Знала и то, что журнал обратится к трем знаменитым ученым с просьбой прокомментировать мою статью. А вот журнал не знал, что знаменитые ученые подписали выгодные контракты с отделением «КВХ» в Сиэтле по созданию на основе новейших достижений биотехнологии препаратов для лечения других болезней. Они незамедлительно сообщили о моей статье в Сиэтл. Оттуда информация поступила в Базель и Ванкувер.

Лара протягивает ему сложенный белый листок. Он разворачивает его, а по спине бегут мурашки. Он уже знает, что ему предстоит прочитать:

«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ШЛЮХА. НЕ ТЯНИСЬ ВОНЮЧИМИ РУКАМИ К НАШЕМУ УНИВЕРСИТЕТУ. ВОЗВРАЩАЙСЯ В БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СВИНАРНИК. ПЕРЕСТАНЬ ПОРТИТЬ ЖИЗНЬ ПОРЯДОЧНЫМ ЛЮДЯМ СВОИМИ ПРОДАЖНЫМИ ТЕОРИЯМИ».

Большие буквы, распечатанные на принтере. Правильное построение фраз. Ни единой грамматической ошибки. «Мы это уже проходили», — думает Джастин.

— По соглашению с «КВХ» университет Доуса получал долю прибыли с мировых продаж «Дипраксы», — продолжает она, небрежно выхватив из его рук письмо. — Сотрудники, верные руководству больницы, получают привилегированные акции. Остальные — такие вот письма. Верность больнице котируется выше верности пациентам. А превыше

всего — верность «КВХ».

— Этот пасквиль написала Холлидей, — говорит Эми, вplывая в кабинет с подносом: она принесла кофе и печенье. — Холлидей — главная лесбиянка медицинской мафии Доуса. В больнице у всех есть выбор: целовать ей задницу или умереть. Все и целовали. За исключением меня, Лары да еще двух-трех идиотов.

— Откуда вы знаете, что написала она? — спрашивает Джастин.

— Провели анализ ДНК этой коровы. С марки на конверте взяли образец ее слюны. Она любит заниматься в тренажерном зале больницы. Мы с Ларой украли волосок с ее розовой щетки для волос и сравнили ДНК.

— Кто-нибудь предъявил ей обвинение?

— Естественно. Совет больницы. Корова призналась. Сказала, что перегнула палку, выполняя свои обязанности, которые заключаются исключительно в защите интересов больницы. Сорвала аплодисменты. Сослалась на эмоциональный стресс, что на ее языке означает сексуальную зависть. Дело закрыли, корову поздравили. Потом вышибли из больницы Лару. Я — следующая.

— Эмрих — коммунистка, — объясняет Лара без тени иронии. — Она русская, выросла в Петербурге, когда он звался Ленинградом, училась в советских институтах, следовательно, она коммунистка и враг монополий. Удобное объяснение.

— Эмрих и не создавала «Дипраксу», не так ли, дорогая? — напоминает ей Эми.

— Создатель «Дипраксы» — Ковач, — с горечью соглашается Лара. — Ковач — абсолютный гений. Я же годилась только в лаборантки. Но Лорбир был моим любовником и потребовал от Ковач поделиться со мной славой.

— Поэтому они больше не платят тебе денег, не так ли, дорогая?

— Нет. На то есть другая причина. Я нарушила условия конфиденциальности, то есть заключенный нами контракт потерял силу. Это логично.

— Лара еще и проститутка, не так ли, дорогая? Трахалась с симпатичными парнями, которые послали ее в Ванкувер, только на самом деле этого не было. В Доусе никто не трахается. И все мы здесь христиане, за исключением евреев.

— Поскольку препарат убивает пациентов, я очень сожалею о том, что создала его, — говорит Лара, предпочитая пропустить мимо ушей последние реплики Эми.

— Когда вы в последний раз видели Лорбира? — спрашивает Джастин, едва они вновь остаются вдвоем.

Голос ее смягчается, но в нем все еще чувствуется настороженность.

— Он был в Африке.

— Когда?

— Год тому назад.

— Меньше года, — поправляет ее Джастин. — Моя жена разговаривала с ним в больнице Ухуру шесть месяцев тому назад. Его апология, или как там он ее называет, прислана из Найроби несколько дней тому назад. Где он сейчас?

Лара Эмрих не любит, когда ее поправляют.

— Вы спросили, когда я последний раз видела его, — резко отвечает она. — Год тому назад. В Африке.

— Где в Африке?

— В Кении. Он вызвал меня. Груз улик придавливал его к земле. «Лара, ты мне нужна. Дело важное и срочное. Никому ничего не говори. Я оплачу расходы. Приезжай». Меня тронули его слова. Я сказала в Доусе, что у меня заболела мать, и улетела в Найроби. Прибыла в пятницу.

Марк встретил меня в аэропорту. Уже в автомобиле сказал: «Лара, возможно ли, что наш препарат увеличивает внутричерепное давление, пережимает зрительный нерв?» Я ответила ему, что все возможно, поскольку нет достоверной статистики, хотя мы и пытались это исправить. Он привез меня в деревню и показал женщину, которая не могла встать. Ее мучили жуткие головные боли. Он привез меня в другую деревню, где женщина не могла

сфокусировать взгляд. А когда она выходила из хижины, у нее темнело перед глазами. Он рассказал мне о других случаях. Врачи не шли на откровенный разговор. Они боялись. «Три Биз» подавляет любую критику препарата», — сообщил мне Марк. Он тоже боялся. Боялся «Три Биз», боялся «КВХ», боялся больных женщин, боялся бога. «Что мне делать, Лара? Что мне делать?» Он говорил с Ковач, которая находилась в Базеле. Она посоветовала ему не паниковать. Это, мол, не побочные эффекты «Дипраксы», а результат неудачного сочетания с другим препаратом. Для Ковач это типичный ответ. Она вышла замуж за богатого серба и проводит в опере больше времени, чем в лаборатории.

— И что он сделал?

— Я рассказала ему все как есть. Он наблюдал в Африке то, что я видела в больнице Доуса в Саскачеване. «Марк, это те самые побочные эффекты, которые я описала в моем отчете, отправленном в Ванкувер, основанном на объективных клинических испытаниях, в которых участвовали шестьсот пациентов». Но он по-прежнему вопрошал: «Что же мне делать, Лара? Что мне делать?» Я ему ответила: «Марк, ты должен проявить мужество, ты должен сделать то, от чего отказываются корпорации, ты должен изъять препарат из продажи, чтобы довести его до ума». Он заплакал. То была последняя ночь, которую мы провели как любовники. Я тоже плакала.

Невесть откуда взявшаяся злоба охватила Джастина, неприязнь, объяснить причины которой он не мог. Его возмущало, что эта женщина выжила? Он негодовал из-за того, что она спала с мужчиной, который предал Тессу. Даже теперь она говорила о Лорбире с нежностью! Джастина оскорбляло, что она сидит перед ним, прекрасная, живая, занятая мыслями о себе, тогда как Тесса, мертвая, лежит рядом с их сыном? Он обижался на то, что Лару заботила не судьба Тессы, а ее собственная?

— Лорбир в разговоре с вами упоминал Тессу?

— Когда я приезжала в Кению — нет.

— А когда?

— Он написал мне, что здесь есть женщина, жена английского дипломата, которая требует от «Три Биз» прекратить продажу «Дипраксы», шлет письма, требует встречи с руководством. Эту женщину поддерживает врач одного из гуманитарных агентств. Фамилии врача он не упомянул.

— Когда вы получили это письмо?

— На мой день рождения. Марк всегда помнит мой день рождения. Он поздравил меня и написал об английской женщине и ее любовнике-африканце.

— Он предполагал, что с ними может случиться?

— Он тревожился за нее. Написал, что она прекрасная и очень печальная. Думаю, его влекло к ней.

Джастин вдруг подумал о том, что Лара приревновала Марка к Тессе.

— А врач?

— Марк восхищается всеми врачами.

— Откуда он вам написал?

— Из Кейптауна. Он проверял, как «Три Биз» продает «Дипраксу» в Южной Африке, сравнивал с тем, что видел в Кении. Он уважал вашу жену. Храбрость — не сильная черта Марка.

— Где он с ней встречался?

— В больнице в Найроби. Она набросилась на него с претензиями. Он огорчился.

— Почему?

— Ему пришлось проигнорировать ее. Марк верит: если он кого-то игнорирует, особенно женщин, их это обижает.

— Тем не менее он сумел предать ее.

— Марк склонен к преувеличениям. У него богатое воображение. Говоря, что предал ее, он, возможно, выражался фигурально.

— Вы ответили на его письмо?

— Как всегда.

— Куда вы его отправили?

— По адресу, который дал мне Марк: абонентский ящик в Найроби.

— Он упоминал женщину по имени Ванза? В больнице Ухуру она лежала в одной палате с моей женой. Ванза умерла от «Дипраксы».

— Этот случай мне неизвестен.

— Я не удивлен. Все упоминания о ее пребывании в больнице исчезли.

— Такое возможно. Марк мне об этом рассказывал.

— Когда Лорбир приходил в палату моей жены, его сопровождала Ковач. Что Ковач делала в Найроби?

— Марк хотел, чтобы я вновь прилетела в Найроби, но в тот момент мои отношения с «КВХ» и больницей испортились. Они прознали о моем визите в Кению и уже угрожали уволить меня из больницы, на том основании, что я солгала насчет матери. Поэтому Марк позвонил Ковач в Базель, убедил прилететь в Найроби вместо меня и на месте разобраться в ситуации. Он надеялся, что она разделит с ним трудное решение и они оба убедят «Три Биз» изъять препарат. В отделении «КВХ» в Базеле поначалу не хотели отпускать Ковач в Найроби, но потом согласились, с условием, что ее приезд будет держаться в секрете.

— Даже от «Три Биз»?

— От «Три Биз» секретов быть не могло. Они держали руку на пульсе, да и Марк был их консультантом. Ковач провела в Найроби четыре дня, а потом вернулась в Базель, к преступнику-сербу и опере.

— Она написала отчет?

— То, что она написала, я бы не назвала отчетом. Меня учили, что научный отчет — это сбор, обобщение и анализ информации. В ее отчете науки не было. Только полемика.

— Лара.

— Что? — она вскинула на него глаза.

— Бирджит по телефону зачитывала вам письмо Лорбира. Его апологию. Его признание. Как бы он его ни называл.

— И что?

— Как вы воспринимаете это письмо?

— Как свидетельство того, что Марк никак не может искупить свои грехи.

— Какие грехи?

— Он — слабый человек, который ищет силу не там, где следует. К сожалению, именно слабые уничтожают сильных. Возможно, он совершил что-то очень плохое. Иногда он просто влюблен в свои грехи.

— Если бы вы захотели его найти, где бы вы искали?

— Мне нет необходимости его искать. — Джастин ждал. — У меня есть только абонентский ящик в Найроби.

— Вы мне его назовете? Ее депрессия усилилась.

— Я вам его запишу, — она открыла блокнот, что-то записала, вырвала листок, протянула ему. — Если бы я его искала, то спрашивала бы тех, кому он причинил вред.

— В пустыне?

— Может, и это фигуральное выражение, — агрессивные нотки уходят из ее голоса, как уже ушли из голоса Джастина. — Марк — ребенок, — объясняет она. — Он действует импульсивно, а потом реагирует на последствия, — на ее губах мелькнула улыбка, и улыбка у нее прекрасная. — Зачастую он очень удивляется последствиям.

— Кто или что дает ему импульс?

— Когда-то эта роль отводилась мне.

Джастин поднимается слишком быстро, с намерением сложить бумаги, которые она ему дала, и сунуть в карман. Голова у него идет кругом, к горлу подкатывает тошнота. Он протягивает руку к стене, чтобы опереться, но Лара ее перехватывает.

— В чем дело? — резко спрашивает она, не отпуская его руку, пока он вновь не

опускается на стул.

— У меня иногда кружится голова.

— Почему? У вас высокое давление? Вам не следует носить галстук. Расстегните воротник. Что вы так на меня смотрите?

Она прижимает ладонь к его лбу. На него наваливаются слабость и усталость. Она оставляет его, возвращается со стаканом воды. Он выпивает треть, возвращает ей стакан. Движения ее уверенные, но нежные. Он чувствует на себе ее взгляд.

— У вас температура, — с упреком говорит она.

— Возможно.

— Точно. У вас температура. Я отвезу вас в отель.

Это тот самый момент, о котором предупреждал инструктор на курсах безопасности. Момент, когда скука, безразличие или лень берут над тобой верх, а может, ты так устал, что тебе на все наплевать. Когда ты можешь думать только о том, как бы добраться до своего паршивого мотеля, плюхнуться в кровать и заснуть, а уж утром, на свежую голову, отправить тетушке Хэма в Милан толстую бандероль со всеми бумагами, полученными от Лары, включая и неопубликованную статью о побочных эффектах «Дипраксы», таких, как ухудшение зрения, кровотечение, слепота и смерть, а также записку с абонентским ящиком Марка Лорбира в Найроби и еще подробные сведения о планах на будущее, на случай, что какие-то силы, неподвластные твоему контролю, помешают их реализации. Тот самый момент, когда и совершаются ошибки, когда присутствие прекрасной женщины, такой же парии, как ты, стоящей рядом с тобой и добрыми пальцами прощупывающей твой пульс, не может служить поводом для несоблюдения основных принципов безопасности в оперативной деятельности.

— Вам нельзя показываться со мной, — вяло возражает он. — Они знают, что я здесь. Вам будет только хуже.

— Хуже уже некуда, — возражает она. — У меня везде сплошные минусы.

— Где ваш автомобиль?

— В пяти минутах. Вы можете идти?

И в этот самый момент Джастин, в состоянии полного физического истощения, с радостью находит себе оправдание: хорошие манеры и рыцарскую честь, впитанные им с итонской колыбели. Одинокую женщину нельзя отпускать одну в ночной город, ее должно охранять от бандитов, хулиганов и бог знает кого. Он встает. Она берет его под руку, и на цыпочках они пересекают гостиную, направляясь к лестнице.

— Доброй ночи, детки! — кричит вслед Эми через закрытую дверь. — Оттянитесь от души.

— Спасибо вам за доброту, — отвечает Джастин.

Глава 19

По лестнице, ведущей к выходной двери, Лара спускается первой, с сумкой в одной руке, держаась второй за перила, через плечо поглядывая на Джастина. В прихожей снимает с вешалки его куртку, помогает ему одеться. Надевает свое пальто, меховую шляпу а-ля Анна Каренина, собирается подставить плечо сумке Джастина, но итонская галантность восстает против этого, и ее карие, с прищуром глаза наблюдают, как англичанин, плотно сжав губы, чтобы подавить стон боли, поправляет лямку уже на своем плече. Сэр Джастин открывает ей дверь и ахает, потому что мороз начинает рвать его острыми когтями, словно не замечая ни стеганой куртки, ни ботинок на меху. На тротуаре доктор Лара берет его левой рукой за левое предплечье, а правой поддерживает его сзади, и вот тут даже итонское хладнокровие не удерживает его от крика боли: так спинные нервы реагируют на ее прикосновение. Оба молчат, но их взгляды встречаются, когда он отворачивает голову от того места, которое болит. В глазах под шляпой а-ля Анна Каренина читается тревога, они очень напоминают ему другие глаза. И правая рука больше не поддерживает спину, а присоединилась ко второй руке,

на левом предплечье. Она сбавляет шаг, подстраиваясь под него. Бедро к бедру, они шагают по заледеневшему тротуару, пока она вдруг не останавливается как вкопанная, не отпуская его предплечья, и смотрит через дорогу.

— Что такое?

— Ничего. Этого следовало ожидать.

Они на городской площади. Маленький серый автомобиль неопределенной модели стоит в одиночестве под оранжевым фонарем. Очень грязный, несмотря на мороз. Антенну заменяет торчащий из гнезда кусок проволоки. Автомобиль выглядит зловещим и одновременно беззащитным. Такое ощущение, что он вот-вот взорвется.

— Это ваш? — спрашивает Джастин.

— Да. Но толку от него никакого. Великий шпион замечает то, что уже увидела Лара. Спустило переднее колесо.

— Не волнуйтесь. Колесо мы поменяем, — решительно заявляет Джастин, на мгновение забыв о сильном морозе, избитом теле, позднем часе, наставлениях по безопасности.

— Не поможет, — мрачно отвечает она.

— Отнюдь. Мы включим двигатель. Вы сможете посидеть в кабине, в тепле. У вас есть запаска и домкрат, не так ли?

Теперь они уже перешли на противоположный тротуар, и он увидел то, что она предчувствовала: второе переднее колесо тоже спустило. Охваченный жаждой действия, он пытается освободиться от ее рук, но она крепко держит его, и он понимает, что дрожит Лара совсем не от холода.

— Такое случается часто? — спрашивает он.

— Более чем.

— Вы звоните в мастерскую?

— По ночам они не приезжают. Я поймаю такси. Утром, когда вернусь, на стекле будет штрафная квитанция за неправильную парковку. Может, и еще одна, штраф за ненадлежащее состояние автомобиля. Иногда они увозят автомобиль, и мне приходится забирать его в очень неудобном месте. Бывает, что нет такси, но сегодня нам повезло.

Он следит за ее взглядом и видит такси в дальнем конце площади. В салоне горит лампочка, работает двигатель, за рулем сидит водитель. По-прежнему держа Джастина за руку, она тянет его за собой. Он проходит несколько ярдов, потом останавливается, в голове звенит сигнал тревоги.

— В этом городе такси в столь поздний час стоят в ожидании пассажиров?

— Это неважно.

— Наоборот. Очень, очень важно. Отвернувшись от нее, он замечает второе такси, которое стоит в затылок первому. Видит его и Лара.

— Не говорите глупостей. Посмотрите. Там целых два такси. По одному на каждого. А может, мы возьмем одно. Тогда я сначала завезу вас в отель. Еще подумаем. Это неважно.

И, забыв о его состоянии, а может, просто теряя терпение, она дергает его за руку, но он освобождается и загораживает ей дорогу.

— Нет, — говорит он.

Его нет означает: «Я отказываюсь». Означает: «Я вижу нелогичность ситуации. Если я спешил раньше, то теперь спешить не буду и вам не позволю. Слишком много совпадений. Мы на пустой площади богом забытого городка, посреди тундры в морозную мартовскую ночь, когда спит даже единственная в городе лошадь. Ваш автомобиль сознательно обездвижили. Одно такси стояло, как по заказу. Теперь к нему присоединилось второе. Кого еще могут ждать эти такси, как не нас? Неразумно предполагать, что люди, которые проткнули колеса вашего автомобиля, теперь с радостью отвезут вас домой, а меня — в мотель».

Но Лара не читает его мыслей. Она машет рукой ближайшему водителю, направляется к такси. Джастин хватается за другую руку, оттаскивает назад. Резкое движение причиняет

ему боль, Лару — злит. Ее и без того достаточно шпыняли.

— Оставьте меня в покое. Отойдите от меня! Отдайте!

Он схватил ее сумку с документами. Первое такси отвалило от тротуара. Второе последовало за ним. Конкуренция в борьбе за клиента? Или причина в том, что они работают в паре? В цивилизованной стране не скажешь, кто есть кто.

— Быстро к машине, — приказывает он ей.

— К какой машине? На что она годится? Вы сошли с ума.

Она тянет на себя свою сумку, но он уже роется в ней, среди бумаг, салфеток, всего прочего, что затрудняет поиски.

— Дайте мне ключи от автомобиля, Лара, пожалуйста!

Он находит в сумке кошелек, открывает. Ключи уже у него в руке, большущая связка ключей, их хватит на все замки Форт-Нокс [75]. Зачем одинокой, отовсюду изгнанной женщине столько ключей? Он спешит к ее автомобилю, перебирая ключи, крича: «Который из них? Который?» Тянет ее за собой, не отдает ей сумку, вытаскивает под свет уличного фонаря, где она может указать ему нужный ключ. Она и указывает, пусть и с неохотой, шипит: «Теперь у вас есть ключ от автомобиля со спущенными колесами! Вам полегчало? Настроение улучшилось, сил прибавилось?»

Так она разговаривала и с Лорбиром?

Такси огибают площадь, направляясь к ним, второе в затылок первому. Едут не торопясь, никакой агрессивности в них не чувствуется. А вот скрытая угроза присутствует, Джастин в этом убежден. Уверен, что ничего хорошего ждать от тех, кто сидит в такси, не приходится.

— У вас центральная блокировка? — кричит он. — Ключ сразу открывает все дверцы?

Она не знает или слишком разъярена, чтобы ответить. Он уже опустился на колени, зажал ее сумку под мышкой, пытается вставить ключ в замочную скважину дверцы со стороны пассажирского сиденья. Смахивает лед кончиками пальцев. Морозом кожу прихватывает к металлу, мышцы вопят от боли чуть ли не громче, чем голоса в голове. Она дергает за свою сумку и кричит на него. Дверца открывается, и он хватается за руки женщины.

— Лара. Ради любви к господу, вас не затруднит заткнуться и немедленно сесть в машину?

Сочетание вежливости и грубости действует безотказно. Она в недоумении таращится на него. Он бросает сумку в кабину. Она кидается следом, как собака за мячом, плюхается на переднее сиденье, Джастин захлопывает дверцу. Обходит автомобиль сзади. Одновременно второе такси выходит из тени первого, резко набирает скорость. Он отпрыгивает обратно к тротуару, так что такси лишь задевает полу его куртки. Лара изнутри открывает ему водительскую дверцу. Второе такси возвращается к первому. Они останавливаются по центру мостовой в сорока ярдах позади. Джастин поворачивает ключ в замке зажигания. На ветровом стекле слой инея, но заднее — чистое. Двигатель кашляет, как старый осел. «Глубокой ночью? — как бы спрашивает он. — На таком морозе? Я еще должен работать?» Джастин вновь поворачивает ключ.

— Бензин в баке есть?

В боковое зеркало он видит, как из каждого такси выходят по два человека. Должно быть, двое прятались на задних сиденьях. Один держит в руках бейсбольную битку, другой — непонятный предмет: бутылку, гранату, а возможно, огнетушитель. Все четверо направляются к их автомобилю. Слава богу, двигатель заводится. Джастин жмет на газ, снимает автомобиль с ручного тормоза. Но в автомобиле автоматическая коробка передач, а Джастин не может вспомнить, как она работает. Поэтому вдруг нажимает на педаль тормоза. Но приходит в себя и снова жмет на газ. Автомобиль трогается с места, трясась, протестуя. Руль не желает поворачиваться. В зеркале Джастин видит, что мужчины прибавляют шаг. Он осторожно придавливает педаль газа. Передние колеса визжат, автомобиль бросает из стороны в сторону, но он движется все быстрее. Мужчин охватывает тревога, они уже бегут. Одежда позволяет: шинели, ботинки на каучуковой подошве. На одном, который с

бейсбольной битой, матросская шерстяная шапка с помпоном. Остальные в меховых шапках. Джастин бросает короткий взгляд на Лару. Она поднесла руку к лицу, два пальца зажаты зубами. Второй рукой она упирается в приборный щиток. Глаза закрыты, она что-то шепчет, возможно, молится, Джастина это удивляет, потому что до этой минуты он воспринимал ее как богиню, тогда как ее любовника Лорбира ни в грош не ставил. Они оставляют позади маленькую площадь и уже трясутся по плохо освещенной улице. В домах не горит ни одного окна.

— Где самая освещенная часть города? Самая оживленная? — спрашивает он. Лара качает головой.

— Где железнодорожный вокзал?

— Слишком далеко. У меня нет денег.

Она, похоже, думает, что город им предстоит покинуть на пару. Дым или пар, поднимающийся из-под капота, и отвратительный запах горячей резины напоминают ему о студенческих бунтах в Найроби, но он продолжает жать на педаль газа, смотрит на мужчин в боковое зеркало и думает о том, как нескладно они все сделали. Должно быть, их подготовка оставляла желать лучшего. Более квалифицированная команда никогда бы не бросила автомобили. Им бы сейчас вернуться к такси, по крайней мере вернуться могли бы двое, но они об этом и не думали, возможно, потому, что расстояние до автомобиля Лары сокращалось и все зависело от того, кто первым сломается: эти мужчины или этот автомобиль. Дорожный знак на английском и французском извещал о приближении к перекрестку. Будучи полиглотом, он не может не обратить внимание на разницу в языках.

— Где больница? — спрашивает он. Она вынимает пальцы изо рта.

— Доктору Ларе Эрих вход на территорию больницы запрещен, — бубнит бесстрастным голосом.

Он смеется, чтобы встряхнуть ее, подбодрить.

— Значит, мы туда ехать не можем, не так ли? Раз запрещен, то ни в коем разе. Понятное дело. Так где она?

— Налево.

— Как далеко?

— В нормальной ситуации совсем близко.

— Как близко?

— Пять минут. Если дорога свободна, еще меньше.

Дорога свободна, но из-под капота поднимается пар или дым, на асфальте ледяная корка, стрелка спидометра колеблется в районе пятнадцати миль в час, мужчины не выказывают признаков усталости, ступицы передних колес мерзко скребут об лед или асфальт. Внезапно, к полному изумлению Джастина, впереди дорога вливается в схваченную морозом центральную площадь кампуса. Он видит ворота с бойницами и рыцарским щитом. Слева — увитый плющом павильон и три корпуса из стали и стекла, возвышающиеся над ним, как айсберги. Он выворачивает руль влево и еще сильнее давит на педаль газа, но ничего не меняется. Стрелка спидометра падает к нулю. Джастин не понимает, как такое может быть, потому что они по-прежнему движутся, пусть гораздо медленнее.

— Вы тут кого-нибудь знаете?! — кричит он ей. Должно быть, она задавалась тем же вопросом.

— Филя.

— Кто такой Фил?

Она перегибается через спинку сиденья, достает из сумки пачку сигарет, не «Спортсмен», закуривает, протягивает ему, но он мотает головой.

— Мужчины отстали, — она оставляет сигарету себе. Как верный скакун, бежавший до последнего, автомобиль умирает. Передняя ось ломается, едкий черный дым поднимается над капотом, доносящийся снизу треск извещает о том, что автомобиль упокоился посреди площади. Под оступевшими взглядами двух наркоманов из племени кри Джастин и Лара выбираются из машины.

Рабочее место Фила — деревянная сторожка, примыкающая к гаражу машин «Скорой помощи». Обстановка — стол, табуретка, телефон, красный «маячок», обогреватель и календарь, постоянно открытый на декабрь: женщина в колпаке Санта-Клауса демонстрирует свою голую задницу. Фил, в кожаной кепке, сидел на табуретке и говорил по телефону. На выдубленном ветром и солнцем морщинистом лице серебрится щетина. Услышав Лару, она заговорила на русском, он замер, уставившись прямо перед собой, словно хотел убедиться, что обращаются к нему. И лишь убедившись, повернулся к ней. Джастину показалось, что разговор между ними длился вечность: Лара стояла в дверях, он сам переминался с ноги на ногу за ее спиной, Фил сидел на стуле, положив на колени мозолистые руки. Джастин предполагал, что они обсудили всех своих родственников и знакомых, узнали, как чувствует себя дядя или кузен, как идут дела у свата и брата, но наконец Лара отошла в сторону, чтобы пропустить старика. По пандусу он спустился в подземный гараж.

— Он знает, что вам запрещено здесь появляться? — спросил Джастин.

— Это неважно.

— Куда он пошел?

Нет ответа, да он и не нужен. Из глубин гаража поднимается и останавливается рядом с ними новенькая машина «Скорой помощи». Фил, в кожаной кепке, сидит за рулем.

Он отметил, что дом новый и дорогой. Как объяснила Лара, «КВХ» застроила у озера целый квартал, чтобы поселить в нем своих любимых дочерей и сыновей. Она налила ему виски, себе — водки, показала джакузи, продемонстрировала в работе домашний кинотеатр и многофункциональную микроволновую печь, указала место за забором, где парковались Organу, наблюдая за ней, практически семь дней в неделю, с восьми утра до позднего вечера. Они уезжали раньше только в те дни, когда по телевизору показывали важные хоккейные матчи. Она показала ему нелепое ночное небо в спальне, купол с миниатюрными лампочками, имитировавшими звезды, которые ярко вспыхивали или гасли по желанию обитателей огромной круглой кровати, которая стояла под куполом. На какой-то момент создалось ощущение, что они сейчас станут ее обитателями, мужчина и женщина, отвергнутые Системой, что могло быть логичнее? Но тень Тессы промелькнула между ними, момент канул в Лету, пусть ни один из них не сказал ни слова. А вот насчет икон Джастин высказался. Их было пять: святые Андрей, Павел, Петр, Иоанн и сама Дева Мария. С нимбами и руками, сложенными в молитве или вскинутыми к небесам, просящими о благословении или напоминающими о Троице.

— Полагаю, их дал вам Марк, — он никак не ожидал, что Лара религиозна. Она помрачнела.

— Это абсолютно научная позиция. Если бог существует, он будет благодарен. Если нет — все это ерунда.

Покраснела, когда он рассмеялся, потом рассмеялась сама.

Спальня для гостей находилась в цокольном этаже. Решетки на выходящем в сад окне напомнили ему дом Глории. Он спал до пяти утра, час писал тетушке Хэма, потом оделся и на цыпочках поднялся наверх, чтобы оставить записку Ларе и, выскользнув из дома, поймать машину до вокзала. Она сидела у панорамного окна, курила, в той же одежде, что и вчера. Пепельница ломилась от окурков.

— Вы сможете добраться до вокзала на автобусе. Остановка в конце улицы. Он отправляется через час.

Она сварила ему кофе, и Джастин выпил его на кухне. Обсуждать вчерашние события никому не хотелось.

— Может, они — чокнутые грабители, — предположил он, но Лара осталась в кругу своих раздумий. Чуть позже он спросил о ее планах.

— Сколько еще вы можете здесь жить?

— Несколько дней, — рассеянно ответила она. — Неделю.

— А что потом?

— Зависит от обстоятельств, — ответила она. Это неважно. С голода она не умрет.

Какое-то время они молчали.

— Вам пора, — внезапно она вскинула голову. — Будет лучше, если вы подождете на остановке.

Когда он уходил, она стояла к нему спиной, наклонив голову вперед, словно прислушивалась к какому-то подозрительному звуку.

— Вы будете милосердны к Лорбиру, — объявила она. Он не мог определить, то ли она спрашивала, то ли предсказывала.

Глава 20

— Что позволяет себе этот ваш Куэйл, Тим? — прорычал Куртисс, развернувшись на одном каблуке к входящему в просторный кабинет Донохью. Высокими потолками и колоннами, обшитыми тиком, кабинет походил на часовню. Дверь украшали африканские щиты.

— Он — не наш, Кенни. И никогда не был, — ровным голосом ответил Донохью. — Он — карьерный дипломат. Форин-оффис — ничего больше.

— Какой там дипломат? Не видел более изворотливого сукиного сына. Почему он не пришел ко мне, если у него появились вопросы насчет моего препарата? Моя дверь широко открыта. Я не монстр какой-нибудь, не так ли? Чего он хочет? Денег?

— Нет, Кенни. Я так не думаю. Я не думаю, что его мотив — деньги.

«До чего же неприятный у него голос, — думал Донохью, ожидая, пока ему скажут, зачем вызвали. — Наверное, буду помнить до последнего дня. Страшающий и жалующийся. Лживый и жалеющий себя. Но страшающий прежде всего».

— Что им движет, Тим? Ты его знаешь. Я — нет.

— Его жена, Кенни. С ней произошел несчастный случай. Помнишь?

Куртисс вновь повернулся к огромному окну, вскинул руки, словно обращаясь к африканским сумеркам с требованием заставить Куэйла внять голосу разума. За пуленепробиваемым стеклом ушедшая в тень лужайка сбегала к озеру. На холмах поблескивали огни. В небе начали загораться первые звезды.

— С его женой случилось несчастье, — покивал Куртисс. — Ее черный ухажер расправился с ней, не так ли? Своим поведением она просто напрашивалась на это. Мы говорим о Туркане, а не о Суррее. Но я сожалею, само собой. Очень, очень сожалею.

«Но, возможно, не так сожалеешь, как следовало бы», — подумал Донохью.

Он ненавидел все дома Куртисса, от Монако до Мексики. Ненавидел запах йода, тупые лица слуг. Вибрирующие деревянные полы. Ненавидел зеркальные бары, цветы без запаха, которые смотрели на тебя, как скучающие шлюхи, которыми окружал себя Куртисс. Мысленно Донохью объединял их вместе с «Роллс-Ройсами», «Гольфстримом» и яхтой — в безвкусный жестяной дворец, подмявший под себя территорию полудюжины стран. Но больше всего он ненавидел эту ферму-крепость на берегу озера Найваша, с заборами из колючей проволоки, охранниками, диванными подушками, обтянутыми шкурами зебр, полами из красного кафеля, коврами из шкур леопарда, диванами, застеленными шкурами антилоп, барами с розовой подсветкой, спутниковым телевизором и спутниковым телефоном, датчиками, фиксирующими малейшее движение и кнопками тревоги, рациями... потому что в этот дом, в эту комнату, на этот антилоповый диван последние пять лет он мчался по первому зову Куртисса, чтобы получать те жалкие крохи информации, которые великий сэр Кенни К. соглашался швырнуть в алчущие челюсти британской разведки. Сюда же его вызвали и этим вечером, по причине ему еще неизвестной, akurat в тот момент, когда он открывал бутылку южноафриканского белого вина, прежде чем сесть за стол и поужинать озерной форелью со своей любимой женой Мод.

"Вот как мы это видим, Тим, старина, уже не знаю, хорошо это или плохо, — читал Донохью на дисплее компьютера текст электронного письма своего регионального директора из Лондона, которое следовало сразу же стереть. — Внешне ты должен поддерживать

дружеский контакт, чтобы полностью соответствовать образу, созданному тобой за последние пять лет. Гольф, выпивка, ленч и т.п., действуй по обстановке, которую ты знаешь лучше меня. Старайся вести себя естественно и принимай деловой вид, поскольку альтернативы: разрыв отношений, последующая яростная реакция субъекта и т.п., учитывая нынешний кризис, весьма чреватые. Лично для тебя сообщаю, что на обоих берегах реки разверзся ад и ситуация день ото дня только ухудшается.

Роджер".

— Почему ты приехал на машине? — воинственно спросил Куртисс, продолжая оглядывать свои африканские акры. — Если бы ты попросил, мы бы прислали за тобой «Бичкрафт». У Дуга Крика всегда наготове пилот. Ты хотел поставить меня в неловкое положение или что?

— Вы же меня знаете, шеф, — иногда, в знак пассивного протеста, Донохью называл его шефом, хотя этот титул на веки вечные закрепился за главой его службы, — Я люблю ездить на автомобиле. Открыть окно, подставить лицо тугой струе воздуха. Для меня лучшего не найти.

— Ездить по этим гребаным дорогам? Ты рехнулся. Я говорил об этом Главному. Только вчера. Вру. В воскресенье. «Знаете, что первым делом видит гребаный турист, когда прибывает в Кениату и садится в автобус, который должен доставить его на сафари? — спросил я его. — Не гребаных львов или жирафов. Ваши дороги, мистер президент. Ваши ухабистые, паршивые дороги». Но Главный видит только то, что хочет, в этом его беда. Плюс — предпочитает передвигаться по воздуху. «И с поездами то же самое, — сказал я ему. — Используйте ваших гребаных заключенных, у вас их предостаточно. Пусть они поправят, где надо, железнодорожное полотно, и дадут поездам шанс». — «Поговори с Джомо», — отвечает он мне. "С каким еще Джомо? — спрашиваю я. «Джомо — мой новый министр транспорта». — «И когда он стал министром?» — спрашиваю я. «Сегодня», — отвечает Главный. Да пошел он на хрен.

— Действительно, пусть идет, — соглашается Донохью и улыбается той улыбкой, которая припасена у него на случай, когда улыбаться совершенно нечему, склонив чуть набок длинную голову, поблескивая желтоватыми белками глаз, поглаживая кончики усов.

Большой кабинет неожиданно заполняет тишина. Африканские слуги вернулись в свои деревни. Израильские телохранители, те, что не патрулируют территорию, сидят в сторожке у ворот, смотрят фильм по кун-фу. Дожидаясь, пока ему разрешат проехать, Донохью увидел пару удушений. Личным секретарям и слуге-сомалийцу приказали уйти в коттеджи для слуг, расположенные на другом конце фермы. Впервые на его памяти в доме Куртисса не звонил ни один телефон. Месяц тому назад Донохью пришлось бы прилагать немало усилий, чтобы перекинуться с Куртиссом хоть словом, угрожать уйти, если тот не уделит ему несколько минут для частного разговора. В этот вечер он не стал бы возражать, если бы зазвонил внутренний телефон или зачирикал спутниковый, установленный на отдельной подставке рядом с широченным письменным столом.

Куртисс по-прежнему стоял у окна, повернувшись к Донохью необъятной спиной. В своем обычном африканском наряде: белая рубашка с двойными манжетами и запонками в виде золотых пчелок «Три Биз», темно-синих брюках, лакированных туфлях с металлическими бляхами на боках и золотых часах на волосатом запястье. Но внимание Донохью привлек черный ремень из крокодиловой кожи. Другие знакомые ему толстяки сдвигали ремень вниз, так что брюхо нависало над ним. Но у Куртисса ремень проходил посередине «арбуза», отчего он более всего напоминал огромного Шалтая-Болтая. Волосы он красил в черный цвет и зачесывал назад, открывая высокий лоб. Он курил сигару и, когда затягивался, всякий раз хмурился. Когда сигара надоедала ему, он мог оставить ее дымиться и на антикварном комодe, и на бесценном столике. Если у него возникало такое желание, потом обвинял кого-то из слуг в краже сигары.

— Полагаю, ты знаешь, что задумал этот мерзавец? — нарушил затянувшуюся паузу Куртисс.

— Главный?

— Куэйл.

— Думаю, что нет. Откуда?

— Разве они тебе не сказали? Или им без разницы?

— Возможно, они ничего не знают, Кенни. Мне сказали лишь одно: он продолжает дело жены, каким бы оно ни было, полностью вышел из-под контроля своих работодателей, действует в одиночку. Мы знаем, что его жене принадлежало поместье в Италии, и выдвигалась версия, что он, возможно, прячется там.

— А как насчет гребаной Германии? — полюбопытствовал Куртисс.

— Что насчет гребаной Германии? — переспросил Донохью, копируя манеру разговора, которую терпеть не мог.

— Он был в Германии. На прошлой неделе. Общался с длинноволосыми либеральными доброхотами, которые используют любой повод, чтобы куснуть «КВХ». Если б не моя мягкость, его бы уже вычеркнули из списков избирателей. Но твои парни в Лондоне этого не знают, не так ли? Их это не волнует. У них есть более важные дела. Я говорю с тобой, Донохью!

Куртисс развернулся к нему лицом. Могучий торс наклонился вперед, мощные челюсти закаменели. Одну руку он сунул в карман брюк, вторую, с сигарой, нацелил на Донохью.

— Боюсь, я не успеваю за вами, Кенни, — Донохью не повышал голоса. — Вы спрашиваете, отслеживает ли моя служба перемещения Куэйла? Я об этом не имею ни малейшего понятия. Наши национальные секреты под угрозой? Я в этом сомневаюсь. Наш ценный источник информации сэра Кеннетта Куртисса нуждается в защите? Но мы никогда не обещали защищать ваши коммерческие интересы, Кенни. Я не думаю, что хоть одной разведке мира такое под силу, как в финансовом плане, так и в остальном.

— Да пошел ты на хер! — Куртисс обеими руками оперся о стол, навис над ним, как гигантская горилла. Но Донохью лишь улыбнулся в ответ, не выказывая страха. — Если мне того захочется, я могу одной рукой закопать твою гребаную контору! — проорал Куртисс. — Ты это знаешь?

— Мой дорогой друг, я никогда в этом не сомневался.

— Я угощаю ленчем парней, которые платят тебе жалованье. Я катаю их на своей яхте. Девки. Икра. Шампанское. На период выборов они получают от меня помещения, автомобили, наличные, секретарш с большими сиськами. Я веду дела с компаниями, прибыль которых в десять раз больше годовых расходов твоей конторы. Если я расскажу им все, что знаю, от вас не останется камня на камне. Вот я и говорю, пошел на хер, Донохью.

— Говорите, Куртисс, говорите, — устало пробормотал Донохью, как человек, который уже не раз это слышал, как, собственно, и было.

Но при этом напрягал ум, стараясь понять, чем вызваны эти вопли. Куртисс и раньше закатывал скандалы. Донохью уже не мог сосчитать, сколько раз ему приходилось сидеть здесь, на этом самом диване, дожидаясь, пока стихнет буря. Если Куртисс совсем уж не стеснялся в выражениях, он поднимался и покидал кабинет. Возвращался, лишь когда Кенни звал его и извинялся, иной раз выдавливая из себя одну-две крокодиловых слезы. Но в этот раз у Донохью сложилось ощущение, что он сидит на пороховой бочке. Вспомнил долгий взгляд, которым одарил его Дуг Крик у ворот, чрезмерно слащавую вежливость помощника Куртисса: «О, добрый вечер, мистер Донохью, сэр, я немедленно доложу шефу о вашем прибытии». И с нарастающей тревогой он вслушивался в мертвую тишину, опускающуюся на кабинет, как только смолкало эхо криков Куртисса.

Мимо окна прошли два израильянина в шортах, ведя на поводке сторожевых собак. На лужайке возвышались огромные желтые пинкнеи. Мартышки прыгали по ним, приводя собак в бешенство. Под деревьями сочно зеленела регулярно поливаемая озерной водой травка.

— Твоя контора ему платит! — выдвинул Куртисс неожиданное обвинение. — Куэйл — ваш человек! Так? Действует по вашим приказам, чтобы вы могли согнуть меня в бараний рог. Так?

Донохью привычно улыбнулся.

— Именно так, Кенни. Разве может у нас быть иная цель, кроме как навредить вам?

— Почему вы так поступаете со мной? Я имею право это знать! Я — сэр Кеннетт Куртисс, черт побери! Только в прошлом году я перевел в партийные фонды полмиллиона гребаных фунтов. Я обеспечивал вас, гребаную британскую разведку, бесценной информацией. Я помогал вам, добровольно, в очень щекотливых делах. Я...

— Кенни, — мягко прервал его Донохью. — Замолчите. Не перед слугами, хорошо? А теперь послушайте меня. С какой стати нам поощрять Джастина Куэйла на борьбу с вами? С чего моей службе, которая и так находится под неусыпным надзором Уайтхолла, создавать себе дополнительные трудности, выводя из игры такого ценного агента, как Кенни К.?

— Потому что вы сделали все, чтобы перекрыть мне кислород, вот почему! Потому что вы дали команду банкам Сити потребовать возврата кредитов! Десять тысяч англичан могут потерять работу, но кто об этом думает, если есть возможность дать пинка Кенни К.? Потому что вы посоветовали вашим друзьям-политикам держаться подальше от Кенни К., чтобы он не утащил их в пропасть вместе с собой. Не делали вы этого? Не делали? Я спрашиваю, не делали?

Донохью торопливо отделял информацию от вопросов. «Банки Сити потребовали возврата кредитов? Лондон знает? Если да, почему, скажите на милость, Роджер не предупредил меня?»

— Для меня это неприятный сюрприз, Кенни. Когда банки это сделали?

— Какая разница? Сегодня. Во второй половине дня. По телефону и факсом. Позвонили, чтобы сказать, прислали факс на случай, если я забыл, отправили курьера на случай, если я не читаю гребаных факсов.

«Тогда Лондон знает, — подумал Донохью. — Но, если знает, почему меня оставили в неведении?» И понял, что разбираться с этим придется позже.

— Банки объяснили свое решение, Кенни? — успокаивающим тоном спросил он.

— Вроде бы у них возникли этические возражения. Их не устраивают методы нашей торговли. Какие гребаные методы? При чем тут этика? Они думают, что Африка ничем не отличается от какого-нибудь маленького графства к востоку от Лондона. Они, мол, потеряли уверенность в правильности нашей рыночной стратегии. Кто убедил их потерять эту гребаную уверенность? Твои люди! И еще разные слухи. Да пошли они все. Я это уже проходил.

— А ваши друзья-политики... которые умыли руки... которых мы не предупреждали?

— Позвонила какая-то «шестерка» из номера десять, которому в зад и в рот загнали по картофелине. Звоню по поручению такого-то и такого-то. Они вам бесконечно признательны, но сложившаяся обстановка требует, чтобы они были святее Папы, поэтому возвращают ваши щедрые пожертвования в партийный фонд и спрашивают, на какой счет перевести деньги, потому что чем быстрее мои деньги уйдут из их гребаной бухгалтерии, тем радостней будет у них на сердце. И давайте сделаем вид, что вы нам ничего и не жертвовали. Знаешь, где он сейчас? Где был два дня тому назад?

Донохью потребовалась пара секунд, чтобы понять, что Куртисс говорит не о «шестерке» из дома 10 по Даунинг-стрит, а о Джастине Куэйле.

— В Канаде. Гребаном Саскачеване! — фыркнул Куртисс, отвечая на свой же вопрос. — Надеюсь, отморозил там задницу.

— И чего его туда занесло? — спросил Донохью, заинтригованный не столько тем, что Джастин очутился в Канаде, как легкостью, с которой Куртисс мог идти по его следу.

— Там есть какой-то университет. В университете — женщина. Ученая сучка. Она вдруг, в нарушение своего контракта, начала рассказывать всем и каждому, что ее препарат смертельно опасен. Куэйл спутался с ней. Через месяц после смерти его жены, — голос Куртисса вновь стал громовым. — У него поддельный паспорт, чтоб ему сдохнуть! Кто дал ему поддельный паспорт? Ваши люди. Он расплачивается наличными. От кого он их получает? От вас. Каждый раз он выскальзывает из наброшенной ими сети, как гребаный

угорь. Кто его этому научил? Вы!

— Нет, Кенни. Мы тут ни при чем. Совершенно ни причем.

«Из выброшенной ими сети, — подумал Донохью. — Не нами».

А Куртисс орал все громче.

— Тогда, возможно, тебя не затруднит сообщить мне, о чем думает мистер Портер гребаный Коулридж, выдавая кабинету министров неверную информацию, позорящую мою компанию и мой препарат? Какого хрена он угрожает пойти на Флит-стрит, если ему не будет обещано, что палата лордов и эти лунатики из Брюсселя проведут полномасштабное независимое расследование? И почему эти кретины в твоей конторе позволяют ему все это выделывать, более того, поощряют его?

«И как ты об этом прознал?» — молча изумлялся Донохью. Каким образом Куртиссу, пусть человеку достаточно влиятельному и с большими связями, удалось заполучить в свои волосатые лапы совершенно секретную информацию, которая в виде шифровки поступила к нему самому лишь восемь часов тому назад? Задав себе этот вопрос, Донохью, тертый калач, быстро нашел ответ. Радостно улыбнулся, довольный собой, не без удовольствия отметив, что в этом мире дружба по-прежнему что-то да значит.

— Разумеется, старина Бернард Пеллегрин ввел вас в курс дела. Смелый поступок. И очень своевременный. Мне остается только надеяться, что я на его месте поступил бы так же. Не зря я всегда уважал Бернарда.

Его улыбающиеся глаза впились в побагровевшее лицо Куртисса, наблюдая, как на нем отразилась тревога, сменившаяся презрением.

— Этот тонкорукый гомик? Да разве он способен на что-то дельное? Я держал для него теплое местечко на случай его ухода в отставку, но этот мерзавец не шевельнул и пальцем, чтобы защитить меня. Хочешь выпить? — Куртисс пододвинул к Донохью графин с коньяком.

— Не могу, старина. Лич запрещает.

— Я тебе говорил. Обратись к моему врачу. Дуг даст тебе адрес. Он принимает только в Кейптауне. Мы доставим тебя туда. Возьми «Гольфстрим».

— Поздно менять лошадей, но спасибо, Кенни.

— Никогда не поздно, — возразил Куртисс.

«Значит, Пеллегрин, — подумал Донохью, довольный тем, что подтвердились давнишние подозрения. Он наблюдал, как Куртисс наливает из графина еще одну смертельную дозу коньяка. — Кое в чем твое поведение предсказуемо. К примеру, врать ты так и не научился».

Пятью годами раньше, снедаемые желанием сделать что-то полезное, бездетные супруги Донохью проехали полстраны, чтобы повидаться с африканским фермером, который в свободное от работы время организовал лигу детских футбольных команд. Проблема, естественно, заключалась в деньгах: они требовались на оплату автобусов, которые доставляли детей на матчи, на спортивную форму, на другие необходимые мелочи. Мод как раз получила небольшое наследство, Донохью выплатили страховую премию. К возвращению в Найроби они знали, что деньги пошли на благое дело, и Донохью никогда раньше не чувствовал себя таким счастливым. А оглядываясь назад, жалел о том, что потратил так мало времени на детский футбол и так много — на шпионов. Та же мысль мелькнула у него в голове, когда он наблюдал, как Куртисс опускает свой массивный зад на кресло из тика, кивая и подмигивая, словно добрый дедушка. «Он пускает в ход свое знаменитое обаяние, которое оставляет меня равнодушным», — подумал Донохью.

— Пару дней тому назад я побывал в Хараре, — доверительно сообщил Куртисс, наклонившись вперед. — Этот глупый петух Мугабе назначил нового министра по национальным проектам. Многообещающий молодой человек, должен тебе сказать. Ты знаешь, о ком я говорю, Тим?

— Да, конечно.

— Хороший парень. Он бы тебе понравился. Помогает нам в одном деле. И очень

любит взятки. Я подумал, что тебе следует знать об этом. В прошлом это срабатывало, не так ли? Тот, кто берет взятки от Кенни К., не откажется брать их от конторы Ее Величества. Так?

— Так. Благодарю. Нам это определенно пригодится. Я передам по инстанциям.

Опять кивки и подмигивания, сопровождающиеся добрым глотком коньяка.

— Знаешь новый небоскреб, который я построил рядом с Ухуру-хайуэй?

— Очень красивый, Кенни.

— На прошлой неделе я продал его русскому. Дуг мне говорит, боссу мафии. Большому боссу, не мелкоте, с которой нам приходится здесь сталкиваться. Говорят, он имеет немалую долю в торговле наркотиками, которую держат корейцы, — Куртисс откинулся на спинку кресла, всмотрелся в Донохью с озабоченностью близкого друга. — Эй, Тим. Что с тобой? Ты так побледнел, словно вот-вот потеряешь сознание.

— Я в порядке. Такое со мной иногда случается.

— Это все химиотерапия. Я же предлагал тебе обратиться к моему врачу, а ты все отказываешься. Как Мод?

— У Мод все хорошо, благодарю.

— Возьми яхту. Расслабьтесь, побудьте вдвоем. Скажи Дугу.

— Еще раз благодарю, Кенни, но не хотелось бы афишировать наши отношения. Ты понимаешь.

Кенни кивнул, вздохнул, развел руки. Вот человек, который ничего не берет.

— Ты не присоединяешься к тем, кто не хочет иметь ничего общего с Кенни, Тим? Не собираешься кинуть меня, как банкиры?

— Разумеется, нет.

— И правильно. Ибо пострадаешь прежде всего ты. Этот русский, о котором я тебе говорил. Знаешь, что он припрятал на черный день? Что он показал Дугу?

— Слушаю со всем вниманием, Кенни.

— Я построил под небоскребом подвал. Хотел использовать его как подземный гараж. Подвал обошелся мне в кругленькую сумму, но я решил, что без него никак не обойтись. Четыреста стояночных мест на двести квартир. А этот русский, фамилию которого я собираюсь тебе назвать, заставил подвал большими белыми грузовиками с надписью «ООН» на бортах и дверцах кабины. Сказал Дугу, что они никогда не были в деле. Упали с корабля по пути в Сомали. И теперь он хочет их продать, — он картинно всплеснул руками. — Это же надо? Русская мафия, предлагающая купить грузовики ООН! Мне! Знаешь, чего он хотел от Дуга?

— Расскажите.

— Импортировать их. Из Найроби в Найроби. Мы их вроде бы купим за границей, договоримся с таможней и проведем по нашей бухгалтерии как новые. Если это не организованная преступность, то что? Русский воришка среди бела дня здесь, в Найроби, обдирающий ООН как липку! Это же просто анархия! А я терпеть не могу анархию. Поэтому воспользуйся этой крупницей информации. Передай ее куда следует. С наилучшими пожеланиями от Кенни К. За это я денег не возьму. Как говорится, за счет заведения.

— Они будут счастливы.

— Я хочу, чтобы его остановили, Тим. Немедленно.

— Коулриджа или Куэйла?

— Обоих. Я хочу, чтобы Коулриджа остановили, я хочу, чтобы затерялся этот глупый отчет жены Куэйла... «Господи, — подумал Донохью, — он знает и об отчете».

— Я полагал, что Пеллегрин его уже потерял, — он нахмурился, как хмурятся старики, когда память вдруг им изменяет.

— Бернарда в это не впутывай! Он мне не друг и никогда им не был! Я хочу от тебя одного: скажи своему мистеру Куэйлу, если он и дальше будет доставать меня, я ничем не смогу ему помочь, а зуб точат на него, а не на меня! Понял? С ним бы расправились в Германии, если бы я не замолвил за него словечко. Слышишь?

— Я слышу вас, Кенни. И все передам. Ничего больше обещать не могу.

С медвежьей живостью Куртисс выпрыгнул из кресла и заметался по кабинету.

— Я — патриот! — кричал он. — Подтверди это, Донохью! Я — гребанный патриот!

— Разумеется, Кенни.

— Скажи это вслух. Я — патриот!

— Вы — патриот. Вы — Джон Буль [76]. Вы — Уинстон Черчилль. Что еще я должен сказать?

— Приведи пример моего патриотизма, один из десятков. Лучший пример, который ты можешь привести. Немедленно.

«Куда он гнет?» — гадал Донохью. Но пример привел.

— Как насчет операции в Сьерра-Леоне, которую мы прокрутили в прошлом году?

— Расскажи мне о ней. Давай. Расскажи!

— Нашему клиенту требовалось оружие и боеприпасы.

— И что?

— Мы купили оружие...

— Я купил гребаное оружие!

— Вы купили оружие на наши деньги, мы обеспечили вас подложным сертификатом, в котором указывалось, что оружие предназначено для Сингапура...

— Ты забыл про гребанный корабль!

— «Три Биз» зафрахтовал сухогруз водоизмещением сорок тысяч тонн, и на него погрузили оружие. Корабль растворился в тумане...

— Как бы растворился!

— ...и материализовался в маленькой бухте неподалеку от Фритауна, где наш клиент и его люди сняли с корабля предназначавшийся им груз.

— И я мог бы этого не делать, не так ли? Мог бы сыграть труса. Мог бы сказать: «Вы не по адресу, постучитесь в соседнюю дверь». Но я это сделал. Из любви к нашей гребаной родине. Потому что я — патриот! — продолжил он уже гораздо тише, словно заговорщик. — Ладно. Слушай. Вот что ты сделаешь... что сделает твоя служба... — он вышагивал взад-вперед, в голосе появились командные нотки. — Твоя служба... не Форин-оффис, там сидят маменькины сынки, твоя служба, кто-то из начальников, обратится в банки. Лично. И в каждом банке, список я тебе дам, найдет настоящего англичанина. Или англичанку. Ты меня слушаешь? Тебе придется передать эти слова своим начальникам, когда ты уедешь отсюда, — голос его теперь звучал громче и увереннее.

— Я слушаю, — заверил Куртисса Донохью.

— Это хорошо. Вы соберете их вместе. Этих настоящих англичан. Как мужчин, так и женщин. В каком-нибудь обшитом деревом конференц-зале в Сити. Вы все эти места знаете. И скажете им строго и официально, как умеет говорить британская секретная служба: «Господа. Дамы. Отстаньте от Кенни К. Мы не говорим вам почему. Мы говорим: отстаньте от него во имя королевы. Кенни К. многое сделал для нашей страны, но мы не можем сказать, что именно, и еще больше он сделает. Если вы продлите ему кредиты на три месяца, то послужите нашей стране так же, как служит ей Кенни К.». И они вас послушают. Если один скажет «да», они все скажут «да», потому что это стадо. И другие банки последуют их примеру, из того же стадного чувства.

Донохью и предположить не мог, что ему когда-нибудь доведется жалеть Куртисса. Но если и пожалел, то именно в этот момент.

— Я попрошу их, Кенни. Беда в том, что у нас нет такого влияния. А если бы было, боюсь, нас бы тут же расформировали.

Донохью, конечно, не ожидал, что его слова вызовут столь бурную реакцию. Куртисс взревел, как разъяренный лев. Словно священник, вскинул руки к потолку. Стены задрожали от его громового голоса.

— Вас пора сдать на свалку, Донохью. Вы думаете, что страны управляют этим гребанным миром! Загляните в гребаную воскресную школу. Сейчас там поют: «Боже, храни нашу транснациональную корпорацию!» И вот что еще ты можешь сказать своим друзьям

мистеру Коулриджу и мистеру Куэйлу и кому-то еще, кого вы выставляете против меня. Кенни К. любит Африку, — верхняя половина тела развернулась к панорамному окну, за которым озеро купалось в серебристом лунном свете. — Африка у него в гребаной крови! И Кенни К. любит этот препарат. И Кенни К. сделает все, чтобы донести его до каждого африканского мужчины, женщины и ребенка, которые в нем нуждаются. Он это сделает, и плевать он хотел на всю вашу компанию! А если кто-нибудь попытается встать на пути науки, пусть пеняет на себя. Потому что я не смогу остановить этих парней, больше не смогу, и вы тоже не сможете. Потому что препарат прошел всестороннюю проверку, и проверяли его лучшие специалисты, которых только можно нанять за деньги. И ни один из них, — в голосе слышались истерические нотки, — ни один не сказал о нем ни одного гребаного плохого слова и не скажет. Никогда! А теперь убирайся.

И как только Донохью вышел за дверь, дом наполнила привычная какофония звуков. В коридорах слышались торопливые шаги, с улицы доносился собачий лай, непрерывно трезвонили телефоны.

Выйдя на свежий воздух, Донохью остановился, чтобы ночные ароматы и звуки Африки очистили его от зловонной атмосферы кабинета. Часть звезд прикрыли островки облаков. В ярком свете прожекторов желтели акации. До него донеслось ржание зебры. Вокруг стрекотали насекомые. Дом окружала высокая терраса. Вдали блестело озеро, под террасой, в центре автостоянки, одиноко застыла его машина. По привычке он всегда ставил ее на открытое место. Ему показалось, что за кустами мелькнула какая-то тень. Почему-то подумал, что это Джастин. Вспомнились слова Куртисса о том, что Джастин с поддельным паспортом в течение короткого отрезка времени побывал в Италии, Германии и Канаде. В голову пришла мысль о том, что это не тот Джастин, которого он знал, если, конечно, Куртисс не врал, это Джастин, о существовании которого никто не подозревал, ни его служба, ни Форин-оффис: Джастин-одиночка, подчиняющийся только собственным приказам, Джастин, вступивший на тропу войны, Джастин, решивший выставить напоказ все то, что в прежней жизни помогал скрывать. И если за последние недели Джастин стал таким, если решает именно такую задачу, то где его искать, как не рядом, в озерной резиденции сэра Кеннетта Куртисса, импортера и дистрибьютора «моего препарата»?

Донохью уже спустился на автостоянку, когда услышал за спиной какой-то звук и остановился. «В какую мы играем игру, Джастин? Прятки? А может, это мартышка?» Донохью выставил вперед правый локоть и, подавив желание сказать: «Привет, Джастин» — обернулся, чтобы увидеть стоящего в четырех шагах от него Дуга Крика. Его руки демонстративно висели по бокам, как плети. Мужчина он был крупный, ростом не уступал Донохью, но прожил на свете в два раза меньше. На его широком бледном лице играла дружелюбная улыбка.

— Привет Дуг, — поздоровался Донохью. — Все в порядке?

— Да, сэр, благодарю вас и надеюсь, что могу сказать то же самое о вас.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать? Говорили они шепотом.

— Да, сэр. По пути к Найроби есть поворот к национальному парку «Ворота дьявола», который закрылся час тому назад. Это проселочная дорога, фонарей на ней нет. Я буду там через десять минут.

Донохью сел за руль, медленно подъехал к воротам, где охранник посветил фонариком ему в лицо, а потом в кабину, чтобы убедиться, что на заднем сиденье не лежат украденные леопардовые шкуры. В сторожке кун-фу уступило место порно. Донохью миновал ворота, но скорость не увеличил: дорогой пользовались пешеходы, да и ночных животных хватало. Туземцы сидели и лежали вдоль кюветов. Некоторые поднимали руку, в надежде, что их подвезут. Увидев красочный щит-указатель поворота к национальному парку, Донохью свернул на обочину, остановился, выключил фары и подфарники. Вскоре позади остановился еще один автомобиль. Он приоткрыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, в кабине зажглась лампочка. Луна зашла, облаков не было. Сквозь ветровое стекло Донохью нашел созвездия Тельца и Близнецов. Потом Рака. Крик проскользнул на пассажирское сиденье и

захлопнул дверцу, погрузив кабину в темноту.

— Шеф в отчаянии, сэр. Я его таким еще не видел... никогда, сэр.

— Полагаю, что ты прав, Дуг.

— Откровенно говоря, по-моему, у него поехала крыша.

— Наверное, от переутомления, — в голосе Донохью слышались сочувственные нотки.

— Я весь день провел в коммуникационном центре, обеспечивая его переговоры.

Лондонские банки, потом Базель, снова банки, финансовые компании, о которых он никогда не слышал, предлагавшие ему месячный кредит под сорок процентов, наконец, как он их называет, крысиная свора, политики. Поневоле пришлось все слушать, сэр.

Мать с ребенком на руках поскреблась в ветровое стекло исхудалой рукой. Донохью опустил окно и дал ей купюру в двадцать шиллингов.

— Он заложил свой дома в Париже, Риме и Лондоне, выставил на продажу свой дом на Саттон-Плейс в Нью-Йорке. Он пытается найти покупателя даже для своей футбольной команды, хотя надо быть глухим и слепым, чтобы купить ее. Сегодня попросил своего близкого друга в «Кредит Суиз» о ссуде в двадцать пять миллионов долларов США, пообещав в понедельник вернуть тридцать. Плюс к этому «КВХ» требует платежей за поставленные товары. Если он не найдет наличных, они воспользуются соответствующими пунктами контракта и возьмут под контроль его холдинг.

Семья из трех человек столпилась у окна, беженцы из ниоткуда в никуда.

— Хотите, чтобы я отогнал их? — спросил Крик, потянувшись к дверной ручке.

— Вот этого не надо, — резко бросил Донохью. Включил двигатель, и они на малой скорости покатали вперед. Крик продолжал говорить.

— Он кричит на них, и это все, что он может. Откровенно говоря, жалкое зрелище. «КВХ» не нужны его деньги. Им нужен его бизнес, о чем мы все давно знали, а он — нет. Я не представляю себе, чем все закончится.

— Сожалею, что все так вышло, Дуг. Я всегда думал, что вы с ним живете душа в душу.

— Я тоже, сэр. Признаюсь, я приложил немало усилий, чтобы этого добиться. Я не привык вести двойную игру, знаете ли.

На обочине сбились в кучку несколько «Газелей». Замерли, пока они проезжали мимо.

— Что ты хочешь, Дуг? — спросил Донохью.

— Я вот подумал, может, для меня найдется какая-нибудь работа. Прийти к кому-то, за кем-то наблюдать. Может, вам нужны какие-то документы. — Донохью ждал продолжения. — Плюс к этому у меня есть друг. С ирландских времен. Живет в Хараре, а вот мне там совсем не нравится.

— Что за друг?

— К нему обращались. Он выполняет заказы.

— Обращались насчет чего?

— К нему обратились некие европейцы, друзья его друзей. Предложили ему большие деньги, чтобы убрать белую женщину и ее черного дружка неподалеку от Турканы. Всю техническую сторону, самолеты, автомобили они брали на себя. Сегодня уезжаешь, завтра выполняешь задание и тут же возвращаешься.

Донохью вновь свернул на обочину, остановил машину.

— Дата?

— За два дня до убийства Тессы Куэйл.

— Он согласился?

— Разумеется, нет, сэр.

— Почему нет?

— Он не такой. Во-первых, не трогает женщин. Он работал в Руанде, работал в Конго.

Женщин не трогал и не тронет.

— Так что он сделал?

— Посоветовал поговорить с другими людьми, не столь переборчивыми.

— С кем именно?

— Он не говорит, сэр. А если бы и хотел сказать, я бы ему не разрешил. Есть знания, которые слишком опасны.

— Твое предложение как-то не впечатляет.

— Ну, он готов рассказать и побольше, если вы понимаете, о чем я.

— Не понимаю. Я покупаю имена, фамилии, даты, места. Конкретную информацию. За наличные. Ничего больше.

— Я думаю, он действительно хочет поговорить, сэр. Вы хотите знать, что случилось с доктором Блюмом, включая привязку к карте? Он записал все, что случилось около озера Туркана, со слов своих друзей. Только для ваших глаз, если цена будет подходящая.

К автомобилю подошла еще группа ночных мигрантов, возглавляемая стариком в женской соломенной шляпке.

— Мне кажется, это чушь, — покачал головой Донохью.

— Не думаю, что это чушь, сэр. Уверен, что все так и было. Знаю.

По спине Донохью пробежал холодок. Знаю! Знаю как? Со слов ирландского друга или на основании личных впечатлений?

— Где он? Рассказ о случившемся, который он написал?

— Здесь, сэр. Вы можете получить его в любое удобное для вас время.

— Завтра в полдень я заеду в бар отеля «Серена» на двадцать минут.

— Он рассчитывает на пятьдесят штук, мистер Донохью.

— Я скажу, на что он может рассчитывать, когда посмотрю товар.

До Найроби Донохью добирался час, старательно объезжая рытвины. Однажды чуть не сшиб шакала, спешащего в какой-то национальный парк. Группа женщин в цветастых платьях замахала руками, в надежде, что их подвезут, но он не сбавил скорости. В городе сразу направился в посольство. Об озерной форели пришлось забыть.

Глава 21

— Сэнди Вудроу, — с игривой суровостью заявила Глория, встав перед ним в новом воздушном платье, уперев руки в бока. — Пора тебе поднять флаг!

Она проснулась раньше его и уже расчесала волосы к тому времени, как он побрился. Отправила детей в школу с водителем, потом приготовила яичницу с беконом, которую Сэнди не разрешали, но иной раз девушка имеет право побаловать своего мужчину. О чем и сообщила голосом школьного директора, имитируя его мимику, но ее муж ничего этого не заметил, просматривая, как обычно, найробийские газеты.

— Флаг поднимут в понедельник, дорогая, — рассеянно ответил Вудроу, нарезая бекон. — Милдред осведомлялся в отделе протокола. Траур по Тессе длится дольше, чем по принцу крови.

— Я говорю не об этом флаге, глупыш, — Глория собрала газеты и переложила их на столик для закусок под своими акварелями. — Тебе удобно? Со стула не свалишься? Тогда слушай. Я говорю о том, чтобы устроить классную вечеринку и поднять всем настроение, в том числе и тебе. Уже пора, Сэнди. Действительно пора. Мы должны сказать друг другу: «Да. Это случилось. Здесь, рядом с нами. Мы ужасно об этом сожалеем. Но жизнь все равно продолжается». Тесса нас бы одобрила. Ключевой вопрос, дорогой. Что слышно из Лондона? Когда возвращаются Портеры? — Если речь шла о достаточно близких семейных парах, Глория опускала фамилии, обходясь Портерами или Еленами.

Вудроу накрыл гренок куском яичницы.

— «Отпуск мистера и миссис Портер Коулридж затягивается в связи с необходимостью устроить дочь Розы в частную школу», — процитировал он воображаемого пресс-секретаря. — Ничего больше мне не известно.

Голос его звучал беззаботно, хотя на самом деле происходящее ставило его в тупик. Что все-таки задумал Коулридж? Почему не дает о себе знать? Да, конечно, он в отпуске. Но когда послы отбывают на родину, они оставляют телефоны, адреса, обычные и для

электронной почты. Они готовятся к возвращению, звонят исполняющим обязанности и личным секретарям по малейшему поводу и без оно, интересуются слугами, садом, собаками и работой вверенного им посольства. И злятся, если им намекают, что в их отсутствие работа идет даже лучше. Но от Коулриджа, после его внезапного отъезда, ни словечка. А если Вудроу звонил в Лондон, вроде бы доя того, чтобы получить совет по какому-то пустяковому вопросу, а на самом деле чтобы узнать планы своего начальника, то наткался на глухую стену. «Коулридж в администрации премьер-министра», — отвечали в департаменте Африки. «Коулридж на совещании рабочей группы министерства», — говорили в аппарате постоянного заместителя министра.

И Бернард Пеллегрин, когда Вудроу дозвонился до него по телефону спецсвязи, стоящем на столе Коулриджа, уходил от прямого ответа не хуже остальных. «Обычная суета, — объяснял он, не вдаваясь в подробности. — Премьер-министр затребовал информацию, соответственно, министр должен ее подготовить, вот Коулридж и нарасхват. Всех интересует Африка. Ничего нового».

— Но Портер возвращается или нет, Бернард? Я хочу сказать, эта неопределенность сильно мешает. Всем нам.

— Если я что-то и узнаю, то последним, старина. — Короткая пауза. — Ты один?

— Да.

— Этот маленький говнюк Милдред не приложил ухо к замочной скважине?

Вудроу бросил взгляд на закрытую дверь в приемную и понизил голос: «Нет».

— Помнишь тот отчет, что ты посылал мне не так уж и давно? Страниц двадцать с небольшим... Который написала женщина?

У Вудроу скрутило живот. Спецсвязь отсекала от разговора чужих. Но не его.

— И что?

— Мое мнение... наилучший сценарий... с какой стороны ни посмотри... я его не получал. Затерялся на почте. Идет?

— Вы говорите за себя, Бернард. Я за вас говорить не могу. Если вы его не получили, это ваше дело. Но я его вам посылал. Это все, что мне известно.

— Допустим, ты его не посылал, старина. Допустим, его вообще не было. Его не писали, его не отсылали. Можно это устроить?

— Нет. Это невозможно. Ничего не получится, Бернард.

— Почему? — голос звучал совершенно спокойно, разве что в нем слышался легкий интерес.

— Я отправил его дипломатической почтой. Он зарегистрирован. Адресован лично вам. Фельдъегери за него расписались. Я говорил о нем... — хотел сказать «Скотленд-Ярду», но передумал, — людям, которые сюда приезжали. Пришлось. Они узнали о его существовании еще до встречи со мной. — Страх стал причиной закипевшей в нем злости. — Я рассказывал вам об этом! По существу, предупреждал вас! Бернард, что-то не складывается? Вы заставляете меня нервничать, С ваших слов я понял, что в этой истории поставлена точка.

— Волноваться не о чем, старина. Успокойся. Такое случается. Если из тюбика вылезает чуть больше зубной пасты, чем требуется, остаток можно втянуть назад. Люди говорят, что это невозможно, но все так делают. Как жена?

— Глория в полном порядке.

— Дети?

— Отлично.

— Передай им мои наилучшие пожелания...

— Вот я и решила, что надо устроить грандиозные танцы, — радостно восклицала Глория.

— Превосходная мысль, дорогая, — кивнул Вудроу и, чтобы выиграть время и поймать нить разговора, потянулся за лекарствами, которые она заставляла его выпивать каждое утро: три таблетки из овсяных отрубей, одну капсулу с рыбьим жиром и половинку аспирина.

— Я знаю, что ты ненавидишь танцы, но в этом виноват не ты, а твоя мать, — сладко

проворковала Глория. — Елена в этом участвовать не будет, после того, что она устроила. Я буду лишь держать ее в курсе.

— Да. Хорошо. Но вы уже поцеловались и помирились, не так ли? Я вроде бы не знал. Поздравляю.

Глория прикусила губу. Воспоминания о недавнем конфликте, спровоцированном Еленой, моментально испортили ей настроение.

— У меня есть подруги, Сэнди, ты знаешь, — проямлила она. — Они мне просто необходимы, если по-честному. Ждать тебя целый день в одиночестве очень уж трудно. С подругами можно посмеяться, поболтать, попросить их что-то сделать. Иногда они, конечно, подводят. Но потом снова приходят. Потому что подруги. Я бы хотела, чтобы у тебя был такой друг.

— Я тебя понял, дорогая, но мне пора, — Вудроу обнял ее на прощание, чмокнул в щечку и отбыл.

За вечеринку Глория взялась столь же энергично и эффективно, как и за подготовку похорон Тессы. Прежде всего создала рабочую группу из других жен и младших сотрудников посольства, которые не посмели бы ей отказать. Включила в нее и Гиту, для нее это был важный момент, потому что именно Гита стала яблоком раздора между ней и Еленой и причиной безобразной сцены, воспоминания о которой еще долго преследовали Глорию.

Танцы, устроенные Еленой, надо сказать, удались. Сэнди придерживался мнения, что на вечеринках семейные пары должны разбиваться и общаться не между собой, а с гостями и хозяевами. Так они всегда и делали. Он лучился обаянием. Весь вечер они лишь махали друг другу рукой через зал да проносились мимо на танцевальной площадке. Глория полагала, что это нормально, правда, ей хотелось, чтобы Сэнди пригласил ее хотя бы на один танец, особенно на фокстрот. В общем, вечер Глории особенно ничем не запомнился. Она, правда, подумала, что Елене в ее-то возрасте следует одеваться скромнее, а не выставлять огромный бюст на всеобщее обозрение, и ей не нравилось, что бразильский посол, танцуя самбу, клал ей руку на зад, но Сэнди сказал, что латиноамериканцы по-другому не умеют.

На самих танцах Глория ничего не заметила, хотя всегда полагала себя женщиной наблюдательной, а на следующее утро за кофе в «Мутайга-клуб» ее словно громом поразили слова Елены, когда та рассказала, как бы между прочим, в череде других сплетен, хотя событие это могло полностью изменить жизнь Глории, о Сэнди, который «так сильно прихватил Гиту Пирсон», что Гита рано ушла домой, сославшись на головную боль. Елена отнеслась к этому поступку девушки крайне отрицательно, потому что танцы устраивают для того, чтобы гости веселились до упада, а не уходили в самом разгаре действия.

Глория поначалу потеряла дар речи. Потом отказалась поверить тому, что услышала. «Что значит „прихватил“? В каком смысле прихватил? Конкретизируй, пожалуйста. Я, знаешь ли, очень расстроилась. Нет, все нормально, пожалуйста, продолжай. Раз уж начала, выкладывай все».

Елена все и выложила. Не стесняясь особо в выражениях. Хватал ее за сиськи. Прижимался своей наглой штучкой к ее промежности. А как еще должен вести себя мужчина, если он кого-то домогается? Ты, должно быть, единственная, кто не знает, что Сэнди один из самых известных бабников в дипломатической колонии. Вспомни, как он с высунутым языком обхаживал Тессу, даже когда та была на восьмом месяце беременности!

Упоминание о Тессе стало последней каплей. Глория давно смирилась с тем, что Сэнди равнодушен к Тессе, но считала, что ему хватало хладнокровия, чтобы держать свои чувства в узде. К своему стыду, она рассматривала Гиту как потенциальную угрозу и пришла к выводу, что волноваться тут не о чем. А теперь Елена не только вскрыла старую рану, но и обильно полила ее уксусом. Униженная, оскорбленная, в дикой злобе, Глория поспешила домой, отпустила слуг, усадила детей за домашнее задание, заперла буфет со спиртным и стала дожидаться возвращения Сэнди. Он явился около восьми часов, как обычно, жалуясь на огромный объем работы, и, как показалось Глории, трезвый. Не желая, чтобы дети слышали их разговор, она схватила мужа за руку и увлекла вниз, по лестнице черного хода,

в спальню для гостей.

— В чем дело? — пожелал узнать он. — Мне надо выпить.

— Дело в тебе, Сэнди, — грозно изрекла Глория. — Мне не нужны никакие увертки. И давай обойдемся без дипломатических хитростей. Я хочу получить от тебя прямой ответ. Мы оба взрослые люди. Был у тебя роман с Тессой Куэйл или нет? Предупреждаю, Сэнди, я очень хорошо тебя знаю. И сразу пойму, лжешь ты или нет.

— Нет, — без запинки ответил Вудроу. — Не было. Есть еще вопросы?

— Ты ее любил?

— Нет.

Он мужественно, как и его отец, стоял под огнем. Не повел и бровью. Такого Сэнди, если признаться честно, она больше всего и любила. Мужчину, за которым могла чувствовать себя как за каменной стеной. «Больше никогда в жизни не буду разговаривать с Еленой», — решила для себя Глория.

— Ты прихватывал Гиту, когда танцевал с ней на вчерашней вечеринке Елены?

— Нет.

— Елена говорит, что прихватывал.

— Значит, Елена несет чуть. Что в этом удивительного?

— Елена говорит, Гита ушла с вечеринки рано, потому что ты лапал ее.

— Я думаю, Елена злится, потому что я не лапал Елену.

Глория никак не ожидала, что на каждый вопрос она будет получать твердое «нет», и ее наступательный порыв чуть ли не полностью иссяк.

— Ты гладил Гиту? Лапал ее? Прижимался к ней? Говори мне! — выкрикнула она, прежде чем разрыдаться.

— Нет, — в очередной раз повторил Вудроу и шагнул к ней, но она не позволила приласкать себя.

— Не трогай! Оставь меня в покое! Ты хотел завести с ней роман?

— С Гитой или Тессой?

— С каждой! С обеими! Какая разница?

— Может, сначала разберемся с Тессой?

— Делай что хочешь!

— Если под «романом» ты понимаешь совокупление, то такая идея, конечно же, приходила мне в голову, как и большинству знакомых с ней мужчин с нормальным сексуальным аппетитом. Гиту я нахожу менее привлекательной, но молодость имеет свои прелести, поэтому, скажем так, она меня тоже возбуждает. Как насчет формулы Джимми Картера? «Я совершил прелюбодеяние в своем сердце». Вот и все. Я признался. Хочешь развестись или я могу выпить шотландского?

К тому времени она уже согнулась пополам, плакала от стыда и презрения к себе, умоляла Сэнди простить ее, потому что ей со всей очевидностью стало ясно, что произошло: она обвиняла его во всем том, в чем винила себя после поспешного отъезда Джастина. Сэнди доставалось именно потому, что она сама чувствовала себя виноватой. Осознав глубину своего падения, Глория сжалась в комок и залепетала: «Мне так жаль, Сэнди. Пожалуйста, Сэнди, прости меня, я такая ужасная». Она попыталась вырваться из объятий Сэнди, но тот уже крепко держал ее за плечи и, как добрый доктор, помогал подняться по лестнице. Когда они добрались до гостиной, она отдала ему ключ от буфета со спиртным, и он налил по большой порции виски им обоим.

Тем не менее процесс налаживания отношений требовал времени. Столь чудовищные обвинения не забываются в один день, особенно если они тянут за собой другие обвинения, вроде бы оставшиеся в далеком прошлом. Глория вновь и вновь погружалась в воспоминания, извлекая из памяти все более давние события. В конце концов, Сэнди — интересный мужчина. И, разумеется, женщины так и липнут к нему. Зачастую красивей его на вечеринке никого нет. И невинный флирт еще никому не вредил. Но память не соглашалась с идеей невинного флирта. На ум приходили все новые женщины. Партнерши по

теннису, детские сиделки, молодые жены пожилых мужей. Она вспоминала пикники, вечеринки у бассейна, даже, тут по телу пробежала дрожь, пьяную вечеринку у французского посла в Аммане, когда все плавали в бассейне голыми, а потом с криками бросились за полотенцами, но все же...

Глории потребовалось несколько дней, чтобы простить Елену, хотя она знала, что полностью не простит ее никогда. Но Елена такая несчастная, говорила при этом она себе. Какой еще она может быть, имея в мужьях этого отвратительно маленького грека, стараясь забыть в объятиях любовников.

С другой стороны, Глория никак не могла решить, что именно они должны отпраздновать. Очевидно, какое-нибудь событие, например День независимости Кении [77] или Майский день [78]. Очевидно, вечеринку следовало провести в самое ближайшее время, а не то Портеры могли вернуться, что никак не устраивало Глорию. Она хотела, чтобы в центре внимания был именно Сэнди. День Содружества [79] представлялся удачным поводом, но так долго ждать она не могла. С другой стороны, при определенных условиях они могли отметить более ранний День Содружества. Проявить инициативу. Назвать его, скажем, Английским Днем Содружества. Или придумать какой-нибудь День святого Георгия, не зря же он победил дракона. А может, день Дюнкерка, в память о героической обороне побережья. Предпочтительнее, конечно, День Ватерлоо, или День Трафальгара, или День Азенкура [80], свидетельства английских побед, но, к сожалению, побед над французами, которые, как не преминула указать Елена, лучшие повара в городе. Но, раз уж ни один из этих дней не годился, пришлось останавливаться на Дне Содружества.

Глория решила, что пора реализовывать свой главный план, для чего ей требовалось «добро» со стороны если не посла, то его личного секретаря. Майк Милдрен отличался непостоянством. Шесть месяцев он делил квартиру с ничем не примечательной новозеландкой, как вдруг поменял ее на симпатичного итальянского парнишку, который целыми днями отирался у бассейна в отеле «Норфолк». Поэтому Глория позвонила ему из «Мутайга-клуб» после ленча, когда Милдрен, по свидетельству многих, обычно пребывал в наилучшем расположении духа, строго наказав себе ни в коем случае не называть его Милдред.

— Майк, это Глория. Как поживаешь? Есть минутка? Лучше две.

Наверное, она проявляла излишнюю скромность, будучи женой и.о. посла Ее Величества, пусть и уступала по статусу Веронике Коулридж. Разумеется, у Милдрена нашлась минутка.

— Майк, ты, возможно, слышал, что мы собираемся предварить День Содружества большой вечеринкой. С танцами. Чтобы поднять всем настроение. Должно быть, Сэнди уже говорил об этом с тобой. Не так ли?

— Еще нет, Глория, но, без сомнения, поговорит.

«От Сэнди, как всегда, никакого толку, — с грустью подумала Глория. — Забывает о моих просьбах, едва выйдя за дверь. А домой возвращается, чтобы с помощью виски вогнать себя в сон».

— Так или иначе, мы хотим устроить праздник, Майк, — решительно продолжила она. — С танцами, выпивкой и закуской. Буфет с горячим и живая музыка. Пригласим хорошую местную группу. Не дискотеку, как была у Елены, с холодными закусками. Сэнди дает на это часть представительского фонда, атташе пообещали порыться в закромах. И это только начало. Ты меня слушаешь?

— Разумеется, Глория.

Напыщенный мальчишка. Мнит себя большим человеком. Ну да Сэнди ему прижмет хвост, если представится такая возможность.

— Отсюда два момента, Майк. Оба деликатные, но я все равно считаю необходимым их коснуться. Первый. В отсутствие Портера его фонд остается в неприкосновенности или можно убедить его дать команду внести некую лепту в наш праздник? Как по-твоему?

— Второй?

«С ним просто невозможно иметь дело».

— Второй момент, Майк, где? Учитывая масштаб события... и наличие большого шатра для буфета... а также важность для английской колонии... мы вот подумали, вернее, я подумала... Сэнди для этого слишком занят... если мы хотим отпраздновать День Содружества по высшему разряду, хорошо бы собраться, при условии, что все согласится, на лужайке у резиденции посла. Майк? — У нее создалось ощущение, что тот нырнул под воду и уплыл.

— Слушаю, Глория.

— Самое удобное место, не так ли? Опять же, есть где поставить автомобили. В дом, конечно же, никто не пойдет. Это дом Портера. Разве что в туалеты. Не можем же мы ставить биотуалеты в саду резиденции посла, не так ли? Я хочу сказать, все же на месте. Слуги, охрана, и все такое. Конечно, ждут они не нас, а возвращения Портера и Вероники. Сэнди и я всего лишь исполняем их обязанности. Речь не идет о захвате резиденции. Майк, ты меня слышишь? У меня такое впечатление, что я рассказываю все это себе.

Так и было. Отказ поступил в тот же вечер, в виде отпечатанного письма, копию которого Милдред наверняка оставил себе. Секретарь привез его сам, но разговаривать с Глорией не стал. Она лишь увидела, как он отъезжал от дома в автомобиле с открытым верхом. За рулем сидел итальянец. Отдел протокола категорически против, писал он. Резиденция посла и ее лужайки в его отсутствие не должны использоваться ни для каких мероприятий. Любая попытка будет рассматриваться «фактической аннексией прерогатив посла», на такой вот грубой ноте заканчивал он. И добавлял, что с разъяснениями по этому поводу уже отправлено официальное письмо из Форин-оффис.

Вудроу пришел в дикую ярость. Никогда раньше он так не кричал на нее. «Пусть это послужит тебе хорошим уроком, — ревел он, кружа по гостиной. — Или ты думаешь, что я получу должность Портера, устроив пьянку с танцами на его гребаной лужайке?»

— Я всего лишь разведала обстановку, — слабо протестовала она. — А в том, что я хочу, чтобы ты стал сэром Сэнди, нет ничего плохого. И я знаю, что тебя посвятят в рыцари за свои, а не за чужие заслуги. Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, — потом сделала логичный вывод: — Мы неплохо повеселимся и у нас, — и задумчиво оглядела сад.

И вот наступил великий День Содружества.

Энергия, нервы, силы, вложенные в подготовку, окупились сполна. Гости прибыли, музыканты играли, напитки разносились, пары болтали, палисандровые деревья цвели, жизнь била ключом. Шатер, доставленный по ошибке, заменили заказанным, бумажные салфетки — льняными, пластиковые ножи и вилки — металлическими, над шатром подняли национальный флаг. Вместо генератора, который кашлял, как больной мул, поставили другой, этот булькал, словно кипящая в чайнике вода. Белые лица разбавляли и африканцы, в последний момент приглашенные Сэнди, в том числе два или три человека из окружения Мои. Вместо того чтобы прибегать к услугам никому не известных официантов, Глория отдала предпочтение прислуге из домов других дипломатов. А также пригласила Мустафу, который, убитый горем, до сих пор не нашел себе другую работу. Но посланный Глорией Джума разыскал его, и теперь Мустафа кружил между столов, безусловно, довольный тем, что о нем не забыли. Полиция, что удивительно, прибыла вовремя и организовала парковку. Теперь проблема заключалась лишь в том, чтобы не дать им напиться, но Глория строго напомнила полицейским об их обязанностях и тешила себя надеждой, что ее слова не остались простым сотрясением воздуха. И музыканты играли прекрасно, настоящий джангл, разве что Сэнди любил танцевать под более медленную музыку. Выглядел Сэнди великолепно, в новом смокинге, который Глория купила ему, чтобы хоть как-то загладить свою вину. Из шатра доносились такие дразнящие ароматы. А значит, не оставалось сомнений, что гости воздадут должное и буфету. Конечно, никаких фантастических блюд они там не найдут, все-таки это Найроби — не Лондон, но она на все сто процентов использовала имеющиеся в ее распоряжении финансовые ресурсы. «Закуски у нас определенно лучше, чем были у Елены», — с чувством глубокого удовлетворения отметила Глория. И дорогая Гита, в

золотом сари, выглядела божественно.

Вудроу лучился счастьем. Наблюдая за парами, извивающимися под музыку, которую он терпеть не мог, систематически прикладываясь к четвертому стакану виски, он видел себя морским волком, сумевшим, несмотря на все превратности судьбы и погоды, благополучно привести корабль в родную бухту. «Нет, Глория, я никогда к ней не подкатывался... или к кому-то еще. Нет на все твои вопросы. Нет, не узнать тебе от меня ничего того, что потом ты смогла бы использовать против меня. Не узнать ни тебе, ни архисучке Елене, ни Гите, этой гребаной пуританке. Как правильно в свое время заметила Тесса, я не из тех, кто добровольно сдает завоеванные позиции».

Уголкем глаза Вудроу заметил Гиту, танцующую в обнимку с великолепным африканцем, которого она, должно быть, видела на вечеринке впервые в жизни. «Такая красота, как твоя, — грех, — мысленно говорит он ей. — Такой же грех, что и у Тессы. Не имеет женщина права обладать таким телом, как твое, и не разделять желания мужчины, которого оно возбуждает. Когда же я указываю на это тебе, ничего особенного не делаю, разве что легонько прикасаюсь, ты сверкаешь глазами и шипишь, требуя, чтобы я убрал руки. А потом убегаешь домой, на глазах этой архисучки Елены...» От воспоминаний Вудроу оторвал бледный лысеющий мужчина, по выражению лица которого чувствовалось, что он не очень-то понимает, куда попал. Его сопровождала шестифутовая амазонка, увешанная браслетами.

— Добрый день, посол, как хорошо, что вы пришли! — фамилию он забыл, но эта чертова музыка все равно заглушала половину слов. Громким криком он подозвал Глорию. — Дорогая, познакомься с новым послем Швеции, который прибыл только неделю тому назад. Хотел засвидетельствовать свое почтение Портеру, но напоролся на меня. Супруга должна присоединиться к вам через пару недель, не так ли, посол? А сегодня вы — вольный стрелок, ха-ха! Рад, что вы заглянули к нам. Простите, должен уделить внимание другим гостям. Ciao!

Солист пел, так, наверное, следовало называть это кошачье мяуканье. Зажав микрофон в одной руке и поглаживая по его полукруглому торцу пальцами другой. Вращая бедрами, словно при совокуплении.

— Дорогой, неужели тебя это совсем не возбуждает? — прошептала Глория, проносясь мимо него в объятиях индийского посла. — Меня — да!

Мимо проносили поднос с напитками. Вудроу поставил на него пустой стакан, взял полный. Глорию уже вел на танцплощадку веселый, бесстыдно продажный Моррисон М'Гамбо, которого прозвали Министр-на-Ленч. Вудроу мрачно огляделся в поисках фигуристой партнерши. Он понял, что надо потанцевать, чтобы снять злость и напряжение. Какой прок от вечеринки, если не ощущаешь под руками женское тело.

— Я всю жизнь убегаю от себя! — кружа в танце, проревел он в изумленное лицо грудастой датчанки. Она работала в какой-то благотворительной организации, и звали ее то ли Фитт, то ли Флитт. — Всегда знал, от чего бегу, только не имел ни малейшего понятия, куда направляюсь. А как дела у вас? Я спросил, как с этим у вас? — Она рассмеялась и замоталатоловой. — Вы думаете, я зол или пьян, не так ли? — Она кивнула. — Так вот, вы ошибаетесь. Я и зол, и пьян. — Подруга Арнольда Блюма, вспомнил он. Когда же это шоу закончится? Должно быть, эту мысль он озвучил и довольно громко, потому что увидел, как датчанка опустила глаза и ответила: «Возможно, никогда» — с тем смирением, которое добрые католики резервируют исключительно за папой римским. Вновь оставшись один, Вудроу направился к столикам, около которых уже толпились оглушенные музыкой гости. Пора что-то съесть. Он развязал галстук-бабочку, оставив его болтаться на шее.

— Характерная черта джентльмена, — объяснил он какой-то непостижимой для него черной Венере. — Умение завязывать собственный галстук.

Гита и две веселые африканки из английского консульства танцевали что-то местное. Другие девушки начали присоединяться к ним. Они образовали кружок, хлопали по ладошкам соседок, потом парами поворачивались друг к другу спинами, наклонялись и терлись задом. Музыканты подошли к самому краю сцены и играли только им, крича: «Да,

да, да-а-а!» Оставалось только гадать, что потом скажут соседи, потому что Глория пригласила далеко не всех: в противном случае нельзя было бы и шагу ступить, не столкнувшись с продавцом оружия или наркотиков. Когда Вудроу делился этой шуткой с шишками из администрации Мои, те начинали гоготать, а потом пересказывали ее своим женщинам, которые смеялись до слез.

Гита. Что у нее на уме? «Мы словно вернулись на совещание „канцелярии“, — думал Вудроу. — Когда я смотрю на нее, она отводит глаза. Когда я отвожу глаза, она смотрит на меня. Это просто черт знает что». Должно быть, он опять высказал свои мысли вслух, потому что зануда из «Мутайга-клуб» по фамилии Мидоуэр, стоявший рядом, тут же с ним согласился и добавил: если молодежь хочет так танцевать у всех на глазах, тогда почему бы им не трахаться прямо на танцевальной площадке. Вудроу придерживался того же мнения, о чем не преминул прокричать зануде в ухо. А отвернувшись от него, оказался лицом к лицу с Мустафой, черным ангелом, вставшим перед ним, словно хотел загородить ему дорогу, хотя Вудроу никуда идти и не собирался. Вудроу заметил, что Мустафа ничего не несет, и это его покорило. «Если уж Глория по доброте сердца наняла беднягу, чтобы что-то приносить и убирать со столов, то почему он ничего не носит и не убирает? Почему стоит здесь, как моя нечистая совесть, с пустыми руками, если не считать сложенного листка бумаги в одной, и бормочет что-то непонятное, словно золотая рыбка?»

— Парень говорит, что у него для вас письмо, — прокричал Мидоуэр.

— Что?

— Очень личное, очень срочное письмо. Должно быть, в вас по уши влюбилась какая-то прекрасная дева.

— Мустафа так сказал?

— Что?

— Я спрашиваю, Мустафа так сказал?

— Разве вы не собираетесь выяснить, кто она? Возможно, ваша жена, — и Мидоуэр затрясся от смеха.

«Или Гита», — подумал Вудроу, вдруг окрыленный надеждой.

Он отступил в сторону, увлек Мустафу за собой, чтобы Мидоуэр видел только их спины и сомкнувшиеся плечи, протянул руку, и Мустафа передал ему сложенный листок обычной писчей бумаги.

— Спасибо, Мустафа! — прокричал Вудроу, показывая тем самым, что более не нуждается в его услугах.

Но Мустафа не сдвинулся с места, а выразительным взглядом показал, что Вудроу должен незамедлительно прочитать письмо. «Черт с тобой, стой, где стоишь, — зло подумал Вудроу. — Все равно ты не умеешь читать на английском. Да и говорить тоже». Он развернул листок. Распечатка с принтера. Без подписи.

"Дорогой сэр!

В моем распоряжении находится письмо, написанное Вами миссис Тессе Куэйл, в котором Вы приглашали ее убежать с Вами. Мустафа приведет Вас ко мне. Пожалуйста, никому об этом не говорите и приходите немедленно, или мне придется передать письмо в другие руки".

Без подписи.

Вудроу мгновенно протрезвел, словно его окатили из полицейского водомета. Человек, идущий на эшафот, успевает передумать о многом, и Вудроу, пусть и выпивший немало виски, не облагаемого налогом, не был исключением из общего правила. Он решил, что его общение с Мустафой не укрылось от внимания Глории, и не ошибся: она дала себе зарок на вечеринке не спускать с него глаз. Поэтому он ободряюще помахал ей рукой, как бы говоря: «Нет проблем», и последовал за Мустафой. И в этот же момент впервые встретился взглядом с Гитой и обнаружил в ее глазах холодную расчетливость.

Одновременно он пытался вычислить шантажиста и связал его с присутствием полиции. Логика его сводилась к следующему: в какой-то момент полиция провела обыск в

доме Куэйлов и нашла то, что не удалось отыскать ему. Один из них припрятал письмо, выжидая момент, когда оно принесет дивиденды. Вот этот момент и наступил.

Почти одновременно в голове возник и другой вариант: Роб, Лесли или они оба, помимо своей воли отстраненные от расследования, решили обратить свои находки в наличные. Но почему здесь и сейчас? Мелькнула мысль о том, что к записке имеет отношение Тим Донохью, но Вудроу тут же ее отмел. Да, Донохью присутствовал на вечеринке, сидел с Мод, своей молчаливой женой, в темном углу тента, но едва ли годился на большее.

Одновременно у Вудроу обострились все чувства: он замечал каждую мелочь. Плохо вбитые колышки, провисшие веревки, банановую шкурку на дорожке («Кто-нибудь поскользнется, упадет и подаст на меня в суд»), неохраняемую приоткрытую дверь в спальню для гостей («чертовы воры могут обчистить весь дом, а мы ничего не заметим»).

Огибая кухню, он увидел с дюжину непрощенных гостей, дожидających обедов с барских столов. В свете фонаря-"молнии" они группками сидели на траве. Около них копошились двадцать детей. Нет, только шесть. На самой кухне за столом, сытые и пьяные, дремали полицейские, повесив кители и оружие на спинки стульев. В таком состоянии, решил Вудроу, едва ли кто из них мог быть автором письма, которое он сжимал в руке.

Кухня осталась позади. Мустафа, с ручным фонариком в руке, вел его через холл к входной двери. «Филип и Гарри! — в ужасе вспомнил Вудроу. — Господи, а вдруг они увидят меня? Впрочем, что они могут увидеть? Своего отца в смокинге, который ослабил галстук, чтобы открыть шею палачу». Но тут он вспомнил, что на ночь Глория отправила детей к друзьям. Она насмотрелась на детей дипломатов на танцах и решила, что Филипу и Гарри такие впечатления пока ни к чему.

Мустафа открыл входную дверь, махнул фонарем в сторону подъездной дорожки. Вудроу вышел из дома. Его тут же окружила чернильная тьма. Ради романтического эффекта Глория выключила прожектора, обычно освещавшие подъездную дорожку. Ночь выдалась ясная, но Вудроу не испытывал желания любоваться звездами. Мустафа фонариком звал его к воротам. Сторож из племени балуя открыл ворота, а члены его многочисленной семьи, как всегда кучковавшиеся за его спиной, с интересом разглядывали Вудроу. Автомобили стояли по обе стороны дороги, их сторожа дремали или негромко переговаривались друг с другом. «Мерседес» с водителями, «Мерседес» со сторожами, «Мерседес» с овчаркой и обычная толпа африканцев, наблюдающих, как жизнь проходит мимо. Музыка гремела почти как у тента и с удалением не становилась лучше. Вудроу не сомневался, что завтра ему придется разбираться с жалобами. К примеру, эти бельгийские судовладельцы из номера двенадцать подавали на человека в суд, стоило его собаке пернуть в их воздушном пространстве.

Мустафа остановился у автомобиля Гиты. Вудроу хорошо его знал. Частенько поглядывал на него из окна кабинета, обычно со стаканом в руке. Изготовленный в Японии, такой маленький и низкий, что всякий раз, когда она влезала в него, Вудроу мог представить себе, как Гита надевает купальный костюм. «Почему мы здесь остановились? — взглядом спросил он у Мустафы. — Каким образом автомобиль Гиты связан с шантажом?» Он начал думать о том, а сколько у него денег. Вдруг они запросят сотни фунтов? Тысячи? Десятки тысяч? Ему придется занимать у Глории, но под каким предлогом? Впрочем, если речь пойдет только о деньгах, он вздохнул бы с облегчением. Автомобиль Гиты стоял далеко от уличного фонаря. Фонари не горели из-за отключений энергии, но никто не знал, когда они могут зажечься. Он подсчитал, что при нем только восемьдесят фунтов в кенийских шиллингах. На них молчание не купишь. Он уже начал думать о предстоящих переговорах. Какие гарантии он мог получить в том, что шантажист не вернется через шесть месяцев или шесть лет? «Придется обращаться к Пеллегрину, — подумал он, едва не рассмеявшись. — Спрашивать старину Бернарда, как заталкивать лишнюю зубную пасту обратно в тюбик».

Если только.

На ум пришла самая безумная из версий. Утопая, Вудроу схватился за последнюю соломинку.

Гита.

«Гита украла письмо! Нет, более вероятно другое: Тесса отдала ей письмо на хранение! Гита послала Мустафу, чтобы выманить меня с вечеринки и наказать за то, что произошло у Елены. И вот же она, сидит за рулем, ждет меня. Каким-то образом выскользнула из дома первой и уже сидит в кабине, моя подчиненная, шантажистка!»

Если он и разозлился, то лишь на мгновение. «Если это Гита, мы договоримся. С ней я смогу все уладить. Возможно, письмо станет первым шагом в наших новых отношениях. Возможно, ее желание причинить мне боль — прикрытие других, более конструктивных желаний».

Но за рулем сидела не Гита. По силуэту он понял, что это мужчина. Водитель Гиты? Ее бойфренд, ожидающий окончания танцев, чтобы отвезти ее домой? Со стороны пассажирского сиденья дверцу открыли заблаговременно. Под бесстрастным взглядом Мустафы Вудроу осторожно полез в машину. Какой там купальный костюм. Прямо-таки кабинка карусели, в которой он катался с Филипом в парке аттракционов. Мустафа захлопнул за ним дверцу. Автомобиль качнуло, но мужчина за рулем не шевельнулся. Одет он был, как многие горожане-африканцы, в стиле Санкт-Морица, несмотря на жару: шерстяная шапочка, надвинутая на лоб до самых бровей, и темная стеганая куртка на «молнии» с капюшоном. Белый этот мужчина или черный? Вудроу втянул носом воздух, но не уловил сладкого запаха Африки.

— Хорошая музыка, Сэнди, — нарушил тишину Джастин и протянул руку, чтобы повернуть ключ в замке зажигания.

Глава 22

Вудроу сидел за резным столом из тропического тика стоимостью пять тысяч американских долларов. Сидел ссутулившись, касаясь локтем обрамленной серебром подставки для бумаг, которая стоила существенно меньше. В пламени единственной свечи его лицо блестело от пота. Пламя это отражалось и в свисавших с потолка зеркальных сталактитах. Джастин стоял в темноте, далеко от стола, привалившись спиной к двери, точно так же, как приваливался Вудроу к двери Джастина, когда приехал с известием о смерти Тессы. Руки Джастина держал за спиной. Должно быть, боялся, что они перестанут его слушаться. Вудроу изучал тени, отбрасываемые на стену пламенем свечи. Мог различить слонов, жирафов, газелей, носорогов. И самых разных птиц, с длинными шеями, маленьких, хищных, певчих. Дом находился на тихой улочке. Никто не проезжал мимо. Никто не стучал в окно, чтобы узнать, почему в половине первого ночи пьяный белый мужчина в смокинге и развязанным галстуком должен отчитываться о содеянном при свечах в галерее африканского и восточного искусства мистера Ахмад Хана, расположенной в пяти минутах езды от «Мутайга-клуб».

— Хан — твой друг? — спросил Вудроу. Ответа не последовало.

— Тогда где ты взял ключ? Он — друг Гиты, так? Ответа не последовало.

— Вероятно, друг семьи. Разумеется, семьи Гиты. — Вудроу достал из нагрудного кармана смокинга шелковый платок, смахнул со щек пару слезинок. Тут же появились новые, ему пришлось смахнуть и их. — Что я скажу им, когда вернусь? Если вернусь.

— Ты что-нибудь придумашь.

— Обычно придумываю, — согласился Вудроу, вытирая рот платком.

— Я в этом и не сомневался.

В испуге Вудроу вскинул голову, чтобы посмотреть на него, но Джастин стоял на том же месте, в той же позе, сцепив руки за спиной.

— Кто велел тебе положить документ под сукно, Сэнди? — спросил Джастин.

— Пеллегрин, кто же еще? «Все сожги, Сэнди. Сожги все копии». Приказ свыше. Копия у меня была только одна. Я ее сжег. Много времени это не заняло, — он всхлипнул, подавляя желание вновь расплакаться. — Следуя всем нормам секретности. В таких делах никому

доверять нельзя. Сам спустился в котельную. Сам сжег рукопись в топке. Меня хорошо учили. Всегда ходил в лучших учениках.

— Портер об этом знал?

— В определенном смысле. Частично. Ему это не нравилось. Бернарда он недолюбливал. Между ними шла открытая война. Открытая война по стандартам Оффиса. Портер насчет этого частенько шутил.

— Пеллегрин сказал, почему он требует сжечь все копии?

— Боже, — выдохнул Вудроу.

В комнате повисла тишина. Вудроу, похоже, пытался загипнотизировать себя пламенем свечи.

— В чем дело? — спросил наконец Джастин.

— Твой голос, старина, ничего больше. Он повзрослел, — Вудроу провел рукой по рту, потом устался на подушечки пальцев. — По общему мнению, ты вроде бы уже достиг потолка.

Джастин задал тот же вопрос, чуть перефразировав его, словно обращался к иностранцу или ребенку:

— Тебе не хотелось спросить Пеллегрин, а почему документ надо уничтожить?

— Бернард назвал две причины. Во-первых, на кону стояли интересы Англии. Их, само собой, следовало оберегать, холить и лелеять.

— И ты ему поверил? — спросил Джастин, и вновь ему пришлось дожидаться ответа: Вудроу подавлял очередную волну слез.

— Я поверил насчет «Три Биз». Разумеется, поверил. Флагман английского предпринимательства. Бриллиант в короне. Куртисс — любимчик африканских лидеров, раздающий взятки направо, налево и по центру, достояние нации. Плюс к этому он в прекрасных отношениях с половиной кабинета министров, что тоже ему не вредит.

— Вторая причина?

— «КВХ». Господа из Базеля подавали сигналы о том, что хотели бы построить большой химический завод в Южном Уэльсе. Через три года — еще один, в Корнуэлле. Третий — в Северной Ирландии. Принести богатство и процветание в наши депрессивные регионы. Но, начни мы топить «Дипраксу», они бы отказались от своих планов.

— Топить «Дипраксу»?

— Препарат все еще проходит клинические испытания. Теоретически эта стадия не завершена. Если он станет причиной смерти нескольких человек, которым и так суждено было умереть, невелика беда. Препарат не лицензирован в Великобритании, так что это не проблема, — красноречие вернулось к Вудроу. Он обращался к коллеге, профессионалу. — Ты же понимаешь, Джастин. Лекарства должны на ком-то проверяться, не так ли? Так кого будут брать для такой проверки? Выпускников Гарвардской бизнес-школы? Ты понимаешь, о чем я, Джастин? Не дело Форин-оффис судить о безопасности новых лекарственных препаратов. Мы должны содействовать продвижению английской продукции, а не говорить всем и каждому, что некая английская компания, работающая в Африке, травит своих клиентов. Ты знаешь правила игры. Нам платят не за обливающиеся кровью сердца. Мы не убиваем людей, которые все равно обречены на смерть. Господи, да ты посмотри статистику смертности в Кении. Впрочем, кто здесь считает покойников.

Джастин какие-то мгновения вроде бы обдумывал его аргументы.

— Но у тебя сердце обливалось кровью, Сэнди, — возразил он. — Ты же ее любил. Помнишь? Как ты мог бросить отчет в топку, если любил ее? — поневоле его голос набирал силу. — Как ты мог лгать ей, когда она тебе доверяла?

— Бернард сказал, что ее надо остановить, — пробормотал Вудроу, бросив еще один взгляд на движущиеся тени и убедившись, что Джастин по-прежнему стоит у двери.

— Да, ее остановили, это точно!

— Ради бога, Куэйл, — прошептал Вудроу. — Не так же. То были совсем другие люди. Не из моего мира. Не из твоего.

Джастин, должно быть, встревожился из-за того, что начал терять контроль над собой, постарался успокоиться, продолжил ровным голосом разочарованного коллеги:

— Как ты мог останавливать ее, Сэнди, это твои слова, если ты так ее обожал? Судя по написанному тобой, ты видел в ней спасение от всего этого... — Должно быть, на мгновение Джастин забыл, где находится, поэтому широко разведенные руки вобрали в себя не посольство, вроде бы служившее Вудроу тюрьмой, а фигурки животных, вырезанные из дерева и слоновой кости, которые стояли на стеклянных полках. — Ты видел в ней тропу к счастью и свободе, так, во всяком случае, ты ей говорил. Тогда почему ты не поддержал ее?

— Я сожалею об этом, — прошептал Вудроу и отвел глаза.

— А что ты, собственно, сжег? — задал Джастин следующий вопрос. — Почему этот документ представлял собой серьезную угрозу тебе и Бернарду Пеллегрину?

— Это был ультиматум.

— Кому?

— Английскому правительству.

— Тесса передала тебе ультиматум английскому правительству? Нашему правительству?

— «Принимайте меры или пеняйте на себя». Она полагала, что связана обязательствами перед нами. Перед тобой. Верностью. Она была женой английского дипломата и хотела все решить дипломатическими методами. «Легкий путь — обойти Систему и напрямую обратиться к общественности. Трудный — заставить Систему работать. Я предпочитаю трудный», — так она говорила. Она верила, что английское государство более демократичное, более добродетельное, чем любое другое. Наверное, это внушил ей отец. По ее словам, Блюм согласился с тем, что англичане смогут решить этот вопрос, при условии, что будут играть честно. Если ставки англичан столь высоки, пусть они и проведут переговоры с «Три Биз» и «КВХ». Никакой конфронтации. Никаких дискриминационных мер. Просто убедят их снять препарат с продажи до завершения его испытаний. Если же английское правительство не возьмется за это дело...

— Она установила срок?

— Она понимала, что нельзя стричь под одну гребенку разные регионы. Южную Америку, Средний Восток, Россию, Индию. Но прежде всего ее заботила Африка. Она хотела получить гарантии того, что через три месяца препарат исчезнет с прилавков. Иначе намеревалась обратиться в другое место.

— И этот документ ты послал в Лондон?

— Да.

— И что сделал Лондон?

— Сделал Пеллегрин.

— Что именно?

— Сказал, что этот документ — куча наивного дерьма. Сказал, что не позволит, чтобы политика Форин-оффис диктовалась наполовину англичанкой и ее черным любовником. Потом улетел в Базель. Встретился за ленчем с парнями из «КВХ». Спросил, не готовы ли они попридержать лошадей. Они ответили, что необходимости в этом нет, как нет и способа по-тихому вывести препарат из обращения. Да и акционеры этого не одобряют. Не то чтобы акционеров кто-то собирался спрашивать, но, если б спросили, они бы не одобрили. Следовательно, не одобрил бы и совет директоров. Лекарственные препараты — не кулинарные рецепты. Из молекулы нельзя вынуть одну часть, добавить другую, попробовать снова. Играть можно только с дозировками, а не с формулой. Изменение в формуле означает возвращение в исходную точку, сказали они ему, а на этой стадии никто на такое не пойдет. А потом начали намекать на то, что могут воздержаться от инвестиций в Великобритании, тем самым увеличивая число безработных Ее Величества.

— Что насчет «Три Биз»?

— Был другой ленч. С черной икрой и шампанским в «Гольфстриме» Кенни К. Бернард и Кенни согласились, что в Африке разразится жуткий скандал, если пойдут разговоры о том,

что «Три Биз» отравляет людей. Единственный выход — стоять стеной, пока ученые «КВХ» отшлифуют формулу и уточнят дозировки. Бернарду до отставки два года. Он рассчитывает на место в совете директоров «Три Биз». А то и «КВХ», если его туда возьмут. Если можно стать членом двух советов, нет смысла отказываться от такой возможности.

— «КВХ» ставило под сомнение предъявленные доказательства?

Вопрос дрожью боли сотряс тело Вудроу. Он выпрямился, обхватил голову руками, помассировал виски. Наклонился вперед, не отрывая рук от головы, прошептал: «Господи».

— Ополоснись, — предложил Джастин и повел его по коридору к раковине, постоял над ним, как стоял в морге, пока тот блевал. Вудроу подставил руки под струю, плеснул водой в лицо.

— Доказательства выглядели чертовски убедительно, — пробормотал он, вернувшись за стол. — Блюм и Тесса побывали и в деревнях, и в больницах, говорили с пациентами, родителями, родственниками. Куртисс об этом прознал и начал заметать следы. Этим занимался его человек, Крик. Но Тесса и Блюм отслеживали и заметание следов. Возвращались в те же деревни, искали людей, с которыми говорили раньше. Не могли их найти. Указали в отчете, что «Три Биз» не только отравляет людей, но и уничтожает улики своих деяний. «Этот свидетель исчез. Этого обвинили в уголовном преступлении. Из этой деревни изгнали всех ее жителей». Они проделали огромную работу. Ты должен ею гордиться.

— В отчете упоминалась женщина по имени Ванза?

— О, женщина по имени Ванза играла главную роль. Но они заткнули рот ее брату.

— Как?

— Арестовали. Выбили из него добровольное признание. На прошлой неделе его дело рассматривалось в суде. Он получил десять лет за ограбление белого туриста в национальном парке Тзаро. Белый турист не давал показаний, но множество очень испуганных африканцев видели, как мальчишка грабил белого туриста.

Джастин закрыл глаза. Увидел печальное лицо Киоко, сидящего на полу рядом с сестрой. Почувствовал, как рука Киоко проскальзывает в его руку у могилы Тессы.

— И ты не считаешь необходимым, после того как прочитал отчет и понял, что какая-то часть его — правда, обратиться к кенийцам? — спросил Джастин. Вудроу горько усмехнулся.

— Ради бога, Куэйл. Ты когда-нибудь надевал свой лучший костюм, шел в управление полиции и обвинял ее в том, что она заметает следы, получая за это деньги от Кенни К.? Это не тот метод, каким в солнечном Найроби можно завоевывать друзей и оказывать влияние на людей.

Джастин шагнул к столу, взял себя в руки, вернулся к стене.

— Как я полагаю, имелись и медицинские доказательства.

— Имелось что?

— Я спрашиваю, имелись ли в тексте медицинские доказательства, подтверждающие выводы меморандума, написанного Арнольдом Блюмом и Тессой Куэйл и по требованию Бернарда Пеллегрини уничтоженном ТОБОЙ? Копию которого Бернард Пеллегрини передал «КВХ»?

Эхом зазвенели стеклянные полки. Вудроу дождался тишины.

— Медицинские доказательства — епархия Блюма. Тесса сгруппировала их в отдельном приложении.

— Какие доказательства приводил Блюм?

— Истории болезней. Тридцать семь случаев. От и до. Имена, фамилии, адреса, проведенное лечение, место и дата смерти. Каждый раз одни и те же симптомы. Сонливость, слепота, кровотечение, почечная недостаточность, бинго.

— Бинго в смысле смерть?

— Образно говоря. Полагаю, что да. Смерть.

— И «КВХ» оспорил эти доказательства?

— Ненаучные, надуманные, пристрастные, притянутые за уши... основанные на

эмоциях. Вот так. Основанные на эмоциях. Означает, что человек слишком увлечен проблемой, а потому не заслуживает доверия. Я — противоположность. Совсем не увлечен проблемой. Эмоций — ноль. Чем меньше чувствуешь, тем громче кричишь. Тем больше вакуум, который ты должен заполнить. Я не про тебя. Про себя.

— Кто такой Лорбир?

— Ее bete noire [81].

— Почему?

— Главная движущая сила распространения препарата. Надежда и опора. Уговорил «КВХ» взяться за его производство, советник «Три Биз». По ее раскладу, полное говно.

— Она говорит, что Лорбир предал ее?

— С какой стати? Мы все предали ее, — по щекам Вудроу текли слезы. — В том числе и ты, сидел на заднице и выращивал цветы, когда она пыталась сдвинуть гору.

— Где сейчас Лорбир?

— Не имею ни малейшего понятия. Никто не имеет. Понял, куда дует ветер, и лег на дно. «Три Биз» какое-то время искал его, потом им это надоело. Тесса и Блюм устроили за ним настоящую охоту. Хотели сделать Лорбира главным свидетелем. Но для этого его следовало найти.

— Эмрих?

— Одна из создателей препарата. Однажды прилетала сюда. Пыталась остановить «КВХ». Ей, конечно, дали пинка под зад.

— Ковач?

— Третий член банды. Куплена «КВХ» с потрохами. Очевидно, шлюха. Никогда ее не встречал. А вот Лорбира, думаю, однажды видел. Большой, толстый бур. Выпученные глаза. Рыжие волосы.

Вудроу в ужасе подпрыгнул. Джастин стоял рядом с ним. Положил на подставку листок бумаги, протягивал ему ручку, колпачком вперед, как принято у воспитанных людей.

— Это разрешение на поездки по стране, — объяснил Джастин. — Из тех, что вы выдаете. — Зачитал текст, потому что залитые слезами глаза Вудроу не могли разобрать ни слова: «Податель сего — английский гражданин, путешествующий по Кении при содействии английского посольства в Найроби». — Подпиши.

Вудроу, прищурившись, поднес листок к пламени свечи.

— Питер Пол Аткинсон. Это еще кто?

— В тексте указано. Английский журналист. Пишет для «Телеграф». Если кто-то позвонит в посольство и справится о нем, он — настоящий журналист, выполняющий задание редакции. Ты сможешь это запомнить?

— Чего его потянуло в Локи? Это же жуткая дыра. Гита там побывала. На бланке должна быть фотография, не так ли?

— Будет.

Вудроу расписался, Джастин сложил листок, убрал в карман. Вернулся к двери. Стоящие рядом часы-кукушки, изготовленные на Тайване, пробили час ночи.

Когда Джастин остановил маленький автомобиль Гиты, Мустафа уже ждал на тротуаре с ручным фонариком. Должно быть, загодя услышал приближающийся шум двигателя. Вудроу, похоже, не понимал, что вернулся к своему дому, сидел, тупо уставившись в ветровое стекло, сцепив пальцы на коленях. Джастин перегнулся через него, заговорил с Мустафой через опущенное стекло. На английском, вставляя слова на суахили, которые знал.

— Мистер Вудроу плохо себя чувствовал, Мустафа. Ты вывел мистера Вудроу на свежий воздух, чтобы его вырвало. Теперь мистера Вудроу надо отвести в спальню и уложить на кровать, чтобы миссис Вудроу могла ухаживать за ним. Будь любезен сказать мисс Гите, что я собираюсь уехать.

Вудроу, уже собиравшийся выбраться из машины, повернулся к Джастину.

— Ты не расскажешь об этом Глории, старина? Теперь, когда ты все знаешь, смысла в этом нет. У нее нет того опыта, которым обладаем мы. Давние коллеги и все такое. Не

расскажешь?

Как человек, которому приходится прикоснуться к чему-то мерзкому, но старающийся не выказывать, что ему это неприятно, Мустафа помог Вудроу выбраться из машины и повел к входной двери. Джастин вновь натянул шапочку на лоб и застегнул «молнию» куртки. Из шатра вырывались лучи яркого света. Музыканты без устали наяривали рэп. Повернув голову налево, Джастин вроде бы заметил высокого мужчину, стоящего в тени рододендронов. Присмотрелся: мужчина исчез. А может, его и не было. Однако Джастин продолжал оглаживать кусты, припаркованные автомобили. Послышались торопливые шаги. Гита спешила на его зов, с шалью на плечах, тубельками в одной руке, фонариком в другой. Скользнула на пассажирское сиденье в тот самый момент, когда Джастин завел двигатель.

— Они уже гадали, где он, — сообщила она.

— Донохью там был?

— Не думаю. Не уверена. Не видела его, — хотела спросить что-то еще, но передумала.

Он ехал медленно, глядя в стоящие по обеим сторонам мостовой автомобили, то и дело посматривая в боковое зеркало. Проехал свой дом, не удостоив его и взгляда. Желтая собачонка с громким лаем бросилась на колеса. Он по плавной дуге объехал ее. Выбоины, выхваченные фарами, напоминали черные озера, появляющиеся на посеребренном свете фар асфальте. Гита оглянулась. Позади царила чернильная тьма.

— Смотри вперед, — скомандовал он. — Я боюсь сбиться с пути. Говори, когда надо поворачивать.

Он прибавил скорости, лавируя между выбоинами, выезжая на середину мостовой, если ему не нравилось то, что он видел по краям. Гита шептала: «Налево... снова налево, тут большая яма...» Он резко притормозил, пропуская нагнавший их автомобиль.

— В кабине знакомых лиц не заметила? — спросил он.

— Нет.

Они свернули на обсаженную деревьями улицу. Дорогу перегородил помятый щит с надписью: «ПОМОГИТЕ ДОБРОВОЛЬЦАМ». За щитом толпились исхудалые мальчишки с лопатами и тачкой без колеса.

— Они всегда здесь?

— Днем и ночью, — кивнула Гита. — Вынимают камни из одной выбоины и заваливают ими другую. Поэтому работа для них никогда не закончится.

Он нажал на педаль тормоза. Автомобиль медленно подкатился к щиту, остановился. Мальчишки окружили его, хлопая ладонями по крыше. Джастин опустил стекло. У окна возникла улыбающаяся физиономия жоака, лет шестнадцати от роду.

— Добрый вечер, господин, — вежливо поздоровался он. — Я — мистер Симба.

— Добрый вечер, мистер Симба, — ответил Джастин.

— Не хотите поспособствовать ремонту этой прекрасной дороги, господин?

Джастин передал ему купюру в сто шиллингов. Мальчишка в восторге пустился в пляс, высоко вскинув руку с купюрой. Остальные аплодировали.

— Какой обычный тариф? — спросил он Гиту, когда убранный мальчишками щит остался позади.

— В десять раз меньше.

Еще один автомобиль обогнал их, и вновь Джастин пристально всматривался в сидящих в кабине, пусть и не знал, кого ожидал там увидеть. Они въехали в центральную часть города. Сверкали вывески магазинов, кафе, на тротуарах толпились люди. Мимо пролетали автобусы. Слева донесся скрежет металла, за которым последовали автомобильные гудки и крики. Гита по-прежнему указывала дорогу: направо, налево, через ворота. Джастин преодолел небольшой подъем и въехал по двор квадратного четырехэтажного здания. По периметру тянулись подсвеченные слова: «ПРИДИ В ОБЪЯТИЯ ХРИСТА».

— Это церковь? — спросил он.

— Стоматологическая клиника адвентистов седьмого дня, — ответила Гита. — После

реконструкции стала жилым домом.

Автостоянку окружал забор с натянутой поверху колючей проволокой. Поставив машину, он вылез из кабины, настороженно огляделся, прислушался. Гита в тревоге поглаживала на него.

— Ты кого-то ждешь? — прошептала она.

Он провел ее мимо улыбающихся детей у входной двери, по ступеням, ведущим в вестибюль. Написанное от руки объявление на дверях кабины лифта сообщало о том, что лифт временно не работает. Они пересекли вестибюль, направляясь к узкой лестнице, освещенной тусклыми лампами. Вслед за Гитой Джастин поднялся на площадку последнего этажа, где царил тьма. Джастин зажег карманный фонарь. Из-за дверей доносились азиатская музыка и ароматы восточной кухни. Отдав Гите фонарь, вернулся к лестнице, пока она открывала железную решетку и три замка. Едва Гита вошла в квартиру, зазвонил телефон. Она повернулась к Джастину, который уже стоял у нее за спиной, сняла трубку.

— Гита, дорогая моя, привет, — услышала она обаятельный мужской голос, который поначалу не узнала. — Этим вечером ты потрясающе выглядела. Это Тим Донохью. Хочу узнать, позволишь ли заглянуть на минуту, выпить с вами двумя чашечку кофе под звездами?

Маленькая квартира Гиты состояла из трех комнат. Окна выходили на ветхий склад. С улицы доносились гудки автомобилей и крики нищих, которые до самого последнего момента стояли у них на пути. Забранное решеткой окно выходило на железную лестницу, призванную спасать жизни жильцов в случае пожара, но из соображений безопасности нижние пролеты давно отпилили. Верхние же остались в неприкосновенности, и в теплые вечера Гита вылезала на крышу, где, привалившись спиной к деревянной обшивке водяного бака, готовилась к вступительному экзамену в Форин-оффис, который намеревалась сдать в следующем году, слушала торопливые шаги азиатов, снующих по зданию, их музыку, споры, разговоры с детьми и убеждала себя, что находится среди своих.

И хотя эта иллюзия рассеивалась, как дым, едва она входила в ворота посольства и надевала на себя другую кожу, крыша с кошками, клетками для птиц, развешенным на просушку бельем и люками вентиляционных шахт оставалась одним из тех немногих мест, где Гита чувствовала себя как дома. Возможно, поэтому она особо и не удивилась, когда Донохью предложил выпить кофе под звездами. Как он узнал, что у нее был доступ на крышу, оставалось для нее загадкой, потому что, насколько она знала, он никогда не бывал в ее квартире. Но знал. Переступив порог, Донохью прижал палец к губам и под недоуменным взглядом Джастина неуклюже протиснулся в окно, вылез на площадку железной лестницы и знаком предложил им последовать за ним. Джастин не заставил себя ждать, а Гита присоединилась к ним через несколько минут, с подносом, на котором стояло все необходимое для кофе. Донохью уже сидел на каком-то ящике, а Джастин, как только Гита опустила на теплое железо, пристроился рядом с ней.

— Как тебе удалось миновать границу, старина? — осведомился Донохью, перекрывая уличный шум, и пригубил кофе.

— Сафари-тур, — ответил Джастин.

— Из Лондона?

— Из Амстердама.

— Большая группа?

— Самая большая, какую я только смог найти.

— Как Куэйл?

— Более-менее.

— И где ты спрыгнул с корабля?

— В Найроби. Как только мы прошли таможенную и паспортный контроль.

— Умница. Я тебя недооценил. Думал, что ты воспользуешься наземным маршрутом. Скажем, через Танзанию.

— Он не позволил мне встретить его в аэропорту, — вставила Гита. — Приехал на такси уже ночью.

— Что тебе нужно? — спросил Джастин.

— Спокойной жизни, если ты не считаешь, что я прошу слишком многого, старина. Я уже в том возрасте. Не хочу больше никаких скандалов. Никаких сенсаций. Никаких парней, которые суют голову в петлю, пытаюсь отыскать то, чего уже нет. — Он повернулся к Гите: — Зачем ты летала в Локи, дорогая?

— По моей просьбе, — послышался голос Джастина, прежде чем она нашлась с ответом.

— Разумеется, тебе она отказать не могла, — одобрительно кивнул Донохью. — И я уверен, поездка эта имела прямое отношение к Тессе. Гита — замечательная девушка, — а потом вновь обратился к Гите, более требовательным голосом: — И ты нашла то, что искала, дорогая? Миссия увенчалась успехом? Я в этом даже не сомневаюсь.

Вновь ему ответил Джастин:

— Я просил ее узнать, как прошли там последние дни Тессы. Хотел убедиться, что в Локи они поехали по той самой причине, которую назвали нам: семинар по правам женщин. Так оно и было.

— И ты с этим полностью согласна, не так ли, дорогая? — спросил Донохью у Гиты.

— Да.

— Вот и славненько, — Донохью отпил кофе. — Поговорим о деле? — предложил он Джастину.

— Я думал, мы о нем и говорим.

— О твоих планах.

— Каких планах?

— Вот именно. К примеру, если ты хочешь перемолвиться тихим словом с Кенни К. Куртиссом, думаю, ты будешь понапрасну сотрясать воздух. Банки забрали свои игрушки. Фармакологическое отделение «Три Биз» отходит новому хозяину — «КВХ».

Никакой реакции со стороны Джастина не последовало.

— Я хочу сказать, Джастин, что стрелять в того, кто и так мертв, сатисфакции не принесет. Ты ведь жаждешь ее, не так ли?

Джастин молчал.

— Что же касается убийства твоей жены, то, как ни больно мне говорить об этом, Кенни К. не, повторяю, не является соучастником преступления. Так же, как его «шестерка» мистер Крик, хотя я не сомневаюсь, что он бы с радостью ухватился за такое предложение, если б к нему обратились. Крик, естественно, сообщал «КВХ» обо всех передвижениях Тессы и Арнольда. Он активно использовал местные источники информации Кенни К., в частности кенийскую полицию, чтобы приглядывать за ними. Но Крик — не соучастник преступления, так же, как Кенни К. Слежка не превращает его в убийцу.

— Кому докладывал Крик? — спросил голос Джастина.

— Крик докладывал автоответчику в Люксембурге, который уже сняли. Дальнейший путь информации ни мне, ни тебе не установить. Но в конце концов она достигала ушей джентльменов, которые ее и убили.

— Марсабит, — с горечью выдохнул Джастин.

— Действительно. Знаменитый марсабитский дуэт на большом зеленом вездеходе для сафари. Работа стоила миллион долларов, которые получил руководитель операции, известный как полковник Элвис. Как он их разделил между остальными участниками, никому не известно. Мы только знаем, что фамилия его не Элвис и до полковника он не дослужился.

— Сообщал Крик в Люксембург о том, что Тесса и Арнольд едут на озеро Туркана?

— Пока это большой вопрос.

— Почему?

— Потому что Крик на него не отвечает. Боится. И мне хотелось бы, чтобы ты тоже не был чужд страху. Он боится, что слишком уж легко делился информацией, поскольку некоторые его друзья, узнав об этом, могут вырвать ему язык, чтобы освободить во рту место

для яиц. Возможно, у него есть на то основания.

— Чего ты хочешь? — повторил Джастин. Он уже сидел на корточках рядом с Донохью, заглядывая в запавшие глаза.

— Хочу убедить тебя отказаться от задуманного, дорогой мой. Сказать тебе, что ты не найдешь то, что ищешь, но это не мешает тебе найти свою смерть. За твою голову назначена цена, в том случае, если ты хоть одной ногой ступишь в Африку, а ты уже стоишь здесь обеими ногами. Каждый наемник и главарь банды мечтает о том, чтобы поймать тебя в перекрестье прицела. Мертвый ты стоишь полмиллиона, миллион, если удастся обставить все так, словно ты покончил жизнь самоубийством, и это предпочтительный вариант. Ты можешь нанять телохранителей, но пользы от этого тебе не будет. Возможно, ты наймешь тех самых людей, которые и мечтают тебя убить.

— Какое твоей службе дело, останусь ли я в живых или умру?

— Службе, безусловно, до этого дела нет, а вот лично мне не хотелось бы, чтобы плохиши победили, — Донохью глубоко вдохнул. — В контексте вышесказанного сообщаю, что Арнольд Блюм мертв, и уже давно. Поэтому, если ты собираешься спасти Блюма, то, боюсь, спасти некого.

— Докажи, — коротко бросил Джастин, а Гита, отвернувшись от мужчин, уткнулась лицом в ладони.

— Я старый, я умираю, и мои работодатели имеют полное право расстрелять меня на заре за то, что я тебе рассказываю. Вот тебе доказательства. Блюма отключили, бросили в вездеход, увезли в пустыню. Где не было ни воды, ни тени, ни еды. Пару дней пытали в надежде узнать, не остался ли где-нибудь второй комплект дискет, которые они нашли в джипе. Извини, Гита. Блюм сказал «нет», файлы из компьютера на второй комплект дискет они не копировали, но кто мог поверить этому «нет»? Вот они и пытали его до смерти, на случай, если второй комплект все-таки существовал, и потому, что им это нравилось. А потом оставили тело гиенам. К сожалению, это правда.

— О боже, — прошептала Гита своим рукам.

— Так что ты можешь вычеркнуть Блюма из своего списка, Джастин, вместе с Кенни К. Куртиссом. Ни один из них не стоит приезда в Кению, — на этом Донохью не остановился. — Далее, Портер Коулридж сражается за тебя в Лондоне. И это уже не секрет. Еще чуть-чуть, и ты все прочитаешь в газетах.

Джастин исчез из поля зрения Гиты. Оглядевшись, она обнаружила, что он стоит у нее за спиной.

— Портер требует, чтобы расследование убийства Тессы вновь поручили полицейским, которые первыми приезжали в Найроби, требует, чтобы голова Гридли легла рядом с головой Пеллегрини. Он хочет, чтобы отношения между Куртиссом, «КВХ» и английским правительством стали предметом рассмотрения парламентской комиссии, которая заодно должна выяснить и роль Сэнди Вудроу в этой истории. Он хочет, чтобы препарат исследовала группа независимых ученых, если такие еще остались. Он также выяснил, что во Всемирной организации здравоохранения существует комитет по этике, который может заняться этим вопросом. Если ты сейчас вернешься домой, то, возможно, на пару с Портером вы сдвинете эту гору. Вот почему я и заглянул к вам, — радостно закончил он, допил кофе, встал. — Перевозить людей через границы — это немного, что мы умеем. Поэтому, если захочешь покинуть Кению, на самолете или иным путем, пусть Гита мне подмигнет.

— Большое тебе спасибо, — поблагодарил его Джастин.

— Вот, к сожалению, и все, что я хотел сказать. Спокойной ночи.

Гита легла в кровать, оставив дверь спальни открытой. Смотрела в потолок, не зная, плакать ей или молиться. Она давно уже смирилась с тем, что Блюм мертв, но и представить себе не могла, что ему выпала такая долгая и мучительная смерть. Ей хотелось вернуться в стены монастыря и вернуть веру в то, что именно по воле господи человек может подняться так высоко и пасть так низко. По другую сторону стены Джастин сидел за ее столом, что-то писал ручкой, отказавшись воспользоваться ее ноутбуком. Самолет в Локи отбывал из

аэропорта Уилсона в семь утра, то есть в ее квартире ему оставалось провести один час. Она предложила отвезти его в аэропорт, но он сказал, что воспользуется одним из такси, которые всегда стояли у отеля «Серена». Раздался стук в дверь.

— Гита?

Она поднялась.

— Заходи.

— Будь так любезна, Гита, отправь, пожалуйста, это письмо, — Джастин протянул ей пухлый конверт, адресованный какой-то женщине в Милане. — Это не моя подруга, на случай, если тебя разбирает любопытство. Она — тетья моего адвоката. — Редкая улыбка... — А это письмо для Портера Коулриджа. На конверте я написал адрес его лондонского клуба. Только, пожалуйста, не пользуйся услугами курьерских служб и экспресс-почты. Отправь письма через обычное кенийское почтовое отделение. Я безмерно благодарен тебе за оказанную мне помощь.

Тут уже она больше не могла сдерживаться и бросилась ему на грудь, обняла и крепко прижималась к нему всем телом, пока он осторожно, но решительно не отстранился...

Глава 23

Капитан Маккензи и его второй пилот, Эдзарт, занимают свои места в рубке «Буффало». Рубка представляла собой приподнятую платформу в носовой части фюзеляжа, не отделенную от салона ни дверью, ни стеной. За платформой, ниже ее, стоит старое кресло викторианской эпохи, из тех, что зимним вечером пододвигают к камину, чтобы, сев в него, согреть озябшие ноги. В нем сидит Джастин с наушниками на голове, с черным нейлоновым ремнем безопасности поперек живота. Изредка он сдвигает наушники, чтобы услышать вопросы белой женщины из Зимбабве, ее зовут Джейми, которая удобно устроилась среди кучи коричневых мешков. Джастин пытался поменяться с ней местами, но Маккензи разом осадил его: «Это ваше место». Хвостовую часть салона занимают шесть суданских женщин, с разной степенью ужаса переносящих полет, одна блюет в пластиковый пакет. Салон освещен флюоресцентными лампами под потолком, которые упрятаны за матовые пластиковые панели. Мерно гудят двигатели. Фюзеляж недовольно поскрипывает, словно жалуясь на то, что его лишили заслуженного отдыха: этот алюминиевый конь свое уже отвоевал. Нет никакого намека ни на систему кондиционирования, ни на парашюты. Облупившийся красный крест на боковой панели показывает, что за ней находится аптечка. Под крестом — надежно закрепленные канистры, с надписью «Керосин» на каждой. «В этом самолете Тесса и Арнольд совершили свое последнее воздушное путешествие, — думал Джастин, — и этот человек сидел за штурвалом. Последнее путешествие перед самым последним...»

— Значит, вы — друг Гиты, — уточнил Маккензи, когда Сара-Суданка привела Джастина в его тукул в Локи и оставила мужчин вдвоем.

— Да.

— Сара говорит, что у вас есть пропуск, выписанный вам представительством Южного Судана в Найроби, но вы куда-то его задевали. Это так?

— Да.

— Вас не затруднит показать мне ваш паспорт?

— Отнюдь, — Джастин протянул ему паспорт Аткинсона.

— И чем вы занимаетесь, мистер Аткинсон?

— Я журналист. Из лондонской «Телеграф». Пишу статью об операции ООН «Линия жизни» в Судане.

— Все это очень печально, учитывая, что операция «ЛЖ» как никогда нуждается в рекламе. А тут какой-то клочок бумаги перечеркивает все надежды. Знаете, где вы его потеряли?

— К сожалению, нет.

— Сейчас мы перевозим в основном зерно и соевое масло. Плюс предметы первой необходимости для наших парней и девочек, работающих в Судане. Мотаемся, знаете ли, взад-вперед. Устроит вас такой вариант?

— Более чем.

— Не возражаете против того, чтобы посидеть час-другой на полу джипа под стопкой одеял?

— Абсолютно.

— Тогда по рукам, мистер Аткинсон.

И в дальнейшем Маккензи неукоснительно следует этой легенде. В самолете, как и любому другому журналисту, описывает подробности самой дорогой операции по ликвидации голода, когда-либо проводившейся в истории человечества. Информация поступает порциями, часть ее теряется в шуме двигателей.

— В Южном Судане есть люди, которые питаются нормально, питаются удовлетворительно, питаются плохо, и те, кому вообще нечего есть. Задача Локи — максимально точно распределить людей по соответствующим категориям. Каждая метрическая тонна, перевозимая нами, обходится ООН в тысячу триста долларов США. В гражданских войнах богатые умирают первыми. Потому что, если у них украдут скот, они не могут приспособиться к жизни. Для бедняков практически ничего не меняется. Люди выживают, лишь когда земля достаточно безопасна для того, чтобы на ней что-то выращивать. К сожалению, безопасных земель здесь немного. Я не очень спешу? Вы поспеваете за ходом моих мыслей?

— Да, конечно, благодарю вас.

— Поэтому в Локи приходится накапливать запасы продовольствия и заранее определять, где и когда может возникнуть голод. Сейчас мы как раз находимся в начале очередного периода активных поставок продовольствия. Но момент надо выбирать точно. Если поставки совпадут с жатвой, мы погубим остатки местной экономики. Если чуть припоздниться — они уже умирают от голода. Между прочим, воздушный путь — единственный. Если отправлять продовольствие по земле, его крадут, очень часто сами водители.

— Да. Я понимаю. Конечно.

— Ничего не хотите записать?

«Если вы журналист, то и изображайте оного», — так следует понимать последний вопрос Маккензи. Джастин раскрывает блокнот, а лекцию продолжает Эдзард. Он касается опасности полетов, которые они выполняют...

— Продовольственные пункты делятся на четыре группы, мистер Аткинсон. Четвертая — доставка туда невозможна. Третья — повышенной опасности. Вторая — умеренной опасности. Первой группы, где опасность нулевая, в Южном Судане нет. Понятно?

— Понятно. Разумеется. Слово вновь берет Маккензи.

— По прибытии принимающая сторона по радио сообщает, в какой группе они находятся. Если возникнет чрезвычайная ситуация, делайте все, что он вам скажет. Лагерь, в который мы сегодня летим, находится на территории, контролируемой генералом Гарангом, который выдал утерянную вами визу. Но эта территория подвергается регулярным нападениям как с севера, так и с юга, где хозяйничают враждующие с Гарангом племена. Не думайте, что мы сталкиваемся с простым противостоянием юг-север. Отношения племен меняются в одночасье, и они воюют как между собой, так и с мусульманами севера. Успеваете записывать?

— Естественно.

— Судан — страна, созданная фантазией колониального картографа. На юге — зеленые поля, нефть и христиане-анимисты. На севере — пустыня, песок и банды мусульман-экстремистов, стремящиеся заставить всех жить по законам шариата. Знаете, что это такое?

— Более-менее, — ответил Джастин, который в прошлой жизни написал на сей счет не один десяток отчетов.

— В результате у нас есть все необходимые условия для обеспечения постоянного голода. Недоработки засухи устраняют гражданские войны и наоборот. Но законное правительство по-прежнему находится в Хартуме. Поэтому, какую бы помощь ООН ни оказывала югу, Хартум обязательно имеет свою долю. Отсюда, мистер Аткинсон, и уникальный треугольник из ООН, хартумского правительства и мятежников, которых это самое правительство изо всех сил старается сжить со света. Улавливаете мою мысль?

— Вы летите в Лагерь-семь! — кричит ему в ухо Джейми, белая зимбабвийка, рупором сложив ладони у рта. Джастин кивает.

— Сейчас Седьмой — опасная зона! Моя подруга удирала оттуда две недели тому назад. Одиннадцать часов шла по болотам, потом еще шесть без штанов ждала самолета!

— Что случилось с ее штанами? — кричит в ответ Джастин.

— Там приходится их снимать! И мальчикам, и девочкам! Ужасно натирают кожу! Мокрые, горячие, дымящиеся штаны. Остаться в них — хуже пытки! — Она делает паузу, отдыхает, потом вновь подносит руки ко рту. — Если увидите, что скот выгоняют из деревни, — бегите. Если вслед за скотом уходят женщины — бегите быстрее. Один наш парень бежал четырнадцать часов кряду без воды. Похудел на восемь фунтов. За ним гнался Карабино.

— Карабино?

— Карабино был хорошим, пока не присоединился к северянам. Теперь извинился и вновь вернулся к нам. Все очень довольны. Никто не спрашивает, где он был. Вы летите туда впервые?

Джастин опять кивает.

— Послушайте, по большому счету, опасаться нечего. Не волнуйтесь. И Брандт — это голова.

— Кто такой Брандт?

— Координатор распределения продовольствия в Лагере-семь. Все его любят. Совсем ку-ку. Большой божий человек.

— Как он туда попал? Она пожимает плечами.

— Называет себя бездомным дворнягой, как и мы все. Там ни у кого нет прошлого. Это прописная истина.

— Давно он в Лагере-семь? — кричит Джастин. Джейми слышит его только со второй попытки.

— Кажется, шесть месяцев! Шесть месяцев в полевых условиях без перерыва — это целая жизнь, поверьте мне! Не приезжал в Локи даже на два дня, чтобы отдохнуть и развеяться! — Утомленная криком, она падает на мешки.

Джастин расстегивает ремень безопасности, подходит к иллюминатору. «Это путь, который ты проделала. Это треп, который ты выслушивала. Это то, что ты видела». Под ним лежит изумрудное нильское болото, подернутое дымкой горячего воздуха, разорванное черными зигзагами открытой воды. На холмах в загонах теснятся скот.

— Племена никогда не скажут, сколько у них скота! — Джейми уже стоит рядом, кричит в ухо. — Выяснить это — одна из задач координатора! Козам и овцам отводят середину загона. Коровы — у забора, телята с ними! Тут же собаки! По ночам они жгут высушенный коровий навоз в своих маленьких домиках, расположенных по периметру. Дым отгоняет хищников, согревает коров, становится причиной их ужасного кашля! Иногда в загон попадают женщины и дети! Девочек в Судане кормят лучше всех! Если они хорошо питаются, от жениха можно получить за них более высокую цену! — улыбаясь, она хлопывает себя по животу. — Мужчина может иметь столько жен, сколько сможет содержать. Вы и представить себе не можете, как здорово они исполняют танец живота... честное слово, — она закрывает рот рукой, потом начинает дико хохотать.

— Вы — координатор распределения продовольствия?

— Его помощница.

— Как вы получили эту работу?

— Пошла в нужный ночной клуб в Найроби! Хотите, загадаю вам загадку?

— Конечно.

— Мы везем сюда зерно, так?

— Так.

— Потому что север воюет с югом, так?

— Продолжайте.

— Большая часть зерна, которое мы перевозим, выращивается в Северном Судане. Остальное — излишки, которые произведены американскими фермерами. Так уж сложилось. На деньги гуманитарных организаций покупается хартумское зерно. Хартум использует эти деньги на покупку оружия для войны с югом. Самолеты, привозящие зерно в Локи, взлетают с того же аэродрома, что и хартумские бомбардировщики, сравнивающие с землей деревни Южного Судана.

— А где загадка?

— Почему ООН финансирует бомбардировки Южного Судана и одновременно кормит жертв этих бомбардировок?

— Я — пас.

— Потом вы собираетесь вернуться в Локи? Джастин мотает головой.

— Жаль, — говорит она и подмигивает.

Джейми возвращается к своему месту на мешках с зерном, между коробок с соевым маслом. Джастин остается у иллюминатора, наблюдает, как солнечный зайчик отбрасывается самолетом на мерцающие болота. Горизонта не было. В отдалении болота плавно перетекали в туман. «Мы можем лететь всю жизнь, — говорит он ей, — и так и не увидать твердой земли». Без предупреждения «Буффало» начинает пологий спуск. Болото становится бурым, черные зигзаги воды упираются в сушу. Появляются отдельные деревья. Солнечный зайчик самолета скользит между ними. Эдзард взял управление на себя. Капитан Маккензи изучает какой-то буклет. Поворачивается и знаком предлагает Джастину сесть. Тот возвращается к креслу, защелкивает на животе ремень безопасности, смотрит на часы. Они летят уже три часа. Эдзард резко бросает самолет вниз. Коробки с туалетной бумагой ползут по металлическому полу и ударяются в платформу у ног Джастина. В иллюминатор он видит кончик крыла, за ним — россыпь хижин. В наушниках — шум статического электричества. Сквозь какофонию звуков прорывается грубый голос с немецким акцентом, сообщающий ситуацию на земле. Джастин выхватывает слова: «решительно и быстро». Самолет начинает сильно трясти. Приподнявшись, насколько позволяет ремень безопасности, через окно рубки Джастин видит полоску красной земли, пересекающую зеленое поле. Уложенные рядом белые мешки служат маркерами. Много мешков навалено в углу поля. Самолет выравнивается, и солнечный луч обжигает шею Джастина. Он плюхается в кресло. Голос с немецким акцентом вдруг начинает звучать ясно и отчетливо.

— Давай, Эдзард, спускайся, старина. На обед у нас сегодня отличное жаркое из козлятины. Маккензи, надеюсь, с тобой?

Но Эдзарду не до светской болтовни.

— Что это за мешки в углу поля, Брандт? Кто-то недавно приземлился? На земле стоит еще один самолет?

— Это пустые мешки, Эдзард. Не обращай на них внимания и садись, слышишь меня? Этот шустрый журналист с вами?

Отвечает Маккензи предельно лаконично:

— С нами.

— Кто еще на борту?

— Я! — радостно вопит Джейми.

— Один журналист, одна нимфоманка, шесть возвращающихся делегатов, — ровным голосом отвечает Маккензи.

— Что ты можешь сказать о нем? О журналисте?

— Сам все увидишь.

В рубке смеются, голос с иностранным акцентом отвечает тем же.

— Почему он нервничает? — спрашивает Джастин.

— Они все нервничают. Лагерь находится практически на передовой. Когда мы приземлимся, мистер Аткинсон, пожалуйста, оставайтесь рядом со мной. Протокол требует, чтобы я первым представил вас комиссару.

Посадочная полоса — сильно вытянутый теннисный корт, кое-где заросший травой. Туземцы и собаки появляются из рощи и направляются к полосе. Хижины с коническими крышами. Эдзарт проходит над полосой на низкой высоте, Маккензи всматривается в буш с обеих ее сторон.

— Плохишей нет? — спрашивает Эдзарт.

— Плохишей нет, — подтверждает Маккензи.

«Буффало» клюет носом, выравнивается, резко идет вниз. Посадка жесткая. Клубы красной пыли заволакивают иллюминаторы. Самолет ведет влево, еще больше влево, натужно скрипят веревки, удерживающие груз. Двигатели ревут, фюзеляж вибрирует, что-то стонет, трещит. Двигатели смолкают. Пыль оседает. Они прибыли. Джастин сквозь рассеивающуюся пыль видит в иллюминаторе направляющихся к самолету людей: африканские сановники, дети, две белые женщины в джинсах, футболках, с браслетами на руках. А по центру, в коричневом хомбурге, шортах цвета хаки и изношенных замшевых туфлях, улыбаясь во весь рот, веселый, здоровый, выступает Марк Лорбир, но без стетоскопа.

Суданские женщины вылезают из самолета и присоединяются к галдящей толпе своих соотечественников. Джейми-Зимбабвийка с криками счастья и радости обнимает своих коллег, потом Лорбира, снимает с него хомбург, гладит по рыжим волосам, а Лорбир, сияя, как медный таз, шлепает ее по заду и заливается смехом, словно школьник в день рождения. Носильщики из племени динка залезают в салон и, следуя указаниям Эдзарда, начинают разгрузку. Но Джастин остается в кресле, пока Маккензи не зовет его. Они спускаются по трапу и уходят от толпы к небольшому холму, на котором старейшины племени динка, в черных брюках и белых рубашках, сидят в садовых креслах, установленных полукругом в тени дерева. Центральное кресло занимает комиссар Артур, сухонький, седовласый, с высеченным из камня лицом и пронзительным взглядом глубоко посаженных глаз. На голове у него красная бейсболка, над козырьком вышито золотом: «Paris».

— Итак, вы — человек пишущий, мистер Аткинсон, — говорит Артур на безупречном архаичном английском, после того как Маккензи представляет мужчин друг другу.

— Совершенно верно, сэр.

— Какой журнал или другое печатное издание, если позволите спросить, удостоено чести пользоваться вашими услугами?

— Лондонская газета «Телеграф».

— Воскресное издание?

— Скорее ежедневное.

— Обе прекрасные газеты, — заявляет Артур.

— Артур был сержантом Суданских сил обороны, когда эта страна находилась под британским мандатом, — объясняет Маккензи.

— Скажите мне, сэр. Я не ошибусь, сказав, что вы прибыли сюда, чтобы обогатить свои знания?

— И знания моих читателей тоже, сэр, я на это очень надеюсь, — отвечает Джастин, настоящий дипломат, уголком глаза замечая, что Лорбир и его сопровождающие пересекают посадочную полосу.

— Тогда, сэр, мне бы очень хотелось, чтобы вы обогатили знания моих людей, прислав сюда английские книги. ООН кормит наши тела, но редко вспоминает о наших душах. Мы предпочитаем книги английских классиков девятнадцатого столетия. Возможно, ваша газета сможет оказать нам посильную помощь.

— Я, безусловно, передам им вашу просьбу, — отвечает Джастин. За его правым плечом Лорбир и его люди подходят к подножию холма.

— Мы очень рады вашему приезду, сэр. Как долго мы будем наслаждаться вашим обществом, сэр?

За него отвечает Маккензи. Лорбир и сопровождающие останавливаются у подножия холма, дожидаясь, пока к ним спустятся Маккензи и Джастин.

— До завтрашнего дня, Артур. Мы улетим в это же время, — говорит Маккензи.

— Но не дольше, пожалуйста, — Артур искоса оглядывает придворных. — Не забудьте про нас после отъезда, мистер Аткинсон. Мы будем ждать ваши книги.

— Жаркий день, — отмечает Маккензи, когда они спускаются с холма. — Должно быть, уже сорок два, а еще не вечер. И все же это рай на земле. Вылет завтра в это же время, не забудьте. Привет, Брандт. Вот твой журналист.

Джастин не ожидал столкнуться с таким дружелюбием. Глаза, которые в больнице Ухуру не видели его в упор, теперь светятся радушием. На обожженном солнцем лице просто не хватает места для искренней, заразительной улыбки. В горловом голосе, что-то нервно бормотавшем в палате Тессы, появился командирский металл. Двое мужчин обмениваются рукопожатием, пока Лорбир говорит. Лорбир сжимает руку Джастина двумя руками. Рукопожатие его дружеское, крепкое.

— Вас проинструктировали в Локи, мистер Аткинсон, или вся тяжелая работа оставлена на меня?

— Боюсь, времени для инструктажа у меня не было, — отвечает Джастин, тоже улыбается.

— Ну почему журналисты всегда торопятся, мистер Аткинсон? — весело жалуется Лорбир, отпускает руку Джастина, чтобы обнять его за плечо и увлечь к посадочной полосе. — Неужели в наши дни правда так быстро меняется? Мой отец всегда учил меня: правдивое — вечно.

— Мне бы очень хотелось, чтобы он просветил в этом моего редактора.

— Но, возможно, ваш редактор не верит в вечность? — осведомляется Лорбир, разворачивает Джастина, подносит палец к его лицу.

— Возможно, не верит, — не спорит Джастин.

— А вы? — Брови, словно у клоуна, вопросительно взлетают вверх.

На мгновение Джастин теряется. «Чего я притворяюсь? Это же Лорбир, предатель!»

— Думаю, что мне надо еще пожить какое-то время, прежде чем я смогу ответить на этот вопрос.

Его слова вызывают у Лорбира приступ смеха.

— Но не слишком долго, старина! Иначе вечность придет и заберет вас к себе! Вы когда-нибудь видели, как сбрасывают продовольствие? — внезапно он понижает голос, хватая Джастина за руку.

— Боюсь, что нет.

— Тогда я вам покажу. И вы сразу поверите в вечность, уверяю вас. Его сбрасывают четыре раза в день, и всякий раз это божественное чудо.

— Вы очень добры.

Лорбир готовится произнести стандартный монолог. Джастин, многоопытный дипломат, софист, это чувствует.

— Мы стараемся быть эффективными, мистер Аткинсон. Мы стараемся накормить тех, кто действительно голоден. Возможно, мы раздаем лишнее. Я не считаю это преступлением, если люди, которые приходят к нам, голодают. Возможно, где-то они лгут нам, о том, как живут в своих деревнях, как много их соседей умирает. Возможно, благодаря нам появится несколько миллионов черного рынка. Это, конечно, плохо. Вы согласны?

— Согласен.

Джейми возникает рядом с Лорбиром, ее сопровождает группа африканских женщин. У них в руках папки с зажимом для бумаг.

— Возможно, владельцы продовольственных лавок не любят нас, потому что мы подрываем их торговлю. Возможно, колдуны говорят, что мы со своими

высокоэффективными западными лекарствами лишаем их работы. Возможно, раздачей продовольствия мы создаем зависимость. Понимаете?

— Понимаю.

Улыбка во все тридцать два зуба отмечает все эти мелочи.

— Послушайте, мистер Аткинсон. Расскажите об этом вашим читателям. Расскажите толстозадым бюрократам ООН в Женеве и Найроби. Всякий раз, когда мой продовольственный пункт вкладывает ложку овсяной каши в рот голодающего ребенка, я делаю свою работу. И следующей ночью сплю за пазухой у господина. Потому что оправдал свое появление на свет божий. Вы скажете им об этом?

— Я постараюсь.

— Как вас зовут?

— Питер.

— Брандт.

Они вновьжимают друг другу руки. На этот раз рукопожатие затягивается.

— Спрашивайте меня о чем хотите, Питер. Договорились? У меня нет секретов от бога. Хотите спросить о чем-то особенном?

— Пока нет. Возможно, позже, когда я немного пообвыкну.

— Это хорошо. Знакомьтесь с обстановкой. Правдивое — вечно, так?

— Так.

Наступает время молитвы.

Время святого причастия.

Время чуда.

Время разделить тело Христово со всем человечеством.

Так вещает Лорбир, и слова его Джастин записывает в блокнот, в тщетной попытке не поддаться обаянию своего гида. Это время, «когда человеческий гуманизм исправляет ошибки человеческой злобы». Еще одна истина, слетающая с губ Лорбира, пока он, прищурившись, оглядывает жаркие небеса, своей улыбкой призывая благоволение господина, и Джастин чувствует, как плечо человека, предавшего Тессу, упирается в его плечо. Подтягиваются другие зрители. Ближе всех стоят Джейми-Зимбабвийка и комиссар Артур со своими придворными. Собаки, африканцы в красных одеждах, голые дети выстраиваются вдоль посадочной полосы.

— Сегодня мы кормим четыреста шестнадцать семей, Питер. Каждая в среднем из шести человек. Комиссару я отдаю пять процентов всего, что нам сбрасывают. Неофициально. Вы — хороший парень, поэтому я вам об этом рассказываю. Если послушать комиссара, то в Судане проживает никак не меньше ста миллионов человек. Еще одна наша проблема — слухи. Стоит одному человеку сказать, что он видел вооруженного всадника, как десять тысяч обращаются в бегство, бросая свои посеы и деревни.

Он замолкает. Джейми вскидывает одну руку к небу, а второй находит руку Лорбира и сжимает ее. Комиссар и его придворные тоже слышат звук авиационных двигателей, поднимают головы, широко раскрывают глаза, их губы расползаются в улыбке. Джастин находит в небе черную точку. Постепенно точка превращается в еще один «Буффало», двойник того, что доставил его сюда, белый, храбрый, одинокий, летящий над самыми вершинами деревьев. Потом он исчезает, казалось бы, с тем, чтобы уже не вернуться. Но паства Лорбира не теряет веры. Головы подняты к небу, все жаждут возвращения самолета. И он появляется вновь, летит по прямой, на небольшой высоте. В горле Джастина возникает комок, на глазах появляются слезы, когда хвостовой люк самолета начинает изливаться белым дождем из мешков с продовольствием. Поначалу они игриво парят, но потом, под собственным весом, набирают скорость и тяжело плюхаются в район сбрасывания. Самолет делает круг, чтобы повторить маневр.

— Видели, каково это? — шепчет Лорбир. На его глазах тоже слезы. Он плачет четыре раза в день? Или только при зрителях?

— Видел, — подтверждает Джастин. «Как видела ты и, как я, несомненно, на

мгновение стала членом его церкви».

— Послушайте. Нам нужно больше посадочных полос. Напишите об этом в вашей статье. Больше посадочных полос, расположенных ближе к деревьям. Ближе к тем, кто нуждается в продовольствии. Путь для них слишком долгий, слишком опасный. Их насилюют, им режут глотки. Пока они отсутствуют, крадут их детей. А когда они приходят сюда, выясняется, что они пришли зря. В этот день их деревня продовольствия не получает. Они идут домой, они в полном замешательстве, злятся, теряют голову. Многие гибнут. Их дети тоже. Вы об этом напишете?

— Я постараюсь.

— Локи говорит, что увеличение посадочных полос требует строительства новых продовольственных пунктов, новых координаторов. Локи говорит, где взять деньги? Я им отвечаю: сначала потратьте, потом найдите. Почему нет?

На посадочной полосе другая тишина. Тишина предчувствия дурного. Вдруг в лесах прячутся мародеры, готовые ухватить дары небес и убежать с ними? Большая рука Лорбира вновь сжимает предплечье Джастина.

— Оружия у нас нет, — объясняет он в ответ на невысказанный вопрос, который уже задает себе Джастин. — В деревнях есть «армалайты» [82] и «Калашниковы». Комиссар Артур покупает оружие за пять процентов продовольствия, которые получает от нас, и раздает его своему племени. Но на продовольственном пункте мы вооружены только радио и молитвой.

В этот момент становится ясно, что на этот раз все обошлось без лишних проблем. Первые носильщики осторожно выходят на посадочную полосу, заваленную мешками. С папками в руках, Джейми и другие помощники координатора занимают привычные позиции. Некоторые мешки полопались. Женщины замечают рассыпавшееся зерно. Лорбир сжимает предплечье Джастина, знакомя его с «культурой продовольственного мешка».

— После того как бог изобрел сброс продовольствия из грузового люка самолета, — Лорбир громко смеется, — он изобрел продовольственный мешок. Порванные или целые, эти белые синтетические мешки, проштампованные аббревиатурой ВПП, «Всемирная продовольственная программа», стали столь же необходимым товаром для экономики Южного Судана, как и само продовольствие. Взгляните на этот ветровой конус... на обувь этого мужчины... на его головную повязку... Говорю вам, если я когда-нибудь женюсь, то одену мою невесту в продовольственные мешки.

Джейми, стоящая по другую руку Лорбира, залиvisto смеется. К ней присоединяются другие помощники координатора. Смех еще не успевает стихнуть, когда из-за деревьев на противоположной стороне посадочной полосы появляются три колонны женщин. Все они из племени динка, очень высокие, шесть футов скорее правило, чем исключение. Всем свойственна характерная африканская походка, мечта едва ли не каждой манекенщицы. Большинство с голой грудью, остальные в платьях медного цвета, туго обтягивающих грудь. Их взгляды не отрываются от сложенных в кучи мешков. Говорят они тихо, исключительно между собой. Джастин искоса смотрит на Лорбира. Женщины тем временем называют свое имя, берут по мешку, вскидывают в воздух и укладывают на голову. И он видит в глазах Лорбира безмерную печаль, словно тот считает себя ответственным и за тяжелое положение африканских женщин, и за свалившийся на них голод.

— Что-то не так? — спрашивает Джастин.

— Женщины, они — единственная надежда Африки, Питер, — отвечает Лорбир, шепотом, не отрывая взгляда от женщин. Ищет он среди них Ванзу? И всех других Ванз? Его маленькие светлые глазки прячутся в черной тени полей хомбурга. — Запишите это, Питер. Мы отдаем продовольствие только женщинам. Мужчинам мы не доверяем. Нет, сэр. Они продадут нашу овсянку на рынке. Они заставят своих женщин пустить зерно на самогон. Они покупают сигареты, оружие, девочек. От мужчин только одни неприятности. Женщины — хранительницы очага, мужчины горазды только воевать. Вся Африка — арена борьбы между полами, Питер. Только женщины трудятся здесь во славу господина. Запишите это.

Джастин записывает, но это напрасный труд, потому что те же слова он слышал от Тессы каждый день. Женщины молчаливо скрываются за деревьями. Собаки виновато слизывают оставшиеся на посадочной полосе зерна.

Джейми и другие помощницы координатора расходятся по своим делам. Лорбир в коричневом хомбурге, с важным видом духовного учителя, ведет Джастина через посадочную полосу, подальше от тукулов, к синей полосе леса. С десятков мальчишек бегут следом. Пытаются схватить великого человека за палец. Если им это удастся, они начинают рычать и скачут, высоко подбрасывая ноги, словно танцующие эльфы.

— Эти дети думают, что они — львы, — объясняет Лорбир Джастину. — В прошлое воскресенье на уроке библейской школы им рассказали о том, что львы так быстро сожрали Даниила, что бог не успел его спасти. Я говорю ребятам: «Нет, нет, вы должны позволить богу спасти Даниила! Так написано в Библии!» Но они говорят, что львы слишком голодны, чтобы ждать. Пусть они сначала съедят Даниила, а уж потом бог сотворит свое чудо! Не оживит Даниила, а убьет львов.

Они приближаются к сараям, которые выстроились рядом у дальнего конца посадочной полосы. К каждому сараю примыкает маленький, обнесенный забором дворик. В каждом дворике — полный набор тяжело, если не смертельно больных, страждущих, покалеченных, обезвоженных. Женщины, согнутые болью в три погибели. Младенцы, облепленные мухами, ослабевшие до такой степени, что не могут даже кричать. Старики в коме от непрерывной рвоты или диареи. Едва держащиеся на ногах от усталости врачи и фельдшеры пытаются создать хоть какое-то подобие очереди. Стоят в ней и девушки, шепчущиеся друг с другом и нервно хихикающие. Подростки, которым не стоит на месте, за что они время от времени получают палкой от взрослых.

Сопровождаемые держащимися чуть сзади Артуром и его свитой, Лорбир и Джастин входят в аптеку, чем-то похожую на загородный павильон у крикетного поля. Осторожно протискиваясь мимо пациентов, Лорбир подводит Джастина к металлической загородке, охраняемой двумя крепкими африканцами в футболках с надписью «Medecins Sans Frontieres» [83] на груди. Загородку отодвигают, Лорбир проскальзывает за нее, снимает хомбург, машет рукой Джастину. Белая женщина-фельдшер и трое ее помощников что-то смешивают и взвешивают за деревянным прилавком. Чувствуется, что они в запарке. Женщина вскидывает голову, видит Лорбира и широко улыбается.

— Привет, Брандт. Кто твой симпатичный друг? — спрашивает она с четким шотландским выговором.

— Элен, познакомься с Питером. Он — журналист и собирается рассказать всему миру, что вы — ленивые бездельники.

— Привет, Питер.

— Привет.

— Элен — медсестра из Глазго.

На полках, от пола до потолка, стоят многоцветные картонные коробки и стеклянные бутылки. Джастин оглядывает их, из чистого любопытства, выискивая знакомую черно-красную коробку с логотипом из трех золотых пчелок. Не находит. Лорбир уже занял место у полок, приготовившись прочитать еще одну лекцию. Фельдшер и ее помощники обмениваются улыбками. Опять двадцать пять. Лорбир держит в руке большую бутылку с притертой крышкой, набитую зелеными таблетками.

— Питер, — голос его очень серьезен, — сейчас я расскажу вам о еще одной линии жизни.

«Он повторяет это каждый день? Каждому гостю? Это его ежедневный акт раскаяния? То же самое он говорил и Тессе?»

— Восемьдесят процентов больных СПИДом живут в Африке, Питер. Скорее всего эта цифра занижена. Из них три четверти не получают никаких лекарств. За это мы должны благодарить фармакологические компании и их верного слугу, Государственный департамент США, который угрожает санкциями любой стране, которая посмеет наладить производство

дешевых аналогов запатентованных американских лекарств. Вам понятно? Вы успели все записать?

Джастин кивает:

— Продолжайте.

— Таблетки из этой бутылки стоят в Найроби двадцать долларов США за штуку, в Нью-Йорке — шесть, в Маниле — восемнадцать. Со дня на день Индия начнет производить аналог этого препарата, и тогда цена упадет до шестидесяти центов. Только не говорите мне о расходах на создание и исследование. Фармакологические умельцы списали их десять лет тому назад, да и большая часть этих денег была получена от государства, поэтому несут они чушь. Речь же идет об аморальной монополии, которая каждый день уносит человеческие жизни. Понимаете?

Лорбир прекрасно знает свой выставочный стенд, поэтому ему нет нужды искать необходимые экспонаты. Он ставит бутылку, берет белую с черным картонную коробку.

— Вот это лекарство продается уже тридцать лет. Знаете от чего? От малярии. Знаете, почему тридцать лет? Может, несколько жителей Нью-Йорка вдруг заболеют малярией и не дай бог, чтобы под рукой не оказалось необходимого лекарства! — Он берет другую коробку. Его руки, как и голос, дрожат от праведного гнева. — Вот эта щедрая и филантропическая фармакологическая компания из Нью-Джерси пожертвовала производимое ею лекарство беднейшим странам мира. Фармакологические компании хотят, чтобы их любили. Если их не любят, у них сразу портится настроение.

«И они становятся опасными», — думает Джастин, но не озвучивает свои мысли.

— Почему фармакологическая компания вдруг так расщедрилась? Потому что они начали производство препарата нового поколения. А старый изъяли из продажи. Отдали его Африке за шесть месяцев до истечения срока использования, получив за свою щедрость налоговые освобождения в сумме нескольких миллионов долларов. Плюс сэкономили несколько миллионов на складских расходах и уничтожении лекарственных препаратов, которые они уже не могли продать. Плюс все говорят: «Посмотрите на них! Какие они хорошие». Даже акционеры так говорят, — он переворачивает коробку, с презрением смотрит на пропечатанный на основании предельный срок использования. — Груз пролежал на таможенном складе в Найроби три месяца, пока таможенники ждали, что им дадут взятку. Пару лет тому назад эта же фармакологическая компания отправила в Африку средства для восстановления волос, отвыкания от курения, похудения и, спасибо благотворительности, уменьшила налогооблагаемую базу на многие миллионы долларов. Эти мерзавцы готовы на все ради повышения нормы прибыли, и это правда.

Но с особым жаром он обрушивает свой гнев на собственных работодателей, «зажравшихся чиновников из гуманитарных организаций, обосновавшихся в Женеве, которые так сладко спелись с крупнейшими фармакологическими компаниями».

— И эти люди еще смеют называть себя гуманистами! — возмущается он, вызывая улыбки медсестры из Глазго и ее помощников. С тем же отвращением произносила последнее слово и Тесса. — Работа — не бей лежачего, жалование не облагается налогом, пенсии выше крыши, дорогие машины, для детей — бесплатно лучшие школы! Да еще поездки по свету на всем готовом! Я их видел, Питер! В роскошных швейцарских ресторанах, за одним столом с симпатичными лоббистками фармакологических компаний. Чего они прикрываются гуманизмом? У Женевы есть несколько лишних миллиардов долларов? Отлично! Потратим их на фармакологию, а обедами с барского стола облагодетельствуем Африку!

— В каком статусе вы их видели, Брандт? Головы поднимаются. Все, кроме Джастина. Раньше, похоже, никто не пытался поставить под сомнение слова пророка. Глаза Лорбира округляются. Лоб собирается в морщины обиды.

— Говорю вам, Питер, я их видел. Вот этими глазами.

— Я не сомневаюсь, что вы их видели, Брандт. Но у моих читателей такие сомнения могут возникнуть. Они зададутся вопросом: «Кто такой этот Брандт, который их видел?» Вы

работали в ООН? Или обедали в том же ресторане? — Короткий смешок, прелюдия к третьему варианту. — А может, вы служили Силам Тьмы!

Лорбир почувствовал присутствие врага? Выражение «Силы Тьмы» показалось ему угрожающе знакомым? Память подсказала, что в не столь уж далеком прошлом он уже видел Джастина, в больничной палате? Лицо становится жалким. Джастин видит перед собой обиженного старика. «Ну почему вы так, — словно говорит это лицо. — Вы же мне друг». Но журналист продолжает что-то записывать и не приходит на помощь.

— Если вы хотите повернуться лицом к богу, сначала надо согрешить, — сиплым голосом нарушает затянувшуюся паузу Лорбир. — В этом месте все верят в милосердие господ, Питер, поверьте мне.

Но обида не покидает лица Лорбира. Как и тревога. Он предчувствует, что его ждут плохие новости, услышать которые ему ой как не хочется. На обратном пути он предпочитает компанию комиссара Артура. Двое мужчин идут, взявшись за руки, как принято в племени динка, здоровяк Лорбир в хомбурге и сухонький Артур в бейсболке из Парижа.

Деревянный частокол с проемом, заложённым бревном, которое выполняет роль ворот, огораживает владения Брандта, координатора распределения продовольствия, и его помощников. Дети остаются за частоколом. Только Артур и Лорбир сопровождают дорогого гостя в ознакомительном туре, показывая местные достопримечательности. Импровизированная душевая кабинка с баком над головой. Вода, естественно, нагревается солнцем. Еще бак, для сбора дождевой воды, с насосом времен каменного века, который приводится в действие генератором, его ровесником. Все это — результат стараний Брандта.

— Когда-нибудь я запатентую это устройство! — восклицает Брандт и подмигивает Артуру.

Солнечная панель лежит на земле посреди загона для кур. Куры прыгают с нее на землю.

— Освещает весь лагерь! — хвалится Брандт. Но голос его лишен прежнего пыла.

Туалеты находятся в дальней части лагеря, у самого частокола, мужской и женский. Лорбир стучит в дверь мужского, распахивает, открывая вонючую дыру.

— Здешние мухи вырабатывают устойчивость к любому дезинфицирующему средству, которое мы используем против них, — жалуется он.

— Мультирезистентные мухи? — улыбаясь, спрашивает Джастин, и Лорбир бросает на него безумный взгляд, прежде чем его губы расходятся в жалком подобии улыбки.

Они пересекают лагерь, задержавшись у недавно вырытой ямы четыре на двенадцать футов. На дне, в красной грязи, свернулись кольцами желтые и зеленые змеи.

— Это наше бомбоубежище, Питер. Змеи в этом лагере кусают куда больнее, чем бомбы, — говорит Лорбир, жалуясь на жестокость природы.

Не дождавшись реакции Джастина, поворачивается к Артуру, чтобы разделить с ним шутку. Но Артур уже вернулся к воротам, где дожидалась свита. Как человек, жаждущий дружбы, Лорбир обнимает Джастина за плеча и не убирает руки, пока они неспешно идут к центральному тукулу.

— Теперь вам пора попробовать нашего жаркого из козлятины, — решительно заявляет он. — Наш старик-повар готовит жаркое лучше, чем в ресторанах Женевы! Вы — хороший парень, Питер. Вы — мой друг!

«Кого ты увидел в яме среди змей? — спрашивает он Лорбира. — Опять Ванзу? Или Тесса протянула холодную руку и коснулась тебя!»

От двери до противоположной стены тукула не больше шестнадцати футов. Стол из деревянных поддонов. Сидеть предлагается на нераспечатанных коробках с пивом и растительным маслом. Под потолком жужжит электрический вентилятор, пахнет соей и спреем от москитов. Только у Лорбира, главы семьи, есть стул, который сейчас передвинули к столу от радиопередатчика. Последний тоже стоит на коробках, рядом с газовой плитой.

Лорбир восседает на стуле во главе стола, по-прежнему в хомбурге. Джастин — по одну его руку, Джейми — по другую, это ее законное место, как его главной помощницы. С другой

стороны Джастина сидит молодой врач из Флоренции с длинными волосами, забранными в конский хвост. За ним — Элен, шотландка из аптеки. Напротив Элен — медицинская сестра-нигерийка по имени Салвейшн.

У других членов большой семьи Лорбира нет времени ни для знакомства, ни для светской беседы. Они накладывают жаркое в тарелку, едят стоя или садятся ровно на столько, чтобы переправить содержимое тарелки в желудок, и уходят. Лорбир энергично помешивает жаркое ложкой, его глаза находятся в непрерывном движении, он ест и говорит, ест и говорит, говорит. И хотя иногда обращается к кому-то из своих, ни у кого нет сомнений, что его мудрые речи прежде всего предназначены для ушей журналиста из Лондона. Первая тема, которой касается Лорбир, война. Не постоянные межплеменные стычки, а эта «чертова большая война», которая идет на нефтяных полях Бенту на севере и с каждым днем распространяется все дальше на юг.

— У этих мерзавцев в Хартуме есть танки и артиллерия, Питер. Они рвут бедных африканцев в клочья. Если вы поедете туда, то увидите все собственными глазами. Если бомбардировками не удастся добиться нужного результата, они посылают наземные войска. Этим солдатам нравится насиловать и убивать. И кто помогает им? Кто им аплодирует? Транснациональные нефтяные компании! Негодующий голос заглушает и подавляет. Остальные разговоры должны или закончиться, или прекратиться. Так и происходит.

— Транснациональные корпорации любят Хартум, Питер! «Ребята, — говорят они, — мы уважаем ваши фундаменталистские принципы. Публичные казни, отрубание рук, мы восторгаемся вами. И хотим помочь всеми доступными нам способами. Хотим, чтобы вы использовали ваши дороги и ваши аэродромы на полную катушку. Только не позволяйте этим ленивым африканским бездельникам в городах и деревнях стоять на пути прибыли. Мы точно так же, как вы, хотим очистить страну от этих африканских бездельников. Поэтому вот вам нефтяные деньги. Купите себе еще оружия!» Ты слышишь, Салвейшн? Вы записываете, Питер?

— Каждое слово, спасибо вам, Брандт, — отвечает Джастин, не отрывая глаз от блокнота.

— Транснациональные корпорации выполняют работу дьявола, это я вам точно говорю! Придет день, когда они провалятся в ад, где им самое место, и лучше бы им помнить об этом! — На лице Лорбира появляется театральная гримаса боли, он закрывает его руками, входя в роль менеджера транснациональной компании, предстающего в Судный день перед своим создателем. — «Это не я, господь. Я только выполнял приказы. Мною командовала прибыль». Этот менеджер один из тех, кто приучает вас к курению, а потом продает лекарство от рака, на покупку которого у вас нет денег!

«Этот менеджер один из тех, кто продает нам непроверенные лекарства. Из тех, кто манкирует результатами клинических испытаний, а потом использует бедняков в качестве подопытных кроликов».

— Хотите кофе?

— С удовольствием. Благодарю вас.

Лорбир вскакивает, хватая кружку Джастина из-под супа, споласкивает ее горячей водой из термоса, прежде чем наполнить кофе. Взмокшая от пота рубашка Лорбира обтягивает жирную спину. Он говорит без умолку. Тишина повергает его в ужас.

— В Локи вам рассказывали о поезде, Питер? — кричит он, протирая кружку тряпкой, которую достал из какого-то мешка. — Этом чертовом поезде, который ходит на юг со скоростью пешехода три раза в год?

— Боюсь, что нет.

— Он ходит по старой железной дороге, которую проложили англичане. Этот поезд. Как в старых фильмах. Его защищает кавалерия с севера. На этом поезде привозят припасы во все хартумские гарнизоны, размещенные вдоль дороги с севера на юг. Записали?

— Записал.

«Почему он так потеет? Почему у него такой загнанный взгляд? Какая тайная связь

видится ему между арабским поездом и его собственными грехами?»

— Этот поезд! Сейчас он застрял между Арайтом и Авейлом, в двух днях пути отсюда. Мы должны молиться богу, чтобы река осталась полноводной, и тогда, возможно, эти мерзавцы не придут к нам. Они оставляют за собой выжженную землю, говорю я вам. Убивают всех. Никто не может их остановить. Они слишком сильны.

— О каких именно мерзавцах вы говорите, Брандт? — просит уточнить Джастин. — Я потерял ход ваших мыслей.

— Эти мерзавцы — арабская кавалерия, Питер! Вы думаете, им платят за охрану поезда? Отнюдь. Они охраняют его бесплатно, по доброте души. Их награда — возможность убивать и насиловать в деревнях, которые попадают у них на пути. Поджигать дома. Похищать маленьких девочек и мальчиков, чтобы на том же поезде увезти их на север! Они забирают все, что не сжигают.

— Ага. Понял.

Но поезда Лорбиру мало. Недостаточно для того, чтобы окончательно изгнать тишину, чтобы не подставиться под вопросы, которые он боится услышать. Он отчаянно ищет новую тему.

— Тогда они не рассказали вам и о самолете? Самолете русского производства, возрастом старше Ноева ковчега, который они держат на аэродроме в Джубе. Питер, это та еще история!

— Боюсь, мне не рассказывали ни про поезд, ни про самолет. Как я и говорил, они ничего не успели мне рассказать.

И Джастин, с ручкой, зависшей над блокнотом, ждет истории об изготовленном русскими самолете, который держат на аэродроме в Джубе.

— Эти свихнувшиеся мусульмане в Джубе, они делают бомбы, похожие на оружейные ядра. Потом закатывают их в фюзеляж этого старого самолета и сбрасывают на деревни христиан. «Эй, как вы там, христиане? Вот вам любовное письмо от мусульманских братьев!» Эти бомбы очень эффективны, можете мне поверить, Питер. Эти ребята научились сбрасывать их точно на цель. О да. И эти бомбы настолько взрывоопасны, что экипаж старается избавиться от всех, прежде чем сажать старый самолет в аэропорту Джубы!

Оживает радиопередатчик, чтобы сообщить о прилете очередного «Буффало». Сначала говорит диспетчер из Локи, потом капитан самолета. Джейми выходит на связь, сообщает, что погода отличная, земля твердая, проблем, связанных с безопасностью приема груза, нет. Обедавшие торопливо расходятся, но Лорбир остается за столом. Джастин закрывает блокнот и под взглядом Лорбира убирает его в нагрудный карман рубашки, к ручкам и очкам для чтения.

— Спасибо за обед, Брандт. Жаркое действительно чудесное. У меня есть несколько вопросов, представляющих особый интерес. Сможем мы где-нибудь посидеть вдвоем, чтобы нам не мешали?

Как человек, идущий к месту казни, Лорбир ведет Джастина через заросшую травой поляну, мимо палаток и веревок, на которых сушится белье. Отдельно от остальных стоит куполообразная палатка. Со шляпой в руке Лорбир откидывает полог и пропускает гостя вперед. Джастин наклоняется, чтобы войти, на мгновение встречается с Лорбиром взглядом, и ему открывается, только гораздо яснее, уже подмеченное в тукуле: Лорбир панически боится того, о чем решительно запрещает себе помнить.

Глава 24

Воздух в палатке едкий, спертый и очень горячий, пахнет гниющей травой и грязным бельем, которое уже невозможно отстирать. Чтобы усадить Джастина на один-единственный деревянный стул, Лорбир убирает лютеранскую Библию, томик стихов Гейне, спальный костюм, похожий на детский комбинезон, рюкзак с НЗ и портативной рацией и только потом предлагает Джастину присесть, а сам устраивается на краешке узкой койки, поникнув

рыжеволосой головой, тяжело дыша, в тревожном ожидании вопросов.

— Мою газету интересуется судьба нового противотуберкулезного препарата, названного «Дипракса». Его производит фармакологический концерн «Карел Вита Хадсон» и продает в Африке холдинг «Три Биз». Я заметил, что на ваших аптечных полках его нет. Моя газета полагает, что ваше настоящее имя — Марк Лорбир и вы — тот самый добрый волшебник, благодаря которому препарат попал на рынок.

Лорбир замирает. Мокрая от пота спина, рыжеволосая голова, опущенные плечи остаются недвижимы. Таково последствие шока, вызванного словами Джастина.

— В последнее время все чаще говорят о побочных эффектах «Дипраксы», но вы, я уверен, знаете об этом и без меня, — продолжает Джастин, переворачивает страницу блокнота, сверяется со своими записями. — «КВХ» и «Три Биз» не могут навечно заткнуть все щели. Возможно, вам следует высказаться до того, как вся эта история станет достоянием обществу.

Пот градом катится с обоих, двух жертв одной и той же болезни. Жара в палатке жуткая, и Джастин боится, что они оба лишатся чувств и бок о бок повалятся на пол. Но Лорбир вдруг поднимается и начинает кружить по клетке-палатке. «Наверное, и я вел себя так же в спальне для гостей в доме Вудроу», — думает Джастин, наблюдая, как его пленник останавливается перед зеркалом, смотрит на свое отражение, потом на деревянный крест, закрепленный на брезенте над изголовьем койки.

— Господи Иисусе. Как вам удалось меня найти?

— Говорил с людьми. Где-то мне сопутствовала удача.

— Вот этого не надо. Удача — пшик. Кто вам платит?

Хождение возобновляется. Лорбир трясет головой, сбрасывая капли пота. Внезапно резко разворачивается, словно ему показалось, что Джастин преследует его по пятам. Смотрит на Джастина подозрительно и с упреком.

— Я — независимый журналист, — отвечает Джастин.

— Черта с два! Я покупал таких, как вы! Знаю я вашу кухню! Кто купил вас?

— Никто.

— «КВХ»? Куртисс? С моей помощью они заработали большие деньги.

— А вы заработали деньги с их помощью, не так ли? Согласно сведениям, которыми располагает моя газета, вам принадлежит от тридцати до сорока девяти процентов акций компаний, которые запатентовали молекулу «Дипраксы».

— Я отказался от этих патентов. Лара отказалась. Это кровавые деньги. «Возьмите их, — сказал я им. — Они ваши. И когда придет Судный день, господь, возможно, пожалует вас всех». Так я им и сказал, Питер.

— Сказали кому? — осведомляется Джастин, продолжая записывать. — Куртиссу? Кому-то в «КВХ»? — Лицо Лорбира — маска ужаса. — Или Крику? Ага. Я понимаю. Через Крика вы поддерживали связь с «Три Биз».

И записывает слово Крик, по буквам, потому что из-за жары рука движется очень медленно.

— «Дипракса» — неплохой препарат, не так ли? Моя газета полагает, что это нужный, хороший препарат, который слишком быстро попал на рынок.

— Быстро? — Слово, похоже, забавляет Лорбира. — Говорите, быстро? Эти парни из «КВХ» хотели, чтобы клинические испытания начали и закончили в один день.

Мощный взрыв сотрясает мир. Первая мысль — изготовленный русскими самолет прилетел из Джубы и сбросил одну из своих круглых бомб. Вторая — на лагерь напали всадники с севера. Третья — сражение, начавшееся на нефтяных полях Бенту, докатилось до продовольственного пункта. Палатка трясется, брезент обвисает, готовясь к следующему удару. Растяжки жалобно скрипят под потоками воды, обрушившимися на брезентовую крышу. Но Лорбир не замечает катаклизма. Стоит посреди палатки, приложив руку ко лбу, словно пытается что-то вспомнить. Джастин откидывает полог. Дождь льет как из ведра. Он видит, что три палатки уже сложились. Еще две рушатся у него на глазах. Вода стекает с

белья, развешенного на веревках. Трава скрылась под образовавшимся озером, волны бьются в деревянные стены тукула. Жестяная крыша над ямой-бомбоубежищем прогибается под тяжестью воды. Потом ливень прекращается, так же внезапно, как начался.

— Итак, Марк, — продолжает Джастин, словно ливень очистил атмосферу не только за, но и внутри палатки, — расскажите мне о женщине, которую звали Ванза. Она стала поворотным пунктом в вашей жизни? Моя газета полагает, что да.

Выпученные глаза Лорбира таращатся на Джастина. Он пытается что-то сказать, но ни звука не срывается с губ.

— Ванза жила в деревне к северу от Найроби. Ванза, которая перебралась в лачуги Киберы. Откуда ее увезли в больницу Ухуру, чтобы она рожала там. Она умерла, а ребенок остался в живых. Моя газета уверена, что она лежала в одной палате с Тессой Куэйл. Такое возможно? Или Тессой Эбботт, как иногда она себя называла.

Голос Джастина по-прежнему ровен и бесстрастен, такой и положен репортеру. И бесстрастность во многом искренняя, потому что он не жаждет крови. Его действия не подчинены мести. Над их головами гудит самолет, направляясь к району сбрасывания. Лорбир поднимает глаза к небу, в них теплится надежда: «Они прилетели, чтобы спасти меня». Нет. Они прилетели, чтобы спасти Судан.

— Кто вы?

Вопрос дался ему с огромным трудом, пришлось собрать воедино последние остатки мужества. Но Джастин вопрос игнорирует.

— Ванза умерла. Как и Тесса. Как и Арнольд Блюм, сотрудник бельгийской гуманитарной организации, врач и ее близкий друг. Моя газета уверена, что Тесса и Арнольд приезжали сюда, чтобы поговорить с вами за пару дней до того, как их убили. Моя газета также уверена, что они получили от вас полное признание во всем, что касалось «Дипраксы», и, а вот это всего лишь предположение, как только они уехали, вы выдали их своим бывшим работодателям, с тем чтобы обезопасить себя. Возможно, связались по радио с вашим другом, мистером Криком. Так оно и было?

— Господи Иисусе, — шепчет Лорбир. — Господи Иисусе.

Марк Лорбир горит на костре. Обеими руками он ухватился за центральный шест палатки, прижался к нему лбом, словно шест этот — укрытие от безжалостных вопросов Джастина. Наконец, в безмерной муке, он поднимает голову к небесам, что-то шепчет, о чем-то беззвучно молит. Поднявшись, Джастин вместе со стулом пересекает палатку, ставит его у ног Лорбира, берет его за руку, усаживает.

— Они хотели узнать, в чем моя вина, чего я стыжусь, в чем грешен, — шепчет в ответ Лорбир, вытирая пот с лица тряпкой, которую достал из кармана шорт.

— Они узнали?

— Все. От начала и до конца, клянусь.

— Ваши признания они записали на диктофон?

— На два! Эта женщина считала, что один может подвести. — Джастин улыбается про себя. Как это похоже на Тессу. — Я открылся им полностью. Ничего не утаил, как перед богом. Другого выхода не было. Я стал последним звеном в цепи их расследования.

— Они сказали, что собираются делать с полученными от вас сведениями?

Глаза Лорбира широко раскрываются, но губы остаются сжатыми, тело словно обращается в камень, и на мгновение Джастин думает, что смерть, в милосердии своем, пришла ему на помощь, освободила от дальнейших страданий. Но нет, он вспоминал. И вдруг начинает говорить, очень громко, слова криком вырываются из груди.

— Они собирались показать их единственному в Кении человеку, которому доверяли. Лики. Представить ему все собранные ими доказательства. Кенийские проблемы может решить только Кения, сказала она. Лики, по их убеждению, мог с этим справиться. Они предупредили меня об опасности. «Марк, вам бы лучше спрятаться, — сказала она мне. — Это место для вас уже не столь безопасно. Найдите что-нибудь получше, а не то они изрежут вас на куски за то, что вы нам о них рассказали».

Джастину трудно восстановить истинные слова Тессы по голосу Лорбира, но он пытается. Главное же в другом. Он узнает Тессу не столько по словам, сколько по стремлению обезопасить сначала Лорбира, а уж потом себя. «Изрежут на куски»... да, она могла так сказать.

— А что сказал вам Блюм?

— Правду и только правду. Сказал, что я шарлатан и предатель.

— И тем самым помог вам предать их, — из доброты душевной предполагает Джастин, но от доброты его проку нет, ибо Лорбир не плачет, как Вудроу, а рыдает, со всхлипываниями, размазыванием слез по щекам, подрагиванием плеч. Он любит этот препарат! Этот препарат не заслуживает публичного порицания! Еще несколько лет, и он встанет в один ряд с величайшими научными открытиями! Надо лишь уточнить пиковые уровни токсичности и жестко контролировать дозу, поступающую в организм больного! Над этим уже работают! К тому времени, когда препарат поступит в Соединенные Штаты, эти недостатки будут устранены, обязательно! Лорбир любит Африку, любит все человечество, он — хороший, он рожден не для того, чтобы нести на плечах такую ношу вины! И в столах, рыданиях, мольбах Лорбиру загадочным способом удается воспрянуть из пепла. Он выпрямляется, расправляет плечи, усмешка превосходства сменяет горе покаяния.

— Вспомните их отношения, — протестует он. — Обратите внимание на моральную сторону их поведения. О чьих грехах мы здесь говорим, спрашиваю я себя.

— Мне кажется, я не совсем вас понимаю, — ровным голосом отвечает Джастин, изо всех сил подавляя закипающий в нем гнев.

— А вы почитайте газеты. Послушайте радио. Попробуйте беспристрастно оценить ситуацию. Почему эта симпатичная замужняя белая женщина путешествует в компании интересного черного доктора? Почему представляется девичьей фамилией, а не фамилией законного мужа? Почему заходит в эту самую палатку рука об руку со своим любовником, прелюбодейка и лицемерка, с тем чтобы показать Марку Лорбиру его аморальность?

Но подавить гнев, похоже, не удастся, ибо Лорбир в ужасе смотрит на Джастина, словно видит перед собой ангела смерти, который явился, чтобы вызвать на суд, которого он так страшится.

— Святой боже. Так это вы. Ее муж. Куэйл.

Все обитатели продовольственного пункта ушли к посадочной полосе, принимать очередной небесный груз. Оставив Лорбира рыдать в палатке, Джастин сидит в гамаке, неподалеку от бомбоубежища, смотрит, как кружат в небе черные цапли, своими криками извещая о приближении заката. Вдруг молния прорезает небо, разгоняя зарождающиеся сумерки. Потом с влажной земли поднимается белая пелена тумана. И наконец в небе вспыхивают звезды, такие близкие, что их, кажется, можно потрогать.

Глава 25

Из сплетен, просочившихся как из Уайтхолла, так и из Вестминстера, из комментариев телевизионщиков, которые зачастую предполагали то, чего не было, из статей журналистов, проводящих расследования, сроки которых ограничивались датой сдачи статьи в печать и ближайшим бесплатным ленчем, сложилась глава, добавившаяся к книге истории человечества.

Формальное продвижение по службе, пусть и идущее вразрез с установившейся практикой Форин-оффис: назначение мистера Александра Вудроу послом Великобритании в Кении было встречено с чувством глубокого удовлетворения как белой общиной Найроби, так и местной прессой. «Спокойная сила понимания» — с таким заголовком прошла заметка о назначении Сэнди на третьей странице «Найроби стандарт». Глорию в ней охарактеризовали как «глоток свежего воздуха, который сдует последние паутинки британского капитализма».

О внезапном исчезновении Портера Коулриджа в катакомбах официального Уайтхолла

говорилось мало, а вот намеков хватало. Предшественник Вудроу «потерял контакт с современной Кенией». Он «замучил министров, трудящихся на благо общества, проповедями о коррупции». Высказывалось предположение, пусть и не ставшее предметом широкого обсуждения, что и он мог пасть жертвой греха, который обличал.

Слухи о том, что Коулриджа вызвали на заседание «дисциплинарного комитета Уйатхолла» и предложили дать объяснения по «некоторым щекотливым вопросам, возникшим во время его пребывания на посту посла Великобритании», пресс-секретарь посольства, который их же и инициировал, отмел как досужие измышления, но не опроверг. «Портер был прекрасным специалистом и принципиальным человеком. И отрицать многие его достоинства просто несправедливо», — сообщил Милдрен доверенным журналистам, словно зачитывая некролог, не предназначенный для публикации, и внимательный читатель мог найти эти тезисы между строк газетных статей.

Узнала широкая общественность и о том, что "Африканский царь Форин-оффис, сэр Бернارد Пеллегрин, подал прошение о выходе в отставку ранее положенного срока, с тем чтобы стать одним из топ-менеджеров транснационального фармакологического гиганта «Карел Вита Хадсон» с отделениями в Базеле, Ванкувере, Сиэтле, а теперь и Лондоне, где сэр Пеллегрин мог в максимальной степени проявить «организационные способности». На прощальный банкет в честь Пеллегрини съехались все африканские послы, аккредитованные при Сент-Джеймском дворе, и их жены. В своей остроумной речи посол Южной Африки заметил, что сэр Бернارد и его леди, возможно, не выиграли Уимблдонский турнир, но, без сомнения, завоевали сердца многих африканцев.

Возрождение «современного Гудини Сити», сэра Кеннета Куртисса, с одобрением восприняли как друзья, так и враги. Только малая часть Массандр настаивала на том, что возрождение это призрачное, богатство Кенни К. никуда и не пропадало, а ликвидацию холдинга «Три Биз», то есть разорение мелких акционеров, следует рассматривать как грабеж среди бела дня. Но эти недоброжелательные голоса не помешали избранию великого популиста в палату лордов, где он настоял на титуле «лорд Найробийский и Спеннимурский». Ибо именно в Спеннимуре, маленьком, мало кому известном городке, и родился новоиспеченный член палаты лордов. И даже многим его критикам с Флит-стрит пришлось признать, пусть и сквозь зубы, что горностаю старому дьяволу к лицу.

«Ивнинг стандарт» в колонке «Дневник лондонца» с теплым юмором написала о давно ожидаемой отставке неподкупного борца с преступностью суперинтенданта Френка Гридли из Скотленд-Ярда. В действительности ни о какой отставке речь не шла. Вернувшись с острова Майорка, поездку на который он давно пообещал жене, суперинтендант Гридли занял высокий пост в одной из ведущих охранных фирм Великобритании.

А вот уход из полиции Роба и Лесли не получил никакой огласки, хотя люди знающие говорили, что Гридли перед тем, как навсегда покинуть Ярд, сделал все, чтобы провалить решение об увольнении, как он говорил, «нового поколения беспринципных карьеристов», которые только бросали тень на репутацию полиции.

Гите Пирсон, еще одной потенциальной карьеристке, отказали в приеме на службу в Министерство иностранных дел. Экзамены она сдала только на «хорошо» и «отлично», однако конфиденциальная характеристика, присланная из посольства в Найроби, вызвала определенные сомнения в ее профессиональной пригодности. Постановив, что она «подвержена слишком уж сильному влиянию личных чувств», управление по кадрам порекомендовало Гите подождать пару лет, а потом вновь подать заявление. Беседовавший с ней инспектор особо подчеркнул, что текущая в ее жилах индийская кровь ни в малейшей степени не является причиной для отказа.

Никаких вопросов не вызвал и прискорбный конец Джастина Куэйла. Повредившись умом от отчаяния и горя, он покончил с собой на том самом месте, где несколькими неделями раньше убили его жену Тессу. О том, что с головой у него не в порядке, знали все, кого заботило его благополучие. Лондонские работодатели приложили максимум усилий, чтобы поместить его в закрытую психиатрическую лечебницу санаторного типа и спасти от самого

себя. Известие о том, что убил Тессу его самый близкий друг Арнольд Блум, стало последней каплей. Для тех, кто знал Джастина, не явились откровением и следы от ударов на животе, бедрах, пояснице: они знали, что после смерти жены Джастин частенько находил утешение в самобичевании. А вот где он раздобыл оружие — новенький короткоствольный револьвер тридцать восьмого калибра, в барабане которого насчитали всего пять патронов, осталось загадкой. Увы, неразрешимой. Но богатые при желании всегда находили средства самоуничтожения. Похоронили его, при полном одобрении прессы, на кладбище Лангата, рядом с телами жены и сына.

Постоянное правительство Англии, которое остается неизменным в круговерти приходящих и уходящих политиков, вновь выполнило стоявшие перед ним задачи, за исключением маленького, но доставившего массу неудобств нюанса. Судя по всему, в последние недели своей жизни Джастин собирал «черное досье», с целью доказать, что Тессу и Блума убили по одной простой причине: они слишком много узнали о темных делах одного из самых уважаемых фармакологических концернов, название которого пока оставалось анонимным. Какой-то выскочка-солиситер итальянского происхождения, родственник убитой женщины, имея свободный доступ к деньгам своих ушедших из жизни клиентов, нанял профессионального возмутителя спокойствия, скрывающегося под маской агента по отношению с общественностью. Этот же бессовестный солиситер объединил усилия со знаменитыми адвокатами Сити, известными своей независимостью и драчливостью. Юридическая фирма «Окли, Окли и Фармлоу», представляя неназванную компанию, попыталась оспорить правомерность использования средств клиентов, но безуспешно. Так что они лишь пригрозили подавать в суд на любую газету, которая решалась затронуть эту тему.

Однако смельчаки находились, так что гибель Тессы и Арнольда Блума, а потом и Джастина Куэйла оставались на слуху. Скотленд-Ярд, вынужденный ознакомиться с имеющимися материалами, публично объявил, что они «ничем не обоснованы и очень печальны», и отказался передать их в прокуратуру. Но адвокаты убиенных вместо того, чтобы выбросить белый флаг, обратили свои взоры на парламент. Один из его членов, из Шотландии, тоже адвокат, на парламентском часе, где рассматривалась ситуация со здравоохранением на Африканском континенте, начал задавать министру иностранных дел соответствующие вопросы. Министр, в привычной ему манере, поначалу легко и непринужденно уходил от прямого ответа, но только обнаружил, что цель парламентария — вцепиться ему в горло.

Вопрос. Известно ли министру иностранных дел о каких-либо документах, направленных в его министерство в течение последних месяцев трагически погибшей миссис Тессой Куэйл?

Ответ. Я требую, чтобы о таких вопросах меня уведомляли заранее.

В. Как я понимаю, ваш ответ — нет?

О. Мне ничего не известно о документах, присланных ею при жизни.

В. Следует ли из этого, что она написала вам после смерти?

Смех.

В последующей переписке и устном обмене мнениями министр иностранных дел поначалу полностью отрицал, что ему известно о существовании этих документов, потом выразил протест, поскольку до завершения юридических процедур они находятся *sub judice* [84]. После «дальнейших интенсивных и дорогостоящих поисков» он наконец признал, что документы эти «найжены», чтобы присовокупить, что при получении они были изучены с должным вниманием, разумеется, «с учетом психической неуравновешенности автора». И бесстыдно добавил, что вышеуказанным документам присвоен гриф «Секретно».

В. Форин-оффис регулярно присваивают гриф «Секретно» документам, авторами которых являются психически неуравновешенные люди?

Смех.

О. В случаях, когда такие документы могут нанести вред ни в чем не повинной третьей

стороне, да.

В. А может, и Форин-оффис?

О. Я думаю о ненужных страданиях, которые может принести их обнародование близким усопших.

В. Тогда волноваться не о чем. У миссис Куэйл нет близких родственников.

О. Я обязан учитывать не только их интересы.

В. Благодарю вас. Думаю, я услышал ответ, которого ждал.

На следующий день в Форин-оффис последовало официальное требование о рассекречивании бумаг Тессы Куйэл, поддержанное иском в Верховный Суд. Одновременно, но определенно не случайно, с параллельной инициативой выступили адвокаты друзей и семьи покойного доктора Арнольда Блюма. Во время предварительных слушаний под объективами телекамер толпа смутьянов в символических белых саванах пикетировала Брюссельский дворец правосудия с плакатами «Nous Accusons» [85]. Разумеется, с этим разобрались быстро. Встречные иски, поданные бельгийскими адвокатами, стали гарантией того, что процесс затянется на годы. Однако в результате всей этой суеты широкая общественность узнала название компании, обвиняемой в противоправных деяниях: «Карел Вита Хадсон».

— Вон там — хребет Локоморинанг, — просвещает Джастина капитан Маккензи по системе внутренней связи. — Нефть и золото. Кения и Судан уже сотню лет спорят за эту территорию. На старых картах она принадлежит Судану, на новых — Кении. Я полагаю, кто-то позолотил ручку картографу.

Капитан Маккензи из тех тактичных людей, которые точно знают, когда надо говорить на отвлекающие темы. На этот раз он прилетел на двухмоторном «Бич бейрон». Джастин сидит рядом с ним в кресле второго пилота, слушает, не слыша, то капитана Маккензи, то разговоры пилотов других самолетов, летящих в зоне радиосвязи: «Где мы сейчас, Мак? Выше уровня облаков или ниже?» — «А где ты находишься?» — «В миле справа от тебя и на тысячу футов ниже. Что у тебя со зрением?» Они летят над бурными скалами, под тяжелыми облаками. Ярко-красные полосы появляются там, где пробившиеся сквозь облака солнечные лучи падают на землю. Впереди появляются горы. Дорога, как вена, извивается среди скал-мускулов.

— Кейптаун — Каир, — лаконично объясняет Маккензи. — Не пытайтесь ею воспользоваться.

— Не буду. Маккензи снижается.

— Направо уходит дорога, по которой ехали Арнольд и Тесса. Из Локи в Лодвар. Хорошая дорога, если не принимать во внимание бандитов.

Джастин пристально всматривается в белесый туман, видит Арнольда и Тессу в их джипе, с запыленными лицами, коробку с дискетами, трясущуюся на сиденье между ними. Река пересекает Каирское шоссе. Тагуа, объясняет Маккензи. Ее истоки — в горах Тагуа. Их высота — одиннадцать тысяч футов. Джастин вежливо кивает. Солнце выходит из-за облаков, горы становятся черными и угрожающими. Тесса и Арнольд исчезают. Под ними вновь забытая богом земля, где нет ни людей, ни зверей.

— Сюда иногда заходят суданские племена, живущие вдоль хребта Моджила. В своих джунглях они ходят голыми. Тут вспоминают о скромности, прикрываются клочками ткани. И так быстро бегают!

Джастин вежливо улыбается, глядя на проплывающие под ними коричневые безлесные горы. За ними уже просматривается синева озера.

— Это Туркана?

— Плавать в нем не рекомендую. Если вы, конечно, не мировой рекордсмен. Вода чистая. Прекрасные аметисты. Дружелюбные крокодилы.

Внизу появляются стада овец и коз, деревня, дома, загоны для скота.

— Турканские племена, — комментирует Маккензи. — В прошлом году была большая стрельба из-за краж скота. Лучше держаться от них подальше.

— Хорошо, — обещает Джастин. Маккензи поворачивается к Джастину, смотрит ему в глаза.

— Как я понимаю, они не единственные, от кого вам следует держаться подальше.

— Не единственные, — соглашается Джастин.

— Через пару часов мы уже будем в Найроби. Джастин качает головой.

— Хотите, чтобы я доставил вас в Кампалу? Топлива хватит.

— Вы очень добры.

Вновь внизу появляется дорога, песчаная, без людей и машин. Самолет вдруг начинает мотать, словно природа требует, чтобы они повернули назад.

— Здесь жуткие ветра, — говорит Маккензи. — Регион этим славится.

Под ними лежит Лодвар, зажатый среди конических черных холмов, высота которых не превышает двухсот футов. Аккуратный, чистенький, под жестяными крышами, с бетонной взлетно-посадочной полосой и школой.

— Никакой промышленности, — объясняет Маккензи. — Большой рынок коров, ослов и верблюдов, если у вас есть желание их купить.

— Желания нет, — с улыбкой отвечает Джастин.

— Одна больница, одна школа, много солдат. Лодвар — опорный пункт всего сектора. Солдаты большую часть времени проводят в горах Алой, без особого успеха преследуя бандитов. Из Судана, Уганды, Сомали. Бандитам тут раздолье. А кража скота — национальный вид спорта, — Маккензи вновь входит в роль гида. — Манданго крадут скот, все танцуют две недели, потом другое племя крадет скот у них.

— От Лодвара до озера далеко?

— Километров пятьдесят. Поезжайте в Калокол. Поселок рыбаков. Спросите Микки. Его матрос — Абрахам. С Микки Абрахам ведет себя как шелковый, без него — сущий дьявол.

— Спасибо.

Разговор обрывается. Маккензи облетает посадочную полосу, покачивает крыльями, показывая тем самым, что собирается садиться. Поднимается выше, возвращается. Внезапно они уже на земле. Говорить больше не о чем, разве что Джастин вновь благодарит Маккензи.

— Если я вам понадоблюсь, найдите кого-нибудь, кто сможет связаться со мной по радио. — Маккензи и Джастин уже стоят у самолета. — Если я не смогу помочь вам, есть человек, которого зовут Мартин, он руководит Летной школой Найроби. Летает уже тридцать лет. Учился летать в Перте и Оксфорде. Упомяните мою фамилию.

— Благодарю, — в который уж раз повторяет Джастин и, из уважения к Маккензи, записывает в блокнот названное имя.

— Одолжить вам мой чемоданчик? — Маккензи указывает на черный брифкейс, который держит в руке. — Там, между прочим, длинноствольный пистолет, если вас это интересует. Точно бьет на сорок ярдов.

— О, я не попаду и с десяти, — восклицает Джастин и смеется, как частенько смеялся до появления Тессы.

— А это Джастис, — Маккензи представляет бородатого философа в рваной футболке и зеленых сандалиях, который возник словно из-под земли. — Джастис — ваш водитель. Джастин, познакомьтесь с Джастисом. У Джастиса есть господин по имени Эзра, который поедет с ним. Что еще я могу для вас сделать?

Джастин достает из внутреннего кармана куртки толстый конверт.

— Попрошу вас отправить это письмо, как только вы окажетесь в Найроби. Обычной почтой. Адресат — не моя подруга. Тетушка моего адвоката.

— Этим вечером вас устроит?

— Вполне.

— Будьте осторожны, — Маккензи кладет конверт в брифкейс.

— Обязательно буду, — заверяет его Джастин. На этот раз ему удается не добавить: «Вы очень добры».

Озеро отсвечивало белым, серым, серебристым, стоящее в зените солнце разделяло рыбацкую лодку Микки на черные и белые части: черная — под навесом, белая — открытая безжалостным лучам. Серые, подернутые жарким маревом горы изгибали свои спины над кромкой воды. Черные лица Микки и Абрахама, его молодого матроса, фыркающего, злого, Маккензи и тут не ошибся, блестели от пота. По какой-то, уже никому не ведомой причине Абрахам говорил по-немецки, а не по-английски, поэтому разговор шел на трех языках: Джастин обращался к Микки на английском, к Абрахаму — на немецком, а между собой они говорили на местном диалекте суахили.

Довольно часто Джастин видел и Тессу. Она сидела на самом носу, свесив руку к самой воде, не боясь крокодилов, а Арнольд держался рядом, чтобы она не дай бог не упала в воду. По радио на английском шла какая-то кулинарная передача. Ведущий объяснял, чем хороши высушенные на солнце помидоры.

Поначалу Джастин никак не мог объяснить, куда ему нужно попасть. Ни на английском, ни на немецком. Они словно и не слышали про Аллиа-Бэй. Аллиа-Бэй совершенно их не интересовала. Старый Микки хотел отвезти его на юго-восток, в «Оазис» Вольфганга, и Абрахам горячо поддерживал своего шкипера: все вазунгу останавливались в «Оазисе», это лучший отель в окрестностях озера, там бывали самые знаменитые кинозвезды, рок-звезды и миллионеры, «Оазис», безусловно, то самое место, куда направлялся Джастин, знал он это или нет. И только когда Джастин достал из бумажника фотографию Тессы, маленькую, на паспорт, для газет такая не годилась, они поняли, чего он от них хочет, и как-то притихли. Значит, Джастин хочет посетить то место, где убили Ноя и женщину-мзунгу, спросил Абрахам.

Да, пожалуйста.

Знает ли Джастин, сколько полицейских и журналистов уже побывало в том месте? Знает о том, как тщательно там все обыскали? Знает ли, что полиция Лорвара и «летучий отряд» из Найроби вместе и по отдельности объявили, что место это закрыто для туристов, любителей достопримечательностей, охотников за сувенирами и всех, у кого там нет никаких дел, настаивал Абрахам.

Джастин не знал, но его цель осталась прежней, и он соглашался щедро заплатить за ее достижение.

А как насчет того, что там обитали призраки, задолго до убийства Ноя и мзунгу? Но голосу Абрахама после улаживания финансового вопроса явно недоставало убедительности.

Джастин твердо заявил, что призраков он не боится.

Поначалу старик и его помощник пребывали в глубокой меланхолии: им определенно не нравилось плавание, в которое они были вынуждены отправиться, и Тессе пришлось приложить немало усилий, чтобы вывести их из этого состояния. Но, как обычно, с помощью остроумных реплик, которые она то и дело подавала с носа лодки, ей это удалось. Помогало также и присутствие других рыбацких лодок. Тесса спрашивала у рыбаков, что они поймали, те отвечали: столько-то красных рыб, столько-то синих, столько-то радужных. Ее энтузиазм оказался таким заразительным, что Джастин сумел уговорить Микки и Абрахама бросить за борт леску с приманкой, и постепенно они тоже увлеклись рыбалкой, забыв про тревожные мысли.

— Вы в порядке, сэр? — спросил Микки, подойдя вплотную, заглядывая в глаза, как старый доктор.

— Да. В полном порядке. Все хорошо.

— Я думаю, у вас лихорадка, сэр. Почему бы вам не сесть под тентом? Я принесу вам холодной воды.

— Отлично. Мы оба там посидим.

— Спасибо, сэр. Но лодка требует внимания.

Джастин садится под тент, льдом из стакана охлаждает шею и лоб. Странную компанию они везут с собой, он не может не признать этого. Когда дело касается приглашений, Тесса абсолютно не знает меры. Вот и теперь гостей не счесть. Приятно, конечно, видеть Портера,

и тебя, Вероника, и Розы, какие тут могут быть возражения. Тем более что Тессе всегда удавалось найти контакт с Розы. А вот Бернард и Селли Пеллегрин — это ошибка, дорогая, серьезная ошибка, да еще Бернард взял с собой не одну теннисную ракетку, а целых три. Что же касается четы Вудроу... честно говоря, тебе пора признать, что сердца у них далеко не из золота, и ты убедилась в этом на собственной шкуре. И, ради бога, перестань смотреть на меня так, словно тебе ужасно хочется заняться любовью. Сэнди и так сходит с ума, заглядывая тебе за вырез блузки.

— В чем дело? — резко спросил Джастин.

Он вдруг решил, что рядом с ним Мустафа. Но потом понял, что это Микки забрал в кулак рубашку на спине, повыше правой лопатки, и трясет его, чтобы разбудить.

— Мы прибыли, сэр, на восточный берег. Максимально близко к тому месту, где произошла трагедия.

— Где это?

— В десяти минутах ходьбы, сэр. Мы пойдем с вами.

— В этом нет необходимости.

— Еще как есть, сэр.

— Was fehlt dir? [86] — спросил Абрахам, заглядывая через плечо Микки.

— Nichts. Ничего. Я в порядке. Вы оба очень добры.

— Выпейте еще воды, сэр, — Микки протянул ему полный стакан.

Внушительной колонной они двинулись на скалистый берег, который в незапамятные времена стал колыбелью человечества. «Не ожидал встретить здесь столь цивилизованное общество», — говорит он Тессе, и она залиvisto смеется. Первой, разумеется, идет Глория. По-другому и быть не могло. Широким шагом, размахивая руками, как заправский солдат. Пеллегрин, конечно, ворчит, но это обычное дело. Его жена, Селли, жалуется на жару, но что тут нового? Розы Коулридж сидит на плечах отца и поет в честь Тессы... как они все могли разместиться в одной лодке?

Микки остановился, коснулся рукой предплечья Джастина. Абрахам чуть не ткнулся в его спину.

— Вот место, где ваша жена ушла из этого мира, сэр, — Микки тяжело вздохнул.

Он мог бы не говорить, Джастин сам понял, что они пришли... пусть и не знал, как Микки догадался о том, что он — ее муж, но, возможно, он сказал ему об этом во сне. Он видел это место на фотографиях, в сумраке спальни для гостей в доме Вудроу, во сне. Вот русло пересохшей речушки. Вот маленькая каменная пирамида, воздвигнутая Гитой и ее подругами. Вокруг, со всех сторон, увы, мусор, который в наши дни всегда оставляют за собой люди: пластмассовые и бумажные коробочки от фотопленок, смятые пачки из-под сигарет, пластиковые бутылки, бумажные тарелки. Выше, в тридцати или сорока ярдах, над белым каменным склоном, пыльная дорога, где большой вездеход для сафари поравнялся с джипом Тессы и кто-то из сидящих в вездеходе прострелил колесо джипа, после чего последний стащило с дороги вниз по склону, а убийцы Тессы, вооруженные до зубов, побежали следом. Скрюченным пальцем Микки показывал следы синей краски на белом камне: принадлежащий «Оазису» джип пятнал склон при падении. Склон этот белым пятном выделяется среди окружающих его черных вулканических скал. А эти бурые пятна, возможно, кровь, как предположил Микки. Но, пристально присмотревшись, Джастин пришел к выводу, что это мох. В остальном же окрестности не представляли особого интереса для садовника. Пробивающиеся меж камней пучки ситовника желтоватого, пальмы дум, как всегда растущие рядом, словно их сажал городской департамент озеленения. Несколько кустов молочая, естественно, он всегда растет там, где базальт. Джастин выбрал подходящий валун, сел. У него чуть кружилась голова, но в остальном он прекрасно себя чувствовал. Микки протянул ему бутылку с водой, он выпил прямо из горлышка, завернул крышку, поставил бутылку между ног.

— Я бы хотел побыть один, Микки. Почему бы вам с Абрахамом не половить рыбу? Я крикну вас с берега, и вы вернетесь за мной.

— Мы бы предпочли подождать вас на берегу, сэр, у лодки.

— Почему не половить рыбу?

— Мы предпочли бы остаться с вами. У вас лихорадка.

— Она пройдет. Через час-другой. — Джастин посмотрел на часы. Четыре пополудни. — Когда смеркается?

— В семь часов.

— Отлично. Заберете меня, когда начнет темнеть. Если мне что-нибудь понадобится, я вас позову, — и тверже: — Я хочу побыть один, Микки. Для этого я и приехал сюда.

— Да, сэр.

Он не слышал, как Микки и Абрахам ушли. Какое-то время он вообще ничего не слышал, кроме плещущихся волн. Потом до него донесся вой шакала, оживленная беседа семейства стервятников, рассеявшихся на пальме дум. И тут же Тесса сказала ему, что сделала бы все снова, будь у нее вторая жизнь, что именно так она и хотела умереть, в Африке: умереть в борьбе с несправедливостью. Он выпил воды, встал, потянулся, направился к следам краски на камне, чтобы быть к ней ближе. Много времени дорога не заняла. Положив руки на следы, он оказывался в восемнадцати дюймах от нее, учитывая толщину автомобильной дверцы. Или расстояние между ними было в два раза большим, если у этой дверцы сидел Арнольд. Он даже хохотнул, вспомнив, сколько ему приходилось тратить усилий, чтобы заставить ее пристегнуться ремнем безопасности. На изобилующих колдобинами африканских дорогах, спорила она из свойственного ей упрямства, лучше обходиться без ремня: тогда тебя не будет подбрасывать, как мешок с картошкой, на каждой паршивой выбоине. От следов краски он спустился вниз, на дно пересохшей речушки, и, сунув руки в карманы, встал рядом с тем местом, где замер сброшенный с дороги джип, представил себе, как бедного Арнольда выволокли из кабины, вышибли из него дух и увезли туда, где его ждала медленная и мучительная смерть.

Затем, человек педантичный, он вернулся к валуну, который использовал вместо стула по прибытии на место, вновь сел и сосредоточился на маленьком синем цветке, очень похожем на флокс, который он посадил в палисаднике своего дома в Найроби. Проблема заключалась в том, что он не мог с уверенностью сказать, рос ли цветок там, где он его видел, или он мысленно перенес его из Найроби, а может, при здравом размышлении, даже с лужайки перед отелем в Швейцарии. Но его интерес к флоре в значительной мере угас. Он более не хотел, чтобы его воспринимали как очень милого человека, который превыше всего ставит флоксы, астры, фризии и гортензии. Джастин как раз размышлял о переменах в его внутреннем мире, когда со стороны берега донесся шум работающего мотора. Сначала что-то грохнуло, словно раздался небольшой взрыв, потом мотор ровно заурчал и урчание начало медленно затухать. «Должно быть, — решил он, — Микки все-таки решил порыбачить. Как истинный рыбак, он прекрасно знал, что на закате самый лучший клев, и не смог устоять перед искушением». Джастин вспомнил свои попытки уговорить Тессу отправиться с ним на рыбалку. Только в результате они не ловили рыбу, а занимались любовью, возможно, поэтому он ее и уговаривал. Джастин еще улыбался, думая о том, что дно маленькой лодки — не самое подходящее место для любовных утех, когда в голову пришла новая идея, связанная с внезапным отъездом Микки. И идея эта не имела никакого отношения к предзакатному клеву.

Микки не из тех, кто меняет свое решение, потекает своим прихотям.

Микки совсем не такой.

Он сразу понял, едва увидев Микки, да и Тесса подтвердила правильность его вывода: верность господину у Микки в крови, вот почему, собственно, он в какой-то момент и спутал его с Мустафой.

Поэтому Микки не мог отправиться на рыбалку.

Но он уплыл. Взял он с собой Абрахама или нет, Джастин сказать не мог. Но Микки уплыл, вместе с лодкой. Уплыл далеко, на другую сторону озера... шум мотора давно уже сошел на нет.

Так почему он уплыл? Кто предложил ему уплыть? Заплатил за то, чтобы он уплыл?

Приказал уплыть? Пригрозил, что иначе ему будет худо? Что за сообщение получил Микки, по радио или от кого-то лично, подошедшего к нему человека, может, другого рыбака, если, несмотря на верность, читаемую на его открытом лице, снялся с якоря и уплыл, не получив деньги за сделанную работу? Или Марк Лорбир, этот импульсивный Иуда, чтобы подстраховаться, вновь решил обратиться к своим друзьям? Джастину вроде бы показалось, что он слышит шум еще одного двигателя, на этот раз со стороны дороги. Сумерки быстро сгущались, день переходил в ночь, в такой час водитель проезжающего автомобиля обязательно включил хотя бы подфарники, но этот сэкономил ресурс лампочек.

У Джастина возникла мысль, возможно, потому, что двигался автомобиль с черепашьей скоростью, что за рулем сидит Хэм, который, как всегда, едет на пять миль медленнее, чем разрешали установленные на дороге знаки. А прибыл он с тем, чтобы сообщить, что все письма, отправленные тетушке-драконше в Милан, благополучно получены и величайшая несправедливость, раскрытая Тессой, будет в самое ближайшее время исправлена, причем по установленным ею правилам: Систему заставят принять необходимые меры. Тут же в голову пришла новая мысль: «Это не автомобиль. Я ошибся. Это маленький самолет». Шум исчез совсем, и Джастин практически убедил себя в том, что сам шум — иллюзия: он слышит шум двигателя джипа Тессы, который вот-вот появится на дороге, Тесса сбежит вниз в сапожках «Мефисто», чтобы поблагодарить его за то, что он продолжил и довел до конца начатое ею дело. Но джип, который он увидел, не принадлежал ни Тессе, ни кому-то из его знакомых. На дороге над ним остановился скорее не джип, а вездеход, но небольшой вездеход для сафари, темно-синий или темно-зеленый, в быстро меркнувшем свете разглядеть цвет не удавалось. И остановился вездеход именно в том месте, где он видел Тессу. И хотя Джастин ждал чего-то подобного после приезда в Найроби и где-то в душе даже хотел, чтобы так оно и вышло, а потому расценил предупреждение Донохью как излишнее, появление вездехода вызвало у него безмерную радость, ощущение завершенности. Он встретился со всеми, кто предал ее: Пеллегриним, Вудроу, Лорбиром. Он переписал заново ее меморандум, пусть и не смог свести воедино отдельные его части, но по-другому не получилось. А теперь ему предстояло разделить с Тессой последний из ее секретов.

Второй вездеход остановился в затылок первому. Он услышал легкие шаги, увидел быстро движущиеся тени. Услышал, как кто-то свистнул на дороге, как сзади послышался ответный свист. Ему показалось, а может, так оно и было, что он уловил запах сигаретного дыма: кто-то курил сигареты «Спортсмен». Темнота вдруг сгустилась, потому что вокруг вспыхнули фонари и самый яркий выхватил его из темноты.

Он услышал шаги, приближающиеся к нему по белому склону.

Авторское послесловие

Первым делом позвольте мне выступить в защиту посольства Англии в Найроби. Это совсем не то место, которое я описал в книге, я там вообще никогда не был. И люди, которых я описал, там не работают, потому что я с ними никогда не встречался и не разговаривал. Пару лет тому назад я виделся с послом, мы выпили имбирного эля на веранде отеля «Норфолк», но ничего больше. Он ничем не напоминает, внешне или внутренне, моего Портера Коулриджа. Что же касается бедного Сэнди Вудроу... что ж, если в английском посольстве в Найроби вообще есть глава «канцелярии», вы можете быть уверены, что ему или ей и в мыслях не придет возжелать жену (или мужа) ближнего своего или уничтожить важные документы. Но такой должности нет. Главы «канцелярии» как в Найроби, так и во многих других посольствах Англии, канули в Лету.

В наши скверные времена, когда адвокаты правят миром, я должен специально на это указать, хотя все вышесказанное — чистая правда. За единственным исключением: ни один персонаж, ни одно учреждение или корпорация, слава богу, упомянутые в романе, не «списаны» с реальных людей или организаций, что бы мы ни думали о Вудроу, Пеллегрине, Лендсбюри, Крике, Куртиссе и его смертоносном холдинге «Три Биз» или концерне «Карел

Вита Хадсон», также упоминаемом как «КВХ». Исключение — великий и неповторимый Вольфганг, владелец «Оазиса», личность, навсегда остающаяся в памяти тех, кто хоть раз встречался с ним, поэтому нелепо и пытаться создавать его вымышленный эквивалент. В своей царственной доброте Вольфганг не стал возражать против появления на страницах моего романа.

Нет никакой «Дипраксы», никогда не было и не будет. Мне неизвестен излечивающий туберкулез чудо-препарат, недавно опробованный в Африке или каком-то другом месте, так что при удаче я не проведу остаток жизни в судах или за решеткой, хотя в наши дни случиться может всякое. Но я могу сказать следующее: в результате моих странствий по фармакологическим джунглям я пришел к выводу, что в сравнении с реальной жизнью рассказанная мною история беззловна, как рождественская сказка.

Переходя от грустного к радостному, позвольте мне тепло поблагодарить тех, кто помогал мне и согласился на упоминание их фамилий, а также тех, кто помогал ничуть не меньше, но имеет веские причины не «светиться».

Тед Юни, много лет изучающий Африку, первым обратил мое внимание на фармакологию, а потом избавил мой текст от нескольких ляпсусов.

Доктор Дэвид Миллер, врач, работавший как в африканских, так и других странах «третьего мира», первым упомянул туберкулез и раскрыл мне глаза на дорогостоящую и изощренную кампанию соблазнения врачей, которую ведут фармакологические корпорации.

Доктор Питер Годфри-Фоссетт, старший преподаватель лондонской Школы гигиены и тропической медицины, помог мне дельными советами, как на начальном этапе, так и при подготовке рукописи.

Артур, человек разносторонний и сын моего американского издателя Джека Джордакэна, рассказал мне вселяющие ужас истории о том, что ему довелось повидать, работая представителем фармакорпораций в Москве и Восточной Европе. Не пропали втуне и комментарии Джека.

Даниэль Берман, работающий в Женеве в центральном аппарате негосударственной организации «Врачи без границ», обеспечил меня материалами, которые мне пришлось бы собирать полжизни.

«BUKO Pharma-Campagne» в Билефельде, Германия, — не путать с «Гиппо» в моем романе, — независимая организация, в которой работают здравомыслящие квалифицированные специалисты, ставят целью выявление противоправных действий фармакологической промышленности, особенно на территории стран «третьего мира». Если вы считаете, что они делают полезное дело, пожалуйста, перечислите на их счет какие-то деньги, чтобы они могли продолжить свою деятельность. Поскольку фарма-гиганты продолжают соблазнять и подкупать врачей, выживание «BUKO» приобретает все большее значение. В «BUKO» мне не только помогли. Они настоятельно просили меня подчеркивать достоинства ответственных фармакологических корпораций. Я старался, в меру сил, но мой роман не об этом.

Доктор Пол Хейкок, ветеран транснациональной фармакологической промышленности, и Тони Аллен, много лет проработавший и в Африке, и консультантом фар-макомпаний, весьма помогли мне своими советами, знаниями и юмором, хотя сфере человеческой деятельности, которой они отдали большую часть своей жизни, от меня сильно досталось. То же самое я могу сказать и о гостеприимном Питере, который предпочел остаться в тени.

Я получил неоценимую помощь от нескольких первоклассных специалистов, работавших в ООН. Никто из них не знал, с чем связаны мои вопросы. Тем не менее полагаю, что упоминать их фамилии как минимум бестактно.

Как это ни прискорбно, но я решил не упоминать и людей, которые помогали мне в Кении. Когда я писал книгу, пришло известие о смерти Джона Кайзера, американского священника из Миннесоты, который проработал в Кении тридцать шесть лет. Его тело нашли около озера Найваша, в пятидесяти милях к северо-западу от Найроби. С пулевой раной головы. Неподалеку обнаружили и ружье. Мистер Кайзер много лет критиковал политику

кенийского правительства в вопросах соблюдения прав человека, вернее, за отсутствие этих прав. Подобные инциденты могут случиться и в будущем.

В описании злключения Лары в главе восемнадцатой я опирался на несколько случаев, имевших место быть, в особенности в Северной Америке, когда высококвалифицированные врачи-исследователи позволяли себе выразить несогласие со спонсорами — фармакологическими компаниями и в результате подвергались преследованиям. Вопрос не в том, корректными были их выводы или нет. Речь идет о конфликте совести индивидуума с жадностью корпорации. Об элементарном праве врача на независимое медицинское суждение, об их долге сообщить пациентам, какому они подвергаются риску, проходя прописанный им курс лечения.

И, наконец, если вы вдруг попадете на остров Эльба, пожалуйста, не сочтите за труд посетить прекрасное старое поместье, во владельцы которого я определил Тессу и ее итальянских предков. Называется оно «Ла Кьюза ди Магадзини» и принадлежит семье Форизи. Из винограда, который собирают на виноградниках Форизи, делают красное, розовое и белое вино и ликеры. Из оливок, которые дает их оливковый сад, — масло. На территории поместья есть несколько коттеджей, сдающихся в аренду. Есть там и масляная комната, где можно уединиться в поисках ответов на загадки, которые каждый день задает нам жизнь...